

ГИА ПОЦХВЕРΙΑ

ХОЧУ ВЗГЛЯНУТЬ НА МИР СВЕРХУ

Перевод Ирины Зурабашвили

Издательство „Универсал“
Тбилиси 2007

*Переводчик выражает благодарность
Темуру Каландадзе за оказанную
помощь в подготовке книги*

Издательство **“УНИВЕРСАЛ”**, 2007

Тбилиси, 0179, пр. И.Чавчавадзе №19,

☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30

E-mail: universal@internet.ge

ISBN 978-9941-12-008-4

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Я никогда не разделяла бытующего мнения о том, что перевод – дело неблагодарное. Теперь же, еще раз вернувшись к переводам своего так рано ушедшего друга, окончательно убедилась, что это одно из самых благородных дел на земле.

Гия уехал в Англию в начале девяностых и, к сожалению, на долгие четырнадцать лет связь между нами оборвалась. Возвратился Гия своим творчеством лишь после того, как его не стало...

Произведения представленные в этой книге, в основном, написаны в далекие восьмидесятые. И сейчас меня поражает то, что он тогда, в относительно «стабильные и беззаботные» для подавляющего большинства советского населения годы, в свои 20-26 лет, так глубоко размышлял и задумывался над проблемами, которые столь болезненно отпечатались в нашей сегодняшней действительности – наркомания, насилие, беспредел... Во время работы над переводом, я с удивлением нередко ловила себя на мысли, что не совсем знала своего веселого, открытого, удивительно чуткого и бесконечно доброго рыцаря... Который оттуда, с небес, предстал еще более светлым в своей земной незащищенности и ранимости. Оказывается, их было двое: Гия – веселый, беззаботный, полный оптимизма и решимости. И Гия – замкнутый, весь в себе, постоянно размышляющий о Жизни и Смерти, о Боге и Божественной Истине. Этого второго Гию он ревниво скрывал от посторонних глаз, ограждаясь от всего остального мира, пусть даже и близкого и любимого им окружения.

На первый взгляд, шокировать могут и постоянные размышления о собственной смерти, которые проходят почти во всех его стихотворениях, которые не удалось включить в эту книгу, в связи с некоторыми проблемами с переводом: «Я умру, Умру, Быть может, не понять вам Это, И все же для меня, Вы прекрасней солнечного света...» Мистика, но он предсказывал свою молодую смерть и даже знал (судя по стихам), что это случится в весенние, хмурые, дождливые дни, которые улыбнутся солнцем только после его похорон. Кто знает, возможно, не надо было ему об этом писать, чтобы не навлекать горя невоспол-

нимой утраты на своих родных и близких людей... «Я плачу глухо, как будто из-под земли Кто-то зовет неспасенное дитя, И карие глаза убитой жизни Еще смотрят и смотрят из-под глины...»

Не знаю, какая погода была в Лондоне, когда у него в марте 2006 года, в возрасте 41 года, ночью внезапно разорвалось сердце, но панихиды в Тбилиси сопровождались дождем... Навероятно, но он уже тогда, когда еще ни разу не выезжал за границу, предчувствовал, что смерть настигнет его на чужбине, вдали от родной и так трепетно любимой им Грузии и умолял в стихах похоронить его только в боготворимом им Тбилиси. А живя в Лондоне, он, кажется, и не сомневался, где отойдет его душа: «Что-то бормочет серая Темза, Под тусклым дождливым небом, Лондон станет мне мачехой И последним смертельным блеском...»

Внешне такой спокойный и выдержанный, он много метался и не мог найти земного покоя ни в любви, ни в творчестве: «Хоть бы исчезнуть куда-то, От земного болота уйти... Мое тело давно уж разбилось, Вот бы Душу успеть спасти...» Он многого не успел, а может – не захотел. Человек, который так любил детей, не оставил после себя потомства... Режиссер, который буквально бредил кино, так и не снял своего столь долго вынашиваемого фильма, хотя на его пути не было объяснимых преград, которые могли бы этому помешать.

Писатель, поэт, кинорежиссер по профессии он наблюдал жизнь, так и не сняв ее - такую сложную, противоречивую, непредсказуемую и от этого еще больше неповторимую и прекрасную – на пленку...

Ирина Зурабашвили

ОТЕЦ О СЫНЕ...

Трагедия, которая потрясла нашу семью и полностью перевернула весь наш прежний семейный уклад, словно дала пищу для новых размышлений и сомнений, заставила меня еще раз пересмотреть свои взаимоотношения с сыном. Нет, я не принадлежу к числу тех несчастных отцов, у которых по той или иной причине полностью оборвана связь с родным чадом, хотя, как мне сейчас думается, наши отношения могли быть более доверительными, и, кто знает, может, эту внезапную, преждевременную смерть удалось бы предотвратить...

Все кто знал Гию, думаю, не сомневается в его образованности и интеллекте. И я без излишней скромности могу сказать, что в этом есть и моя маленькая заслуга. Так, Гие любовь к чтению привил я. Лет до десяти он не особенно увлекался этим занятием и лекции о пользе чтения, не производили на него особого воздействия. Тогда я прибег к другому методу, прочитав или перечитав ту или иную книгу, я увлеченно пересказывал ее жене и матери, не обращая на него внимания, заметив, что на книжных полках начали «незаметно» исчезать книги, содержание которых он уже мог знать по моим рассказам. Когда он немного повзрослел и мне не составляло труда, в силу моей профессии, приносить домой произведения запрещенных в Советском Союзе авторов, то, по «порядку» на моем письменном столе, я стал замечать, что ими интересуются. Однако, при выборе профессии, я, к сожалению, оказался слеп к выбору сына и посоветовал, ему согласно семейным традициям, освоить профессию инженера. Разумеется, он не перечил, окончил факультет автомобилестроения политехнического института в Тбилиси (ГПИ) и уже позднее режиссерский факультет Тбилисского театрального института...

Параллельно с учебой, он работал на телевидении в студии «Телефильм», в тот период много писал, однако не торопился делиться со мной своими творческими планами. Однажды я случайно обнаружил его стихи и без спроса прочел. Господи, откуда в нем взялось такое необъяснимое стремление к потустороннему и мистическому?! Молодой, полный творческих сил и широких перспектив парень, рассуждал о бренности и суетности

этого мира и воспевал Жизнь после Смерти. Потрясенный прочитанным я имел неосторожность признаться ему в этом и попытался вызвать на откровенный разговор. Результат? Он начал прятать все свои записи и полностью замкнулся в себе.

И только сейчас, когда Гии не стало, мне стало позволительно прочесть все, о чем писал и думал мой сын. Это около 800 стихотворений, 15 новелл, роман, киносценарии и зарисовки... Увы, к несчастью, Гия Поцхверия с детства был склонным к мистицизму и глубоко верил, что его уход из этого мира, не будет разрывом между земным и небесным существованием и что оттуда, с небес, он будет за нас молиться...

... ПРЕДКАХ

Как-то я шутливо перефразировал для Гии строфу из «Евгения Онегина»: «Наш юный друг родился в семье крестьянской изрядно смешанной с дворянской...» На самом деле так оно и было. Мать Гии, Лиана, принадлежит к блестящему роду Яшвили (Иашвили). Только одно, что представителем этого рода был гениальный грузинский поэт Паоло Яшвили, даже не учитывая других заслуг этого рода, достойна особого внимания. Фамилия Иашвили упоминается в Летописи рачинских эристави, и наконец, генерал Яшвили сыграл активную роль в дворцовом перевороте, с убийством параноидального царя Российской империи Павла Первого... Поразительно, но участвующие в заговоре грузины ничего не знали о том, что незадолго до переворота, в первых числах февраля Император Всея Руси Павел Первый подписал декрет об упразднении Карталино-Кахетинского царства и включения его в Российскую империю. Павла Первого убили 11 февраля и лишь только летом 1801 года грузины узнали о вероломстве русского царя. Конечно же, я далек от мысли оправдания цареубийцы в грузинских патриотических целях, но факт остается фактом, могильщик независимости грузинского государства пал от руки грузинского генерала...

Происхождением наша фамилия, Поцхверия, из Лечхуми (высокогорный регион в Западной Грузии). В пятидесятых годах 18 столетия наши предки переселились в село Чакари Ах-

метского района (Восточная Грузия, Кахетия). По сведениям «фамильного летописца» Поцхверия, бабушки Бабилины Гиоргобиани, до Октябрьской революции, Поцхверия, свободные церковные крестьяне, по несколько раз в год, на великие христианские праздники совершали паломничество к покровительствующему их фамилии, величественному храму в Раче, Никорцминда, вымаливая благоденствие роду и не скупясь на жертвоприношения. Мой прапрадед Леван в 50-60 годах 19 века приобрел большую лодку и ходил торговать в Трабзон (Турция), доставляя оттуда табак, чай и сахар. Мой прадед Захар был прекрасным, говоря современным термином, менеджером. Он строил на стратегических для торговли путях торговые дома и приобретал недвижимость. Захар дал сносное образование всем своим детям (трое сыновей и дочь). Однако, впоследствии, старший из детей, мой дед Леонтий, который отличался особой тягой к знаниям, сбежал от властного отца в Петербург и в 1907 поступил в университет. Два года он учился на физико-математическом, а затем на историко-филологическом факультете, который закончил в 1914 году. Моего прадеда Захара так разгневало своевольное решение сына, что за годы его учебы он ни разу не оказал ему помощи. Отцовская логика была проста как мир. В одном из писем к сыну в Петербург он писал: «Сын, я дал тебе достаточно образования, а поскольку ты старший, ты обязан быть здесь, быть мне подмогой и развивать семейное дело...»

Господи, да ни Леонтия, ни Гию Поцхверия невозможно было заставить сделать то, чего они не желали и не считали нужным!

Чтобы заработать себе на кусок хлеба и учебу, мой дед круглый год сидел на петербургском рынке и писал за мизерное вознаграждение всяческие прошения неграмотному люду. Моя бабушка Александра Чхенкели, дочь Хонского священника Симона, с отличием окончила Хонскую прогимназию, затем Кутаисскую женскую гимназию Святой Нины, за счет государства. Два года она проработала в Хонской гимназии учительницей, накопила денег и с благословения отца отправилась продолжать учебу в Петербург. Поженились мои дед и бабушка в 1908 году. В семье сохранилась история о том, как восприняло семейство Чхенкели весть о самовольном замужестве дочери за безродного

Почхверия. Так сестра моей бабушки (мать академика Шалвы Амиранашвили), в знак траура, занавесила дом черными шторами. (Кто знает, может, все это проклятием отразилось на всей последующей жизни этой семьи, и первым ударом в цепи несчастий стала смерть их годовалого первенца).

В 1918 году, по призыву столпов грузинской науки Иванэ Джавахишвили и Петрэ Меликишвили, к просвещенным грузинам проживающим за границей, принять участие в создании и развитии грузинского университета, они вернулись на родину, оставив в Петербурге все, что не успела поглотить революция. Бабушка умерла в 1924 году, совсем молодой, в возрасте 39-40 лет от воспаления легких, оставив двух сыновей и дочь. В 1928 умер младший брат моего отца Ираклий, которому едва исполнилось 14 лет. Отец с сестрой Тиной жили то у тетки, то у дяди, Ноэ Чхенкели, отца знаменитого впоследствии архитектора Вано Чхенкели. Отец и Вано Чхенкели вместе учились на строительном-архитектурном факультете Грузинского университета.

Еще немного о Почхверия. Мой прадед Захар в селе Чакари на свои средства построил церковь и мельницу. В неделю два раза и по праздникам крестьяне мололи кукурузу бесплатно. В 1977 году я на день побывал в этом селе и, к моему великому удивлению, молва о благих деяниях моих предков была жива. Не могу не сказать еще об одном блестящем представителе рода Почхверия, дяде моего прапрадеда священнике Александре Почхверия, который упоминается в научных трудах Института Истории Академии Наук (том 4), как заговорщик бунта 1832 года: «Участником бунта был священник Александр Почхверов (Почхверия) из Самтредского уезда. Осужден и сослан без лишения священного сана в г. Тамбов..» К сожалению, о дальнейшей судьбе этого замечательного человека мне ничего не удалось узнать.

Бабушка Гии, моя мать, Ариадна, родилась в состоятельной семье Исаака Джабуа. Моя бабушка Марта, происхождением из блестящего княжеского рода Чиковани, весьма разгневала своих родителей Павла Чиковани и Лизу Ачба своим выбором и в знак траура (не удивляйтесь!), дом Чиковани был занавешен черными шторами. Помирились они с бабушкой и неугодным зятем только спустя 3-4 года, когда дед крепко встал на путь

довольно успешной по тем временам карьеры. Бабушка Марта, со дня моего рождения мой единственный и верный друг и воспитатель, была крестницей великой княгини Майи Дадиани. В года четыре, она научила меня играть в карты и нарды и развлекала целыми днями, лишь бы я не попросился гулять с «голытьбой». Бабушка Марта умерла, когда мне было 11 лет, оставив после себя в моей жизни яркий немеркнущий след своих сказок, которые она могла рассказывать бесконечно...

Отец мой Гиви Поцхверия после окончания в 1933 году университета, был назначен главным архитектором г.Зугдиди, там же он познакомился с мамой и в 1934 году они поженились. В 1938 году семья переехала в Тбилиси. В 1942 году отец добровольцем отправился на фронт и вернулся в 1946 году, продолжив заниматься своим делом. В 1951 году отца не стало и воспитание двух сыновей полностью легло на плечи сорокалетней вдовы, моей матери – Ариадны, рядом с которой покоится Гия.

И СЧАСТЛИВЫХ ДНЯХ...

Англия. Канун 1999 года. Администрация Кентского университета пригласила нас родителей принять участие в торжествах посвященных выпуску 1998-1999 года, которые проходили в великолепном особняке Кентербернского аббатства. Неповторимый праздник... Гия, который уехал в Лондон на 3 месяца для изучения языка, за пять лет прошел восемь высших ступеней английского языка. И теперь стал Мастером (кино и медиа) философии. Гия здесь же дает нам обещание, что через несколько лет защитит докторскую. Ну как не ощущать себя счастливым, когда в далекой Англии, в стенах, где короновали английских королей, среди выпускников курса звучит твоя фамилия, тем более когда под сводами этого аббатства грузинская фамилия произносится впервые. Как позднее рассказал Гия, минут пятнадцать ему пришлось тренировать английского диктора, чтобы он смог как можно правильнее произнести грузинскую фамилию Potskveria. Моей гордости за сына нет предела, я верю, что такие блестящие молодые люди сделают все, чтобы возродить и прославить свою

страну ... Здесь же вспоминается преемственность поколений и возвратившиеся в Грузию в 1918 году Джавахишвили, Петриашвили, Меликишвили, Бериташвили и кстати, его прадедушка с прабабушкой, с тем чтобы строить новую Грузию, возрождать былую славу... Увы, мой сын сделать этого не успел...

Джемал Поцхверия

ГЛАЗА В ГЛАЗА

ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ

Я встретил незнакомца. Он был в черных солнцезащитных очках. Мы довольно долго беседовали. Незнакомец оставил впечатление весьма умного, глубокого, искреннего и порядочного человека, но мне почему-то не давали покоя его черные солнцезащитные очки.

Было безумно интересно, что скрывалось за этими темными стеклами... Он, словно поняв мое любопытство, снял очки и на меня устремился удивительно пронизательный, мудрый и добрый взгляд, похоже, всегда печальных глаз. В этих глазах не могло быть места озлобленности и равнодушию

...Что ж, каждый из нас по-своему защищается от окружающих...

Я бесконечно благодарен тому человеку, который проявил такое доверие, в сущности, к незнакомцу и снял защитные очки...

А ведь и я подобным образом скрываю снедающую меня печаль... Хотя у меня, в отличие от незнакомца, нет сил оставаться таким доброжелательным, душевным и к тому же энергичным.

Во всяком случае пока это так.

И моя жизнь, как видно, становится все более невыносимей и беспорядочней...

НЕДОПИСАННЫЙ ДНЕВНИК

1982.26 декабря.

Сколько всего нужно сделать. Грузия, режиссура, семья, близкие. Хочу, чтобы все возрождалось и процветало. Хочу восстановить древние крепости и храмы. Возродить старый Тбилиси. Да не так, чтобы к очередному «Тбилисоба» сдать фасад одного какого-либо старинного здания на радость какому-нибудь высокопоставленному чиновнику и его гостям... Нет, я хочу, чтобы возрожденные улочки старого города доставляли радость всем – и простым горожанам и гостям города. Хочу сделать много новых проектов и по ним восстанавливать былые здания

старого Тбилиси, хочу красить и придавать городу веселый беззаботный облик. И всю эту красоту хочу украсить буйной зеленью. Обидно, что мы не замечаем под ногами данного нам свыше дара – нашей земли. И наверное, поэтому не Тбилиси со своей плодородной землей, а Киев и Алма-Ата считаются самыми зелеными городами. Да и другие грузинские города и села не выглядят так, как должно. Я бы приостановил работы на всех рудниках и шахтах Грузии, запретил бы раскалывать горы и обирать леса. Всех горцев расселил бы в горах и не так, для показухи, как это делается сейчас, а выстроил бы им, как в древности, крепости, со всеми современными удобствами внутри.

Я бы остановил все заводы загрязняющие окружающую среду до тех пор, пока бы не поставил очистительные сооружения. А из отходов устроил бы химическое производство. Обязал бы население сдавать государству бутылки, пакеты, бумагу, пластмассу, крышки, словом, весь бытовой мусор и изготавливал бы из этого вторичного сырья новые предметы бытового пользования.

Я бы обустроил грузинские курорты, построил бы новые гостиницы в самых неожиданных местах и сделал бы Грузию центром мирового туризма.

Я бы вернул Грузии Сочи и все некогда принадлежащие Грузии земли от Азербайджана до Турции... Но, это только в моих мечтах...

Хочу, чтобы моя страна стала одной из самых спортивных, Я бы построил множество спортивных баз и комплексов. Хочу, чтобы моя страна стала центром искусства и верю, что это было бы выполнимо, если...

Я бы не позволил возделывать «Хванчкару» в Имеретии и где бы то ни было еще, а только в Раче, где растут эти сорта винограда и где издревле возделывалось это вино, но...

Хочу стать режиссером и делать кино, но...

Хочу осчастливить всех моих родных и близких, вообще, весь грузинский народ.

Хочу освободиться от всех непрошенных гостей Грузии, которые немного здесь прожив, утверждают, что это их земля, но...

Но... Но!!!

Хочу, чтобы народ не потерял веру в то, во что верили наши предки, но...но...

Но... И еще одно слово.

Сегодня приходили мои дяди Тамаз, Энгуз и Авто. Авто привез мою бабушку. Расшумелись до одури. Тамаз так вколол мне в вену, что чуть на тот свет не отправил, а в зад с такой силой хлопнул, что укола даже не почувствовал. Обкурили всю квартиру. Затем Джемал, пошел проводить тещу, а мы с мамой смотрели телевизор. Уча обещал прийти и опять не пришел. Я очень на него обижен и очень за него беспокоюсь. Изменился он что-то. Кажется, он не понимает своей беды. Наверное, и сейчас ему подвернулась какая-нибудь развлекаловка... Не хочу думать, что у него могут быть проблемы. А может, друзья куда-то его утащили со словами: «Поцхвера и завтра увидишь!». Раньше он был совсем другим. Я обязательно дам ему это понять. Хотя, с другой стороны, мне-то что от этого, ведь наша дружба от этого не оборвется. А твоя кабала может продолжиться до бесконечности. Лично я, по крупному счету, ничего не теряю.

P.S.

Никто меня не понимает. И никогда не поймет. И никто не должен меня понять. И ничего тут не поделаешь, если я такой. Говорят, что человека понимают только после его смерти. Так вот меня не поймут даже после моей смерти. Я никогда не смогу достичь в жизни того, чего больше всего желаю. Я не смогу исполнить своего долга на этой земле. Господи, за что?..

27 декабря.

Проснулся. Вернее, папа меня разбудил. Взял с собой все линейки. Пришел Уча, но папу не застал и с Учей пришлось пойти маме, чтобы устроить ему условный зачет.

Папа Гапринде устроил зачет. Нино Зерагия приходила. Мы с ней наболтались до упада. Дато заглянул, завтра свалю с военного дела.

С Учей поговорили. Он и правда был очень занят, но не позвонил мне и не предупредил. И похоже, звонить не собирался, если бы я сам сегодня ему не позвонил....

28 декабря.

Папа и Дато устроили мне зачет по военному делу. А я в

этом и не сомневался. Приходил электрик. Оставил какую-то квитанцию.

Приходила Тамрико. Уча объявился и здорово меня обрадовал. Завтра тоже обещал прийти, если успеет справиться с одним делом. Сказал, что и Мзия хотела прийти, но ей стало дурно. Она уже в положении. Месяц первый! До рождения моего крестника или крестницы осталось восемь месяцев!!! Была и Рамна. Я здорово оттянулся, довел ее чуть ли не до белого каления, а потом пожалел. Спекла мне мчади и обожгла маленькие пальчики. Остался один и заснул.

Проснулся в 11 часов. Смотрел баскетбол.

29 декабря.

Сегодня меня разбудил Уча. Я чуть не улетел от радости. Не думаю, что сегодня у меня могла бы быть большая радость. Мы вместе покушали, сыграли в шахматы и две партии выиграл я. Потом играли на выдержку. Тетя Лариса занесла рыбу. Уча обрадовался рыбе как ребенок, мы наполнили ванну и оживили уже умирающую рыбу. Это надо было видеть, как она цеплялась за оставшиеся в ней крупички жизни и как судорожно заглатывала воду. После того, как ванна немного набралась, мы обнаружили, что она была в крахмале, пришлось опять вытаскивать несчастную рыбку и чистить ванну. В чистой воде она вроде бы оживилась бодро всплеснула хвостом, но несчастной, видно, не хватило водного простора и она прожила совсем недолго...

Пришли Мэлэла и Гапринда и после больших прений решились сыграть в покер. К тому времени подросла и Мзия, проголодалась и пожарила сосиски. Как красиво она это сделала и как вкусно нас покормила. В покер я всех обыграл чуть ли не всухую.

В три часа Гапринда с Мэлэлой ушли в кино. Уча с Мзией, тоже не задержались. Пришел папа и дядя Джемал привез медсестру. Сделали мне укол. Пришли тетя Бэла и тетя Изо. Стали менять воду рыбе, когда ванна опустела, бедняжка так начала трепыхаться, что я опять ощутил всю силу жизни и жажду к ней. Пересадили рыбу в большую кастрюлю.

Грузия, как я хочу, чтобы ты стала такой как в моих мечтах... Вот только где взять мне столько сил? Пришла мама и тетя

Бэла с тетей Изо ушли. Пришел Юра Николаишвили, мы разговорились о грузинах с русскими фамилиями. На примере его дяди, партизана Симона Николаишвили, которого освободил из плена грузин Михайлов. Пришел Джемал, принес яйца и папин дипломат. Папа вместе с Хозиком пошли куда-то пить.

Я один. (22.00.)

30 декабря.

...

Рыба опять в кастрюле. Бэла ушла. Рыба все там же. Господи, как она хочет жить! Но она скоро умрет.

31 декабря.

Скоро Новый год. Но ощущаю ли я радость приближающегося Нового года? Утром пришел Джемал и они с папой пошли на базар. Потом Джемал привез медсестру. Я не хочу никого нервировать и поэтому не говорю, что с утра ничего не ел.

1 января 1983 года.

Проснулся, позавтракал. Пришла та молоденькая медсестра, сделала мне укол. Вместе послушали музыку. Пришли Уча, Мзия, Важа. Сели, пожрали, они выпили. Пришел Бэпэ. Уча и Мзия ушли. Позвонил Гоги. Новый год продолжится у Важи! Но я не смогу туда пойти. Важа и Бэпэ ушли. Пришла мама, приласкала меня. Потом я прогнал всех к Гураму (он пришел, когда были парни). Смотрю телевизор.

2 января

Рассвело. Сегодня день Судьбы. Все стараемся сделать друг другу приятное. Смотрю телевизор. Пришла медсестра, сделала мне укол. Пришла Тамуна, потом Бэпэ. Гоги, Дато, Мзия и Бэпэ решили кутнуть, за тамаду у них Бэпэ. Потом пришел Вахтанг Бочоришвили и похоже, уходить не собирался. А мама с папой собирались в гости к Уче. Вахтанг послушал меня и сказал, что у меня воспаление легких и не исключено, что и туберкулез. Мама с папой пошли в гости к Уче.

3 января.

Сегодня был у врача. Оказалось, что мои легкие, по срав-

нению с сердцем, находятся в прекрасном состоянии. Врач сказал, что у меня сердце сорокалетнего мужчины. Оно у меня увеличено в размерах. Врач предупредил, чтобы я не курил. Потом я вернулся домой и мама с папой ушли. Я заснул. Папа пришел.

4 января.

Проснулся в 9 утра. Дядя Анзор уже был у нас. Услышал потрясающий диалог. Папа спрашивал его о Вахтанге. «Почему ты не сказал Вахтангу, где Лия?» А Анзора несло совсем в другую степь. «Зять сказал, что и я не пойду на эту свадьбу. И так всегда!»

Пошли в институт педиатрии. Меня досконально обследовали. Оборудование в этом институте крутое. Одни только инструменты, которыми меня обследовали, стоили не меньше шести-десяти тысяч долларов каждый. Обнаружили у меня кучу разных болячек. Хоть отсюда прямиком на кладбище отправляйся! Так и быть, месяц буду придерживаться предписания врачей, а потом вернусь к прежнему образу жизни. Нет, правда, чем так жить, лучше умереть. Ух, как мне хочется сейчас напиться и от души покурить! В общем, чтобы мне сейчас здесь не накаркали, я буду жить так, как сочту нужным и как должен жить любой нормальный человек, даже если это будет стоить мне жизни. Одно я знаю наверняка, последний вздох перед смертью я непременно должен сделать в Тбилиси. В моем Тбилиси, в моей несчастной Грузии. Ведь и я такой же несчастный, как она. За себя я ни капельки не боюсь, но если Грузию в ее болезни и страданиях будет ждать смерть, я этого не смогу пережить. Я только сегодня осознал, что ни на что не способен. Что моя жизнь просто суета и больше ничто. Господи, дай мне силы преодолеть все препятствия, которые встанут на моем пути и укажи мне верный путь. Господи, не дай мне покинуть этот мир и мою Грузию так, чтобы не увидеть ее такой, какой мечтаю ее видеть... Господи, сначала забери меня и не дай мне дожить до смерти родных мне людей. Господи...

5 января.

Проснулся. Чертил целый день. Дико устал. Под конец стал отключаться в прямом смысле этого слова. Когда заканчивал чертить пришли Майя и Леван. Я очень обрадовался. Наболтались мы до упада.

Вечером мама с папой ушли к Джуле. Позвонил Уча. Потом позвонила Тамуна. Она была поддтая и сначала погнала явно не в ту степь так, что мне пришлось бросить трубку. Но она опять перезвонила и на этот раз уже контролировала себя. Принял снотворное, но что толку, все равно не смогу уснуть. Ночью папу привез Серго Топурия и скоро уехал. Я долго ворочался и с трудом уснул. Очень болело сердце.

6 января.

Проснулся в полдень, в 12 часов. Гапринда и Мэлэла были уже у меня. Мы перекусили и они вскоре ушли. Пришла Марина и сделала мне укол. Под вечер пришли Уча с Мзией. Как снег на голову свалились Гоги с Натией. Я достал из холодильника последнее. Гоги пить не стал. Скоро ушли и они. Погас свет. Уча с Мзией ушли. Дали свет. Смотрю телевизор. 18.40.

7 января.

Посмотрел фильм – Любовный роман (режиссер Игорь Петров, сценариста не помню). По-моему, фильм можно вписать в сокровищницу мирового кино. Люди не задумываются над тем, что есть любовь. Мы все время играем, играем, играем... Я совсем иначе представляю себе эту историю. Она должна умереть. Она умерла. Жизнь без любви утрачивает всякий смысл. Режиссер пытается ее оживить, но... Вся эта жизнь предстала бесконечной фальшью и блефом. (Это фальшиво и это видно).

И вообще, гадко, когда любовь заканчивают ложью... А ведь в жизни все намного страшнее... Люди не должны жить только ради того, чтобы просто жить... Это ведь мерзко и гадко!

Утром сдал черчение. Вроде бы больше ничего достопримечательного не происходило.

И почему люди не могут постичь истинный дух?.. Я неправильно выразился, но самое интересное, что не могу подобрать нужных слов, чтобы выразить то, о чем думаю...

Ночью к родителям пришли гости. Меня больше всех обрадовал приход Шоты Ломидзе. Правда он меня потом немного опозорил, ну да ладно.

8 января.

Утром меня разбудил папа. Голова буквально раскалыва-

лась от боли. До вечера ничего особого не происходило. Пришли тетя Зейнаб и Лали, Анзори и увели папу. Вечером придет бухой. Видно я здорово переутомился за эти дни, голова так сильно заболела, что пришлось откачивать меня уколом. Заснул в час ночи. «...» Рыба теперь в Юриной ванне.

9 января.

Проснулся.

Пришли Мамука и Леван. Мамука принес зажигалку.

Пришли Темур и Юра. Мама успокоилась. Темур ушел.

Пришел дядя Тамаз.

Пили, пили столько, что к ним присоединилась и мама. Тамаз вдруг неожиданно ушел.

Потом компания перешла к Юре.

А Важа так и не позвонил...

10 января.

Сегодня приходил Важа. Мы поговорили о многом. Я очень рад. Был и Гоги.

11 января.

Пришли Важа, Уча и в конце Уна. Пришли мама с папой. Опять ссора. Как мне все опротивело... Папа и Како Цивадзе в конце концов успокоились. Пришел Энгуз, но очень скоро ушел. Ночью папа унес «трезвого» Како Цивадзе.

12 января.

Сегодня пришел Гоги и очень меня обрадовал. Потом он ушел в кино. Я сел заниматься физикой. Чуть не умер.

13. Был у Гонгадзе. Но не застал. Завтра опять придется туда тащиться. Пришли братья Пицхелаури и очень мне поправили. Мама с папой ушли. У Дато умер тесть и они пошли туда. Пицхелаури тоже ушли. Посмотрел фильм «О тебе». И этот фильм шедевр. Прошелся прямо по сердцу... Но этот фильм многие не поймут...

14. Старый Новый год встретили в моей комнате. Встретили, как-то не по-людски... Аж не по себе стало... Просто в 12 часов обменялись конфетками, вот тебе и вся встреча... Ну что поделаешь...

Сегодня сдал физику. Гонгадзе меня достал. Сильно достал. Оттуда пошел к Уче, но он пока не приходил. В конце концов мы с ним состыковались и я потащился за ним к философу, которому он не смог сдать предмет. Потом пришел Важа, принес книги. Потом пришли братья Пицхелаури с рецептом хинкали.

15. Утром заскочили Цкито и Гоги. После их ухода я перекусил и двинул к Цкито. У него были Мишка и Зура Циклаури. Побазарили обо всех и обо всем. Ушел я, когда предки Цкито пришли домой. В такси я хотел заплатить, но Циклаури, чуть вены себе не перерезал. Посмотрел фильм «Свадьба поимеретински». Здорово сделали, искусно переплели конец и юмор. Мне очень понравился.

16. Сегодня был у Гоги, но не застал дома. Зато его мама не отстала от меня до тех пор пока я не признался, что пришел за ножом. Сначала у нее чуть крышу не снесло, а потом все же дала мне нож. Посмотрел две последние серии «Двенадцати стульев». Хороший, но... В общем, не улет... Так себе...

17 января.

Сегодня ходили к бабушке. Она очень мне обрадовалась и много плакала, думает, что ей недолго осталось жить.

Успокаивали, как могли. Мама вскоре ушла и дала мне деньги, чтобы я передал их бабушке. Мы с бабушкой долго болтали о деревне, о назойливых приезжих, о «гнилой» Нине и многом другом. Потом пришли Энгуз, Тамрико и Ватули. Ватули мне очень обрадовался. Они были голодные. До их прихода бабушка меня накормила. Теперь я вызвался их кормить и стал накрывать на стол. Какая бабуля смешная! Я решил сделать омлет. Достал из холодильника 3 яйца и когда принялся их разбивать, обнаружил 4 яйца. Это бабуля скромно подсунула мне четвертое яйцо... Поиграл с Ватули в шашки и теннис, а потом он отправился заниматься. Дядя Энгуз пошел меня провожать, бабуля перед уходом стала возвращать мне деньги, но перепутала и вместо денег всучила мне фантик и я, чтобы она не заметила собственную оплошность, быстренько засунул фантик в карман. По дороге мы заглянули к Рамазу и меня на машине доставили домой.

18 января

Весь день шли сборы. День был как день и ничем не отличался от остальных предотъездных дней. Вечером пришли Анзор, Юра, Энгуз и Тамрико. Ненадолго погас свет. Дико разболелся несколько дней глухо нывший зуб и я пошел к стоматологу. Сделали мне обезболивающий укол, но я не ощутил результата, тогда вкололи другой укол, опять безрезультатный и в конце концов решили заморозить мне десну. Стоматолог, конечно же, был «на уровне». Еще немного и я сам бы вырвал себе все зубы. Сначала он изо всех сил вытягивал мой несчастный зуб да так, что вконец его раскрошил и потом тянул его по осколкам.

За время моего пребывания у стоматолога, пришло человек пять пациентов. Вообще-то публика собралась денежная, один был кажется, булочник, другой клиент тоже не смотрелся бедняком, одна подвыпи вшая компания пришла вообще с застолья, «поболеть» за друга. Но денег «за труды» никто не оставил. Как раз перед тем, как наступила моя очередь, привели белую как мел, от боли и страха, симпатичную девушку. Так вот, я потому героически молча выдержал всю эту неопишемую пытку, чтобы не напугать и без того испуганную девушку...

19. С утра опять готовимся к отъезду. Вроде бы все сделано и упаковано. Провожать нас пришли Уча, Мзия и Важа.

В поезде сразу же плотно покушали. Потом сели играть в карты на деньги. Мама обыгрывала нас обоих. Но потом Джемал в один заход отыгрался укрупнением ставки. Мама пригрозила ему сыграть с ним еще раз. Я выиграл у папы в покер 3 рубля 80 копеек.

Потом сыграли еще раз. Но Джемалу больше не везло и он серьезно переживал.

Спать легли в 12 часов.

20 января.

Папа заснул сразу. А я всю ночь вертелся как на вертеле. Казалось, болели все зубы подряд. Вместе со мной не спала и мама. Кое-как забылся на некоторое время. Уже полдень, 12 часов. А папа все дрыхнет. Всю ночь в купе жара стояла невыносимая. Потом произошел небольшой шухер. В конце концов все

успокоились, поели и легли спать. Проснулись, начали паковать вещи и опять сели играть в карты. У меня опять заболел зуб и я лег спать.

21 января.

Проснулся в 9 часов. Упаковал свои вещи. Родители тоже начали паковаться и приготовились к выходу. На перроне сдали вещи носильщикам, наняли огромную машину и приехали домой. Мы с папой отправились покупать телевизор и довольно быстро отоварились. Потом папа ушел на работу.

22 января.

С самого утра ждали Каху. Пришел папин друг (который был у нас и вчера) и привел с собой дочь, дико упрямую и капризную малышку. Папа с Кахой наконец пришли. А Каха изменился... Здешний уклад жизни на нем отразился и он стал на них похожим... В нем мало чего осталось грузинского... Когда я его поцеловал, то не смог сдержать слез.

23 января.

Сегодня вместе с Кахой были в гостях у Славы. Мне для Кахи и жизни не жалко. Потом все вместе пришли к нам. Больше... не хочу ни о чем писать.

24 января.

Всю ночь голова буквально раскалывалась от боли на части. Уверен, что со здоровьем у меня более чем серьезные проблемы, но...

Проснулся в 6.30. утра...

На моих часах было уже 7.30. когда я больше не выдержал и разбудил родителей. Дали мне лекарство и я наконец заснул. Да так, что даже не попрощался с Кахой... Потом мы были в кардиологическом центре. Кардиолог обнадежил, что с сердцем у меня точно нет никаких проблем.

Сегодня навестил Звиада. Мы с ним спустились поиграть на автоматах и мощно выиграли. Но человеку на все нужны мозги, мы так развеяли наши деньги, что даже не успели в себя прийти. Рядом с нашим автоматом встала играть потрясающая девица, так, что у Звиада снесло крышу и он вообще перестал

соображать. Когда мы все опять проиграли, девица слиняла. В общем, начали мы ее искать и в конце концов нашли. Мы с Леваном тоже зашили по девице. Но Звиад сначала сидел, как истукан. Я помахал ему рукой перед носом: «Звиадино! Приехали!» Очнулся, слава Богу... Ну и натанцевался же я сегодня...

25 января.

Сегодня были у врача. Мне назначили еще один визит...

Был у Звиада. Все идет хорошо. Головная боль меня уже достала.

10 февраля.

Сколько времени ничего не записывал...

Мы с Леваном и Звиадом провели отличное время. Шлялись по барам, ресторанам. Встретили Хавтаси с невестой.

Вроде бы ничего из ряда вон выходящего не произошло, если не считать, что Звиад все же встретился со своим двоюродным братом и объявил войну своей и правда отвратительной невестке. Звиад молодец, что не взял денег у своего двоюродного брата. Я оборжался, когда тот начал пихать Звиаду сто рублей, говоря, что жена больше не дала. Сходите, сказал, с парнями в ресторан. Вот жмот! А ведь семейка его жены настоящий денежный мешок!

Звиад купил билеты. Я думал, что он уехал. Взял билеты в театр, хотел пригласить невесту Хавтаси. Почему-то думал, что она живет в гостинице «Москва» пришел туда и вдруг вспомнил, что Лика живет в гостинице «Ленинград». Позвонил, пошел встречать и вдруг увидел, что к ней в номер вошел Звиад. Я глазам своим не поверил. Пошли вместе в бар «Полонез», потом поехали в Измайлово. На следующий день я заболел. На третий день повез Лику в Измайлово. Встретил Каху Саникидзе тусующегося с Мамукой Асанишвили. Там же оказались Леван и Каха Бицадзе. Но то, что мне потом рассказал «Циклоп» меня просто шокировало. Оказывается, Бицадзе зашел в туалет побольшему и там не оказалось туалетной бумаги, зато подвернулось белое полотенце, которым он подтерся и повесил на место. А горничная это заметила... Фу! Свинья!

Прощался с Кахой и чуть не расплакался. Он заболел. Я

его накормил, приласкал, заболтал. Но у меня чуть не разорвалось сердце. Каха... Он уходил такой расстроенный, что даже не захотел оглянуться. А ведь Каха это вся моя жизнь... Извини, братик, что я не уделяю тебе должного внимания. Но знай, что я никогда не женюсь. Или не женюсь до тех пор, пока не встречу ту, которая полюбит тебя как своего брата. Которая, если чего-то лишится из-за тебя не станет предъявлять мне не то чтобы претензий, но даже не даст мне почувствовать своего недовольства. Ох, эта проклятая жизнь!

Летели вместе с Кахой Саникидзе, всю дорогу проболтали и проржали. Меня встретил Анзор. На следующий день был у Учи. Мзия лежала. Я тоже что-то простудился. Встал только сегодня. Скучать, конечно же, мне не дали. Были братья Пицхелаури, Чэкэ, Циклоп, Гапринда, Мэлэла, Важа, Бэпэ, Гоги, Цки-то, Нана.

Сегодня позавтракал и пошел к стоматологу. Снял рентгеновский снимок зуба. Стоматолог назначил визит на семь вечера. Пошел к Анзору и заказал книги. Проверил лотерею. Выиграл целый рубль!!! Потом отправился к Важе, а оттуда к стоматологу. Следующий визит к стоматологу во вторник в 3 часа.

Пришел и сразу залез в ванну.

11 февраля.

Ночью не спал. В три часа ночи неожиданно прилетела мама. Под утро еле заснул, но надо было вставать и идти в институт. Присутствовал на всех лекциях, но ни одной не записал.

Потом пошел к Гураму, взял справку. Потом встретил Левана Пицхелаури, Каху и Гурама. Забежал к Уче. Поговорили о Важе... Эх... Позвонила мама, явно обиженная... Пришлось идти домой, чтобы ее обрадовать...

Посмотрел «Покровские ворота». Так от души я давно не хохотал. Потрясающий фильм. И не только комедийный.

12 февраля.

Утром пошел на лекции. Первая пара лекций пропала. В третьем корпусе, навестил наших. После лекций повидал Лашу и «Киха». Немного поговорили и пошли к Лаше домой, сыграли пару партий в шахматы 1 – 1. Оттуда заваялся к Цки-то. Наши

были поддатые и куда-то намыливались. Я приложил все усилия, чтобы они туда не ходили. Мне нездоровилось и я не хотел, чтобы они без меня ненароком не вляпались в какую-нибудь историю. Бэпэ как дурное дитя. Посмотришь, человек-гора, а в голове ветер свистит. Если заведется, то о возможных последствиях начисто забывает... Но зато хороший... Потом немного протрезвели и пошли в кино. Но у меня опять дико разболелась голова и я ушел посреди сеанса. По телеку посмотрел фильм про Важа-Пшавела. К этому времени и мама пришла.

8 апреля.

Сколько времени ничего не записывал. Наверное, это все из-за монотонности жизни. Я все время без настроения и не нахожу себе места. Мне все лень, но я боюсь самому себе в этом признаться. Мне все вокруг опротивело... Все меня раздражает. И я не могу отделаться от предчувствия, что скоро умру. А ведь я еще ничего не успел сделать. И способен ли я вообще на что-нибудь! Хоть бы я вообще не родился на этот свет.

Господи, почему Ты так неумолимо обошелся со мной? Что я такого содеял? Что?.. Почему я такой никчемный? Скажи, Господи, за что мне все это?! Почему я должен заниматься тем, что мне противно? Почему я должен жить так, как не могу и не желаю. Я не сплю ночи напролет, а если засыпаю, то вижу такие кошмары, что просыпаюсь каждые пятнадцать минут. Я больше не могу этого выдерживать... Нет больше никаких сил, нет... О самоубийстве не может быть и речи... Я боюсь не боли, а Твоего гнева. При том я очень хочу жить! Но иногда мои мечты разбиваются прямо у меня на глазах. Мои планы, моя Грузия... Нет, я задыхаюсь и больше так не могу.

У меня невыносимо болит голова. Мне плохо. Я умираю... Никто не верит, что я умираю. Никто меня не понимает, никто. Даже те, кто хоть сколько-нибудь меня понимает, устали от меня. И я стал всех избегать и уединяться. Я одинок, я совершенно одинок и ничего не могу с этим поделать. Стараюсь не обидеть семью, но у меня это не получается. Когда иду на лекции, со мной непременно что-то должно произойти – или ногу по дороге вывихну, или голова невыносимо разболится, или автобус поломается, или... Я всегда куда-то тороплюсь и все время опаз-

дываю. Все время забываю сделать то, что непременно нужно сделать. Я задыхаюсь, мне уже совсем не хватает воздуха и у меня невыносимо болит голова. Я умираю... Господи, за что? Хочется плакать и плакать, но это вконец меня угробит. Я скоро, очень скоро умру.

12 апреля.

Мне опять очень плохо. Не знаю, что делать. Все время темнеет в глазах и тошнит. Ничего страшного, если умру. Только как быть с моей мечтой, увидеть счастливую Грузию? Как быть с тем, что я ничего не успел сказать и не смог сделать? Народ? А что народ? Все равно он меня не поймет, если даже родные и близкие не могут меня понять. Я уже совсем не боюсь думать о смерти, потому что убежден, ни на что в этой жизни не способен...

После 8 апреля жизнь течет по-прежнему монотонно. Все было... И смех, и слезы, и пьянка-гулянка и т.д. и т.д.

Как мне хочется выйти на луг, на огромный, утопающий в цветах луг. Хочу утонуть в этом пестром многообразии и вдохнуть полной грудью пьянящий аромат моей родины... Как хорошо – чистый, хрустальный воздух, зеленый лес, синие горы вдали, щебет птиц и пестрые цветы на огромном лугу...

26 апреля.

Как все однообразно и монотонно.

Опять долго ничего не писал. Единственное, что можно выделить, так это приезд мамы. Оказывается, я здорово за ней соскучился. Сам себе удивляюсь. Завел тетради и начал записывать лабораторные.

Опять болею, кашляю так, что кажется легкие лопнут. А это уже, наверное, конец... Я не знаю, сколько мне уже осталось жить, но одно знаю наверняка, не так уж плохо я прожил эту жизнь. Главное, я всегда оставался человеком и мои грехи, которые сопутствуют всем смертным, думаю, Бог мне простит.

Завтра день рождения Цкито, но пир пройдет без меня... А я так хотел бы быть со всеми на этом дне рождения.

На первый взгляд, за последние два года я вроде бы повеселел. На людях всегда улыбаюсь и что главное, больше не реаги-

рую так болезненно на чужой глупый юмор. Я уже понял окончательно, что чужое горе никого не колыхнет. Надоело всем лицезреть мою траурную рожу... Никто меня не понимает, никто. Думаю, такая смена настроения первый признак того, что скоро придется покинуть этот мир... Я устал, устал. Малейший кашель оборачивается для меня нестерпимой пыткой... У меня часто спирает дыхание и темнеет в глазах. А недавно прямо на лекции я потерял сознание. Парни привели меня в чувство и проводили до дому. Я попросил их ничего не говорить о моем обмороке моим предкам. Меня беспокоит, что у моего больного брата никого не останется, а еще то, что я ничего не успел сделать.

28 апреля.

Вчера был день рождения Цкито. Мне было очень плохо, но я все же пошел к нему. Просто не мог не пойти...

Не знаю, что со мной происходит. Кажется все смешалось. Вдобавок, несколько раз я харкал кровью...

Эта неопределенность меня доконает.

20 мая.

Почему, почему все происходит так, как не должно происходить?! Почему?!

Уже который день ничего не записывал. А что бы я записывал? Беготню? Беготню туда-сюда в погоне за зачетами... Посоветовали ведь мне конспектировать какие-то вещи, но ведь дело не в каких-то там фразах. Я постепенно опустошаюсь. Душа пустеет... Какая кругом пустота... И эта опустошенная жизнь... Я вообще перестал что-либо понимать. Я действительно не могу понять, чего мне надо... Наверное, я и правда скоро дуба дам. Все болит. Легкие, сердце, давление...

Надо же как бесцельно и зря прожита моя жизнь. Сегодня был в поликлинике. Хочу откосить от целины. Ну и бардак же царил в этом заведении. Вообще если серьезно подойти к тамошней ситуации однозначно можно шизануться. Бестолковая суматоха, непонятно с какой радости «беззубые» шутки медперсонала. Вообще-то сейчас, когда вспоминаю ситуацию и правда смеюсь, но там мне было не до смеха.

Ой да, к нам на военку подкинули бригаду дипломных

подхалимов от кинорежиссер-оператор-сценаристов.

Вырядили нас в совершенное посмешище. Это надо было видеть! Разумеется, в этом умопомрачительном виде мы запечатлелись на память потомкам. Ну и поиздевались же над нами.

Мы тоже не остались в долгу и обматерили там всех по полной программе. Но среди всей этой шоблы не нашлось истинного представителя мужского пола, который дал бы достойный ответ на наш трехэтажный мат.

Прямо из окна военной кафедры открывается вид на маленькую базилику на горе.

24 мая.

Сегодня получил зачет по математике. Четыре дня назад, в субботу, попал в аварию. Переходил проспект Плеханова и меня на проезжей части троллейбуса стукнул «жигуленок», Сначала поддал как следует в зад и от удара я пролетел два метра. Когда летел, подумал, что умираю и чуть не обрадовался, что наконец, отмучился...

Еле успокоил до смерти испуганного водителя и кое-как от него отделался. Он насильно всучил мне свой адрес, своего адреса я ему не дал, еще чего! Эх, даже не знаю что писать...

А не заметил я машины из-за этой дуры Кети Жоржолиани, которая довела меня до белого каления.

Сегодня с балкона увидел как в первый раз небо в рваных тучах, сквозь которые местами проглядывал какой-то серебристый след от тоненькой луны. Потрясающе красивое, взгрустнувшее небо. Похожее на огромную шапку из лоскутков для Тбилиси.

Сегодня по телевизору воспоминания о Манане... Манана, которая в Цхнети возилась вместе со мной с Кахой. А я ее с тех пор и не видел... Я на всю свою жизнь останусь ей благодарен... Навсегда.

Манана... Я должен коптить это небо, а такое талантливое творческое создание...

19 июня.

Утро. 11.50.

Неужели мы только потому должны называться людьми,

что лучше животных приспособились жить и существовать. Что под этим небом может сравниться с природой, жизнью и животными. Что может быть лучше красивого оленя, гибкого тигра, щебета птиц, царственного орла и даже волчьего воя. Только не голодного, а призывно-влюбленного, зазывающего любимую...

С каждым днем жизнь мне все больше становится в тягость. Знаю, эта жизнь жестока и беспощадна. Люди злы, вероломны, лживы, изворотливы и погрязли в кипящей ненависти. Но я никак не могу с этим смириться и привить в себе эти свойства, якобы помогающие роду человеческому «выживать». Я все равно продолжаю во что-то верить...

Хоть бы Грузия смогла всего этого избежать...

Как народ заблуждается. Да что там народ. Заблуждаются даже очень умные люди, которые, казалось бы, все видят и предвидят. Надо же, им нравится «Секретарь райкома»... Хотя одни говорят, что с идеей не согласны, но фильм сделан хорошо. А это уже большое достижение врага, ведь в таких фильмах люди видят только сценарий, диалоги, отношения, а различные важные нюансы остаются без внимания. И как раз эти невидимые нюансы рассчитаны на подкуп образованных людей... Да будь проклят тот человек, который стои по обе стороны и каким бы талантливым он ни был не принесет пользы ни своей Грузии, ни тем более другой стороне. Но между тем он вводит в заблуждение собственный народ и становится рабом тирании и диктатуры – силой.

30 сентября.

Как долго ничего не записывал.

А сколько всего произошло. За это время Важа успел влюбиться в батумскую, а она успела выскочить замуж за другого. Важу очень жалко, ведь влюблен он был в нее по самые уши.

Летом был на Севане в Армении, в Москве, в Цхалтубо, в Сочи. В общем, провел полноценный отдых.

Последнее время опять взялся за стихи. А все Гоги виноват, это он толкнул меня опять на это дело.

Ну что еще? Болею. Переписываю лекции. Каха более-менее хорошо себя чувствует. Привез из лагеря два выдернутых зуба своих новых друзей по лагерю. По-грузински совсем разучился говорить, но... В лагере сбежал на речку учиться плавать и

чуть не утонул. Так там утопающий сразу вспомнил родной язык, он так истощно звал на помощь по-грузински и «вай мэ дэда», что поднял на ноги всю округу. Если серьезно, то к счастью, поблизости оказались грузинские солдаты и они успели его спасти... Дай Бог им всего самого хорошего.

Как долго ничего не записывал. Два дня подряд у меня было высокое давление...

БЕЗ АБЗАЦА

Я знаю, что грешен... Порой мне кажется, что я только создаю видимость верующего, на деле же... Во мне бурлит какая-то скрытая энергия и мне стоит немалых усилий сдерживать и контролировать ее... Боюсь, что она когда-нибудь может вылиться во что-то беспощадное и злое... Хотя не исключено, что она может трансформироваться и в доброе начало, скажем, в чувство справедливости... И все же, я почти физически ощущаю, как она недобро во мне ворочается, и как муть, осевшая где-то глубоко во мне, рвется выплеснуться наружу... Она все время ищет выхода под разными предлогами. Неважно, это может быть под предлогом чьей-нибудь «защиты», а может и наоборот, «оскорбления» (на пути Христа всегда существует истинный выход), «любви», «предательства» (семьи, друзей, родины), «унижения», «пренебрежения» и «еще многого другого»...

Так вот, это нечто во мне все время пытается найти себе оправдание... Но я пока как-то справляюсь с затаившимся во мне зверем... Предал меня друг, а я его не стер в порошок... Плюнула в душу любовь, а я позволяю ей это еще и еще... Друг, которого я принимал чуть ли не за родного брата, позволил себе злобно на меня замахнуться (нет, не в сердцах, а с испепеляющей злобой), а я оставил его в друзьях, хотя в тот момент мне ничего не стоило его убить (я держал нож) или же навсегда выставить его за дверь... Но я вошел в его положение, простил и списал ему все это... Так ему этого показалось мало и он, находясь в стесненных обстоятельствах, задолжал роющей мне могилу моей сучке-любви и сблизился с моими заклятыми врагами (делая при этом вид, что ничего не происходит)... Но...

И все же никто лучше меня не может знать, как я грешен... Никто не может знать, что возможно, недолго час, когда кипящие в глубине моей души темные страсти взорвутся вулканической лавой, сметая все на своем пути... И даже Бога во мне и мою веру... И тогда я уподоблюсь подавляющему большинству людей под этим небом... Как в общем-то, сегодня считается нормальным... Вот почему Леван в сердцах звал меня психом, говоря, что я непредсказуемый и от меня можно ждать всего что угодно (кажется, я только теперь начинаю понимать, что больше всех остальных друзей знал меня именно он).

Холодно... Жара страшная, а мне холодно... Ноги и руки заledenели, к тому же правый глаз дергается... Не к добру все это... Господи, какая мука выносить в себе добродетель, когда в тебе бушуют такие страсти... Когда злое «нечто» не дремлет и все время хочет тебя одолеть... Господи, Всемогуший... Ты создал нас, а мы Тебя предали... Распяли Тебя на Кресте, но Ты нам и простил и это... Мы изо дня в день, каждое мгновение Тебя предаем, вбиваем в Твое истерзанное тело гвозди, а ты всепрощающе прижимаешь нас к своей груди и не лишаешь нас своей бесконечной милости...

И Ты, Боже, ни разу прямо не напомнил об этом людям... По крайней мере, я нигде не встречал упоминаний об этом... Косвенные факты конечно же сохранились... По-моему для этого достаточно обращения Савла в Святого Апостола Павла... Человек, который так беспощадно преследовал христиан и боролся с именем Господа нашего Иисуса Христа... Стал свидетельствовать и проповедовать так, что даже иудейский Суд не смог с ним совладать... Один из самых ярых противников Иисуса Христа и его последователей, стал одним из самых крепких столпов веры и его деяния и послания являются составной частью Нового Завета... Что может быть явственнее этого знака? Какие еще нам, несчастным, нужны доказательства и подтверждения?

Но нет, что-то в тебе продолжает нашептывать: «Ну же давай, смелее, осмелся хотя бы раз, а покаяться никогда не будет поздно...» Вроде бы так оно и есть, но...

И тот, кто разобрался, что я хотел всем этим сказать, поймет, что может означать это «НО».

**ВОСХОЖДЕНИЕ
ИЛИ
ДУМАЛ, ЧТО СТОЯЛ...**

(роман)

ЧАСТЬ 1

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОМ АЛЬПИНИСТЕ

ГЛАВА I

АЛИК

Смерть Алика нас сразила. Это было первое, страшное потрясение, которое оставило неизгладимый след на всю жизнь. Мы как-то разом повзрослели и утратили детскую непосредственность. Эта смерть взбунтовала и отдалила нас от наших многочисленных приятелей и знакомых. Мы никого больше к себе не подпустили и наглухо сомкнули круг. Общая боль и печаль сблизила нас еще больше и еще больше отдалила от других. Мы стали бояться новых потерь, наивно полагая, что эта замкнутость сможет оградить каждого из нас от роковых поворотов Судьбы. Мы слепо отдавались спонтанно возникающим чувствам и становились жестокими и беспощадными, совершенно утратив способность к прощению. Детство обрвалось разом. В нас иссякла детская радость и наивность, детские забавы начисто были забыты, уступив место чему-то страшному, не совсем нами осознанному. Во всем происходящем вокруг нас мы искали что-то нечеловечески постыдное и грязное. Нам казалось, что Добро и Зло могло проявляться только в действиях... Зато всегда находилось оправдание собственным, не всегда правильным поступкам. Мы даже не задумывались над тем, что и поступкам других можно найти аналогичное оправдание и что ни один человек не застрахован от ошибок. В том числе и те, с которыми мы так жестоко расправлялись. Кто знает, скольким мы отравили жизнь своей сиюминутной вспышкой ярости и самосудом, в скольких растоптали ростки доброго зерна и заронили в их души семя зла, не только на нас, но и на весь окружающий мир... Я и не сомневаюсь, что большинство из них нас уже и не помнит и забыло о личной вражде, но совершенное нами моральное и физическое воздействие не прошло для этих людей без следа, сделав их более осторожными, хитрыми, желчными и неумолимыми. А то доброе, романтическое начало, которое, возможно, было в них до встречи с нами, либо исчезло навсегда, либо загнано куда-то глубоко внутрь. В юности как-то не приходится задумываться над тем, что жизнь гораздо сложнее, не-

жели она кажется на первый взгляд. Это потом начинаешь понимать, что в этом мире даже правда не может быть одна. Не может быть только твоей, односторонней правды. Чаще всего очень трудно отличить Добро от Зла. Иногда даже доброе действие может стать началом Зла, хотя в нем изначально не могло быть заложено злого умысла и подлого расчета... Но всех нас объединяет одно – в конце концов мы все будем держать ответ. Наступит час и мы все воочию увидим, что означает Правда и Добро... Нам покажут все наши ошибки и все то, о чем мы в круговороте жизни даже не задумывались. И вот тогда весь смысл нашей жизни предстанет перед нами в совершенно ином свете... Тогда мы поймем, как человечество исказило свой изначальный дух, как оно придумало для себя тысячу лазеек и отговорок...

Некоторые из нас начинают раньше остальных об этом задумываться, но воспринять все это и тем более изменить, невероятно сложно. Ведь для этого нужно будет менять современный уклад личной жизни и противостоять окружающему миру, очищаться, вернее, попытаться очиститься от грехов.

Рано или поздно мы все, разумеется, исходя из интеллектуальных возможностей каждого, к этому приходим, переживаем и держим ответ. И не имеет значения, как мы будем это называть – угрызением совести или раскаянием перед Всевышним. Просто в какой-то миг нас вдруг осеняет во что мы должны были верить и как должны были жить... Но если ты прожил эту жизнь не утруждая себя размышлениями о Добре и Зле, не прислушивался к собственной совести и не внимал гласу Господню, твой час Искупления будет жестоким и беспощадным.

С первых же минут мы инстинктивно рвались выплеснуть на кого-нибудь свою невыносимую боль, чтобы хоть как-то утешить разрывающееся от детского горя сердце. Встретясь нам в тот момент водитель того злополучного троллейбуса, мы бы наверное порвали его на куски. Хотя, если подумать, то доля лично его вины во всей этой страшной трагедии была не так велика. Произошел несчастный случай. Не приснилось же бы ему, что с троллейбусного каната сорвется тот проклятый бигель, чтобы проломить голову нашему несчастному другу...

На суде жажда мщения постепенно притупилась. В нас даже шевельнулось чувство жалости и сострадания. Было видно, что человек искренне страдал, мучался и проводил бессонные ночи. Но больше всего задела нас за живое его малолетние дети, которые начали рваться к отцу, как только он появился из милицейского воронка.

Наши сердца дрогнули как раз тогда, когда он стараясь не смотреть в сторону своих детей, бросив на жену тяжелый взгляд, приказал: «Немедленно отведи их домой!». Хотя, конечно же, прекрасно понимал, что как раз присутствие этих малышей могло смягчить сердце судьи. Тем более, что малышей было пятеро – три девочки и двое пацанов. Дети были одеты скромно, но очень опрятно.

Совсем еще грудная малышка, что-то агукала на руках у матери и если бы не повязанная у нее на головке косыночка, пожалуй, никто бы не смог так сразу определить ее пола. Упитанного карапуза, лет трех, все время энергично рвавшегося к отцу, то тумаками, то лаской, пытался удержать братишка лет пяти-шести. Малыши не могли понять почему папа, которого они столько дней не видели даже не посмотрел в их сторону и не захотел подбросить в воздух и поцеловать...

Глаза старших детей я не смогу забыть никогда в жизни. Было им лет по восемь-десять. В зале суда они стояли, как приговоренные и не могли оторвать от отца полных детской тревоги и печали глаз. Порой в этих детских невинных глазах вспыхивали искорки ненависти к окружающим...

С этой минуты суд для нас утратил свое первоначальное значение. Мы растерянно наблюдали за ставшим для нас совершенно непонятным процессом. В какой-то момент мы даже захотели уйти, но не смогли оставить одних отца и брата Алика. И нам, теперь уже раздираемыми двойственными чувствами, пришлось высидеть все это зрелище. (...) Если защита водителя предъявляла какие-нибудь оправдательные доказательства в наших сердцах вспыхивала жажда мщения и бунтующие души сразу забывали о его малышах... Но как только раздавались обвинения в его адрес, захлестывала жалость и в ушах раздавался отчаянный зов малышей: «Папа! Папа!»

Последних слов осужденного я не запомнил. Да и говорил ли он вообще?! Зато судья был «на высоте»... Оказывается, троллейбус вместо 15 км/ч, шел 25 км/ч, к тому же зная, что троллейбус неисправен, водитель не имел права выезжать на линию на неисправном транспорте. Выходит, отец пятерых малолетних детей должен был отказаться от дневной выручки... В ходе процесса выяснилось и то, что во всем городе можно насчитать всего пять троллейбусов отвечающих всем нормам технической безопасности транспорта. Но это прошло мимо внимания судебного процесса и при вынесении приговора, этот фактор, разумеется, не был учтен... Водителю вынесли приговор сроком на шесть лет, а затем заменили срок тремя годами лишения свободы. Отец Алика не стал опротестовывать этого решения.

Следующий, на ком мы хотели выместить свою злость и боль, был тот рентгенолог, который не соизволил сделать снимок доставленному в больницу с проломленным черепом Алику, мотивируя это тем, что его рабочий день закончен, к тому же пацан, « все равно больше не жилец на этом свете...» Мол, чуда не будет, а если и ждете, так оно и без рентгеновского снимка произойдет... Пацаны помчались за знакомым врачом и сорвали его уже поддатого, прямо с чьего-то застолья.

Целую неделю охотились мы за этим подонком. Однако нас заметили и убедили, что он освобожден с работы. Домашнего адреса и телефона, разумеется, нам никто не дал.

Последнее, с чем мы жаждали расправиться, была равнодушная толпа, в которой мы, естественно, не смогли бы никого отыскать. Когда это случилось, любопытные зеваки, сбившись в стадо, только галдели, выдавая «ценные советы», и только пацаны с водителем троллейбуса лихорадочно пытались что-то предпринять. Никто не хотел остановить своей машины. В конце концов пацаны, совсем отчаявшись, буквально повисли на дверце чьего-то «жигуленка». К счастью, из-за скопления толпы, машины не могли быстро передвигаться...

Скорей всего это обстоятельство вызвало в наших бунтующих детских душах образ невидимого врага и породило всю эту большую жестокость и недоверие к окружающему нас равнодушному миру... У меня до сих пор нет ответа, почему они не

останавливали машины? Мы ненавидели всех и никому не давали прохода... Мы жаждали мести и готовы были мстить всем подряд.

Когда я открыл дверь и увидел столько народу, то никак не мог врубиться в чем дело. Стольких друзей и приятелей вместе на пороге своего дома, я, пожалуй, никогда не видел. Первое, что мне пришло на ум, так это то, что где-то намечалась большая разборка... Но у стоящего передо мной Лаши вырвался плач и это окончательно сбilo меня с катушек. Они с плачем и причитаниями заполняли прихожую, а я ничего не мог понять. Я бы даже в самом кошмарном сне не представил такой коллективный плач. Лаша наконец-то выдавил: «Алика больше с нами нет. Алик умер!» Сначала я даже не сообразил, о чем он говорил: «Как это, умер?!»...

Я плакал, но все же не верил, как это могло такое быть... Я не поверил и тогда, когда мы пришли в морг. Я стоял и ждал, что вот-вот откроются двери этого страшного здания и на пороге появится Алик.

Стояла прекрасная солнечная погода. Но как только вынесли накрытые простыней носилки и поставили в карету «скорой помощи», внезапно хлынул страшный дождь...

Я стоял как истукан. Машина тронулась и я посмотрел на Лашу. Потому на Лашу, что в такие минуты, словно для поддержки, хочется видеть рядом родное лицо. Лаша стоял уставившись на фотографию в его руках. Я тоже машинально уставился на нее. С фотографии улыбались восьмилетние Алик с Лашей в обнимку. Может, у Лаши перед глазами промелькнули те дни их дружбы, пока я с ними не был знаком... А может, это было просто машинальное восприятие мгновенного впечатления жизни?

Как только приготовились выносить носилки из машины, дождь, как и начался, внезапно прекратился. Опять выглянуло солнце и на тело не упало ни единой капли...

Наша учительница, наша Лейла. Женщина, которую мы так любили, которой побаивались и которую бесконечно уважали. Для меня и моих одноклассников это была единственная учительница, которой было позволено нас наказывать. Другим учителям мы не давались, а когда подросли, то даже попытка

рукоприкладства с их стороны, могла им дорого обойтись. А перед ней мы были как ягнята и по первому же ее требованию, покорно сносили «экзекуцию». К концу дня у нас у всех больше обычного оттягивались и пылали уши. Но когда в пятом классе она сообщила нам о своем решении оставить нас, мы подняли невообразимый шум протеста.

Никогда не забуду, как мне однажды стало плохо из-за желтухи и я начал не на шутку задыхаться. Так она, судорожно подхватив на руки такого верзилу, снесла меня с пятого на первый этаж. Если честно, то я был напуган своей болезнью, но этот порыв любимой учительницы здорово меня подбодрил и обнадежил, что пока я не один, ничего со мной не случится. Я до сих пор не могу понять, как ей это тогда удалось, ведь у нее страшно отекали и болели ноги, а я уже тогда весил килограммов шестьдесят.

Первым против «экзекуции» выступил Алик. Мы уже были в седьмом классе и он осмелился не подчиниться «привычному укладу». С тех пор она больше не поднимала на нас руки, сказав, что незаметно для нее мы уже повзрослели. Мы с Лашей уже учились в другой школе и когда узнали об этом, не поверили собственным ушам. Вскоре она ушла по болезни на пенсию, порядком расстроив своих преданных учеников. В те дни мы позволили себе открыто курить, не прячась ни от директора, ни от остальных учителей. Но как только у дома Алика появлялась Лейла, мы инстинктивно выбрасывали дымящиеся сигареты и выстраивались чуть ли не по стойке смирно. И как ей только удалось заслужить нашу такую большую любовь и уже даже без «экзекуций» уметь держать нас в узде? Я до сих пор ишу на это ответа и прихожу к выводу, что на такое способны только носители огромной любви и человеческого тепла... Но увы, таких людей не то чтобы среди педагогов, но и в природе очень мало...

Когда мы сообщили ей страшное известие, она словно окаменела и не издав ни звука, с трудом передвигая больные ноги, последовала за нами...

...Наши детские сердца разрывались от горя и жалости. Мама Алика при виде нас начинала биться в истерику, и звать, и будить его, упрекая в негостеприимности. А Алик был бездвиг-

жен. Я настойчиво пытался обнаружить в этом окаменевшем теле хоть малейшие признаки жизни... У него уже почернело лицо, а я все никак не мог поверить... Не только я, никто не мог поверить в то, что Алика больше нет... В глубине души нам казалось, что Алик не вынесет такого горя матери и в конце концов откроет глаза...

Каждую ночь мы были с ним. Я даже не помню, спали ли мы в те дни вообще. Первые две ночи мы провели во дворе перед его домом, но нас заметили и позвали в дом. Кто-то из взрослых сказал, что в ночь перед похоронами, в последнюю свою ночь на земле, покойник вздыхает и, якобы, даже приподнимается.

Мы навестили уши и опять было поверили, что Алик может еще и не умирал и может воскреснуть... Конечно же, мы понимали всю абсурдность нашей надежды, но тем не менее застыли в ожидании. Хотя, у нас уже была Лашина версия, что на седьмой день из тела выходят набравшиеся газы. Я бездумно уставился на мертвое тело друга и меня начал охватывать страх. Я украдкой взглянул на друзей и заметил, что все от тревожного ожидания дрожат от страха. Вдруг кто-то прыснул и нас всех охватил истерический хохот. Мы хохотали и никак не могли остановиться... Но вдруг Заза откинул с Алика саван и предложил нам по-очереди его поцеловать, чтобы успокоиться. Мы мгновенно замолчали и напряглись. Первым осмелился Лаша, затем Заза, а потом я... Губы обжег неприятный холод и я целый месяц не мог отделаться от этого ледяного поцелуя...

До кладбища гроб несли на руках. Стояла солнечная, без единого облачка на небе, погода. Наш друг прощался с весной, с самой прекрасной порой года. Все вокруг буйно цвело. В воздухе стоял запах жизни и надежды. Весело, как ни в чем не бывало щебетали птицы... А Алик уходил от нас и навсегда покидал эту красоту.

Это какая-то мистика, но у всех троллейбусов проезжающих мимо, как только они равнялись с нашей процессией, соскакивал бигель... Невероятно, но я видел это собственными глазами...

Как только мы подошли к кладбищу поднялся ветер, который все больше набирал скорость. Он так ожесточенно бил нам

в лицо, словно оказывал сопротивление и не желал нас отпускать.

Невыносимое прощание. Материнский истошный крик и хриплый плач, глухое рыдание отца и брата и слезы, слезы...

На кладбище мы поставили символический памятник – ступени обрывающиеся на сломленной пятнадцатой... Пока проходила церемония похорон ветер, сметая все на своем пути, забил нам рот, нос, глаза и уши кладбищенским песком и землей. Но как только Алика похоронили, ветер внезапно стих и хлынул проливной дождь.

На поминках мы подняли по стакану за упокой души и собрались уходить. Отец Алика нас не удерживал, но попросил, чтобы отныне, за каким столом бы мы не собирались, всегда третий тост поднимать за Алика, как за живого. Мы всегда выполняем эту просьбу Аликиного отца. Вот только одно не могу понять, почему именно третий ...

Дождь по-прежнему лил как из ведра. Мы бежали и истерически хохотали, как и в прошлую ночь. Только ночью мы смеялись от страха и напряжения, а сейчас этот смех был, в какой-то степени, разрядкой. Мы еще не умели долго предаваться печали...

Стол у Бадри был уже накрыт. Это были не поминки. На столе стоял прибор Алика и он был здесь, с нами...И эта символичность имела для нас большое значение.

Мы понемногу пили и говорили о жизни и смерти, о любви и ненависти, о добре и зле... О водителе, рентгенологе, толпе зевак, о равнодушных и опять о любви, друг о друге, о дружбе... Об Алике...

В тот день было сказано немало тостов, но врезался в память Бадрин тост. Причем запомнил я его слово в слово. Он даже иногда преследует меня в кошмарных снах.

«Так давайте выпьем за того среди нас, кто последним покинет этот мир, последним обойдет наши могилы, помянет нас и выпьет на нашей могиле за упокой души...»

...Кошмарный сон. Бредешь в одиночестве, опираясь на трость. Вокруг ни души. Все тебя покинули и все твои мысли только о прошлом, ты существуешь только в прошлом... Все остальное утратило для тебя всякий смысл и ничто больше для

тебя не существует. Вокруг только могилы, одни могилы... Но ты знаешь, что здесь нет тебе места. И ты опять волокешь свое дряхлое тело к тем, кто подсмеивается и глумится над твоим старческим склерозом. Но ты на них не в обиде, ведь и ты в молодости вел себя точно также... И твое место по-прежнему среди них, хотя ты уже мертв, а они еще полны жизни... Ты уже не можешь воспринимать действительность, а они... Ты помнишь все, что было десять, двадцать, тридцать, сорок и пятьдесят лет назад, но ты никак не вспомнишь, что съел минуту назад.

Стоишь на поле брани, над которым кружится воронье. Ты молодой, полный жизненных сил воин, а вокруг валяются безжизненные тела твоих друзей. Ты пытаешься приблизиться к ним, оказать помощь, вдохнуть в них новую жизнь, но вдруг на поле опускается кромешная тьма, а ты не можешь даже пошевелиться и сдвинуться с места. Полное бессилие в кромешной тьме доводит тебя до отчаянного крика, но в горле у тебя словно кол, который не дает издать тебе ни звука... От бессилия хочется плакать, но и ты, оказывается, мертв, как и твои друзья, только с той разницей, что к тебе воронье не может приблизиться и выклевать тебе глаза...

Мы поклялись хотя бы в неделю раз навещать могилу Алика. Сначала так оно и было. Первые два года мы аккуратно посещали могилу... Сколько раз мы посещали кладбище ночью и сколько раз памятники на могилах чудились нам воскресшими мертвецами, сколько раз мы отчаянно отбивались от злющих свор кладбищенских собак, но двигались вперед, веря, что Алик нас защитит и не даст нас в обиду... Ведь это кладбище со всеми его обитателями было его «царством».

Постепенно наши посещения кладбища стали сокращаться. Раньше мы поднимались туда непременно вместе, теперь же и в одиночку могли навестить друга, все больше тогда, когда возникали какие-то проблемы. Если раньше ходили, чтобы навестить и помянуть, теперь же, чтобы поделиться собственными невзгодами и излить душу.

Однажды я прямо с раннего утра оказался у Алика. Накануне, я планировал пойти на могилу, но в тот день у меня был экзамен, который растянулся чуть ли не на весь день и я до того вымотался, что забыл о своих планах. Во сне пришел Алик с

упреком, что он ждал, а я не пришел. Я проснулся в холодном поту, уже светало. На часах было шесть часов. Я встал, стремительно оделся и поспешил на могилу. Там уже сидел Лаша... С ним произошло то же самое... Мы молча сидели, глядя на его фотографию, думая каждый о своем...

После похорон я сильно простудился и появился в школе почти перед началом летних каникул. Когда я принес справку о здоровье, директор школы даже пожурил меня, мол, зачем мне нужно было приносить бумажку, когда он и без того не сомневался в моей болезни. В кабинете мы были одни и я в жизни бы себе не представил, как может меняться, вроде бы интеллигентный, вежливый с тобой человек на людях.

В классе шел ремонт и уроков нам не проводили. Вообще в школе был назначен большой субботник и занятия отменили. Я знал об этом, но в школу пришел не из-за занятий, а из-за друзей.

Мы с пацанами стояли около нашей классной комнаты и о чем-то увлеченно разговаривали. В это время мимо нас прошел директор и сделал мне замечание, почему я не в школьной форме. Я растерялся, что он обратил внимание на форму моей одежды только сейчас. Директор потребовал, чтобы я снял куртку, заявив, что вернет ее только после того, как я приведу отца. В кармане куртки лежала пачка сигарет, а я пообещал родителям, что после похорон брошу курить. Я покорно снял куртку, но при этом принялся просить вернуть мне куртку, потому что отец в ближайшем будущем никак не сможет прийти, потому что он в командировке. Но его понесло и он вдруг принялся кричать, мол, с чего это я вырядился в черную сорочку. Я настолько обалдел, что даже не знал, как отвечать, во-первых, он сам меня освободил, к тому же занятия в школе были отменены... Пацаны вместо меня объяснили, что у меня умер друг, но это взбесило его окончательно: «Нечего траур по друзьям в школе носить!»

Я никогда не отличался образцовым поведением, но никогда не переходил грань, когда меня отчитывали учителя, пусть даже незаслуженно. Но тот случай изменил меня кардинально. С тех пор такого, как я, наглого и агрессивного с учителями ученика нужно было еще поискать...

После слов директора у меня снесло крышу и я готов был убить и полить его кровью всю школу... Я как раненый зверь вырывался из рук пацанов, которые еле меня удерживали. Каха всем телом повис на моей руке, чтобы я ненароком не двинул этого гада. Ненависть и боль искали выхода и я последними словами поносил директора, его заместителя, сбежавшихся на мой дикий крик учителей и всех пытавшихся меня утихомирить... Я ненавидел весь этот подлый и бездушный мир, в котором не было места ни мне, ни Алику, потому что нас с ним так оскорбили... Я должен был немедленно отомстить, иначе бы и правда сошел с ума. Пацаны образовали круг из которого не выпускали ни меня, ни этого гада. Уже сбежался весь класс и испуганные моим беснованием одноклассники уже было решили, что в случае, если, я умудрюсь ударить директора, весь класс последует моему примеру: «Не будут же ловить весь класс!» Директор никак не ожидал моего подобного поведения, ведь я, то есть моя медаль, мой аттестат, характеристика полностью зависели от его хорошего расположения... Когда первая бешеная вспышка ярости схлынула, я, видимо, об этом вспомнил. Испуганные лица одноклассников несколько привели меня в чувство. Я раздраженно освободился от державших меня рук, окатил презрительным взглядом это ничтожество, вырвал у него из рук свою куртку и плюнув ему прямо в лицо, выскочил во двор.

В начале нового учебного года он решил свести счеты и стал цепляться к Лаше. Это взбесило меня еще больше. К тому же в школе пустили слухи о том, что якобы я наябедничал отцу на Лашу и сказал ему, что веду себя отвратительно от страха перед Лашей и якобы мой отец с кем-то посетовал, что никак не может отвадить этого хулигана от своего сына.

Я заставил этого гада горько пожалеть обо всем. Старался не пропускать занятия не то что, по неуважительной причине, но даже по болезни. Зато я везде тенью преследовал его, не гнушаясь издеваться и запугивать. В конце концов я довел его до ручки и он на полном серьезе умолял меня не приходить в школу, клятвенно заверяя, что аттестат с отличием мне будет гарантирован. Но договориться со мной ему не светило: «Я и без твоей помощи смогу вынести из школы хороший аттестат, но упаси Господь, если вздумаешь мне помешать!» Я здорово

развлекался и превратил его существование в школе в сплошной кошмар, изощряясь все в новых издевательствах, а когда фантазия иссякала, я вдруг возникал прямо перед ним, грозно поднимал одну бровь, при этом многозначительно улыбаясь. Надо было видеть, как он белел от ужаса!..

Через несколько лет после этих бурных событий мы оказались на одной свадьбе, но он, заметив меня, почти сразу панически слинял со свадьбы. Надо же, неужели он подумал, что я способен подпортить чье-то торжество из-за этого дерьма?! Но если честно, то я по сей день держу зло на этого гада... А может он и правильно сделал, что слинял тогда со свадьбы? Не знаю.

На той же самой свадьбе я встретил и других старых знакомых, вот только не знаю, они меня и вправду не узнали или сделали вид?

В тот день мы с пацанами вышли из школы и как было у нас заведено расселись на качелях соседнего дома. Постепенно почти все разошлись и осталось нас несколько близких друзей. Вскоре к нам стали подтягиваться наши нешкольные друзья. Дато, который жил рядом со школой подвалил к нам и попросил подмоги в драке, которую наметили его дружки. Я при слове «драка» радостно встрепенулся и опять вспомнил директора и его слова. Я горел желанием, чтобы заварушка началась как можно быстрее, теперь для меня директор и ожидаемые «противники» слились в одно целое и если этот гад обидел мертвого, то эти говнюки – моего друга, можно сказать, брата. Пришли они впятером, нас же было впятеро больше. Мы не тратя время на разговоры, сразу приступили к делу. Избивали мы их нещадно – ногами, камнями, палками. Один из них еле привстал на карачки, умоляя, чтобы мы больше не били, но мы опять набросились на него и чуть не забили до смерти, а он, сплошное месиво соплей и крови, все дрожал и умолял, чтобы больше не били... А мы исступленно топтали и топтали этот не затыкающийся кровавый мешок. Вырубил его мой удар ногой прямо в лицо...

Всех пятерых мы бросили там же на месте побоища и даже не соизволили вызвать «неотложку». Нам было плевать, что с ними будет и сможет ли кто-нибудь из них не выжить.

На свадьбе я увидел всех пятерых, у всех них на лицах были шрамы, а у того, кого вырубил мой удар, сзади на голове белел шрам не покрытый волосами....

Я очень часто вспоминаю эту драку и каждый раз у меня сжимается от жалости и презрения к себе. Но что тут поделать, случилось и ничего не изменишь. Трудно сейчас сказать, как вытравилась из нас эта бесчеловечная жестокость, но одно знаю наверняка, наша агрессия постепенно пошла на убыль после окончания школы...

ГЛАВА II

Я СКУЧАЮ...

Как я хотел, быть всегда рядом с тобой, вместе пронести по жизни все радости и невзгоды, вместе плутать по уготованым нам судьбой лабиринтам... Я очень по тебе скучаю... Ведь прошло уже столько времени, а я все никак не могу тебя забыть и по-прежнему безумно тебя люблю. Часто вспоминаю твои блестящие, под-настроение, то озорные, то встревоженные черные глаза, мягкие, пушистые черные волосы... Твое иконописное, красивое лицо, твое гибкое, желанное тело, твою очаровательную, соблазнительную улыбку и чертовски упрямый характер... Отчетливо представляю все это и почти наверняка знаю, что моя тоска по тебе неизлечима...

Иногда я не выдерживаю и звоню тебе. Раньше к телефону всегда подходила ты. Мы, совершенно не замечая времени, говорили и говорили часами. Я мог звонить тебе в любое время суток, как только чувствовал, что соскучился и что мне необходимо тебя услышать, рассказать тебе о переполняющей меня в эту минуту нежности... Ты благосклонно принимала все мои излияния, хотя, с твоей стороны, это были, скорей всего, игра или приятный флирт... Для меня же, было и остается райским блаженством и бескрайней радостью... В такие минуты я не желал себе большего счастья в мире –представлять, как ты сейчас сидишь, с каким выражением лица отвечаешь мне воркующим го-

лосом... От общения с тобой я всегда был переполнен нежностью и добротой. Как я хотел быть в такие минуты рядом с тобой, чтобы прижать тебя к своей груди, приласкать и зацеловать, передавая тебе по капле, всю переполняющую меня нежность и доброту ...

Но увы, оказалось, что все это были иллюзии и мечты... Мечты и иллюзии... Порой даже себе не можешь объяснить, за что это так сильно любишь... Наверное, об этом лучше и не размышлять, а то можно, додуматься до потери всякой веры в любовь... Ведь часто мы свою любовь представляем совсем по-другому и не желаем пользоваться ее суррогатом. Влюбляешься в кого-то, но через некоторое время оказывается, что это отнюдь не то, о чем мечтал. Ты все еще почему-то пытаешься себя обмануть и создать иллюзию любви, но долго это продолжаться не может и ты отказываешься от этой бессмысленной игры... Потому что любишь ту другую, которая уже повстречалась тебе в этой жизни и которую тебе никто на этой земле не сможет заменить.

Я очень много раз сожалел об этом, очень много раз хотел вернуть все обратно... Я даже знаю, почему это так произошло. Я не смог убежать от самого себя ... Забыл рядом с тобой о своей мужской гордости, твердости, принципиальности и настолько растворился в своей любви к тебе, что готов был принести себя как жертву тебе на алтарь своей же любви... Я был твоим добровольным рабом и готов был бросить к твоим ногам самое дорогое, что у меня оставалось, душу... На какое-то время я забыл обо всех: своих родителях, брате, друзьях... Забыл, что им тоже может принадлежать моя любовь, жизнь и душа...

Я не сумел проявить с тобой своей мужской природы и поэтому тебя потерял... И самое ужасное, что вернись все обратно, я наверное, поведу себя также, как и тогда... Я тебя очень люблю, ты и сейчас в моих мыслях только моя, мы опять вместе и я по-прежнему ласкаю тебя, передавая тебе всю нежность и доброту моей души.... Нет под этим небом ничего лучше мечтаний, все вокруг охвачено счастьем, светом и любовью... Вот было бы здорово, если бы все вокруг без были бы счастливы! И не было тогда бы под этим небом горя, жестокости и одиночества... И тогда бы я не скучал по тебе так безнадежно...

ДАТО И ВАЛИКО

Есть люди, которых любишь за жизнестойкость и жизнерадостность. В каком бы плохом настроении и напряжении ты не был, при виде их успокаиваешься, наполняешься какой-то неосознанной надеждой, словно какая-то невидимая сила исходящая от таких людей наполняет тебя верой, что все будет хорошо. Наверное, нет на свете такого человека, который хотя бы раз в жизни не повстречал на своем пути таких отмеченных особой печатью людей.

В моем случае, мне было уже двадцать лет, я был студентом Грузинского политехнического института, когда обнаружил рядом с собой таких пацанов, причем младше себя на целых четыре года. Это уже потом, с возрастом такая разница в возрасте практически не замечается, а в двадцать лет, еще как! Ты уже студент, живешь почти взрослой жизнью, может, даже работаешь и распоряжаешься собственным временем, без указки учителей в школе и родителей дома. А эти, как бы они ни хорохорились, все еще пока под мощным колпаком школы и предков. И сколько бы они ни прогуливали уроков и не устраивали кровавых побоищ и разборок с кодлами из соседних школ и соседних районов, для них двадцатилетние являются пришельцами из взрослой жизни и им не ломает признавать их авторитет. «Взрослые» же втайне завидуя, своим младшим подопечным в их еще по-детски устроенных мужских делах, понимая, что и сами-то еще не далеко ушли от того возраста, нехотя соблюдают уже кем-то заведенные правила и снисходительно учат жить мальков.

Вот так учили жить мы с пацанами Дато и Валико, которые несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте все время тусовались с нами. Валико был родственником нашего «Слона», а Дато его дружкой, да еще, кажется, приходился каким-то дальним родственником нашему Лаше. Валико был более пронырливым и напористым, напичканный множеством самых невероятных идей и планов. Он постоянно подшучивал над всеми и при случае не прочь был и соврать. Нашего бедного «Слона» он совсем доконал, заставляя его бегать для сбивания веса. Доверчивый «Слон» все никак не мог привыкнуть к небезопасной

вероломности своего младшего родственника и все время клевал на одну и ту же приманку. Валико с безразличным лицом доставал из своего кармана денежную купюру и протягивал «Слону», который сначала недоверчиво сопел, но после долгих раздумий, каждый раз с готовностью протягивал руку за деньгами, в надежде, хоть на этот раз избежать подвоха. Валико молниеносно сжимал купюру в руке и выбрасывал навстречу «Слону» комбинацию из трех пальцев. Мы всегда хохотали до упаду, при виде несчастного фейса «Слона», уже который раз попадавшего на эту удочку, и уже который раз, в ярости пускавшимся вдогонку за обидчиком. Зрелище было не из хилых, видеть, как огромный, неповоротливый «Слон» катился за юрким Валико, конечно же, и не надеясь, когда-нибудь догнать. Обидчик и тут не забывал сдохнуть, прикидываясь, что «Слон» его уже догнал и как только тот протягивал свои огромные ручки, думая, что вот-вот его схватит, Валико увертывался прямо у него из-под носа и опять показывал комбинацию из трех пальцев. «Слон», грозно сопя, опять пускался вдогонку... В конце концов он совершенно измотанный от бестолкового бега останавливался как вкопанный, тяжело переводя дыхание. После того, как «Слон» восстанавливал дыхание, Валико вразвалочку подходил к нему, обхватывал его необъятную талию, чуть приподнимался на цыпочки и что-то горячо шептал ему в ухо, по лицу «Слона» разливалась блаженная улыбка и это было непременным завершением этого спектакля.

Дато, на первый взгляд, казался поспокойнее и посерьезнее. Он был, примерно, такого же небольшого роста. У него были медовые, с живой озорной искоркой глаза и большое родимое пятно на щеке. Если у Валико были более выразительные мужские черты лица, у Дато лицо оставалось еще по-детски открытым и доверчивым. Никто бы и не подумал, что ему уже шестнадцать, на вид он тянул на двенадцати-тринадцатилетнего мальчишку и пользовался большим успехом у девчонок. Причем популярность его переходила и на девиц нашего возраста. Все это нас изрядно потешало, а он как будто удрученный такой полевой женской любовью, ныл, что в порыве непонятого восторга, эти девицы так его маленького прижимают к своей груди, что однажды он не выдержит и...

Он был нашим сводником. Ему приходилось узнавать буквально все, от адреса понравившейся нам девчонки до номера ее домашнего телефона. При этом сначала он сам должен был познакомиться с понравившимся нам объектом, чтобы потом познакомить нас. Он успевал сделать за нас уйму дел, правда не забывая при этом ворчать, что не смог ни одно дело довести до конца и набросить на нас аркан. Он очень хотел, чтобы у кого-нибудь из нас завязались с «его девочками» серьезные отношения. Не знаю, может потому, что мы очень часто вспоминали свадьбу раньше всех нас женившегося Лаши.

Они всегда были вместе, как сиамские близнецы. Разделить их не представлялось возможным. И поступать они решили вместе в медицинский институт. Дато очень хотел стать врачом, Валико по жизни было все равно, какую профессию выбирать и он потянулся в мединститут из-за друга. Помню, как они шумно примчались ко мне после сдачи документов и как наперебой рассказывали о своих впечатлениях, при чем, глядя на них, приходилось диву даваться, как они спокойно относились к предстоящим вступительным экзаменам. Почему-то вспоминая себя в качестве абитуриента и все свое безумно- нервное напряжение, я искренне им завидовал.

Первый экзамен Валико сдал на пятерку, а Дато вклеили двойку... Мы ходили за них «болеть», но объявленные результаты сразили нас наповал. Валико позеленел прямо на глазах, зато сам Дато отнесся к этому более чем спокойно. Он сверкнул ослепительными зубами в своей знаменитой белоснежной улыбке, от души обнял и поцеловал Валико и смеясь произнес, что догонит его на следующий год. Да и родители его как-то нормально восприняли эту ситуацию... А через два дня...

До сих пор не могу понять, как может разорваться сердце у семнадцатилетнего, полного жизнью парня из-за двойки?!

Вид его безжизненного, почерневшего лица никогда не сотрется из моей памяти... Дато и смерть для меня так и остались в жизни чем-то несовместимым... Ведь я видел его накануне, он сообщил мне, что ему завтра обещали номер телефона интересующей меня девочки и что как только, так он сразу мне позволит...

...Панихиды, панихиды, поминки... Никогда, никогда не смогу к этому привыкнуть... Говорят, что есть категория людей, которая специально ходит на панихиды, похороны и поминки совершенно незнакомых людей... Даже представлять не хочу себя на месте этих людей... Также, как и на месте работающих в морге...

Валико, как будто подменили, пропала куда-то вся его жизнерадостность, как будто все его живые ниточки ушли вместе с другом. Он даже не продолжил вступительные экзамены. Мы безуспешно пытались его встряхнуть... Страшно становилось от того, что живой как ртуть пацан, переживая трагедию, заключил себя в четырех стенах. Он избегал говорить о Дато, мы тоже старались при нем особо не предаваться воспоминаниям. Теперь, я кажется начинаю понимать, почему он избегал от разговоров об ушедшем друге, наверное он уже... Только единственный раз после этого он мне позвонил, да и то потому что повздорил с кем-то по сущей глупости и на полном серьезе собирался его убить... Еле мы его отговорили...

Я вспомнил нас после Алика, тех пацанов так жестоко избитых нами и свой последний пинок, в который вложил всю свою боль за несправедливость этого мира... Наверное каждый на этой земле должен пройти через множество ошибок, чтобы что-то понять...

Как только ему стукнуло восемнадцать лет, он без повестки пошел в военкомат и напросился, чтобы его отправили как можно подальше. Просьбу его конечно же удовлетворили и он служил в Сибири водителем.

Говорят, что в могилу еще ни за кем не следовали... Я так не думаю, все зависит от того, как сложится Судьба, как сложатся обстоятельства и ...

Я до сих пор не могу себе простить, что мы не смогли вывести его из этого состояния, он замкнулся, уединился и мы подумали, что ему так будет лучше...

В тот злополучный день, он, оказывается, утром сказал пацанам в казарме, что видел дурной сон. Пить он не любил и выпивал очень мало. Как потом рассказывали его армейские друзья, с ними он ни разу не выпивал.

В тот день он был обычный, как всегда, в последнее время, не по годам спокойный и угрюмый. Вечером командир полка, которого он возил, отправил его за чем-то в город. Из города он прихватил водку. Выпив, рассказал сослуживцам и свой дурной сон. Как будто все друзья сидели в автобусе, за рулем которого сидел Дато. Автобус вдруг начал падать в глубокую пропасть, Валико пытался помочь совершенно бессильному Дато, но не смог. Я должен немедленно уехать в Тбилиси, сказал он сослуживцам и вышел. Все подумали, что он собирается выбить себе отпуск... На КПП «газик» пропустили без лишних вопросов, командир часто вызывал машину в неурочное время. Оказавшись за пределами части, он как сумасшедший сорвал машину с места. Разбитый в лепешку «газик» обнаружили в крутом обрыве на въезде на главную трассу. Там же нашли и похищенный автомат с двумя полными обоймами

...Валико привезли в цинковом ящике и похоронили, даже не вскрыв гроба.

Говорят, что в могилу за другим еще никто не следовал. А это как сказать. Все в руках Судьбы. Ведь Валико перед смертью видел в дурном сне, всех нас, его друзей сидевших в одном автобусе, управляемом бессильным Дато и который Валико пытался удержать от падения в пропасть, но так и не смог этого предотвратить... «Пытался, но не смог»...

ГЛАВА III

ПИСЬМО БРАТУ

Привет, братишка! Ну как вы там? Я здорово соскучился. От меня тебе строгий выговор за то что ленишься мне писать. Ведь для меня это так важно. Я могу бесконечно перечитывать письма с воли и это занятие мне не надоедает. С этими письмами, я словно забываю о своем теперешнем местонахождении и оказываюсь рядом с вами... Я очень соскучился по маме, папе, тебе, пацанам. Я мечтаю как можно скорее оказаться дома и

пройтись по улицам Тбилиси. Представить страшно, сколько чего произошло в мое отсутствие! Мне всегда ранят сердце плохие известия. Скольких хороших людей мы потеряли. Я только здесь понял, как, оказывается, их всех любил. Всех – певцов и композиторов, актеров и режиссеров, знаменитых спортсменов и простых смертных, всех тех тбилисцев, которых ежедневно встречаешь на улицах города и принимаешь, как нечто должное и только с их уходом, начинаешь осознавать, как тебе, оказывается, необходимо и дорого все это...

...Преступник я, братишка, и грешник. Я так отмотал свой первый срок, что даже и не задумывался ни о чем. Да и на этот раз, после суда, я был уверен в полной своей невиновности... И только позднее осознал, что никто не давал тебе права желать смерти другого... Тем более, после глупой разборки... Еще хорошо, что пронесло... Да и какое имеет значение, кто все это начал?! Нам и без того отведено слишком мало времени, чтобы расходовать его на ненависть. Ты и представить себе не можешь, сколько безвинных парней гниет здесь почем зря, сколько материнских слез проливается и сколько сердец разбивается. Но самое страшное, сколько сердец озлобляется и переполняется чувством мести. На этот раз я не пощадил кого-то, в другой раз, кто-то мне не захочет дать спуска и так бесконечный порочный круг, который никто не в силах разорвать. Не знаю, кто во всем этом виноват, но одно знаю наверняка, что источник наших бед, в первую очередь, ложь и некомпетентность. Наша любовь к родине проявляется только в пьяных застольях и длинных тостах. Вот где мы горазды на плаксивую любовь и пустую болтовню! На самом же деле ни эти застолья, ни эти пустые речи не имеют ничего общего с традиционной грузинской академией – настоящим грузинским застольем. А может, никто нас этому и не учил? И когда я об этом говорю, имею ввиду не только семью. После моего второго ареста газеты начали перемывать косточки нашей семье, мол, в семье педагогов не смогли воспитать собственное чадо, не привили ему нравственных и гражданских качеств и т.д. и т.п. Все эти газетные штампы – просто фарс и выпендрей. И во всяком случае наша семья таких газетных эпитетов не заслуживала. Ну ладно, я преступник, но при чем тут вы?! Ведь ни папа, ни мама не внушали мне зла. Ведь

они всегда учили нас с тобой добру, человечности, любви. Ведь с тобой у них это получилось, а я не оправдал их надежд... Знаешь, до сих пор я не знал цены их словам, вернее не обращал на это внимания и думал, что своим поведением сопротивляюсь их наставлениям и очень удивлялся тому, как они могли этого не понимать, а сам думал обо всем только в свою пользу... И таких оборотов, как я, хоть пруд пруди...

Разумеется, никто не отрицает роли семьи в становлении личности, но такие как я – это продукт общества. И родители, сколько бы они не старались, не смогли бы справиться со мной, типичным представителем этой эпохи. Да и ничего удивительного. Когда дома пытаются привить тебе ростки добра и отзывчивости, а на улице ты сталкиваешься с ложью, предательством и беспощадностью, твой протест может вылиться в непредсказуемые формы... Вот и мы с тобой, два брата, так оказались непохожими друг на друга. Тебе из цепи, семья-общество, хватило и одного звена, мне же – нет. Я отдал предпочтение практицизму, искаженным традициям и хладнокровной беспощадности, захлестнувшей последнее время общество, за что и несу наказание.

И наказание, это не только тюрьма. Так или иначе человек со всем может свыкнуться, тем более, такой как я. Я уже второй раз мотаю срок и мне намного легче все переносить, нежели новичкам, хотя бы по той простой причине, что нахожусь куда в лучших бытовых условиях. Куда более страшное наказание – это твое душевное состояние, твои душевные муки, которые не в силах снять тебе простые смертные... Я не хочу, чтобы ты подумал, что всю вину я пытаюсь переложить на общество, но то что основная вина за мое поколение лежит именно на нем, думаю, ты не будешь оспаривать...

Я привожу в пример собственную историю потому, что она типична. А вообще, когда рассуждаешь о конкретном человеке, думаю, не стоит рассматривать его поведение в глобальных масштабах, исходя из общей закономерности. Это примерно то же самое, если параметры подброшенного в воздух футбольного мяча воспринять законом Ньютона, а макромир – формулой Эйнштейна... Что-то я расфилософствовался...

Возможно, я повторяюсь... Но думаю, что все мои несчастья от недостаточного внутреннего интеллекта... Парадокс, но

ведь мы оба воспитывались в одной семье, в одинаковом окружении и одинаковой любви. И росли мы вместе, и любили одинаковые игрушки и одних и тех же людей и никогда не горели желанием кого-либо унижить или притеснить, или доказать кому-нибудь свое превосходство. Ведь и ты никому никогда не спускал обид. А видишь, как распорядилась жизнь и куда меня забросила. Но я теперь понимаю, чем мы отличались – ты никогда не становился жестоким и беспощадным. Ты мог драться за нас обоих, но ты никогда бы не пожелал кого-то покалечить или, еще круче, кого-то убить...

Помнишь, первый раз меня арестовали за избиение одноклассника. Влетело ему за то, что он имел несчастье влюбиться в ту же самую девчонку, что и я. Однажды я случайно наткнулся на них и он окинул меня победоносным взглядом. Этого оказалась достаточным для того, чтобы я там же на месте, проломил ему камнем голову. Слава Богу, удар был не смертельным, но от головной боли он не сможет отделаться всю оставшуюся жизнь.

На суде, вместо раскаяния, мою душу распирала злоба и я думал о том дне, когда окажусь на свободе и отомщу сопернику сполна...

В другой раз, при разборке, я выхватил нож, но и на сей раз мне повезло. Мне то да, но а как ему, если честно, не знаю. Хотя и он, думаю, родился в рубашке. Лезвие ножа прошло всего в двух сантиметрах от его сердца...

Надоел я тебе наверное, своими сто раз рассказанными историями... Извини, но мне еще раз хочется все это вспомнить с тобой, чтобы навести в душе порядок. Ведь все мои дикие выходы сократили жизнь бабушке и деду и я уже никогда не смогу искупить перед ними свою вину. Помнишь, какими мы все были счастливыми?! Помнишь, какая любовь нас с тобой окружала? В детстве нас невозможно было уложить в постель, если деда не было дома. Нам непременно нужно оседлать шею деда и так прокатиться перед сном по комнатам. Почему-то чаще всего я вспоминаю бабушку на даче... Помнишь как она набирала две ванны с водой, грела их на солнце, а потом, ласково воркуя, купала нас сначала в одной, а ополаскивала в другой. И что? Они так ушли из жизни, что я даже на похоронах не смог побы-

вать, осталось тешить себя тем, что как только выйду первым делом навещу их могилу.

А мать с отцом... Какие унижения и оскорбления им пришлось из-за меня пройти, сколько слез пришлось пролить.

А ты? У меня не стираются из памяти твои глаза на последнем суде. А я, идиот, сидел между ментами и довольно тебе подмигивал. Братишка, это я хорохорился и делал вид, что ничего не произошло. Если не считать детства, то я первый раз тогда увидел тебя заплаканным. Я даже и представить уже не мог, что моя гордость, мой старший брат, которого по праву уважали и любили окружающие и, которого, я всегда тайно побаивался, был способен заплакать. Знаешь, как я тебя боялся, в школе при твоём появлении, я моментально становился пушистым как ягненок, и напрягался, чтобы тебе кто-нибудь не сказал про меня плохое. Я даже несколько раз ловил себя на том, чтобы ты не застукал меня дерущегося. Один раз это уже было и повторения, честно говоря, не хотелось. Помнишь, как ты застукал нас в тот момент, когда мы с привычной беспощадностью расправлялись с очередной нашей жертвой. Тогда, первый раз в жизни, ты закатил мне оплеуху и мой дружок, который не был с тобой знаком, пошел было на тебя, но узнав, что ты мой старший брат, присмирел, совсем как я. Даже после той, как я тогда думал, незаслуженной оплеухи, я на тебя не обиделся. Ты всегда был мне примером для подражания, я всегда хотел быть похожим на тебя. Но, видно, мое низменное нутро взяло верх над всем тем, что закладывали в нас, в первую очередь, наши родители...

Только тогда, на суде, в первый раз я почувствовал раскаяние. Извини, что меня так сейчас развезло, но мне непременно надо было выговориться... Пиши, пожалуйста, почаще и не только о моих друзьях, но и о своих. Попроси их, чтобы иногда не жалели для меня пару слов, знаешь, здесь каждая весточка с воли, как глоток воздуха. Мама написала, что Леван женился. Поздравь его от меня. Только не забудь передать, с какой совестью он это сделал? Ведь они всегда, как братья были. Не понимаю, как он смог такое? Неужели ему не стыдно? Я даже подсчитал, что ребенок у них родится, как раз к моему освобождению. Вообще-то человечеству известны и случаи рождения се-

мимесячных, тогда тебе вместо меня придется преподносить розы молодой маме... Ну ладно, передавай всем от меня привет.

Опять чуть не забыл, позвони Сосо и спроси, прочел он, наконец, «Спартака»? До сих пор не могу забыть ту экскурсию с классом в Батуми, когда и Сосо с нами увязался. Ему нравилась моя одноклассница, которая взяла с собой в поездку «Спартака». Ну вот я и решил воспользоваться случаем и всучил ему книгу, надеясь, что свершится чудо и он хотя бы из любви к девчонке прочтет одну книгу. Чудо, и правда, свершилось и Сосо проявил интерес к книге, но где-то с середины бросил читать, заявив, что ему не интересно. Сколько я ни бился, не смог уговорить его прочесть книгу до конца. Попроси его, пожалуйста, дочитать ее и пообещай от моего имени, что я больше никогда в жизни не потребую от него такой жертвы!

P.S.

Я никому пока не говорил. Начал учить английский, с помощью старого валютчика. И на гитаре учусь играть. Освобожусь и буду поступать в театральный институт. Я уже серьезно об этом подумываю и начал брать мастер-класс у одного малоизвестного актера, но зато известного афериста. Ты это всерьез решил сдать прежний диплом и поступать на кинорежиссуру? Что ж, здорово! Только не думаю, чтобы мать с отцом разделяли мой восторг, ты ведь знаешь, они всегда хотели видеть тебя в серьезной профессии, а кино и режиссура, по их пониманию, никак не может относиться к разряду серьезных обеспечивающих тебе стабильный доход, если конечно же, не создашь какой-нибудь шедевр. Да, кстати, когда предки направятся ко мне на свидание, не забудь отправить для меня самоучитель английского языка.

Заметь, не тебе поручаю привезти. Да я не обижаюсь, что ты ни разу меня не навестил. Думаешь не понимаю, как тебе невыносимо видеть меня здесь. Если честно, то и я не хочу напругаться...

Целую еще раз. Пока!

ГЛАВА IV

ГУГУ

Я уже точно и не помню, но кажется, мы познакомились в классе шестом. Это тот возраст, когда очень хочется походить на взрослых и тебе кажется, что они, в отличие от тебя, свободны и счастливы. Взрослые распоряжаются твоей жизнью, поучают, указывают, позволяют, либо зпарещают... Ты даже и представить себе не можешь, что они намного скованнее и крепче тебя связаны бесчисленными условностями взрослой жизни. Причем эти узы настолько крепки, что избавиться от них не представляется возможным, сколько бы ни стараться.

Я не могу сейчас вспомнить, кому принадлежит мысль, что под этим небом, нет ничего крепче законов придуманных человечеством. И действительно, со временем ты начинаешь понимать, как трудно обрести свободу на земле, данную тебе Свыше и чем больше ты это осознаешь, тем крепче тебя связывают земные условности...

Детство же дает тебе определенную долю свободы, хотя ты этого и не понимаешь, поскольку еще не знаком с необходимыми условностями взрослой жизни. Твои действия более свободны и импульсивны, хотя ты этого не осознаешь, и сам того не ведая, сопротивляешься недолгой истинной свободе. Свободный дух не хочет подчиняться кому-либо, зачастую родителям и учителям, стремясь самому решать собственную судьбу, даже не представляя, к чему это может привести.

Жизнь движется вперед и тебе нужно развиваться в ногу со временем, пройти сотни путей, чтобы достичь своей хотя бы маленькой мечты. И вот тогда тебя осеняет, что ты ждал от жизни вовсе не этого. В такие минуты, кого-то безудержно тянет обратно туда, куда больше нет возврата – в детство, к «дармовой» свободе. Но я этого не хочу! Я не хочу повторять уже пройденные этапы, хотя, конечно же, ностальгия по детству и мне не чужда.

Пытаюсь завоевать новые вершины свободы и оттуда взглянуть на наш пройденный путь и наше будущее... Но все это мимолетное мгновение! И опять приходится искать новые вер-

шины и уже от этого ощущать себя вполне счастливым, хотя бы от сознания того, что больше не повторишь постыдных ошибок, что сможешь показать и другому постигнутое с высоты вершины, именно показать, а не приказать или поучать. Достигнув этой высоты, ты начинаешь понимать, что не следует становиться рабом собственных мыслей, пусть даже очень гениальных и неповторимых, иначе, до тиранства и диктатуры остается один шаг. И тогда, не покоряя тебе больше новых вершин, поскольку тобой завладеют усталость, бессилие и если угодно, равнодушие. Хотя этому есть и другое объяснение – гордыня, которая вынуждает тебя топтаться на прежнем месте. Гордыня вынуждает тебя обращать на себя внимание окружающих, чтобы тебя непременно заметили и оценили. Какое-то время тебе это удастся, неважно как, запугиванием ли, силой ли, умом или еще чем-то. Но рано или поздно, все встанет на свои места и выяснится, что вершина была всего навсего песчаным холмиком, который разнесет от легкого дуновения ветра. Вершина также может оказаться пропастью и чем фанатичнее твои идеи, тем глубже может оказаться эта пропасть...

А в детстве, для обретения свободы, прибегаешь к простому способу, пытаешься походить на взрослых, во всем им подражая. Неважно, в хорошем или дурном. И поскольку перенять хорошее сопряжено с определенными усилиями, а дурной пример бывает заразителен, в первую очередь, ты учишься сквернословию, потреблению алкоголя и курению табака. И все это в каких-то театральных бутафорских формах. Так например, наш интерес вызывало не грузинское застолье, справедливо именуемое академией, а вино разлитое в бокалы или, еще круче, в фруктовые вазы и турьи рога...

И в тот раз было как всегда. Перед тем как сесть за стол, мы как обычно похвастались своей дружбой с алкоголем и своими пьяными приключениями. Каков же был наш шок, когда на столе не оказалось ничего, кроме «Боржоми» и лимонада. Мы растерянно переглядывались, всем своим видом и репликами показывая, что зря здесь теряем время.

Во всей этой кутерьме не принимал участия только один пацан, попавший сюда на «халяву» с подачи Дато и «Дракона».

Я здорово удивился, что он так спокойно воспринял отсутствие «подогрева» на столе и захотел поближе с ним познакомиться.

Во время танцев, когда он одиноко сидел в кресле, я подошел к нему и представился. Я уже и не помню, о чем мы с ним трепались, но то что мы проболтали до конца вечеринки, помню точно. Видно, мы друг другу понравились. Я то уж, наверняка, был от него в восторге. Он был старше нас на год и больше нас просекал во всяких неформальных делах. Видимо, свою роль сыграло и то, что Гугу был другом детства Дато и «Дракона» и мы вскоре сдружились. Более того, мы сблизились и с компанией Гугу и теперь на все разборки и кутежи объявлялись большой дружной командой.

Гугу был очень мягкий и добрый и меня безудержно к нему тянуло. Больше всего он любил рассуждать о верности. Может оттого, что и сам был очень верный и на него во всем можно было положиться, как на самого себя. Можно было быть уверенным, что он никогда не подставит и не предаст. Даже в мыслях у него не возникло бы подобного.

На первом курсе Гугу принял участие в альпиниаде и с тех пор без памяти влюбился в горы. В Кавказских горах, пожалуй, не осталось вершины, которую бы он не покорил. И без того немногословный, он стал и вовсе неразговорчивым. Меня не покидало ощущение, что его что-то беспокоит и изводит ему душу. Казалось, он больше не реагировал на нашу детскую возню, но стоило нам завести разговор о зле и жестокости, как он устремлял в нас не по годам тяжелый и печальный взгляд, словно пытаясь взглядом передать нам всю несправедливость этого земного мира...

Мы уже всерьез опасались, что бесконечное шатание по горам, не доведет его добра и всячески отговаривали его от очередной экспедиции в горы. Поддерживал его хобби, только Кока. Дато нарек его «Вершиноманом», Лаша «Вершиноголиком». Он не реагировал и только когда мы уставали его обрабатывать, спокойно отвечал: «Хочу взглянуть на этот мир сверху!» И мы все, кроме Коки, воспринимали эти слова, как издевку. Кока всегда просился с ним в экспедицию, но получал железный отказ. У Гугу всегда были веские причины, по которым Кока на этот раз не мог попасть в экспедицию. Мы тоже напрашивались

с ним в горы и тоже получали твердый отказ. И только теперь я понял причину всех этих отказов... Он боялся потерять нас в горах...

Я уже был на пятом курсе, когда он сообщил, что влюбился и собирается жениться. Вскоре познакомил нас со своей невестой и я еще раз убедился, что он никогда не ошибается в выборе. После женитьбы, мы было уверовали, что он откажется от гор, но промахнулись. Даже когда родился ребенок, он пообещал уgomониться, но только с условием: «Поднимусь этой зимой на Ушбу и все, завяжу... Напоследок взгляну на этот мир сверху...»

Накануне перед экспедицией, мы - я, Гугу, Лаша, «Ежик» и Ира- собрались у Коки. Гугу, словно заиклило на любимой фразе «Хочу взглянуть на этот мир сверху»...

Стояла новогодняя ночь. Начинался Новый 1986 год.

ГЛАВА V

КОКА

Такие, как Кока, встречаются редко. Это тот тип людей, которые не питают на свой счет особых иллюзий. Для них карьера и деньги не самое главное в этой жизни. Им все равно, что подумают о них другие, они живут по своим моральным канонам и нарушить их им гораздо сложнее, нежели юридические. Они всегда критически подходят к себе, ужасно мучаясь и терзаясь при малейшем промахе, и долго себе этого не прощая. Они также пропускают через себя боль и мучения всего человечества, родных и близких, думая, мечтая и терзаясь за всех. Даже враги утрачивают в их грезах источник злого начала, становясь великодушными и не приносящими бед. Весь мир сосуществует в мире и согласии, добре и любви. Планета Земля – светлый, теплый и уютный дом, в котором ничто больше не истребляется, не разрушается, не отравляется и вообще, ничто не омрачается...

По природе они печальны. Некоторые, подобно Коке, время от времени скрываются за веселой маской, не давая почувствовать окружающим истинное свое состояние и надо очень хорошо знать таких людей, чтобы почувствовать, что кроется за завесой легкого смеха и бьющего через край веселья.

Они любят одиночество. Именно в такие минуты они полностью проявляют талант предназначенный им свыше и утрачивают восприятие земного. Защиту от неумолимых жизненных законов они находят лишь в людях способных их понять и разделить их состояние.

Время от времени и они становятся неумолимыми и подозрительными, скорей всего это своего рода защитная реакция на иронию и непонимание окружающих. На первых порах к такой категории людей здорово тянет из-за их не совсем обычного и понятного душевного мира, но через некоторое время начинаешь уставать от их бьющего через край показного оптимизма и пугающего пессимизма и ты предпочитаешь вернуться в свой привычный мир со своими проблемами, пытаешься выбросить из головы непривычные и непонятные тебе ощущения от подобного общения.

Мягкие по природе, они неконфликтны, однако обиду запоминают сразу и долго, а может и всю жизнь, носят ее в сердце. Очень вспыльчивы и если взрываются, то никому не пожелаю в такие минуты попасться им под руку. В такие редкие минуты проявляется их опасная неумолимость и пугающая ярость.

Однако, после подобных вспышек ярости, очень переживают за свой срыв, терзают себя неприятными воспоминаниями преследующими их чуть ли не с пеленок и доводят себя до презрения и ненависти к самому себе. Они готовы поверить, что ничем не отличаются от всякого рода похотливцев, подлецов и садистов.

Подобные переживания некоторых из них доводят до самоубийства, других же от этого шага спасает какая-то неведомая сила, не дав покинуть этот мир и заставляя их прожить тот срок, который был предназначен им свыше... Вот почему у них всегда печальные глаза, независимо от того веселятся они или скорбят. Вот почему они бесконечно одиноки.

Часто, в шумной компании друзей, у них вдруг всплывают какие-то воспоминания и находиться рядом с ними в такие минуты становится невыносимым. Вообще, очень сложно постоянно быть рядом с такими людьми. В тебе отнюдь не пропадает интерес вызванный при первом же знакомстве. Просто ты не хочешь разделять чьи-то, в принципе, не всегда понятные тебе, переживания.

Однажды мы поехали на уикэнд в Кахети. Ночь провели на горе, у руин давно заброшенной церкви. Наутро, чтобы не причинить ущерба разрушенным то ли от древности, то ли от рук вандалов, священным камням, спустились чуть ниже и разложили костер для шашлыка.

Похоже, за руинами ухаживали. Как только мы начали аккуратно раскладывать костер, около нас незаметно появилась старая крестьянка и увидев, что мы не собираемся устраивать после себя потоп, принялась нам помогать. Затем благословила пожелала нам сил, как строителям и стражам этого священного храма, и также незаметно исчезла.

Вино непривычно быстро затуманило нам головы. Возникший тогда экспромтный тост я запомнил на всю жизнь. Было полное ощущение того, что мы здесь не одни и над нами витают души наших предков, когда-то строивших и охранявших все эти храмы и крепости, которых так много на этой благословенной грузинской земле и оберегать которые, не только от врага, но и от времени, руки никогда не доходят.

Неподалеку от нас появилась еще одна компания, на которую мы сначала не обратили никакого внимания, но через некоторое время обнаружили, что компания разделась и принимает загар. Их было семеро – пятеро мужчин и две девушки. Половина из них явно были приезжие, славянской внешности. Одна из девиц и один из наших соотечественников распластались прямо на обросших мхом древних плоских камнях, словно чьей-то невидимой рукой разбросанных в окрестностях храма и к ним карабкались двое любителей солнечных ванн.

Первым «въехал» «Ёжик», вслед за ним ошетинились и мы, готовые раздавить всю эту компанию в лепешку... Остановил нас Кока. Он неторопливо подошел к той компании и что-то спокойно сказал. Мужики начали одеваться, девицы слегка

помедлили, однако, хоть и с недовольным выражением лиц, платя на себя натянули. После этого Кока пригласил их присоединиться к нам. За столом он опять подчеркнул, чтобы они не обижались за то, что не дали им возможности позагорать и что это было вызвано желанием не попираť памяти наших предков, чьими костями усыпана каждая пядь этой земли, тем более что загар принимался на чьем-то надгробном камне. Я оглянулся и обнаружил на плоском камне высеченную надпись, которую не смог скрыть даже обступивший камень мох. Я опять вскипел. Надо же. Этот вонючий ублюдок своим жирным задом и немытыми ногами попирает вечную обитель останков наших предков... Но меня охладил тост Коки, который поднял тост за родину и наши народы. Словом, благословил и Грузию, и Россию. Затем еще раз извинился перед гостями, посоветовал соотечественникам больше так не ошибаться и передал следующий тост как раз тому, на кого у меня снесло крышу. Тот толкнул душещипательный тост за родину, за могилы предков и под конец разразился патриотической поэзией. Он еще раз принес свои извинения, объяснив, что его брат защищает в Москве диссертацию и это гости оттуда, а гость, у нас, известно, святое. Остальные тоже поддержали своего друга и вышло так, что они благодарили нас за патриотический дух, который, разумеется, в них тоже сидит, но исходя из канонов грузинского гостеприимства, не всегда может проявляться.

От этого откровенного вранья, лица у нас опять окаменели. Даже Кока едва себя сдерживал, стиснув зубы до желваков на скулах... Гости из Москвы тоже пожелали ответить тостом и поскольку это для них было непривычно, они с трудом сфокусировали мысль на тост. Хотя было видно, что все их слова шли прямо от сердца, и в отличие от своих грузинских друзей, по крайней мере, они были искренни.

Вскоре мы опять остались одни. Наши сотрапезники еще раз извинились, расселись по машинам и скрылись из виду.

Опять все стало на свои места и в наших душах воцарился мир. Старушка появилась опять. На этот раз она вела под руку мужа, глубокого старца лет ста. Старец, окинув нас удивительно ясным для такого возраста взглядом, благословил нас также, как

утром его жена и заботливо поддерживаемый подругой жизни медленно удалился.

Под вечер вино окончательно нас одолело. Нас всех здорово развезло и мы болтали без разбору обо всем –дорогие любимые и дешевые бляди, садистские анекдоты и непристойные песни... В общем, отрывались по полной программе. Сначала и Кока принимал участие в нашем разбитном веселье, а потом вдруг как-то сник, сказал, что не стоит больше здесь так шуметь, чтобы не тревожить покой наших предков и куда-то отошел.

Мы даже не обратили на это внимания и заметили его отсутствие довольно поздно. Из-за развалин храма доносилось какое-то бормотание, мы кинулись на этот звук и остолбенели. Кока с запрокинутым вверх залитым слезами лицом, стоя на коленях, взывал к кому-то невидимому: «Господи, прости нам все наши прегрешения и если они очень тяжкие, то спроси за них с меня... Они, в отличие от меня, не ведают, что творят и поэтому я среди них самый большой грешник... За все накажи только меня, Господи, если хочешь, и в этой земной жизни и той, потусторонней...»

Какое-то время нас словно парализовало от удивления, но потом, кто-то не сдержался и прыснул и мы, словно ожидая этого сигнала разразились истерическим хохотом. Кока мрачно посмотрел в нашу сторону и напряженно застыл, но вскоре и его горький смех смешался с нашим истерическим. К столу Кока больше не возвращался, залез в свой спальный мешок и прикинулся спящим.

В один из предпраздничных дней мы решили прошвырнуться по проспекту Руставели и перед нашими глазами предстала жуткая картина - срезали любимую липу Коки. Видимо, какой-то умник решил таким образом перед праздником расчистить площадку для демонстрации. Самое ужасное было то, что они не даже удосужились выкорчевать пень и сверху закатали его асфальтом. И теперь он, как нарыв, торчал здесь, на площади, укором для всех нерадивых головотяпов правительства города. Хорошо еще, что на следующий день додумались разравнять этот пень с асфальтом, а то наверное, так бы и торчал там до сих пор прыщом.

Отреагировал я на это зрелище в надежде, что за такое убоище, кто-то непременно полетит с должности. И правда, сначала газеты подняли шум, а спустя немного времени кому-то дали пинка под зад, но я подозреваю, что не автору этой идеи, а скорей всего исполнителю.

Гибель любимого дерева, а затем и связанные с ним кадровые перестановки, Кока принял болезненно. «Ну и что с того, что кого-то сняли, эту липу же заново не вырастят.»

В тот день мы с Кокой долго бродили по узким улочкам старого Тбилиси, лаская грустным взглядом чуть ли не каждый камешек до боли любимого города. Мы успели поговорить о многом, о том, что священный долг служения родине постепенно заменился словами –должность, дело, добыча, что любовь заменила проституция, застолье - пьянка. Мы с сожалением признались, что не знаем своих традиций и обычаев, что утрачиваем свою самобытность, что в погоне за общественным положением и деньгами потеряли совесть и стали ненасытными, что ради этого нам ничего не стоит совершить любую подлость. Никто не считает какой вред причинен нашей земле, будь то недра, вода или воздух. Сколько леса, ущелий, долин и исторических памятников потеряли мы, якобы, для пользы родине. Нам подкидывают мысль и мы начинаем себя убеждать, что так будет лучше, на деле же оказывается, что та ГЭС, которая должна была выдавать более миллиона квт\ч в год, не тянет и половины, да и то посезонно. А эта «польза» обошлась нам в черноморские пляжи, не исключено, что и в смену климата... И кто знает, сколько таких «гениальных» идей осуществлено в этой стране и сколько еще таких «блистательных» проектов ждет эту страну впереди. Разумеется, в том случае, если по-прежнему будем сидеть сложа руки и молчать. Если ничего не предпримем, если народ не увидит всех тех вольных и невольных иуд, которые за собственное сиюминутное благополучие готовы за тридцать сребренников по крупинам растаскать собственную родину...

Оказалось, Кока развил целую теорию о трех огромных вакуумах затормозивших Грузию. И правда, историю нашей страны три раза покрыла огромная пустота.

Первая – во время революции и гражданской войны. Тогда на полях сражений пало многих достойных сынов своего отечества и с той, и с другой стороны. Тех, кто противился советскому режиму и тех, кто за него ратовал. И совершенных немало-численных грехов было у них поровну. Но попади эти люди в другую атмосферу и ситуацию, кто знает, может, они бы этого не содеяли в отношении друг-друга, и всю эту разрушительную энергию обратили бы на пользу своему отечеству. Конечно же, речь о тех, кто отстаивал и отстаивает свою идею и, по своему убеждению, Родину, а не о тех, кто боролся и борется за свою собственность и личную выгоду.

Тогда часть грузинской интеллигенции погибла в боях, а часть эмигрировала. Так или иначе, существенно пострадал и сгинул цвет нации, страна потеряла большое количество активных, честных, справедливых, идейных, любящих свою родину и уверенных в своей правоте людей.

Конечно же, было бы здорово, если бы люди никогда не притесняли друг друга, если бы для всех нашлось место под солнцем и не было бы на этой земле кровавых войн и революций. Но что поделаешь, видимо, так предначертано, для того, чтобы привнести в этот мир нечто новое, необходимо пожертвование и эту зияющую пустоту остающуюся после внедрения подобных новшеств, условно можно принять, как «неизбежное жертвоприношение». Хотя наша страна в те годы могла бы обойтись малой кровью, если бы не вандализм и хотя бы ничтожная компетентность выбившихся из толпы в начальники случайных людей.

Ничего не поделаешь, когда борешься за идею, да при том с оружием в руках, нужно учитывать и то, что такие готовые на все помощники будут всегда. К тому же и ты не застрахован от ошибок и ... Так или иначе, первая пустота образовалась в силу всех этих названных причин.

Второй огромный вакуум поглотил Грузию в двадцатых-тридцатых годах, когда бразды правления оказывались все больше у случайных людей. Ничего не поделаешь, ведь именно такие люди с легкостью привыкают к обстоятельствам и вовсю «поддерживают» победителей. Постепенно они занимают все руководящие должности и способны на все. И все от того, что

они «не ошибаются». У них только одно нужное, «верное» направление – угодить «хозяину». И для этого они делают все возможное и невозможное. Они неукоснительно выполняют все инструкции и приказы. Конечно же, сюда прилагается и ажитированная, одурманенная набором красивых слов одураченная масса, которая впоследствии то ли не понимает, что ее оболгали, то ли не хочет в этом себе признаться. Да это и не удивительно, не так то и легко перечеркнуть всю свою жизнь.

«Хозяин» возникает именно на такой темной, подчас криминальной почве. Хотя, может, изначально он вовсе и не собирался устанавливать диктатуру.

Только в одном я не согласен с Кокой. Если личности претит роль «хозяина» и он не войдет в эту роль, в таком случае он сможет трезво оценить ситуацию и не допустить подобного. Но для этого личность должна отличаться большим умом, огромной внутренней силой и даром правильной оценки событий и положения.

Те злосчастные годы поглотили множество талантливых полных сил и энергии людей, как из интеллигенции, так и из рабочих и крестьян. Не исключено, что среди заключенных были и враги существующего строя, были и заблуждающиеся, но тем не менее, никогда не будет оправдания тому, что в мирное время были искалечены судьбы такого огромного количества людей, какими бы высокими идеями это не мотивировалось. Истинная личность за свою идею не должна оперировать кровавыми и беспощадными методами.

Количество же явных врагов, диверсантов и прочих, оказалось так ничтожно мало в этом огромном кровавом омуте, что невольно начинаешь думать, что скорей всего и в отношении их принимали преступные решения и действия. Пытали, убивали. Жестокость же порождает жестокость. Помимо человеческого материала уничтожалось также культурно-историческое наследие нации. Сколько культурных, исторических, фольклорных и исторических памятников было разграблено, разорено и сметено с лица земли. Было решено в одночасье поменять многовековой жизненный уклад различных друг от друга народов и сгрести их под одни грабли. Все народы проживающие на огромном пространстве решили бросить в один котел. Историю этого огром-

ного пространства решили писать с нуля. Решили нарушить канон биологического и психологического развития и создать собственную единую модель, чтобы сподручнее было править. Оказывается, что фашизм и подобный социализм отличаются разве что идеологией, но принципы и цель у них одна.

В результате, многое исчезло во внутренней культуре, образовался огромный дискомфорт в душах. Нарушилась колоритность наций. К счастью, сохранились прошлые традиции, да и те зачастую, скорее всего как инстинкт и бутафория, и поэтому не смогли развиваться дальше вместе с ходом жизни.

До сих пор, спустя столько времени, в нас затаился страх. От поколения к поколению передались чуть ли не с нуля уставленный нам порядок жизни и внутреннее напряжение. Сложно освобождаться от этих пут еще и потому, что тебя постарались таким создать. Конечно же, мы как-то стараемся многое изменить. Меняем экономические и культурные системы, но никто из нас еще не смог до конца освободиться от старых стереотипов. То ли от страха, то ли по инерции мы невольно цепляемся за старые въевшиеся в нас вредные привычки и химерные представления.

Третий большой вакуум оставила Великая Отечественная война и послевоенные годы. Война разрушила все вокруг, не пощадив никого. Пик психического и физического напряжения народа, казалось, достиг окончательной грани. Тут уж точно было не до своей духовной культуры. Много тогда мужчин не вернулось с полей сражений, а кто уцелел, то калеками, либо физическими, либо нравственными и духовными.

Казалось бы, послевоенные годы должны были принести некоторое облегчение. Почти каждая семья испытала на себе весь ужас войны и соответственно, все должны были осознать цену жизни, цену предавшимся было забвению ценностям. Но как бы не так! Всех, кто имел несчастье попасть в плен объявили предателями и трусами и заменили им концлагеря на «исправительно-трудовые» колонии. Это еще что по сравнению с тем, что целые народы объявили предателями родины. Переселили абсолютно всех, в том числе и вернувшихся с полей войны, вплоть до героев Советского Союза, тем самым нанеся целым поколениям неизгладимую травму. А все остальные должны

были поверить в справедливость этих жестоких бесчеловечных акций в отношении репрессированных. И представьте себе, им почти удалось это сделать. Кто знает что способствовало этому – страх ли, тотальный ли обман или разогретый фанатизм. Но все это, вместе взятое, оказало большое влияние на мировоззрение и дух народа. Тут уж наверняка было не до внутренней культуры и самобытности... Более того подобные переселения народов вызвали у некоторых чуть ли не потребность переоценки ценностей. Следовательно, к сожалению, почти никто не задумался над тем, каким образом может стать предателем родины вся нация, когда родина, это сама нация, вместе с той землей, куда она проросла своими корнями и где на протяжении многих тысячелетий она рождалась, трудилась, сражалась за эту землю и умирала.

Эти три вакуума, за сравнительно небольшой исторический отрезок времени нанесли нам невообразимо мощный урон. От кого было брать молодежи интеллект, перенимать гордые обычаи, стойкий национальный дух, богатую культуру, чтобы проникнуться прогрессивными идеями?

Дети войны, большинство которых было лишено не то чтобы здоровой общественной опеки, а зачастую родительской заботы, и дети послевоенных лет, появились на поприще, в принципе, когда, в отличие от недавних прошлых лет, где-то вдалеке забрезжили блики светлого будущего. В большинстве своем, за труд взялись только лишь для того чтобы выкарабкаться из бедности. Возможно, сыграло и подсознание, но во всяком случае сегодня это выглядит так.

И вот, когда они чего-то достигли, то показали своим детям плохой пример. Многие из них не смогли удержаться и вольно или невольно принялись за стяжательство. Им приспичило заботиться только о своем, собственном. Словно провидение дало бы возможность их детям доживать свой век зажиточными родителями, не устроив им никакого экзамена. Эти люди сохранили идеалы на уровне бутафории и пустых слов.

Да и не удивительно. Строй оставался прежним, вот только узды поослабли, народ вздохнул, напряженные нервы успокоились, отдохнули. А жизнь летит вперед, не давая нам возможности остановиться.

Разумеется, не все под этим небом подчиняется, казалось бы, этим общепринятым законам. Ведь было немало людей, благодаря которым что-то все же сохранилось и дошло до нас. Но, к сожалению, дурной пример заразителен. И наверное поэтому многие достойные люди и их дела остаются как-то в тени. И говорить о них как-то не принято, словно они под запретом, это все по тем же старым стереотипам и понятиям.

Хотя, все проходило гораздо мягче. Да, просто лгали, но зато не приказывали подчиняться. Нужно было просто молчать и никаких проблем не возникало. В большинстве своем именно отсюда берут в нас свои истоки наркомания, пьянство, проституция, незнание традиций, утрата интеллекта, спад духовной культуры или замерзание на одной точке.

Когда говоришь о конкретном человеке, скажем, наркомане, даже пытаешься найти ему какое-то оправдание, причины толкнувшие его на этот путь... У всего есть своя причина... Но когда общие масштабы... Думаю, Кока точно сформулировал. Я был с ним согласен, но думаю, не во всем, хотя, во многих аспектах...

Новый год мы встретили у Коки. Второго января Гугу собирался на Ушбу. Кокины предки встречали Новый год за городом. Мы расстарались и накрыли царский стол... Жена Гугу лежала в роддоме на второго ребенка...

В тот день Кока напомнил мне одну историю... Наступал 1986 год.

ГЛАВА VI

ИРА

Как мне тебя не хватает. Долгих разговоров с тобой, твоей поддержки, твоих советов. Родной сестры у меня нет и никогда не будет. Ты заменила мне сестру, заполнила во мне эту пустоту. Сделала меня более чутким, бережным и отзывчивым. Я всегда мог с тобой открыться, рассказать то, о чем не смог бы сказать даже самым близким друзьям. Мужские отношения скла-

дываются иначе и несмотря на всю большую любовь и преданность связывающую друзей, какая-то невидимая преграда все же существует в их отношениях. Думаю, дело в излишнем самолюбии. Не больно хочется, чтобы кто-то, пусть даже самый близкий друг, увидел твою малейшую слабость... Вернее, не слабость, а бессилие...

Тебе же я мог сказать все. Почти все. Я четко помню, как мы с тобой познакомились. Когда ты вошла в аудиторию, я и представить себе не мог, что это и есть наш лектор. Ты как-то сразу сблизилась с нашей группой и взяла нас, в первую очередь, своей непосредственностью. В отличие от других преподавателей, ты никогда не придавала своему лицу менторского, строго-официального выражения. Ты была мягкой, женственной, доброжелательной и никогда не старалась задержать кого-то силой на своих лекциях под страхом фиксирования прогулов в журнале. Деканат об этом знал и посещаемость студентами твоих лекций проверялась чаще остальных, да и неприятностей создавалось тебе немало. Я запомнил на всю жизнь, как ты однажды в сердцах бросила нам: «Если до сих пор не возникло желания изучить как следует свой родной язык, то вряд ли в этом деле институт силой сможет помочь!» И зачеты мы получили с первого же захода. На последней лекции присутствовали все без исключения. Ты неторопливо собрала наши зачетки и оформила в них зачеты своими нежными, хрупкими руками.

Из-за твоего мягкого характера, сначала на твоих лекциях сидело двое-трое студентов, да и то потому, что им в это время некуда было деваться. Это уже потом, поближе с тобой познакомившись мы зачастили на твои лекции. А ты смогла нас заинтересовать, взбудоражив в нас дремлющую национальную гордость. Ведь до этого большинство из нас вспоминало об этом только во время застолья, в тостах и выражало свою любовь к родине в пустой болтовне. Конечно же, все это понимали, но вслух об этом не принято было говорить и если бы кто посмел такое сказать, то ему наверняка бы не поздоровилось. Тем более что мы никогда не страдали дефицитом наглости, вспыльчивости и задиристости. Посмеявшегося сказать подобное, мы бы просто порвали.

Ты смогла открыть нам глаза. Помнишь, как мы радовались, когда ты в летний семестр, вместо формальной, пустой целины, «выбила» нам археологические раскопки. Сначала археологи были от нас не в восторге: «Тут от университетских «историков» никакого толку, кроме того, что под ногами путаются, а от «инженеров» политеха и подавно! Еще напортчат здесь чего доброго!». Но ты, не обращая внимания на явное негостеприимство, подыскала нам подходящую нашей квалификации работу. С каким воодушевлением мы принялись за дело! У меня было полное ощущение того, что за нами наблюдает вся Грузия.

Нас предупредили, что из-за невыносимой жары мы сможем работать только до 12 часов дня и ближе к вечеру. Но мы не могли остановиться даже в самое пекло. Только в эти жаркие часы мы разбились на две группы и работали, чередуясь каждые полчаса. Мы сделали невероятное, за месяц расчистили от земли стены древней крепости. До этого мы никогда физически не работали, тем более с землей. На руках ныли чуть ли не кровавые волдыри, от непривычного труда с трудом держали ноги, и к тому же на солнце мы нещадно обгорели. Но мы молча сносили эти явные неудобства.

На раскопки с нами увязались и мои друзья, чем здорово меня обрадовали. Когда я пришел к тебе за них просить, ты улыбнулась и сказала: «Спасибо».

Вечером у костра, усталость снимало как рукой. Мы допоздна не укладывались спать и в половине шестого утра вставали как по команде.

У костра мы говорили обо всем. О родине и патриотизме, о прошлом и будущем, о тех или иных деятелях, их заслугах и просчетах. Спорили, убеждали друг друга, искали выхода из тех или иных ситуаций, выдвигали новые идеи...

Вообще, я любитель различных творческих вечеров, но все это, можно сказать, ничто, по сравнению с нашими литературными вечерами у костра... Мы читали отрывки из своих любимых произведений и цитировали любимых поэтов. Тогда я открыл для себя авторов, на которых раньше вообще не обращал внимания или вообще не слышал.

Когда же наступала усталость от всех этих споров и эмоций, ты очень легко находила выход из ситуации либо удачной шуткой, либо анекдотом. Ну мы и взбадривались, вспоминая все новые анекдоты, соревнуясь в остроумии и юморе, в веселых историях и выдуманных байках. Или же выбирали кого-нибудь мишенью и тогда его веселью приходил конец. Но ты и здесь вовремя брала ситуацию под контроль и переводила разговор в другое русло. Тогда я даже не задумывался, как тебе удавалось так безболезненно улаживать все возникающие проблемы.

Возможно, странно, но ответ в самой тебе. Да и внешность тебе позволяла. Неглубокие морщинки у глаз теплого медового цвета не старили твоего располагающего и привлекательного лица, а разлетающиеся черные брови и аккуратные, небольшие губки в доброжелательной улыбке придавали ему особое очарование. Стройная фигурка, красивые, хрупкие руки, скромный, со вкусом подобранный гардероб. Плюс такт и интеллект. Словом, в тебе было все, что может сделать грузинскую женщину эталоном женственности, порядочности, самоотверженности и преданности.

Ты никогда не избегала грязной работы и даже если кто-нибудь из нас оставался дома на время без родительской опеки, ты словно заменяла маму — мыла посуду, готовила, стирала, убирала, тем самым приучая нас к порядку в отсутствии мамы.

Рядом с тобой никогда не происходило склок и драк. Ты словно оберегала нас своим платом и этими твоими качествами я невольно сравнивал тебя со своей мамой. Мне нравится, когда женщина умудряется разряжать самые невероятные ситуации, не становится причиной неприятных ситуаций и не провоцирует драку и жестокость, оставаясь при этом веселой, жизнерадостной и в центре внимания.

Но однажды это все же случилось. Из-за тебя... Нам было непонятно, как это ты осталась незамужней, как могло так случиться, что у тебя, так любящей детей, не было своих. В конце концов мы узнали причину. Ты никогда не говорила об этом, ты вообще избегала разговоров о своей личной жизни. А мы горели желанием устроить твою судьбу, увидеть твоё счастье. Ты отшучивалась и говорила, что счастлива будет, нянчась с нашим потомством. Ты души не чаяла в Лашином малыше. Женитьба

Бадри, Гугу и Левана принесли тебе такую неопишемую радость, что ты вместе с нами не спала ночами, принимая участие в планировании свадебных торжеств.

Как я ненавидел того, кто... Но я не смел с тобой об этом заговаривать, боялся, что причиню тебе боль, обижу. Но однажды я решился «открыть тебе глаза». Ты разрушила все мои аргументы: это любовь идущая с самого детства и ничего тут не поделаешь... Ну да, один раз человек сорвался, ошибся, но ребенок же ни в чем не виноват... Тем более, что он разошелся, но я сама не захотела выходить за него замуж... Малышу отец был нужнее, а мне бы от содеянного мною зла, любви бы не прибавилось. Потом он очень серьезно заболел и теперь уже он не хотел связывать со мной судьбу и калечить мне жизнь...

Ира, у тебя был редкий дар преданной любви. Сначала я ненавидел того и готов был его раздавить и уничтожить. Ведь это он был во всем виноват, это из-за него ты не познала семейного счастья. Из-за него ты не подпустила к себе никого, не захотела принять ничьей любви, хотя вокруг тебя всегда увивались поклонники мечтающие предложить тебе свою руку и сердце. Я по своей молодости думал, что это был бездушный тип. А как же иначе? Сделал ребенка и бросил его на произвол судьбы, твою жизнь превратил в сплошную пытку. И только сейчас я начинаю понимать любовь, которая вас так и не смогла до конца связать. Я понимаю, что любили вы друг друга с одинаковой силой и только по иронии судьбы не смогли быть вместе... Я понимаю и то, что несчастной ты никогда себя не ощущала, потому что так сильно умела любить...

Мы, внаглую, оказались на чьем-то дне рождения. Вчетвером, я, Лаша, Бадри и Кока, увязались за Леваном братом «Ёжика». Кто-то скабрезно отозвался о тебе. Начал трепаться о ваших отношениях. Мы взвились, но Кока моментально пришел в себя и попридержал нас, процедив: «Здесь ни в коем случае нельзя поднимать базар!» Мы кое-как досидели до конца застолья и вместе с остальными гостями вышли на улицу. Кока подошел и плюнул тому типу в лицо, заранее объяснив причину. Не помню сколько их там было, восемь или девять бакланов, но мы одержали верх. Не потому, что были такие крутые, а потому что защищали тебя. И будь их вдвое и вдесятеро больше, то мы

бы их все равно одолели. Избивали мы их нещадно, а того, кто посмел о тебе непристойности, мы довели до бессознательного состояния. В тот момент нам казалось, что они заслуживали и большего... Но мы не должны были оставлять их в таком состоянии... Кока потом долго не мог себе этого простить... Наверное, теперь он опять вспомнил тот день рождения.. Наши безумные последние пинки...

После археологических раскопок мы устроили экскурсию. Нет, не такую как раньше – бесцельную, чтобы повеселиться и нажраться. Мы решили посетить места исторических памятников и для этого сняли автобус. Сколько чего мы, оказывается, не знали, о скольком и не подозревали. Удивительно, что ты, филолог предстала перед нами как блистательный историк. Впрочем, что тут удивительного. Ты так захватывающе рассказывала нам о целых эпохах, что мы невольно представляли себя героическими участниками событий прошлых столетий.

Мы снова будем вместе и еще не раз устроим себе такую экскурсию. Снова будем спорить до хрипоты... Он выздоровеет, и ты... И ничто не сможет вас больше разлучить...

В новогоднюю ночь мы собрались у Коки... Гугу повторял, как заведенный:

«Хочу взглянуть на этот мир сверху»... Наступал 1986 год.

ГЛАВА VII

Я СКУЧАЮ

Ты всегда мне сопротивлялась, всегда упрячилась. Я злился, обижался, но ничего не мог с тобой сделать. А после размолвок, ты вообще становилась невыносимой. То принималась меня унижать и издеваться, а то ластиться, как котенок. Я совсем потерял голову, не соображал как правильное себя вести.

Когда мы возвращались со дня рождения Лаши, я был на седьмом небе от счастья. Я обнял тебя и, так обнявшись, всю дорогу мы сидели в такси. Когда ты входила в подъезд, я крикнул, что завтра позвоню, ты обернулась и как-то загадочно

улыбнулась. Неужели, ты все время играла, неужели, такое возможно, неужели, действительно, вся жизнь – игра?

На следующий день ты опять продолжила свои издевки. Старалась, как можно больше втоптать меня в землю. И я не выдержал, сорвался... Не выдержал потому, что до сих пор никому столько не позволял. Ну и понесло же меня! Я наговорил тебе кучу гадостей. Ты не издала ни звука, молча слушая, как теперь я поливаю тебя бившей из меня неуправляемым фонтаном грубостью.

Спустя некоторое время ко мне пришел наш общий знакомый и передал мне твои слова: «За что он меня так оскорблял?» (...) Но я ничего не хотел больше слушать и даже не дослушав его до конца, предложил ему заткнуться. Ты меня здорово вышибла из седла...

Но я тебя по-прежнему сильно люблю. Опять принялся тебе звонить, чтобы только услышать твой голос. Но ты больше не подходила к телефону. Я не знал, что предпринять, к тому же меня сдерживали мое болезненное самолюбие и друзья. Моим друзьям ты больше не нравилась. Их просто бесило твоё дикое упрямство... Но я тебя все равно слепо любил! Слышишь?! Любил и до сих пор люблю... Я скучаю.

ГЛАВА VIII

«ХОЧУ ВЗГЛЯНУТЬ НА МИР СВЕРХУ»

В новогоднюю ночь мы собрались у «беспризорного» Коки. Стол накрыли воистину царский. И хотя Кока нас предупредила, что предки заранее позаботились о новогоднем столе, мы все же натащили всяких вкусностей. Кастрюли на кухне негде было поставить. О вине и речи нет. Вино было божественное, чистое как слеза ангела. Вино выделанное из деревенских виноградников «Ёжика».

Когда открыли дверь Ире, то сначала не увидели ее за ёлкой и многочисленными коробками с ёлочными игрушками. Даже лампочки для ёлки она предусмотрела, о которых, мы ко-

нечно же, начисто забыли. Ира принялась хлопотать и чтобы мы не путались у нее под ногами, усадила нас играть в преферанс.

Ёлку собрала без нашей помощи, подпустила только Гугу, из уважения к вкусу «снежного человека», как она его ласково окрестила. Стол накрыла сама. Когда нас допустили в комнату подготовленную для торжества, мы буквально онемели. Освещали комнату переливающиеся огни ёлки и горящие на столе свечи. Стол был сервирован так, что нам бы позавидовали даже царственные особы. И от всего этого было просто потрясающее ощущение наступающего праздника и того, что с такой красотой, в нашей жизни непременно наступают самые счастливые времена...

Мы весело расселись за столом. Гугу рассказал кутаисский анекдот про Чичико и Бичико. «Чичико, я вчера в автобусе встретил твою жену. Она такие хохмы мне про тебя рассказала, что я чуть с кровати не свалился».

Мы оборжались. Насочиняли много разных вариаций на эту тему. Не знаю, так ли это было смешно, но в тот момент, покажи нам кто даже палец, реакция была бы точно такая. Мы были безгранично беззаботны и счастливы. На какое-то время мы совершенно забыли о наших повседневных проблемах и как дети предались этому безудержному новогоднему настроению. Родовались тому, что вместе встречаем Новый год, родовались ёлке и новогоднему снегу, который пошел как раз 31 декабря и, который в Тбилиси такая, на Новый год, редкость.

Атаковали мы праздничный стол так, что Ира еле успевала подавать и обновлять всю эту красоту. Тосты не задерживались. И с Новым годом поздравили друг друга и Старый поблагодарили за то, что дал нам возможность всем вместе собраться, и здоровья, счастья и любви пожелали друг другу...

Начали вспоминать и придумывать различные забавы, вплоть до того, что совсем как дети пустились в хоровод вокруг ёлки. Затем Коко притащил из кухни кастрюлю, нахлобучил ее на голову Гугу, положил сверху хлебный нож и призвал его повторять за ним текст рыцарской клятвы: «Почтенное и благородное общество, клянусь рыцарской честью, мечом и щитом, не тратить впредь свою драгоценную энергию на ратоборство с

каким-то «Ушбой» и ветряными мельницами. Всю свою неумертвленную энергию обещаю отдать вам, господа, на служение».

Конечно же, это был полный идиотизм, но мы хохотали без умолку. К тому же Гугу своим строением и этой дурацкой кастрюлей на голове, и правда, здорово смахивал на Ламанчесского. Потом затеяли игру в жмурки. Да еще одна хохма. Зажмурилась Ира и почти сразу всех нашла, кроме Коки. В конце концов стали искать его все вместе, пока он сам не дал о себе знать через полчаса. Ну кто бы подумал, что такой дылда умудрится залезть в кухонный шкаф!

В конце концов мы утихомирились и вернулись к столу. Через некоторое время Кока предложил подняться на Мтацминда, чтобы взглянуть на заснеженный новогодний Тбилиси сверху. Мы даже не обратили внимания на эту идею. И высказана она была некстати. Кока был пьян и никто не горел желанием сесть в машину к пьяному водителю. Но Кока словно завис на этой своей пьяной идее и когда уже стал невыносимым, Гугу вдруг его поддержал. Мы заартачились и эта тема временно закрылась.

Раньше всех ушел домой «Ёжик», праздновать Новый год он намеревался продолжить в деревне и пошел отсыпаться. Затем и я собрался уходить. Не знаю, было ли у меня какое-то предчувствие, но почему-то я перед уходом еще раз внимательно на них посмотрел, словно пытаюсь запечатлеть их в своей памяти. Я жадно вглядывался в добродушное лицо Коки: черные, печальные глаза обрамленные густыми ресницами, крупный с горбинкой нос, пружинистые каштановые волосы. Плотно сбитая, слегка полнеющая, высокая фигура. В нем было нечто притягательное, что делает мужчин даже своеобразно красивыми, наверное, невероятная внутренняя сила. Мы уже давно вышли из возраста, когда веришь в сказочных дэвов, но если все же они где-то обитают, я думаю, они должны быть похожи на Коку.

Гугу, как и Кока был высоким, но в отличие от него, очень худым. Впалые щеки, острый подбородок, под невероятно густыми ресницами и бровями, карие глаза и большой, словно от ушей, рот. Черные, как смоль, волосы и брови.

Перед уходом, я попросил его не ходить в горы. «Вечером соберемся у Лаши и здорово поломают, если тебя с нами не бу-

дет». Гугу со смехом дал мне понять, что решения не поменяет: «Я должен взглянуть на этот мир сверху!»...

Наутро я услышал жуткое известие. Никогда себе не прощу, что не остался там с ними до конца. Уже спускаясь с Мтацминды, Гугу, Кока и Ира попали в аварию. На спуске у машины сломалась гитара, она перевернулась, протащилась так около шестидесяти метров и врезалась в скалу...

Кока погиб на месте, Гугу – через две недели, не приходя в сознание. А Ира... До сих пор прикована к инвалидному креслу...

Все же понесло их на Мтацминду, посмотреть сверху на город. Как будто в последний раз они должны были попрощаться с любимым городом сверху. До сих пор не могу понять, как они смогли уговорить Иру? Или так ее это достало, что она не захотела оставлять их одних и вместе с ними взглянула этот мир сверху.

Кладбище... Теперь уже Гугу и Кока, лежат рядом, как Валико и Дато. Они все, и Алик, и мои бабушка с дедушкой – на одном кладбище. Последнее время я стараюсь как можно реже туда заглядывать... Не знаю, почему, но мне все труднее приходить на это кладбище...

В Москве нашли знаменитого врача, в надежде, что он сможет помочь Ире. «Ёжик» вел с ним переговоры и было решено, в месячный срок доставить ее в Москву, где, возможно, ее бы смогли поставить на ноги. Ира должна была жить полноценной счастливой жизнью... «Слышишь, ты вместе с ними взглянула на этот мир сверху, но провидение тебя пощадило, оставив тебе жизнь. И поэтому мы сделаем все возможное, чтобы ты смогла вернуться к полноценной жизни». А я... Я тоже взгляну на этот мир сверху. Второго января, как хотел этого Гугу. Взгляну и больше ни ногой сюда не ступлю... Стоит только для этого подняться на Мтацминда и взглянуть на все сверху... Вообще-то, можно и без гор, подняться душой и разумом... Без этого я просто больше не выдержу... Не смогу жить по-прежнему в бездействии...

ГЛАВА IX

Я СКУЧАЮ...

Почти через два года, кто-то мне сообщил, что ты выходишь замуж... Хотя все к этому и шло, меня как молнией пронзило... Пока ты никому не принадлежала, где-то в глубине души теплилась смутная надежда. В мечтах я позволял себе представлять нас по-прежнему вместе. А теперь... Я даже не знаю, как это назвать – эгоизмом или отсталостью... Несмотря на долгий разрыв, я все никак не мог представить тебя рядом с другим, а это известие, отняло у меня даже мечту... Порой забывшись, я представляю тебя, мою такую любимую и желанную маленькую девочку, которая никому не принадлежит, но стоит мне только вспомнить и представить тебя рядом с другим, как кровь бросается мне в голову и ...

Я «случайно» встретился с тобой буквально за дня два до твоего замужества. Бесстрастно кивнул головой в знак приветствия и заметил (не знаю, может, показалось), что ты явно смутилась и покраснела, пытаюсь скрыть промелькнувшую в глазах печаль... Хотя я этого не могу утверждать... Но на следующий день ты позвонила. Я хотел тебе многое сказать, но мое болезненное самолюбие, не позволило мне этого сделать...

Церемонию твоего бракосочетания я бы пропустить не смог. Я пришел и прятался как вор, украдкой наблюдая за чужим счастьем. Ты была безумно счастлива. Не знаю, а может, мне показалось. Я даже не помню во что ты была одета. Но зато помню, как ты блистала своей красотой и счастьем. На какое-то мгновение я опять забылся в мечте, и мне почудилось, что рядом с тобой, такой ослепительной, стою я и это нас с тобой поздравляют со счастьем... Тебя со мной, а не с ним... Я мгновенно пришел в себя и меня охватила страшная и гнетущая зависть.

Первый и единственный раз в жизни я позавидовал чужому счастью... Не знаю, откуда, но у меня даже хватило сил недолго поприсутствовать на твоей свадьбе... Опомившись, я сбежал оттуда. Сбежал, но никак не смог отогнать навязчивые мысли о тебе, которые инстинктивно привели меня к твоему дому... Смутно помню, как я оказался у Коки, как напился чуть

ли не до беспамятства и как придя домой, тебе позвонил. До чего все банально, не так ли?!

Ответила на звонок твоя бабушка... Я до того напился, что не соображал, что ты бы никак не смогла мне тогда ответить, ведь ты была на своей свадьбе... Я люблю тебя, слышишь?!. Я скучаю!!!

ГЛАВА X

«ХОЧУ ВЗГЛЯНУТЬ НА МИР СВЕРХУ» (продолжение)

Не помню, в какой газете я прочел, что какой-то мужик решил сбежать от людей в лес. Целых двадцать пять лет он прожил отшельником без людей и не подвернись случай, так бы и ушел из этой жизни, ничуть не сожалея о том, что не общался со своими соплеменниками. Питался тем, что давала ему природа, общался опять-таки с природой и несмотря на безжалостное время и старческую беспомощность, не помышлял оставлять своего лесного прибежища и возвращаться к людям. В репортаже о современном отшельнике приведены причины подтолкнувшие современного человека уйти от цивилизации. Это и служебная обида, и самоубийство отца, и смерть сына и семейный раздор... Меня эта публикация здорово потрясла. Я долго размышлял о человеке, который все решил схоронить в своем сердце и добровольно изолировал себя от общества, тем самым словно подчеркивая свое недоверие к людям.

Моя первая реакция была – жалость. Но первые впечатления, после того, как начинаешь анализировать факты, зачастую меняются.

«Я ни о чем не сожалею и считаю, что люди должны учиться прожить хоть ненадолго без цивилизации, как я...» - заявил отшельник журналисту. Я вдумался в сказанное и вдруг понял, что выдано это далеко не от безысходности... Разумеется, одиночество лишило его немалых человеческих радостей, возможно, преждевременно состарило, но взамен дало ему самое

ценное – свободу. Пожалуй, он по-своему осознал и счастье, и силу человеческого духа. Он нашел в себе силы уйти от цивилизации, разорвать сковывающие человечество путы и обрел свободу. Ничто в мире не сможет заставить его подчиниться какому-либо условным требованиям и сделать то, что не считаешь нужным делать. Никто не сможет его предать, сподличать, бросить как ненужную вещь и, самое главное, не запретит свободно думать.

И дело здесь не столько в общественном устройстве, сколько в человеческой природе, в законе джунглей, который несмотря на умопомрачительные достижения цивилизации, изначально заложен в человеческой природе. Конечно же, это не значит, что ростки добра в человеке находятся в зачаточном состоянии. Ведь именно это доброе зерно в человечестве и не дает ему выродиться. Но, увы, человек по природе своей есть угнетатель. Неважно, в чем это проявляется, угнетении ли другого безоговорочным авторитетом, силой ли, требовательностью, навязываемыми капризами, либо неприступной холодностью, ледяным сердцем. Никого под этим небом не обойдет эта участь угнетателя и угнетенного – ни гения, ни слабоумного, ни тирана, ни демократа, ни Кесаря и ни Брута...

И если вдруг захочешь, освободиться от этого давящего на твою душу ярма, то в этой жизни придется от многого отказаться. Если, конечно же, это будет в твоих силах. Ведь многие пытаются сбежать и обрести свободу, но редко кто достигает задуманного. Редко у кого хватает смелости и терпения не соскочить с намеченного пути. Стойкий дух сегодня большая редкость, а если и встречается, то скорей всего как явление временное. В отличие от этого отшельника, мы чаще всего убегаем не от рода человеческого, а скорей всего от себя. Пытаемся временно забыться, отрешиться. Немного отдохнуть от этой проклятой повседневности и собственного «я», не зная, что труднее всего сбежать, освободиться от самого себя. Скорей всего, невозможно. Вот и Гугу пытался это сделать, хотел отрешиться от всей этой земной мерзости. Поэтому и сбежал в горы и пропадал там месяцами. Стоило ему только спуститься, как его начинала изводить гнетущая сердце тоска... Вот почему я последовал его примеру, вот почему карабкаюсь в одиночестве на Ушбу...

Отшельник оказался человеком мужественным... Хотя, кто знает, можно ли назвать мужеством выбор пути наименьшего сопротивления? А был ли этот путь легким? Ведь он сбежал от людей, а не от себя... В общем, в голове у меня все перемешалось... Наверное, и это один из выходов, когда почувствуешь, что не сможешь так больше жить, что-то в своей жизни изменить. Нет, кажется, опять я не о том говорю. «Я ни о чем не сожалею и считаю, что люди должны учиться прожить хоть ненадолго без цивилизации, как я...» «Хочу взглянуть на этот мир сверху»... Сколько общего в этих, казалось бы разных, высказываниях. Отшельник потерял в этом мире все то, что придавало силы Гугу и заставляло его возвращаться обратно. Что привело его к мысли о том, что это было бы последнее восхождение, что дало ему понять, что окончательное уединение вовсе не обязательно для того, чтобы вобрать в себя всю красоту и доброту окружающего тебя мира... Просто иногда нужно уметь уединяться... Так как я сейчас пытаюсь это сделать. Гугу, я последовал по твоему пути, надеясь от себя сбежать, но оказалось, я потянулся за твоей мечтой. Я захотел, на время раствориться в этом мире, ощутив всю его боль и радости. И у меня это получилось. Как только я оказался в горах, я как-то иначе стал воспринимать окружающее, словно постепенно пробуждаясь и очищаясь... Мне казалось, что я иду по непротоптанным еще никем тропинкам, возможно, и ошибочным. Но кто-то когда-то же должен хоть раз пройти по ним, хотя бы для того, чтобы показать другим всю бессмысленность этого пути...

И вот, второго января, я широко открытыми глазами впервые посмотрел на этот мир с высоты Ушбы. В-пер-вы-е... Гу-гуууу...

Как, оказывается, все близко... Земля, родина, человечество, жизнь, семья, друзья... Как, оказывается, красива моя страна... Как, оказывается, величественны, горды, неприступны и ласковы эти горы, твои любимые горы. Ушба, тебя невозможно покорить! К тебе только можно прижаться, приластиться, припасть в неописуемом восторге, но покорить – никогда! Спасибо тебе за благословенный приют и возможность посмотреть на этот мир сверху. Я сделал это, я поднялся на одну из своих жизненных вершин! Впереди меня ждут и другие вершины... Про-

сти, Гугу, что не понимал, что вершины были тебе нужны, не только для самого себя... Вот и я последовал по твоему пути... Э-ге-гей! Уш-ба!

Одиноким альпинист начал спускаться. При этом он что-то невнятно бормотал, беседовал с кем-то невидимым, плакал и смеялся. Вдруг поднялся страшный ураган сорвавший с гор сметающую все на своем пути снежную лавину и повлекшую за собой в зияющую пропасть, тщетно пытавшегося совладать с беспощадной стихией, беспомощного перед силой природы человека.

ГЛАВА XI

ПИСЬМО БРАТУ

Привет, братишка! Конечно было бы лучше, рассказать тебе все при встрече, а не на этом маленьком клочке бумаги, но что поделаешь! Столько всего произошло в твое отсутствие, что обо всем и не расскажешь... Не хотелось тебе говорить, но лучше уж мне сказать, чем узнаешь об этом от других, хотя, очень может быть, что ты уже все знаешь. Нет больше Гугу и Коки...

Так вот, думаю, что я должен осуществить мечту Гугу - второго января, в день Судьбы, подняться на Ушбу. Правда, смогу ли я подняться один, как этого хотел он? Ведь в горах никто ни отчего не гарантирован и поэтому решил тебе черкнуть пару слов. Только не подумай, что я чего-то боюсь, нет, что ты. Страх, может, охватит меня там, ведь говорят же, что горы способны внушать страх и нужно быть просто психом, чтобы не испытать там этого до конца неосознанного страха.

Твои письма и утрата парней, многое во мне перевернули. Я словно заново пересмотрел свою жизнь и понял, что делал не все так, как хотелось бы. Как было бы к лицу истинному патриоту своей родины. Вот ты говоришь, что наши с тобой судьбы

сложились по-разному и потому что во мне больше интеллекта, что я больше достоин нашей семьи. Возможно, со стороны, так оно и кажется, но ты должен знать, что мы с тобой не особо отличаемся друг от друга. Вернее, на мне большая доля вины, чем на тебе. И в том, что ты оказался за решеткой, виноват я. Плохим я для тебя был примером. Ты наивно думаешь, что я никогда не был жестоким. Так знай, я не раз проявлял беспощадность, и на моей совести есть искалеченные тела и души. Просто, мне повезло больше чем тебе, никто меня не заставлял на месте преступления, не видел и не сдавал. Совесть не дает тебе покоя. Вспомни, сколько физических и душевных мук ты перенес? Неужели после всего этого твоя душа не успокоилась, неужели это чувство вины будет еще долго терзать тебя? Не то что я...

Если вернусь, (в чем, конечно же, и не сомневаюсь), то мы с тобой большую часть нашей жизни постараемся посвятить добру. Ведь добро – это вечность.

... Не могу больше писать, а главное я тебе сказал. Случится может всякое... Ты присмотри за мамой с папой, постарайся облегчить им жизнь. Они от нас натерпелись... Женись, нарожай детей... Ведь дети придают этой жизни совсем другую радость... Никогда не забывай друзей и старайся вовремя подставить им свое плечо...

Целую. Твой брат.

Да, с «Ёжиком» связался, помог перевезти в Москву Иру. А вдруг свершится чудо? Еще раз целую. Тато.

ГЛАВА XII

«ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОМ АЛЬПИНИСТЕ»

«Однажды зимой, кто-то решил подняться на Ушбу, да при том в одиночестве. Многих настоящих мужчин поглотила эта мечта, очень многих. Ведь поход на Ушбу, даже летом, чреват неприятными сюрпризами и даже летом...

Разрешения ему никто не дал и после продолжительных уговоров, он решил самовольно отправиться в запретный поход. Позже, на вершине горы обнаружили оставленный им знак, но его самого, ни живого, ни мертвого, так нигде и не смогли найти. Искали его долго, но потеряв всяческую надежду, отказались от бесплодных поисков, вдобавок ко всему, никто не знал его маршрута.

Наверное, друзья и знакомые альпинисты изредка бы о нем вспоминали, если бы не одно обстоятельство. Каждое лето сюда приезжала альпинистка, которая, не жалея сил, искала пропавшего альпиниста. Никто не знал, кем она ему приходилась, женой или невестой, но то, что она долгие годы никак не хотела поверить, что его больше нет, на многих наводило священный трепет.

Мы всячески старались ей помочь. Лазили вместе с ней в поисках по труднопроходимым горным тропам, заряжаясь порой ее оптимизмом и веря, что он живой.

Вечерами же, сидя у костра и скучая по своим возлюбленным, мечтали о такой верной и бескрайней любви... Так прошло пять лет...

Она любила уединяться по ночам. Выбирала себе какой-нибудь край пропасти и замирала, вглядываясь, то в усеянное яркими звездами бесконечно близкое небо, то в отверстую прямо перед ее ногами черноту...

Однако, однажды ей все же пришлось испытать сильное потрясение. Когда она прибежала, на ней не было лица, она уверяла, что ее кто-то звал и что звал он ее его голосом. Дальше она рассказала совсем невероятное. Оказывается, она повернулась на зов, но увидев мужчину с черным, обезображенным струпьями лицом, дико испугалась и инстинктивно бросилась к нам.

На следующий день мы не хотели ее отпускать, но она тайком отправилась на то же место и опять прибежала, дрожа от страха и возбуждения. Как она бессвязно пыталась нас убедить – опять все повторилось. После этого случая она слегла в сильном жару, беспрестанно бредя. Как назло, погода испортилась, вертолеты не могли к нам подниматься и мы никак не могли отправить ее на землю. А в одну из ночей, она вдруг бесследно исчезла... Мы искали ее, не щадя последних сил, но она, как сквозь землю провалилась...

Спустя три года я опять появился в тех краях. Как мне рассказали, ее и альпиниста с почерневшим лицом несколько раз видели издалека... Говорили и то, что он не погиб, и что альпийское солнце до того обезобразило его лицо, что он не захотел возвращаться к людям... Он занял берлогу медведя, которого убил в честном бою. А потом пропитание себе добывал украденным у какого-то горе-охотника ружьем.

Каждое лето он ждал голоса своей возлюбленной, шел на ее зов, но показываться ей все не решался, боясь вызвать в ней отвращение и страх... Так оно и случилось, сначала она сильно испугалась, а потом любовь оказалась сильнее и она последовала за ним в его логово... Говорят, что так и живут они в любви и согласии...

Не знаю, может, это все людская молва и добрые фантазии. Вообще-то, трудно себе представить, что парень мог уцелеть в зимних, суровых горах... Наверное, ей это привиделось от безграничной любви, нестихающей печали и навязчивой надежды на встречу. И наверное, когда в третий раз, ее позвал голос любимого из черной пропасти, на краю которой она стояла, она и шагнула на встречу своей безграничной, истосковавшейся любви. Хотя тела их так и не были обнаружены... А вот охотничьи ружья и патроны в этих краях теряются часто...»

ГЛАВА XIII

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

(ХОЧУ ВЗГЛЯНУТЬ НА МИР СВЕРХУ)

Эта легенда каким-то образом полностью растворилась во мне. Эта волшебная история глубоко меня потрясла. Накалила до предела все обуревающие мою душу чувства и напрягла каждый мускул моего тела. Я представлял себя на месте Черного альпиниста, яростно сопротивлялся стихии, шаг за шагом устремляясь к вершине Ушбы. Я заново переосмыслил свою и чужую жизнь и высказывал несвойственные мне до сих пор мысли. В поисках истины, я постоянно спорил сам с собой.

Словом, я был тем самым Черным альпинистом, с одной только разницей, что в сказках добрый конец. И в легендах, даже печальных, конец все же оптимистичный. Поэтому Черный альпинист и ожил, а я – нет. Ему помогла любовь, а мне... Но это не главное. Главное то, что я сумел взглянуть на этот мир сверху. Еще раз пропустил через сердце всю свою жизнь, еще раз предался воспоминаниям, разбередил все свои, как оказалось, незаживаемые раны, не захотел облегчить свои страдания, не сбежал от самого себя. Попытался осмыслить то, что до сих пор воспринимал на уровне инстинктов.

Наверное, я еще во многом ошибаюсь и мне многое еще предстоит осмыслить. Конечно же, в «моем» альпинисте было много противоречий, но тем не менее я понял, что непозволительно быть равнодушным, беречь свои силы и нервы ради собственного спокойствия. Нужно стараться сеять вокруг себя добро и только тогда твоя миссия на этой земле будет выполнена...

...И вообще, рассказал ли кто в лагере альпинистов у костра эту легенду? А может, мне все это просто приснилось? Вполне возможно...

...Да и какое это имеет значение...

...Все. Нужно решить, идти ли мне завтра в поход на Ушбу. Мне ведь нужно присмотреть за Ирой, родителями, дожидаться брата. Нужно поддержать друзей и выполнить свой долг пе-

ред человечеством, родиной, собственным народом... Ответ должен быть сию минуту, здесь и сейчас!

... Что за вопрос?! Это необходимый шаг! Как раз для того, что я нужен всем... И нужен решительный, энергичный, а не какая-то размазня!

К тому же, я очень хочу, еще раз взглянуть на этот мир сверху!!!

ЧАСТЬ 2

ПИСЬМА

ГЛАВА I

ПИСЬМО ГОГИЕЛЫ

Мама, я очень скучаю. Извини, что так долго молчал. Просто, приходил в себя после смены обстановки... В новой ситуации дел появилось по горло. Честно говоря, я и не думал, что смогу так устроиться (разумеется, в условиях колонии).

Правда, в камере нас много, но это не страшно, ведь у меня армейская закалка. Обустроено здесь все прилично. Пища, конечно же, не сравнится с приготовленной тобою едой, но сносная и сытная. На завтрак нам дают кашу, сыр, масло, чай. Иногда бывает яичница или жареное мясо. В обед, на первое – суп, борщ или щи, на второе – вареное или жареное мясо с картофельным пюре, на третье – компот или кисель. На ужин – каша, масло, чай (на ночь переедание не рекомендуется). Я никогда не питался в таком режиме, три раза в день, в строго отведенные часы. Курорт да и только!

Есть у нас и клуб. Кино показывают каждые два дня. Даже концерты здесь устраивают, правда, актеры калибра Рамаз Чхиквадзе и Гурама Сагарадзе к нам не заглядывают, но заключенные сами ставят спектакли и талантов здесь можно найти немало. Мам, ты даже не представишь, сколько дарований сидит за решеткой. Невольно подумаешь, что раз такие люди находятся за решеткой на «трудовом и ином воспитании», как изгой общества, то с потенциалом достойных людей на свободе, мы непременно догоним и перегоним Америку. Тут столько «артистов», «дипломатов», «спортсменов» и «коммерсантов» самого высокого класса, что мое неполное высшее экономическое образование – ничто в сравнении с ними... (Нет, ты не бойся, как только выйду на свободу, защиты диплома откладывать не буду).

«Производство черных и цветных металлов». В этой же пятилетке, как и было намечено. Я все рассказываю тебе на полном серьезе. С нами сидит бывший директор завода. По мне, так, ему должны были присудить управление более боль-

шого производства. И план его завод всегда перевыполнял, и продукцию выпускал качественную. Понравилась ему как-то идея одного изобретателя, при которой расходовалось значительно меньше и дешевле материалов, но министерство идею не одобрило и не позволило применять новшество в производстве. Однако директор не захотел расставаться с этим изобретением, что вдвое увеличило выпуск производства завода, с той разницей, что «лишняя» продукция стала уходить «налево». Прибыль, разумеется, директор нес в семью: «А что было делать? Если бы я это понес государству, то оказался бы либо на улице, либо за решеткой!» За решеткой он, конечно же, оказался, но зато столько успел заработать на чужом изобретении, что его потомству до седьмого колена хватило бы на безбедную жизнь...

И еще, с таким голосом и игрой на рояле, он, пожалуй, на каком-нибудь важном международном конкурсе классической музыки, спокойно бы вышел в призеры.

Один сидит, так вообще с ума сойдешь, когда узнаешь, за что. На грузинском курорте познакомился с какими-то среднеазиатскими «дельцами» невысокого полета и решил пошутить. Сказал, что лично знает их союзного министра: «Скиньтесь по сто тысяч рублей и привезите в Москву. А дальше, делайте, что хотите, ваши республиканские боссы и пикнуть не посмеют!»

Снял на день в Москве какую-то школу, повесил у входа вывеску с названием нужного министерства, запрятал парты, доски и прочие школьные принадлежности и, словом, создал такой интерьер и «деловую» обстановку, что ни у кого бы не zakралось какого-либо сомнения. Даже плакат не забыл повесить в фойе «Советское машиностроение, самое передовое в мире!»

Так вот, десять среднеазиатских идиотов и попались на приманку, пройдя все круги министерского бюрократизма от бюро пропусков до неприступных, фривольных секретарш. Все было «по-настоящему», и полуторачасовое ожидание в приемной до окончания «заседания коллегии», и долгожданная встреча с «министром», которую он «устроил, предварительно «поговорив» с ним, без посторонних ушей. Лохи трепетно выслушали лекцию «министра» на тему, как претворять в жизнь решения

КПСС, оставили там же в кабинете кейсы с деньгами и пятась задом оставили умопомрачительно «высокий» кабинет. Конечно же, в благодарность за «услугу» в тот же вечер пригласили «благотетеля» в крутой ресторан. Он же, в свою очередь, устроил им «достойные» проводы и срочно свалил из Москвы.

Представляешь, режиссерские способности дали типу прибыль в полмиллиона! Нашим знаменитым режиссерам Робинко Стурва и Михаилу Туманишвили такое баснословное богатство даже во сне бы не приснилось! А какая гениальная постановка!..

Прокололся же он на сущем пустяке. Родная жена приревновала к «секретарше министра» и через два года заложила собственного мужа!

А теперь о моей «трудовой деятельности». Делаю сетки для картофеля. Сначала было трудно, но ничего, привыкаю... Еще бы не привыкнуть, когда на вахте висит плакат, что «ТРУД ЭТО НАШЕ ГЛАВНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ!». Вообще, лозунгами и плакатами увешана вся колония. В клубе, например, «НАША ЦЕЛЬ - ДОСТИЧЬ ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО!», или: «НА ВОЛЮ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО РАЗВИТЫМ!», «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОМОГАЕТ СТАТЬ НАСТОЯЩИМ СОВЕТСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ!». В столовой: «НЕ ЗАБУДЬ ВЫМЫТЬ РУКИ!», «ЧИСТОТА – ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ!».

Так что, живу – не тужу. Вот если бы не скучал по тебе, друзьям и Тбилиси... Но ничего, осталось 1432 дня, не так мало, но и не катастрофически много... Не скучай!

Целую, твой бестолковый Гогиела.

Мамуля, парни тебя навешают? Скажи, чтобы почаще мне писали. Еще раз целую. Твой лопухий Гогиела.

ГЛАВА II

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Когда меня взяли, первый раз я вошел в камеру с каким-то неосознанным страхом. Чего уж тут скрывать, меня пугал незнакомый, совершенно непонятный мне мир. Говорят, что мужчина в этой жизни должен пройти через все. Наверное, чтобы применить все это в нужном месте. Вот и я применил все те знания, которым так беспощадно может научить улица. И тем не менее, поначалу мне пришлось несладко.

Сначала меня поместили в одиночку, видимо, для того, чтобы я не установил с кем-нибудь контакта. Да какой там контакт, когда я вообще ничего не соображал, думая, что нахожусь в дурном сне, который вот-вот закончится. Я вообще больше ни о чем не думал и честно говоря, в глубине души не верил, что со мной так расправятся. Хотя уговора я не нарушал и не думал этого делать.

Страх усилился, когда меня перевели в общую камеру. Вот где я окончательно осознал истинное положение дел! Сокамерников у меня было трое. Очень красивый парень, лет около 23, кахетинец Тэдо, приблизительно, в моем положении. Видимо, поэтому мы с ним больше всех и сблизились, несмотря на первоначальный конфликт.

Замкнутые в одном пространстве, мы конечно же, поделились друг с другом своими историями, изо дня в день, прибавляя к ним новые подробности. Тэдо с детства любил девочку-одноклассницу. Сначала никто не обращал внимания на их эту детскую любовь, думая, что это все детские забавы. Но когда это начало переходить за детский возраст, семье девочки это уже перестало нравиться. Тэдо был из простой крестьянской семьи, а отец девочки был влиятельной в районе фигурой, в свое время командированный туда из Тбилиси на пост секретаря райкома, а затем обосновавшийся там как директор винзавода.

Красавчик Тэдо не хватал звезд с неба в учебе и о дальнейшей учебе и не помышлял. После окончания школы, он решил пойти шоферить. Девушка же поступила заочно в сельскохозяйственный институт и фиктивно была оформлена на работу.

Они продолжали тайно встречаться, чаще всего с содействия их бывшей учительницы, родной тетки девушки. «Она такая замечательная и добрая, что это единственный человек, которого не хочется терять» - с сожалением говорил Тэдо.

Свою возлюбленную он описывал все с нарастающим восторгом: «Ты не представляешь, какая она была красивая! Особенно в голубом платье! Я любил ее до дрожи и не мог себе представить, как это можно посягнуть на такого ангела! Мне казалось, что к ней можно было прикасаться только в невинных ласках».

В армию его забрали с первой же повестки. Тоскующий по любимой солдат писал письма и ее родной тете, их бывшей учительнице.

«В каждом письме умоляла меня поскорей возвращаться, клялась, что сильно скучает и не может без меня жить...»

В тот день, я как чувствовал, метался, места себе не находил. К тому же я долго не получал от них писем... Своего командира полка чуть не угробил в аварии, чуть не въехав на «газике» под колеса КамАЗа!

«А вечером принесли письмо от ее тетки, в котором она просила меня не обижаться и умоляла простить ее племянницу, говоря, что между нами была детская любовь и что настоящую свою любовь она нашла с другим.

У ее отца работал молодой инженер, с которым она и нашла свою «настоящую любовь»...

Так вот я прямо ей отправил письмо, пообещав, убить.»

Год, после его возвращения из армии, она пряталась от него. О его обещании знали все, вплоть до участкового инспектора, который посоветовал ему не дурить. Но однажды, ему удалось увидеть, как они с матерью и теткой, в машине ее мужа, направились в Тбилиси. Он бросился домой, прямо из горла влил в себя поллитра 70-градусной чачи, оседлал свой автобус «ЛАЗ», догнал и, не сбавляя скорости, переехал легковушку с «ненавистными» пассажирами.

Сколько раз, ночью, я просыпался от мучительного воя... Тэдо рыдал во сне и умолял свою любимую простить его... Осыпал ее словами любви и ласки...

Когда меня перевели, он все еще был под следствием. Только недавно я узнал, что ее отец представил на суде его письмо с угрозой. Присудили ему 13 лет строгого режима, 5 лет «крита», так что никакая амнистия его не коснется.

Еще один сокамерник был тбилисский «игрок» Бондо Лория. Кстати, кандидат медицинских наук. Его явно кто-то сдал, милиция застала его прямо на месте «преступления».

Пожалуй, от остальных заключенных его отличал потрясающей вязки толстый пуловер, с огромным английским флагом на груди, который связала ему жена.

Один из наших надзирателей просто слюнки глотал по этому пуловеру и умолял его или подарить, или, на худой конец, продать. Но никак не смог добиться согласия упрямого заключенного. Даже ксива ему пришла, что мол какому-то вору в рамке, приглянулась тряпка и он должен срочно отослать шмотку в указанную камеру. Но и эта мера не возымела своего действия.

Однажды, прямо посреди ночи на камерной двери с грохотом открылась кормушка и грозный голос потребовал Бондо. Сам вор Сайэт пожаловал к нему на переговоры!

- Ты что, ханыга, оборзел?! Почему не выполнил сказанного?!

- Потому что вещь принадлежит мне и я имею право знать, почему вы так ею заинтересовались!

- Так нужно делу!

- Или надзору?

- А вот это уже не твоя забота! Усек, ханыга?!. Короче, давай тряпку и забудем! А то в следующий раз, за мое беспокойство, тебе точно несдобровать!

Бондо нехотя протянул к кормушке пуловер: «Возьми, брат, мне не жалко! Вот, чтобы легавый не начал хвастаться, мол, как только вменял воров, то сразу стал покладистым.

Протянутая за пуловером рука, вдруг застыла в воздухе. Сайэт понял намек Бондо. Такой оборот дела его не устраивал, тем более, что репутация его в воровском мире и без того была уже подмочена. А тут еще такое! Хотя, можно будет как-то выкрутиться, а вдруг – нет? Сайэт не пошел на риск, но этот ночной визит, моментально распространился по «тюремному ра-

дио» и уже позже, когда его отправили на зону, ему этот прокол не простили.

Той ночью мы еще слышали, как по тюремным коридорам бродил с кем-то Сайэт и чертыхался, что чуть не вляпался в историю из-за какого-то легавого. Видимо, он был под кайфом.

В тюремных коридорах, особенно по ночам, слышимость просто отличная и все слышали «историю» с пуловером. Арестанты исподтишка потешались, а некоторые особо смелые циники даже подкалывали надзирателя:

«Может, мой пуловер сгодится? Бери, не жалко и главное, по пустякам не надо будет никого беспокоить!»

Третьим в камере был, «смотрящий», тбилисский парень, попавшийся на воровстве. На первый взгляд, он казался спокойным и даже безразличным, хотя это был очень умный и целенаправленный человек. Сразу при моем появлении в камере он подробно расспросил меня обо всем и указал мне место. А потом вел себя так, словно мы никогда не говорили.

Наша камера – бетонный мешок, с густо зарешеченным окошком в крошечный тюремный двор. Вдоль стен – шесть нар в два ряда, нас было мало и поэтому с моим местом проблем не было. Если же в камере много народа и нар на всех не хватает, то можно оказаться и на полу. Хотя на полу можно очутиться и при наличии места. Шансов на это, конечно же, больше всего у «шнырей» и «козлов». А бывает, что при нехватке мест, приходится спать по очереди.

Как и заведено, меня, как новичка, развели. Есть несколько небезывестных шуточек для новичков, вроде бы все знают, но всетаки попадаютсся.

Так Тэдо представили мне, как психа. Сказали, что после того как убили его брата, у бедняги снесло крышу и время от времени он становится буйным, наводя ужас на обитателей камеры.

Приступ буйства не заставил себя ждать, Тэдо издал дикий вопль, выхватил нож и принялся носиться по камере. Бондо и «наблюдатель» с криками «спасайся!» вместе с ним заматались по камере. Он пару раз метнулся в их сторону и вплотную занялся мной.

Я убежал, как мог. Наконец, ему удалось зажать меня в угол и угрожающе занести нож над моей головой. «Залай, залай и он испугается!» - не скупилась в советах сокамерники. И вдруг меня осенило, я рыча, нечеловеческим усилием выдернул кусок доски от нары и набросился на шутников. Вот где они действительно натерпелись страха! Я вслепую размахивал неожиданным орудием уже не думая о том, что действительно могу кого-то из них покалечить. Кое-как им удалось прекратить мою истерику и объяснить, что это была просто шутка и не следовало так на нее реагировать. На том и помирились и больше не вспоминали о этом инциденте.

А потом «этап», «зона» и ко всему нужно привыкать. К тому же не знаю, что стоит рассказывать маме, а что – нет. А она так ждет каждого моего слова. И письмо не всегда удается переслать на волю.

ГЛАВА III

ПИСЬМО ДРУГУ

Шако, привет! Ну, как дела, как вы там? Меня абсолютно все интересует. В первую очередь, моя малышка-крестница и все дорогие нам с тобой люди...

Я хочу узнать все немедленно, хотя знаю, что ответ будет только с почтой, а подробности, так вообще, во время свидания. Передай всем, чтобы писали мне как можно почаще, ведь прием писем здесь не ограничен, в отличие от их отправки. По тюремному распорядку, заключенному не положено отправлять более одного письма в месяц. Хотя как здесь утверждают, почтовый ящик для отправки писем на административном здании, вот уже лет пять никем не открывался. Поэтому и переправляют заключенные свои письма на волю через близких тех заключенных, кому выпадает «свидание». Так что мое долгое молчание, в отличие от вашего, может быть неудивительным.

Шако, присмотрите за моей мамой, навещайте ее почаще. Правда, ей нелегко будет видеть вас без меня, но эти встречи

будут радовать ей сердце. Ты же знаешь, она никого лишнего раз не побеспокоит своими проблемами. Меня очень тревожит ее частое недомогание и общение с вами, может, как-то облегчит ее состояние...

А что касается меня, то я еще раз убедился, что человек ко всему привыкает. Привыкнуть к этой ситуации многим покажется невыносимым. Хотя, представь себе, здесь есть и такие, кто чувствует себя, как дома. По мне, это просто какое-то безумие.

Как можно чувствовать себя нормально в этом дерьме. Ведь ты вынужден вываливаться в любой грязь, свыкнуться с людской мерзостью, ежедневными изощренными издевательствами над человеческой природой. Либо ты подчиняешься установленному порядку, либо противишься, становясь беспощадным и безжалостным к окружающему, все время пребывая в состоянии натянутой струны. Но все это не проходит бесследно... Люди становятся неадекватными, способными на все в любую минуту.. Самое страшное, что эта озлобленность остается с людьми на всю жизнь.

К сожалению, человечество еще не изобрело других методов перевоспитания личности и поэтому без подобного института невыносимо ни одно государство. Но раз уж человечество пока не может обойтись без подобных заведений, то по крайней мере нужно подумать о том, что обществу нужно возвращать расклевывшихся, полноценных индивидов. Ведь главная функция исправительных заведений заложена именно в этом. Иначе, какой смысл в наказании?

В действительности же, все иначе. Действуют такие юридические, писанные и неписанные законы и создаются такие условия, что кажется, этим самым с тобой расправляются. Жаль, что в двадцатом столетии, государство, которое, по идее, должно быть главным борцом за гуманные идеи, целенаправленно втаптывает тебя в грязь и ставит на колени, тем самым, запугивая одних, и вызывая садистические наклонности в других. В итоге, и одни и другие, возвращаются в общество озлобленными, с комплексом неполноценности и тюремным клеймом на всю жизнь. Для заключенных, человеческая жизнь ничего не значит, поскольку они считают, что в их положении виноваты все окружающие. Каким бы то ни был виноватым и как бы не рас-

каивался в содеянном, это чувство быстро проходит, уступая место озлобленности на общество.

Однако, было бы справедливо сказать, что дело здесь не только в жестких юридических законах. Их, как правило, сопровождают расплывчатые формулировки министерских инструкций усиливаемые действиями администраций на местах. Словом, всем дается возможность помыкать тобой, унижать твое человеческое достоинство. Слышишь?!

А это порождает еще большее зло среди заключенных. Не говоря о том, что в тюрьмах, с молчаливого согласия администрации, действуют свои неписанные законы, что считается вполне нормальным явлением. (В противном случае, установить порядок не представляется возможным). Но в последнее время, к примеру, в нашей зоне и это стало фикцией. Стоит только захотеть, то дело обернется, как им заблагорассудится.

Шако, это джунгли! Вдобавок, голодные и бесплодные. Здесь, чтобы выжить, нужно быть не только физически выносливым, но и умственно продвинутым. К тому же, необходим кое-какой опыт. И чем сильнее в тебе эти компоненты, тем легче тебе здесь выживать. С таким набором, в тюремных условиях, можешь ощущать себя вполне комфортно – и жратва есть, и запить есть чем, и на чистых простынях спишь и, главное, никто не смеет вытереть об тебя ноги. (Вообще-то, думаю, что за редким исключением, все заключенные должны содержаться в сносных условиях. Точно не помню, но, кажется, даже Дзержинский говорил, что заключенному достаточно и того, что у него отняли свободу).

А теперь о главном... Опять понадобились бабки... Подробосьте мне рублей триста. Эта сумма понадобится мне ежемесячно... Ну это объясню, когда приедешь. Хотя, ты многое и без моих пояснений понимаешь. Извини, но кроме вас мне некому помочь. Мама бы, конечно, подсуетилась, но ведь ей долго придется объяснять, для чего мне это нужно. Да и боюсь, что она на лекарствах начнет экономить... А ведь я ей здешнюю жизнь в розовых тонах описываю...

Надоел я вам со своими нескончаемыми проблемами...
Надо же мне было родиться на этот свет...

Привет всем! Ваш дурной Гогиела!

Привезите мне две смены белья...

ГЛАВА IV

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ К ШАКО

Что ж, объясню. Но не подумай, что я оправдываюсь. Да и смысла нет. Вы и без того сделаете все, что в ваших силах. Но рано или поздно это может и вам надоест... Опять чушь полезла в голову. Вы никогда от меня не отвернетесь, просто быть такого не может... Ведь у меня, кроме вас и мамы, никого не осталось. Я потерял веру во всех. Кроме Бога. Я стал верить в Бога. До сих пор я над этим и не задумывался.

Человек, наверное, так устроен – живешь как в каком-то тумане и пока не припрет, о вере и не вспоминаешь. Меня здесь держит вера в Бога. Это вера дает мне силы оставаться человеком, сохранять твердый разум и жить с надеждой. Я знаю, что грешен и что, мое сердце полно злобы и жажды мести, но я пытаюсь совладать с собой и не поддаваться на дьявольские соблазны.

В зону, по этапу нас доставили по железной дороге в «столыпинских» вагонах. Эти вагоны были названы в честь Столыпина, премьер-министра последнего царя России, в бытность которого, как говорят, был введен этот «класс». Хотя, это может быть и не совсем так, не знаю. В «родную» зону этапировали нас четверых: одного пидора, который был помещен в отдельное купе, и двух козлов, которые были в одном со мной купе. Но поскольку и с этими двумя меня ничто не могло связывать, я с ними не разговаривал и упорно смотрел в часто зарешеченное окно вагона. Вы не представляете, какое счастье смотреть на мир, от которого тебя отторгли, через клетку тюремного вагона. Ты жадно выхватываешь взглядом на станциях и полустанках свободных людей и наполняешься надеждой, что и ты станешь таким же, как и они, свободным. Временами сердце захлестывает злоба и сжимает безысходность, но через некоторое время ты опять радуешься за людей, не знающих цену свободе.

Двигались мы, в основном, по ночам. Днем простаивали в каких-то безлюдных тупиках. Это тоже была своеобразная пытка и мы радовались малейшим признакам жизни проявляющимся на таких стоянках, кажется, даже пробегающим крысам.

Свобода! Как много значит это короткое слово для всех нормальных людей. Во имя этого слова происходили и будут происходить перевороты, революции, кровопролития и войны. И после каждой победы возникают новые тюрьмы, которые заполняют другие – виновные и безвинные.

Ощущение и жажда свободы связано с подсознанием. Адам и Ева, не вняли Богу, ради свободы совершили непростижительный грех и лишились вечности. И что из этого вышло? Пока – ничего. Никто не смог вкусить полной свободы, никто не сумел найти полное естественное освобождение, кроме сумасшедших, психически расстроенных людей. Есть только стремление к свободе, что и придает человечеству жизненные силы.

Мы все время тянемся, стремимся к своему идеалу, а он все время отдаляется от нас и исчезает как мираж...

Господь создал нас по образу и подобию своему и вдохнул в нас душу. А мы святотатствуем, наивно полагая, что если сможем подчинить себе все вокруг, то достигнем самого заветного желания. Но все это суета. Достичь этой вершины возможно только через полное очищение, но это удел избранных, и для большей половины человечества, как, наверное, и для меня, в обозримом будущем это непостижимо...

Но если мы сможем это постичь, значит, в человеке останется душа от Всевышнего. Очищенная от всякой мерзости, лжи, фарисейства, памятозлобия, гордыни и мании величия.

Заключенный теряет физическую свободу, духовная же свобода, как я уже сказал, для многих и без того недосягаема, и поэтому их страдания по свободе удвоенны...

До вахты нас на спецмашинах доставили автоматчики. Оставили наши документы, передали нас лагерному начальству и стремительно умчались.

Снимать с нас наручники, конечно же, никто не торопился. Да и не наплевать им на то, что от них у кого-то растерты руки в кровь? Кого волнует состояние арестанта?!

Кроме лагерного персонала, у входа в зону нас встречает несколько заключенных, корчащих из себя хороших парней. У них уже есть информация о прибывающих, во всяком случае, кто что из себя представляет и за что посадили, они знают наверняка. Ошибаются они в ожидании новичков, рассчитывая раз-

вести какого-нибудь новенького лоха, чтобы потом обернуть ситуацию в свою пользу и урвать для себя хоть какую-то выгоду. «Ты кто, откуда, за что?», приблизительно, это тот круг типичных вопросов, которыми они засыпают новичков. Выслушав мои ответы, они быстренько отвалили, сообразив, что с меня им толка не будет.

Затем начинаются поиски знакомых, земляков. Зугдидцы подваливают к зугдидцам, кутаисцы к кутаисцам, тбилисцы к тбилисцам, чтобы лучше выяснить кто кому кем приходится...

Мне повезло, среди них оказался мамин односельчанин – Мераб Бежанидзе. Я даже вспомнил, что в детстве часто его видел, когда ездил к бабушке в деревню, а потом он исчез. Говорили, что он работал где-то в России, а потом, когда вернулся, кого-то избил по пьянке и схлопотал себе пять лет. Он вроде бы сделал себе досрочно-условный срок, но кому-то из членов прибывшей из Тбилиси комиссии, он чем-то не пришелся по вкусу и его мечта накрылась. Хорошо, не отправили в колонию особо строгого режима, или еще не впарили лишнего срока. Конечно же, ему пришлось здорово потратиться, чтобы выкрутиться из этой ситуации.

По природе, это очень приветливый имеретинец, лет сорока. Узнав о моем происхождении, он очень обрадовался... Нет, не тому, что меня посадили, а что вместе будем сидеть. Подробно расспросив меня обо всем, добавил: «Повезло тебе, парень, один из нашего кутка отмотал срок и его койка рядом со мной свободна. Не придется тебе покупать на складе матраса, подушки, одеяла и белья».

Разумеется, всем этим заключенных должна обеспечивать администрация, но тем не менее людей принуждают за все платить. Не заплатишь, будешь лежать на пустых пружинах. В лучшем же случае, можно воспользоваться постелью освободившегося. Наша зона рассчитана на 700 заключенных, хотя сидит здесь две тысячи.

С момента поступления сюда, меня стало преследовать дурацкое ощущение. Я стал воображать себя то героем какого-то американского фильма, то непобедимым и неуловимым советским разведчиком из детективов в духе соцреализма. Я принялся «изучать» территорию, искал слабое звено для осуществ-

ления побега. Правда, вовремя опомнился, далеко бы все равно не смог убежать!

Но весь «архитектурный ансамбль» огороженной колючей проволокой территории я изучил сполна. Наверное, и вам небезынтересны мои наблюдения. Изнутри зону четырехугольной формы, опоясывает глубокий ров, пожалуй, такой, как на особо опасных участках государственной границы. Затем следует колючая проволока, бетонная стена в четыре с половиной метра в высоту, шесть сторожевых башен размещенных вдоль этой стены и опять ров и километры колючей проволоки.

Сама зона поделена на три части. Сразу при входе, справа от вахты огороженная проволокой площадка, которую называют «проверкой».

Большинство заключенных выводят на работы в колхозы. Согласно инструкции, количество выводимых всегда должно строго делиться на пять. Зоновские ходят с дубинками в руках и сгоняют слоняющихся по зоне заключенных на проверку. Исключение распространяется только на тяжелобольных. Остальные же за неподчинение инструкции могут схлопотать и удар дубинкой.

Признаться, пересчетом на проверке дежурные не больно себя утруждают, будь то опер (капитан или майор по званию) или отрядник (того же звания). Но так или иначе, как минимум, два часа на эту процедуру уходит. Зимой или в дождливую погоду «проверка» проводится в клубе. В это время контролеры (прапорщики по званию) ходят по баракам и «проверяют» количество оставшихся в бараках заключенных. Но и это формальность, пока они перейдут из одного барака в другой, вполне вероятно сосчитать заключенного по второму кругу, ведь в лица никто особо не вглядывается. (...) В две недели раз проводят шмон и все, даже то что разрешается по инструкции – зубные щетки, пасты, расчески, ручки, тетради и конверты – выбрасывают в окно. А пидоры собирают все это добро в кучу, отбирают приглянувшиеся вещички, все остальное поджигают. Отобранные вещи, опять же продаются заключенным. Эти же пидоры имеют право приближаться ко рву, чтобы разравнивать насыпь и по ходу приобретать предметы различного пользования у

стражей на вышке. Не трудно догадаться, что приобретенные товары сбываются заключенным.

Все, у кого есть малейшая возможность, пользуется нашим полнейшим бесправием. Контролеры при шмоне выкидывают вещи с тем, чтобы заключенные опять же от них покупали необходимое.

Чуть поодаль от «проверки» расположен «цех». Занятые там заключенные подготавливают картофельные сетки, которые поступают в магазин. В том же здании находится школа для желающих получить аттестат о среднем образовании. Нетрудно себе представить, какое это будет обучение и аттестат. Да и педагоги заняты только барыжничеством и, как и весь персонал зоны, продают чай, сахар, зубные пасты, щетки, расчески, тетрадки, ручки, карандаши и другие необходимые товары.

И последнее – столовая. Прямо у входа в столовую, справа расположены два маленьких помещения которые занимают портной и парикмахер. Разумеется, и они помимо выполнения своей профессиональной деятельности, всюю занимаются оживленной торовлей.

Столы в столовой стоят в два ряда. В самом конце справа расположены хлеборезка и рядом кухня. Как правило, заключенные три раза в день строем должны посещать это заведение. Однако, не то чтобы есть, но даже находиться там бывает невозможно. Ходят туда находящиеся в слишком затруднительном положении, да и то, зачастую, чтобы взять положенный на весь отряд стакан сахара и пять буханок хлеба (если конечно же, можно назвать эту невыпеченную массу, хлебом!).

Так что, «питаются» в столовой только крайне бедные и всеми забытые эки. Судите сами. На завтрак: вместо каши непонятное вещество, от одного только вида которого мутит, на «второе» нечищенная, тухлая, отварная рыба, распространяющая убойное зловоние. Однажды мне пришлось увидеть, как какой-то несчастный поглощал эту «рыбу», так меня чуть всего не вывернуло наизнанку. И потом тюремный чай – бледная, тепловатая, не редко и совсем холодная, бурда.

На обед – борщ. По нашему – баланда, из обрезков немытого гниющего мяса и тухлой капусты. На второе, опять тухлая рыба или с жидким, как суп, картофельным пюре, или разва-

ренными чуть не в клей макаронами. На третье, непонятная жидкость, именующаяся компотом.

На ужин, опять - каша, рыба, чай.

Зато, ты можешь купить все, что пожелает душа. И сгущенку, и свежее мясо, и копченую рыбу, и колбасу, всего не перечесть. Конечно же, все это удовольствие обходится втридорога, но об этом стараешься не думать. Например, стакан сахара стоит рубль, рубль нужно заплатить и за полкило белого хлеба. Вся зона буквально сидит на чифире, ведь главный рацион всей зоны составляет чай, сахар, хлеб и сгущенка. Так что, если день-ги есть, от голода не умрешь наверняка.

Затем идут двухэтажные бараки. Прямо посреди спальных помещений стоят колонны подпирающие потолок, а вдоль них расставлены двухэтажные нары. Для того, чтобы лучше представить барак, я опишу принцип нашей спальни. По углам, на самом «престижном» месте стоит одна длинная двухэтажная нара на четверых. Затем – две сдвинутые нары на восьмерых и т.д. до противоположного угла, до следующей нары на четверых.

В кутки собираются по следующему принципу: угловая нара плюс расположенная напротив половина (т.е. всего восемь человек) и т.д.

В кутках эски пытаются хоть как-то изолироваться от остальных. Завешивают свою территорию простынями или какими-нибудь другими тряпками, пытаясь придать ей вид комнаты. Платят электрику за проводку электричества, покупают так называемую «спираль» - маленькую, самодельную электропечку для тепла и приготовления пищи. В кутки, как правило, собираются близкие друг другу люди и пытаются таким образом поддерживать друг друга. (У меня возникла одна, может, не совсем подходящая аналогия. Наверное также в фашистских концентрационных лагерях люди сбивались в бригады, чтобы хоть как-то поддержать друг друга).

Ах, да, чуть не забыл. За бараками, возле рва расположен баня, прачечная и котельная. Согласно инструкции, эскам положен один банный день, но если будешь платить рубль за час мытья, можешь, вообще не выходить из бани, за исключением тех часов, когда душ принимает аристократия зоны. Лично я

половину своих «сбережений» просадил как раз на этой территории, словно пытаюсь смыть всю окружающую меня мерзость водой...

Некоторые, большей частью пидоры, месяцами не моются. Им позволено мыться только в тех случаях, когда исходящая от них вонь побеспокоит вора или зоновского. Тогда отдается приказ смотрящему барака спровадить пидора в баню и проследить, чтобы он после себя все там вылизал, чтобы не доставлять неудобств «нормальным» людям.

Как я уже сказал, в том же здании находятся прачечная и котельная. Заведующий баней и весь другой персонал, тоже эки, хотя тянуть деньги из себе подобных никто не стесняется.

Напротив вахты, вдоль дороги на огороженной стеной территории стоит еще одно здание, двери которого открыты от подъема до отбоя (за исключением чрезвычайных происшествий). Это самое главное здание зоны, здесь расположен административный корпус. Кроме кабинетов начальника зоны и его заместителей, в корпусе отведено место для «вызывальщика». Это ээк, который сидит в администрации и по радио либо заключенных вызывает к начальству, либо, поставленным голосом, о чем-то оповещает обитателей зоны.

С задней стороны администрации, в укромном месте, расположен так называемый «педерастник», а правее - санчасть. В кабинетах замполита и медицинских работников производится также цензура поступающей почты и если что-то в корреспонденции кому-то из этого персонала покажется подозрительным, письмо до тебя может не дойти.

Разумеется, и медперсонал занимается оживленной торговлей, только с той разницей, что их товар несколько отличается от обычного набора ассортимента. Кроме алкогольных напитков, которые можно достать и у других барыг, они занимаются поставкой наркотиков для смотрящих за зоной, воров и зоновских.

В этом здании находится операционная, перевязочная и палаты для больных. Самая большая палата – для смотрящих за зоной, чуть поменьше – для воров и зоновских. Словом, все палаты отведены им, по неписаным законам зоны, ни один больной, помимо перечисленных категорий, в санчасти не имеет

права лежать. Вообще-то иногда там может оказаться и кто-нибудь из крутых, но это слишком дорогое удовольствие для сторон.

Далее, за стеной административного здания, расположены один из престижных бараков зоны для «хороших парней» (я тоже обитаю в этом бараке) и клуб, в котором, в основном, крутят кино и изредка организывают «шефские» концерты. Здесь же расположена библиотека почти без художественной литературы, но зато заваленная политической литературой. Несмотря на то, что этого политдобра здесь хоть завались и к рулю власти пришел уже третий генсек, до сих пор почему-то не удосужились изъять из употребления «Малую землю», «Целину» и «Возрождение» Леонида Брежнева. Даже в нашей институтской библиотеке, уже два года назад исчезли эти брежневские «шедевры». Но здесь свои законы и зачастую здешним плевать даже на генеральные директивы, если, конечно же, они их не устраивают.

В кинозале у каждого своя скамейка и как правило, по «недомыслию» проектировщика этого здания, мест всегда не хватает. Еще бы, вместо семиста человек, нас здесь две тысячи! «Козлы» стоят, а пидоры, так вообще не имеют права находиться в зале и они могут «приобщаться к искусству», примостившись сзади экрана.

Подъем у нас в семь ноль-ноль. Санчасть просыпается в девять-десять часов. Мы наспех приводим себя в порядок, что выражается в умывании и легком завтраке и отправляемся, часть - на работу в колхоз, а часть – на проверку. После проверки эки отправляются на работы по зоне и в цех на заготовку картофельных сеток. Ежедневная норма - восемьдесят сеток, месяц назад было шестьдесят, и как говорят, норма будет увеличена. Скоро освобождается место электрика и, может, мне удастся занять вакантную должность. Сто баксов, нужно будет отстегнуть отряднику и помимо того, мне и Мерабу придется здорово покрутиться, чтобы застолбить это место. Неважно, что я толком не разбираюсь в электричестве, зато от проверки к проверке буду относительно свободным человеком.

В цеху выполнение нормы, это что-то невообразимое, приходится отстегивать бабки, чтобы купить эти чертовы картофельные сетки там же у назначенного администрацией брига-

дира или штатского обслуживающего персонала по рублю за штуку. Конечно же, это приходится делать в случае, если, как я, хочешь досрочно выбраться отсюда. К тому же, помимо выполнения плана, нужно заслуживать в месяц одну благодарность и это удовольствие стоит двадцать пять рублей в бюджет отрядника.

Если же ты не торопишься на волю, да к тому же не способен выполнять ежедневную норму, тебя выводят в колхоз. Вот где действительно не выполнишь нормы!

Устроиться на зоне электриком, коптерщиком и почтальоном, считается, чуть ли не пределом мечты. К тому же почтальон может выходить даже за пределы зоны, но это очень дорогостоящее удовольствие, которое далеко не всем энкам по карману. Хотя на зоне есть и такие, кто под различными предлогами могут покидать зону на двадцать четыре часа. Нетрудно представить, в какую сумму это обходится!

Ничего не говорю о завбаней. Хотя прачками, котельщиками, уборщиками в бане, разумеется, работают шныри. Ни один уважающий себя хороший парень не пойдет на такую работу.

Заключенные по неписаным воровским законам разбиты на касты. Главный, смотрящий за зоной, как правило, вор в законе, но случаются и исключения, если смотрящий пользуется большим авторитетом. Смотрящий и другие воры составляют аристократическую касту зоны, из пяти-шести избранных.

Затем идут зонавские. Большинство из них до ареста были «будущими» (эта каста насчитывает около двадцати энков). Конечно, не все «будущие» могут удержать эту «должность» и некоторые в тюрьме скатываются вниз, при утверждении «гражданских чинов».

На страже воровских законов, общака и разборок между энками стоят смотрящий за зоной и воры. Они являются главными судьями и карателями. На зоне во все времена идет игра на большие деньги. Часть прибыли, так называемой доли, стекается в руки зонавской аристократии. Хотя, некоторые, наименее значительные дела могут разбираться и зонавскими, как потенциальными кандидатами в воровские ряды.

Для решения особо серьезных дел собираются сходки. Сходки бывают двух видов. Малые, на которые сходятся только воры и большие, куда приглашают и зоновских. На сходках все решения принимаются большинством голосов.

Как я уже говорил, эти две высшие касты на зоне пользуются всеми благами – санчастью, чистотой и теплом.

Затем идут смотрящие за бараком, большинство из них «будущие», некоторые же просто хорошие парни, как, к примеру, Мераб Бежанидзе. Последнее звено в смотрящих – смотрящий за бригадой. Они собирают среди своих людей денежный общак, который передается смотрящему за бараком, затем, зоновскому, вора и, наконец, смотрящему за зоной.

Основная масса зэков состоит из хороших парней (те, кто попал по достойной статье и подчиняется воровским правилам).

Следующая ступень – козлы, (те, кто попал по дурной статье – барыги, спекулянты, насильники, а также заложившие кого-то во время следствия и на зоне не прочь сотрудничать с администрацией). Козлы тоже содержатся в отдельно отведенных бараках, имеют своих смотрящих за бараком, за бригадой, но и они, как правило, по рангу ниже хороших парней.

От козлов недолго стать и шустряком, т.е. слугой, рабом. Шустряка, в обязанности которого входит стирка, готовка и выполнение всех поручений «хозяина», может занять любой достойный зэк.

Самая низшая каста на зоне – пидоры. Вернее, даже те, кого хоть один раз употребили как женщину.

Этой участи можно избежать, разве что, по болезни. А так испортить могут любого за какую-нибудь провинность, к примеру, за стукачество на авторитета.

У них тоже есть свои смотрящие, которые, как правило, стоят ниже козлов. Но тюрьма есть тюрьма, а наша зона... У нас однажды смотрящий за педерастником на хорошего парня замахнулся. По закону, он не должен был посметь подобное, а воры же хорошему парню посоветовали заткнуться и не вспоминать, мол, потому что этот пидор связан с администрацией, заложит и создаст всем ненужные проблемы.

Как я уже сказал, здесь продается все и вся. Барыжничают пидоры, оперы, отрядники, контролеры, солдаты с вышки. Ба-

рыжничает столовая obsлyга, медперсонал, педагоги, парикмахер, портной, киномеханик. Здесь все стоит денег. Постричься, побриться (по рублю), пошить, подвезти фильм (за что механику нужно отвалить от ста до трехсот рублей из общака, в зависимости от того, какой фильм закажешь, помимо платы за билет). Общак тяжелым грузом висит на каждом зэке, платить нужно непременно, а пойдешь ты в клуб или в баню, это уже твое дело.

В неделю раз приезжает грузовик набитый разным необходимым товаром, сигаретами и даже спиртным. По сравнению с другими многочисленными точками зоны, товар с грузовика дешевле в два-три раза. Даже водка обходится дешевле, если с грузовика она обходится в полтинник за поллитра, то другие сдирают за такую же бутылку не меньше шестидесяти-семидесяти рублей.

Врачи... медперсонал... люди давшие клятву Гиппократa, не выдадут тебе справку о болезни, как бы ты ни болел, если не отстегнешь двадцать пять рублей. Тяжелобольному - резбольница, которая находится вне зоны, обходится, минимум, в двести рублей, а здоровому зэку - в тысячи.

Мы даже не поленились подсчитать доход начальника колонии, который, приблизительно составляет 200-300 тысяч баксов в год. Прикиньте, он в доле со всеми, плюс с замполитом, условное освобождение, досрочное освобождение, ну и все остальное.

Начальник построился неподалеку от колонии. Его трехэтажный дом с пригорка словно обзревает всю нашу территорию. К тому же у него явно садистские наклонности. Говорят, что он по ночам со снайперской винтовкой из дома наблюдает за зоной и хвастается повсюду, сволочь, своим «подвигом».

Две недели назад, нашего барачника отправили этапом в зону усиленного режима. Они были на работах в колхозе. Сначала одного охранника покусала собака, а потом притащился туда опер, выгрузил из багажника ящик шампанского и поставил зэкам, мол, пейте на здоровье, благодаря вам я купил машину. Не стерпел несчастный такого цинизма и разбил бутылку прямо на голове опера. Сначала избили его до полусмерти, затем засудили и добавили ему еще пять лет вдобавок к оставше-

муся одному году. И теперь придется ему отматывать шестилетний срок в колонии усиленного режима.

Парни, вы даже и не представите, что здесь творится! Я так увлекся, что мне начинает казаться, что вы рядом (...) Хочу, чтобы вы обо всем знали! Но смогу ли я все это когда-нибудь передать словами? И вообще, стоит ли это делать? Даже узнав обо всем, в состоянии ли вы что-нибудь изменить...

ГЛАВА V

ИЗ СНОВ ГОГИЕЛЫ

Гогиеле снится детство. Дедушка, и тот день, когда к ним в гости пришел человек со страшно безобразным лицом.

Гость ему страшно не понравился. Гогиела, спрятавшись в соседней комнате, почему-то решил подслушать разговор деда с незнакомцем. Вообще-то, он ничегошеньки не понял из того разговора, и только после смерти деда и отца, мать открыла ему тайну того визита. Лишь спустя много лет он узнал о том уроде и понял, что могло связывать двух абсолютно разных, как по духу, так и по интеллекту, людей.

Дед был высоким, стройным, красавцем с аристократическими манерами и соответствующим интеллектом на лице, а щуплый, вертлявый гость с безобразным лицом, на фоне величественного деда, казался слишком грубым и неотесанным.

В тот день они, уткнувшись друг в друга, почему-то плакали. Только в тот день, единственный раз в жизни, он увидел плачущего деда. Никогда до сих пор, ни после он больше не видел его слез. Даже на похоронах собственного сына.

Во сне все происходило так, как рассказывала мама. Параллельно в этот сон вклинивались картинки, которые делали этот сон как будто вещим.

Вот Гогиела сидит на шее у деда, вцепившись ему в волосы и звонко смеется.

- Деда, а кто это был?

-Мой друг...

-Не может быть, ведь он очень страшный!

Дед торопливо ссаживает Гогиелу себе на колени и ласково тербя его за макушку, спокойно отвечает:

-Главное, чтобы человек душой был красивым...

-Деда, а что такое душа?

-Душа, это то, что дает жизнь нашему телу...

-Как?

-Подрастешь – узнаешь!

-А где ты подружился?

-... Там, куда ты никогда не должен попасть... Упаси нас Господь.

Картинка сменяется. Теперь, как на фотографиях молодости деда. Дед вместе с тем безобразным человеком, облаченные в полосатую одежду арестанта, где-то валят лес. Жуткий мороз, все кругом занесено снегом, а арестанты на этом холоде – полубосые.

Дед изможденно падает на землю, не в силах шевельнуться. Щуплый человек кидается к нему и пытается его хоть как-то подбодрить, массирует ему одревенелыми руками лицо, уши, целует обмороженные ноги, пытаясь, своим слабым дыханием хоть как-то передать другу свое, чудом остающееся в нем тепло.

Другая картинка.

Щуплый, нещадно избитый человек, несколько дней не кормленный валяется в ледяной камере. Дед каким-то образом сумел уломать надзирателя и стоит у зарешеченного окна полуподвала, в котором заточен его друг. У них в распоряжении десять минут. Дед просовывает в камеру один конец где-то раздобытого резинового шланга, а другой то опускает в котелок с лагерной баландой, которую он оставил другу, то посуду с медицинским спиртом, которым украдкой снабдил его лагерный врач. Дед торопится, стараясь, чтобы друг успел принять как много больше пищи. Но шланг слишком длинный, да и обессиленный арестант с потрескавшимися от побоев губами, едва может сосать...

Срок истекает. Вот-вот, в этом месте пройдет лагерный комендант. Щуплый умоляет друга уйти оттуда, опасаясь последствий, которые могут обрушиться на деда. Дед мешкает,

затем решительно берет котелок и плескает содержимое прямо через решетки, торопливо сворачивает шланг и убегает.

Щуплый старается как можно быстрее слизать остатки пищи и спирта. Теперь он даже доволен, непритязательная пища и спирт вдохнули в него жизненные силы и он знает, что опять выжил и будет жить дальше! А жизнь, это самое главное!!! Теперь он ждет появления друга, который обещал принести сахар. Ждет друга и радуется, что выжил...

Картинка опять сменяется.

Дед прижимает к груди рыдающего Гогиелу-арестанта:

- Видит Бог, не хотел я, чтобы ты сюда попал... Я всегда этого боялся...

- Деда, деда...

- Хорошо, что сейчас не происходит того, что было в наше время. Ты бы этого точно не выдержал, сломался бы...

- Знаю, деда, знаю. Но я и здесь еле выдерживаю!

- Держись, внучек. Что поделаться... Знал ведь на что идешь, куда тебя заносит.

- Да не думал я, что...

- Я и не сомневаюсь, что ты не думал, что можно попасть в такую ситуацию. Ничего, терпи. Просто, не стоила она такого жертвоприношения... Мать твою очень жалею, истерзалось ее бедное сердце... И поэтому крепись, в первую очередь, ради матери.

- Я больше не могу!..

- Сможешь! Знал, куда тебя заносит!

- Я не думал...

- Ничего не поделаешь. Держись! Будь мужчиной!

- Мне очень трудно...

- Нам еще труднее было... Эх, не смогли мы оставить вам достойную жизнь... Не должны сажать за детские глупости, когда преступники на свободе разгуливают...

- Не говори, что я сделал детскую глупость! Это не так! Я сделал это совершенно осмысленно! И я преступник нарушивший закон.

-Знаю! Но неужели мы для того прошли через все эти ужасные лагеря и страшные ярлыки «врагов народа», чтобы наше потомство не извлекло своих уроков?..

...Не имеет значения, внучек, преступник ты или нет, нельзя унижать человеческого достоинства кому бы то ни было.

...Щуплый был убийцей... Занимался разбоем ради денег...

... А там... Каким бы ты ни был преступником, все равно мы все люди...

-Может, потому нас и ставят в такие ситуации, чтобы у нас отверзлись глаза... Может, когда он целовал тебе обмороженные ноги и пытался вырвать из лап сладкой смерти, в нем дрогнуло именно то человеческое, что заложено свыше во всех людях...

-Бред! Щуплый и после лагеря остался бандитом и на его совести столько грехов, что не отмолишь...

-Расстреляли Щуплого. Мать же тебе рассказала, почему он тогда приходил... В тот день он уже знал, что его ждет.

-Но чего ради все это, дед?!

-Ради власти... Во всех нас сидит неумная жажда к власти...

-Я больше не выдержу всего этого...

-Должен выдержать! Иного пути у тебя нет! Не распускай нюни, как баба! Мой внук должен уметь быть мужчиной! Должен суметь не повторить моих ошибок и постараться, что-то в этом мире изменить!

-А как же мама?! Ведь меня могут опять сюда затолкать?

-Может быть. Но надо уметь бороться. У меня не хватило на это силы воли и смелости. Я затаился, притих. И вот он, результат!

-Но я никогда этого не смогу! Ведь я слабее тебя!

-Сможешь! Должен смочь! «Если не ты, то кто?!» Давай, думай, ищи свой путь, путь который поможет тебе отыскать то, для чего люди приходят на эту землю... Это очень сложно, но достижимо...

-Я подумаю.

-Решай!

-А вдруг ошибусь и все пройдет напрасно?!

-Не исключено, но ничего не поделаешь, значит, и через это придется тебе пройти... Говорят, не ошибается тот, кто ничего не делает... Торопись... Два года осталось...

-Но мне четыре присудили...

-Раньше освободишься!

-А смогу?

-Сможешь! Трудностей прибавится, да и Сатана не дремлет. Попытается тебя сломать, но ты не должен свернуть с пути сеящего добро. И должен отказаться от всякого зла, которое, будто облегчит нелегкий путь к благой цели. И тогда Господь не оставит тебя и поможет!

-Расскажи еще, что меня ждет впереди...

-Все... больше не имею права... Придет время и сам узнаешь... А теперь мне пора...

-Не оставляй меня одного!..

-Мы все одиноки... Многие этого не понимают, но ты должен это понимать...

-До встречи, деда... Приходи еще, умоляю...

-Когда ты этого очень сильно захочешь, я приду. Но запомни, советов больше не будет...

-Знаю...

ГЛАВА VI

ПИСЬМО МАТЕРИ

Здравствуй, сынок. Не надо все время оправдываться, что не пишешь потому что слишком занят. Для этого мама тебя слишком хорошо знает, мой ленивый мальчик. Ты и с армии не утруждал себя письмами. Гоглик, умоляю, пиши почаще, ведь я этими письмами живу.

Пишешь, что тебе хорошо, дай Бог, но что-то чувствует материнское сердце, что это не так... Скоро тебе будет положено свидание и я уже собираюсь. Напиши, что тебе привезти. Не волнуйся, довезу, все что пожелаешь. Дядя Юра приедет вместе

со мной, так что в четыре руки мы со всем справимся. Дяде Юре сказали по-знакомству, что тебе положено трехдневное свидание.

Твоя тетя уже прислала из деревни твои любимые чурчхелы. В твоем положении это очень кстати. И вкусно, и полезно. Грузины на войну возили ее с собой, как паек. Я и с мальчиками отправила тебе чурчхелы. Если честно, то я испугалась, а вдруг они направились к тебе за счет этого свидания, но они заверили меня, что это неформальная встреча и на свидании никак не отразится.

Хотела отправить тебе с ними письмо, но не получилось. Не знаю, что произошло, но то ли от спешки, то ли от волнения не смогла написать ни слова.

Не взяли они и денег. Приходили Шако и Бадри, а после их ухода я обнаружила пятьдесят рублей. Представляешь, незаметно оставили и ушли. Появятся, я им всыплю! Совсем с ума посходили!

Я ни в чем не нуждаюсь, сынок. Вот только слегка приболела. Теперь уже все позади. Юра и Лариса ни на секунду меня ни оставляют, да и другие соседи не оставляют меня без внимания. Я даже начала уставать от людей. Иногда хочется остаться совсем одной и думать только о тебе, сынок.

Я перебралась в твою комнату, здесь сплю. Такое ощущение, что ты рядом... Наконец, навела идеальный порядок в твоей комнате. Хотя я согласна и на устроенный тобой вечный беспорядок, только бы ты рядом был... Говорят, что готовится амнистия... А вдруг и тебя выпустят?

Сынок, я считаю секунды, минуты, часы до нашей встречи. Я очень скучаю и волнуюсь за тебя, детка. Очень ты у меня вспыльчивый, боюсь как бы чего не вышло и ты не нагрубил начальству. Не принимай все в штыки, начальство на то и начальство, чтобы приказывать и делать замечания в твою же пользу. Может тебя за примерное поведение раньше отпустят. Осторожен будь и с заключенными, не ссорься ни с кем. Да и вообще, если меня спросить, лично я никогда не считала драчливых настоящими мужчинами. Даже если эта драка была из самых лучших побуждений. Так что, ни с кем не дерись! Этим несчастным своего хватает, да и зачем вам там всем ссориться,

ведь вы все товарищи по несчастью... Я понимаю, что нервы не всегда у всех выдерживают, но терпение и выдержка никому еще не мешала. Поверь, сынок. Ведь видишь, как все, что я тебе говорила сбылось.

Едок ты у меня никудышный и что-то я не верю, чтобы тебе тюремная кухня нравилась. Ведь из армии ты вернулся похудевшим на целых десять кило! Я постараюсь высылать тебе всегда что-то калорийное. Да и мальчики сказали, что часто будут тебя навещать, так что питание твое налажу. Детка, нуждающимся всегда помогай, но в меру. Не так как ты всю жизнь это делаешь, отрываешь от себя последнее и остаешься ни с чем... Ты извини, конечно, что я об этом тебе говорю, но у меня сердце кровью обливается...

Одевайся тепло. Шапку не забывай. Знаю, ненавидишь, но там на твой «непрезентабельный» вид никому нет дела. После бани во двор не выходи. Помни, какой ты у меня слабенький и как быстро простужаешься.

Целую еще много раз и веди себя хорошо.

Твоя мамуля.

Передай привет Мерабу, пожелай от меня всех благ. Пусть тоже ведет себя хорошо. Не стесняйся, передай. Я чуть ли не вырастила его. А вообще, вы чем-то похожи, он такой же как ты невменяемый! Пусть мать старую пожалеет и жену с детьми!

Еще раз целую и обнимаю. Мамуля.

ГЛАВА VII

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Когда мальчики ушли, я вволю наплакалась. Ты у меня замечательный сын и все тебя любят... А потом еще обнаружила эти деньги и совсем расклеилась... Эх, сынок, сынок. За что такая несправедливость? Не должен был ты туда попадать, не твое это место...

Постоянно думаю, как тебе помочь и схожу с ума от собственного бессилия. Был бы жив твой отец, тогда бы никто не

смог нас так обидеть. Да и что ты такого сделал? Ведь любил, не ненавидел же. Говорила тебе, а ты и слушать не хотел... И почему ты так сорвался? Как же, найдет она себе еще такого парня! Ничего, придет время и она обо всем пожалеет, но тебе от этого легче не станет. И за что мне такое наказание, сынок?..

Как это тебя угораздило, такого рассудительного и умного? Другим советы раздавал, а сам так влип... Как ты не смог понять, что не любила она тебя, что просто развлекалась...

Встретила ее недавно на улице. Одна шла, без сопровождения. При виде ее у меня начался сердечный приступ. Хорошо, что какой-то прохожий заметил мое состояние, усадил на ближайшую скамейку и собрался вызвать неотложку, но я заартачилась. Так вот человек стоял рядом со мной, пока я не пришла в себя и не встала. Мир полон добрыми людьми, сынок...

Каждый день захожу в церковь, ставлю свечу и молю Бога об одном, чтобы вернул мне тебя целым и невредимым. Боюсь я за тебя, сынок. Очень ты у меня вспыльчивый и порой необузданный. Не терпишь несправедливость, но мир так несправедливо устроен и тебе его не изменить. Так что хорошо, если ты скоро ко мне вернешься и заявишь о себе знаниями, трудом и борьбой за место под солнцем... Или. Зачем бороться, если и так можно спокойно прожить...

Лариса привела к нам гадалку. Та нагадала, что скоро вернешься целым и невредимым. Здорово, конечно, вот только мучают меня сомнения, что Лариса заранее заготовила текст. Не знаю, может напраслину возвожу на человека.

А так, живу себе потихоньку. Мне ведь, знаешь, мало надо. Зарплата хватает, да и тетка твоя высылает мне понемногу продуктов. Так что я даже немножко для тебя подкопить денег умудряюсь. Хочу, чтобы к твоему приезду ты смог одеться и вообще, почувствовать себя человеком.

Обо мне не переживай. Знаю твою эмоциональность. Мальчики сказали, что волнуешься о моем здоровье. Не бойся, детка, я стараюсь тебя дождаться. Боюсь, что если в твоё отсутствие со мной что-то случится, с горя что-нибудь натворишь, мой вспыльчивый и упрямый, мальчик.

На днях проводила уборку в лоджии и нашла твои детские игрушки. Господи, какое это было счастливое время... И отец

твой был живой, и все мы были вместе и ни о чем плохом я и не подозревала и ничего на свете не боялась. Только одно заботило нас с отцом. Твое слабое здоровье. И то, что из-за моего здоровья мы так и не смогли подарить тебе братика или сестричку.

Помню, как сейчас, как ты карапузом, однажды поднялся зареванный, с фингалом под глазом, со двора. Притащил с кладовки огромную корзину, решительно поставил ее передо мной и доведя меня своим синяком до полуобморочного состояния, приказал: «Сейчас же иди на базал и купи мне слазу блатика с сестличкой!»

Оказывается, ты поссорился с Леванчиком, а когда Гогиа примчался на помощь к брату, ты тоже захотел братика, который бы всегда приходил тебе на помощь... Ну и посмеялись мы тогда, а ты, не понимая нашего с папой смеха сквозь слезы, разобиделся еще больше...

Передать не могу, с каким нетерпением я жду возвращения мальчиков с весточкой о тебе. Два дня они с тобой. Звоню, звоню к Шако, а он все еще не появлялся. Что-то меня опять начали терзать сомнения, боюсь, что если они так надолго задержались, это может отразиться на нашем с тобой свидании.

Конечно же, я их понимаю. Твои друзья очень сильно сожались по тебе. Я знаю, они совершенно искренне сказали, что без тебя потеряли прежний интерес к жизни. Они, оказывается, соскучились даже по твоему капризному ворчанию и пьяным приключениям. Говорят, что только сейчас осознали, как сильно им не хватает «наставника» и пекущегося буквально за всех Гогиелы.

Это счастье, что у вас такая дружба. Вы все достойны друг друга... Ты думаешь, зря я все время пыталась вас проконтролировать, чтобы вы не угодили в дурную компанию или чтобы чего-нибудь плохого с вами не приключилось. Видно, чуяло мое сердце беду... И вот!

Знаешь, они очень озлобились из-за тебя. Теперь их приходится умолять, чтобы они чего-нибудь не вытворили. Не знаю клятвенно заверили, что из любви к тебе, они не позволят ничего лишнего.

Лариса сказала, что на суде родственники Майи перешептывались: «Надо же какого парня упекли за решетку! А какие друзья у него! Прямо все как на подбор!»

И я сейчас, когда они приходили представила вас всех вместе. Действительно, приятное зрелище. Надо же, как вы все такие статные, умные, добрые нашли друг друга. Слава Богу, верю, что если со мной что-нибудь случится, они не оставят тебя одного на произвол судьбы. Главное, чтобы ты не сломался.

Твою тетрадку со стихами передала мальчикам. Сказали, что дадут на печать в какой-нибудь литературный журнал. Я их строго-настрого предупредила, чтобы не потеряли ненароком. Не знаю, какой ты поэт для других, но лично для меня – гениальный. Я часто пречитываю твои стихи и все больше убеждаюсь, какой у меня необычный, тонкий душой сын. Эта тетрадка всегда лежит у меня в изголовье и пока они мне ее не возвратят обратно, я не смогу найти себе покоя...

Помнишь, как ты маленьким, когда был на каникулах в деревне, прислал мне стих :

Что-то болит голова,
Кружит от боли мысли,
Может быть эта мигрень,
Маму примчит сюда быстро...

Я и правда примчалась, как сумасшедшая, подумала, что ты заболел. Надо же, во втором классе, ты уже знал что такое мигрень! И откуда только ты брал эти слова, уму непостижимо!

Хочешь, рассмешу? Однажды я поделилась с твоей теткой, что ты пишешь стихи. Она страшно удивилась и сказала, что с тобой не должно было такого произойти: «Ребенок выглядит вполне здоровым и адекватным!» - авторитетно заявила она.

Ничего страшного. Жизнь еще впереди. Вернешься и стихи напишешь, и настоящую любовь найдешь и детей нарожаешь... Господи, дай мне только хоть немного порадоваться счастьем единственного сына!

ГЛАВА VIII

ПИСЬМО ДРУЗЕЙ

Гогиела, как жизнь молодая? Ну что, сидишь, как соловушка в клетке? Ничего, зато в твоём лице обзавелись собственным авторитетом. А то как-то не солидно было, такой крутой куток и без своего авторитета.

Пишем тебе все хором: Шако, Дато, Леван, Бесо, Миха, «Лова», Бадри и «другие», Правда, часть из нас видела тебя всего три недели назад, но и они успели уже соскучиться. А вообще, признаться, твоих братских «наставлений» нам всем здорово не хватает.

Маме Лили рассказали о твоём «жизне-бытье». Все сделали так, как ты нам наказал. Сказали, что ты прекрасно выглядишь и соответственно себя чувствуешь. Передали ей и твоё пламенное послание. Говорили мы тебе, чтобы не вздумал ей писать, чтобы не приезжала. Это её чуть не убило... Ведь она минуты считает до встречи с тобой. Позволь ей приехать, взглянуть на ебя, а то она вся изведется. Мы с Бесо тоже приедем вместе с ней. Не бойся, мы так все устроим, что она ничего не поймет больше того, нежели сама это представляет.

Встретили тетя Ларису с дядей Юрой. Они тоже интересовались всеми подробностями. Ну им то хоть мы представили более-менее реальную картину. Знаем, тебе это не понравится, но когда дядя Юра начал задавать наводящие вопросы, врать не было смысла. Он юрист и его вокруг пальца не обведешь. Уж он-то получше нас знает, что там творится. Пообещал, что Лили ничего не узнает о действительном положении дел. Он знаком с начальником твоей зоны, сказал, что по идее он не должен забыть того добра, которое Юра ему сделал. Да, кстати, он тоже собирается вместе с твоей мамой приехать и уже лично его поводит. Прикидываешь теперь, почему с тебя не слупили бабок за «электрика»? Дядь Юра, оказывается, ему через кого-то передал, что ты его родственник. Если бы дядя Юра по-прежнему работал бы на той должности... Надо же, наше счастье. Ведь именно тогда, когда тебя взяли, дядя Юра был в шестимесячной командировке. Будь он тогда в Тбилиси, не сидел бы ты сейчас в

тюряге... Он тоже никак не может себе этого простить.

Ну что еще. Назначили дежурство. Тетю Лили хотя бы раз в неделю навещаем по-очереди. Как ты и просил, на твой день рождения с хлебом-солью нагрянули к тебе домой, но никого не застали. Оказывается, она в церкви часто бывает. Тетя Лариса открыла нам дверь, пока Лили пришла мы такой праздничный стол накрыли, что любо-дорого было посмотреть. Она чуть с ума не сошла от радости, когда все это увидела. Правда, без упреков не обошлось, зачем, сказала, мучались, ведь я знала, что вы придете и наготовила всякой всячины.

Оттянулись мы по полной программе, спели, сплясали, твою мамулю в вальсе покружили. Под занавес она вызвала нам всем такси, чтобы мы спяну, на улице приключений себе не нашли и на этом твой день рождения закончился. Кажется, она осталась очень довольной, во всяком случае мы очень постарались.

Между прочим, мы подумали было нагрянуть к тебе вместе с мамой на торжественный денек, но потом передумали, не стали тебя лишний раз нервировать, ведь ты нам запретил это делать. А связываться с тобой, в твой же день рождения не хотелось, лучше триппер подцепить, чем чтобы ты прицепился...

Ой!!! Чуть не забыл доложить, чьими руками составляется послание к тебе. Как ты, наверное, уже догадался «пером» водит Бадри, а то мои каракули могут навясть на тебя нехорошие мысли о моей первой учительнице, которая так и не смогла меня научить нормально писать. Ничего не поделаешь, я тоже часто поминую «хорошими» словами всех тех учителей, которые всю жизнь пытались пробудить во мне тягу к знаниям. Хотя моя каллиграфия не на их совести.

Чтобы ты знал, «идеи» сыплющиеся на тебя из этого послания – общий вклад, видел бы ты нас сейчас, как по каждому слову здесь разворачиваются острые дискуссии, ты бы достойно оценил наш коллективный порыв.

Ах, да, извини пожалуйста, Шако и его семейка пожелали составить тебе отдельную эпистолу, ну уж нет! Нужно срочно подключаться к делу. Итак, после продолжительной пояснительной беседы, решено «перо» торжественно передать мне в руки. Еще бы, хата ведь моя и соответственно, я являюсь хозяи-

ном положения! А если им хочется настрочить собственное послание, пожалуйста, но только пусть занимаются этим на собственной территории.

Оп-ля! На горизонте появилась Пуцкия с виноватым лицом. Представляешь, что она мне сейчас заявила?! «Папочка, я уписалась, как корова»! Надо же дожил, ребенок даже знает сколько может пописать корова. Мзие пришлось срочно нас покинуть. Из ванной доносится оглушительный крик Пуцкии, которая ни в какую не хочет купаться. Извини, меня тоже срочно вызвали к ней, наверное понадобились дополнительные веские аргументы. Передаю «перо» Бадри, видишь, как мы спелись?

Справедливость восторжествовала и я докладываю тебе последние «банные вести». Сопротивление Пуцкии сломлено не без помощи тяжелой артиллерии, и ее удалось-таки окунуть в личную лоханку. Конечно же, при этом были железные обещания отвезти ее к крестному папе Гогиеле...

Знаешь, она только о тебе и говорит и как в такой крохе столько любви вмещается? Я все пытаюсь отучить ее, чтобы она не звала меня «макакой», как ты ее научил, но ничего не получается. Упрямая, как и ты. Я тоже устрою тебе диверсию, подарю ей какое-нибудь «чудище-снежище» и нареку твоим именем.

Позавчера к Мзие сотрудницы приходили, ничего, симпатичные чувихи, главное свободные, незамужние. Ну так вот, сидим, беседуем на всякие умные темы, глазки друг другу строим. Не приперла она в это время свою макаку, подбрасывала ее, да еще приговаривала «крестный Бадри, крестный Бадри!» . Я чуть сквозь землю не провалился, покраснел как рак, а она заливалась своим смехом, выбегала из комнаты, а потом опять повторяла «коронный номер».

Бац! Бесо так ласково припечатал меня по голове, что у меня из глаз искры посыпались, как из мартеновской печи. И какого черта он так по-свински нажирается! Умоляет, чтобы я от него передал тебе особенный привет. Есть! Принято! Кажется, я перестарался, («особенный» моя личная инициатива). Шако вернулся, еле держится на ногах от перенесенных с Пуцкией баталий. Бац! Как ты понимаешь, он тоже удостоен ласки, от известного тебе типа. Стоп! Сейчас кто-то у меня схлопочет по ушам! Извини, этого кретина совсем развезло и если я срочно не

вмешаюсь, дело может закончиться большой кровью. Сейчас мы объединенными силами пойдем укладывать баиньки Бесо.

Уф-ф! Еле справились! И откуда только силы у этого осла берутся? Ни в какую не хотел ложиться. Пока Дато не спел ему колыбельную, как мама, он сопротивлялся. А потом, кажется, поверил, что мама ему напевает, предупредил, чтобы погладила брюки и через час разбудила.

Если бы ты хоть одним глазком заглянул в комнату, то подумал бы, что здесь менты обыск провели. Все вверх дном стоит. Бедная тетя Маквала устала уже объявлять нам строгий выговор. Обзывает нас поганцами и сокрушается, что ни возраст, ни семьи, ни дети не способны прибавить нам хоть капельку ума и исправить. Мы не возражаем. Так оно и есть.

Вчера встретили Заала. Твои одноклассники собрали бабки. Передали тебе пятьсот рублей. Сначала мы не брали. Объяснили «схему». Сказали, что ты предупредил лишнего не высылать. Он внимательно нас вылушал, но деньги все же всучил. Предложил внести деньги в «общак» и выслать тебе, как только понадобятся.

Сам он собирается к тебе в феврале, сказал что наведается к тебе с бабками. Да и мы приедем, хотя до того еще много времени.

Он хорошо устроился. Начал работать в каком-то АТК экономистом. Передал тебе привет и от своей жены, сказал, что до твоего освобождения ребенка крестить не будет. «Свидетель на свадьбе до конца должен выполнить свои обязанности, так что Гогиела, не сможет отвертеться даже тюрьмой!» Между прочим, Манана уже беременна на второго. Да они сами тебе обо всем напишут.

Ну что еще. Остальное, вроде бы все по старому и все на старых местах. Вообще-то студенчество было лучше. Были себе в свободном полете.

Чуть главное не забыл сказать. Отнесли отобранные тобою стихи. Сказал, что немного профессионализма не хватает, не укладываются в какие-то каноны. Пусть, говорит, приходит, немного позанимаемся, кое-что вместе подправим и опубликуем. Пришлось объяснять, что так скоро ты до него дойти не смо-

жешь. Он немного смешался, но клевый мужик, там же выбрал три стиха и добавил, что на первых порах достаточно.

Нет, ты не подумай, что стихи ему не понравились. Наоборот. Сказал, видно, что умный молодой человек, только вот не прошел через горнило профессионала. (Тетрадку вернули тебе Лили в целости и сохранности).

Привет от всех. Целуем, обнимаем и «в ноженьки тебе падаем».

Твои «чересчур правильные» друзья.

Хочу ознакомить тебя с очень популярным последнее время в Тбилиси шедевром народного творчества в лучших патриотических традициях, в ногу со временем. Вот он, уникальный образец народного творчества:

В лесу зацвели кирпичи,

На деревьях растут молотки,

Из лесу прет всякое зверье,

Грузия, отечество мое!

Ну что, круто?! Новое слово в патриотической мысли. Только, звери кто? Так-то брат, перегнали даже Америку.

Послание будет передано одному твоему «соратнику», который передаст тебе его в торжественной обстановке.

Ну еще раз низкий поясной тебе поклон. МЫ!

ГЛАВА IX

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Как всегда, не знали как тебе написать. Вроде бы, подумаешь, какая проблема черкнуть пару слов, но как бы не так...

И Бесо был трезвый, как никогда, и Пуцкия «не писалась, как корова». Это все был экспромт. Хотели тебя позабавить...

Но то, что при составлении письма шум стоял невообразимый и каждый проталкивал свою мысль, это и правда было.

Очень мы по тебе скучаем. Иногда забываемся, начинаем тебе звонить, а потом догоняем, что тебя нет дома...

Злость никак не проходит. Так и хочется отомстить, вот только знаем, что енлзя, что любишь ее по-прежнему. Бадри ее вчера встретил. Хорошеет с каждым днем. Она, кажется, и правда на ангела похожа... Интересно, угрызения совести ее не мучают?..

Заал сказал, что о деньгах беспокоиться не надо. Он левые бабки забивает, к тому же время от времени не брезгует и крутые тачки ремонтировать. Сказал, что до двух тысяч подсобрал. Ты знал, что он до института «жестянщиком» работал? Предложил Шако отремонтировать машину и пообещал помочь с какими-то дефицитными запчастями.

Заходил на днях к тете Лили. Сказал, что должен был тебе пятьсот рублей и оставил ей. Но она ни в какую не хотела брать эти деньги и ему пришлось бросить эти деньги на стол и спастись чуть ли не бегством... Хороший парень. Вообще, у тебя удивительная способность притягивать к себе хороших людей. Как раз вчера мы рассуждали о том, какое благо, что Господь свел нас всех вместе. Кто знает, если бы мы так не сплотились, чтобы с нами стало. Мы как-то дополняем друг друга... Не собери нас вместе Господь, стали бы мы обыкновенными тбилисскими крутыми пацанами и не исключено, что многих из нас задурила бы наркосвистопляска...

Если честно, то стихи тому мужику не больно понравились. Да ты и сам часто говоришь, что после Галактиона и Гранели, говорить о твоей поэзии верх наглости... И все же хочешь, чтобы люди тебя читали, чтобы слышали тебя. Вот мы и подсуетились. Отец Шако звонками укрепил нам тыл. Стихи как стихи, не хуже, чем у других. По крайней мере, искренние, добрые и, главное, идут от самого сердца. Так что, ты наш эмоциональный, добрый графоман. Кто знает, может, мы ошибаемся и не можем тебя объективно оценить. Зато знаем, что здорово скучаем, любим от всей души, ждем и считаем часы, когда ты наконец окажешься на свободе.

ГЛАВА X

ИСТОРИЯ

Первый раз мы с Маей встретились в больнице, где в кардиологическом отделении лежали наши мамы.

В свои двадцать четыре года я, кажется, больше не верил в любовь с первого взгляда. Вообще, в глубине души считал, что это сказки доброго волшебника, который не хочет, чтобы мечта когда-нибудь умирала.

А может, это и не было любовью с первого взгляда... Не знаю. Хотя, когда я увидел ее в первый раз, то буквально превратился в соляной столб. Может, не совсем удачное сравнение, но полностью подходит к тому моему состоянию.

Внешне я оставался совершенно спокоен. Равнодушно протянул ей руку и холодно растянул губы в улыбке. Может, я так холодно себя повел из-за того, что она была сестрой моего одношкольника из параллельного класса? Вообще, у меня всегда был неписанный закон, не ввязываться ни в какие истории с близкими своих, пусть даже дальних знакомых.

Одно время мы встречались только в больнице. Потом сходили вместе в кино, а потом она даже гостила у меня дома. Но отношения не выходили за уважительные, дружеские рамки, которые должны оказываться сестре своего одношкольника. Казалось, все объяснялось только дружескими отношениями.

После того, как выписали маму, я исчез и довольно долго ее не видел. Я понял, что влип, что меня к ней потянуло, но я боясь изменить своим принципам, не хотел заходить глубоко. К тому же на пути стоял ее брат и я почему-то стеснялся, что он может узнать о моих романтических чувствах к его сестре. Хотя порой я порывался позвонить, но в последний момент тормозил. Мамы выписались, скажем, позвоню и что? Справлюсь о здоровье ее мамы или как? А если брат подойдет? Ему что говорить? Сказать, что влюбился в его сестру? И как же тогда с моим жизненным принципом? Я считаю, что в отношения между знакомыми, пусть даже не близкими, не стоит вмешивать женщин. Это всегда чревато большими проблемами. Например, сестры моих друзей для меня всегда были сестрами и не более того. Я

даже представить себе не могу, как может быть иначе. Майин брат никогда не приходился мне другом, но наше с ним знакомство все равно стояло препятствием в моих чувствах. Тем более, что мы всегда благожелательно были настроены друг к другу.

Я героически пытался ее забыть и даже взял на душу грех. Чтобы выкинуть ее из головы, я начал встречаться с одной девчонкой, которая, кажется, влюбилась в меня по уши. Такие серьезные чувства меня не устраивали и я решил дать задний ход. Нашел какую-то причину и порвал с ней отношения. Думаю, что я правильно сделал, по крайней мере, честно. Мы с ней были совершенно разные и ничего бы у нас с ней не получилось. Правда, я ей ничего подобного не сказал и если честно, глубоко об этом раскаиваюсь. Нашел какую-то пустяковую причину и помахал ей рукой.

В конце концов я не выдержал и решил встретиться. Тем более повод для этого был. Фотография на которой нас вместе запечатлел фотограф. Вот и отнес я снимок к ней в институт.

Она была потрясающе красива. Даже красивее, когда я увидел ее в первый раз. Меня стремительно притягивало к ее воздушной, неземной красоте. Боже, какое у нее чистое, светлое, ангельское лицо! С такой красоты пишут иконы! Тогда я первый раз пожалел, что не умею рисовать, что не смогу перенести эту красоту и оживить ее на холсте, тем самым увековечив нас обоих для будущих потомков. Она была в розовом платье, которое придавало ей особый шарм и эту неземную особую воздушность... Она была потрясающе красива... она была так красива, что никто на свете не сможет описать эту умопомрачительную красоту...

Она мне искренне обрадовалась. Мне это не могло показаться. Как бы между прочим спросила, гдя я пропал и я понял, что она ждала моего появления.

В груди шевельнулся страх. Я понял, что влип по уши... Понял, что безумно в нее влюбился, вопреки всем своим выпестованным принципам... Мне это уже не нравилось... Но что с того... Я уже влип!

Я проводил ее до дома, хотел найти повод для следующей встречи, но она сама пришла мне на помощь, сказав, что через три дня в консерватории будет концерт одного известного пианиста и если мне интересно, то могу прийти. Я дикообрадовался. Правда, я не слишком большой знаток классической музыки,

в чем ей тут же признался, «но хорошую музыку от плохой отличить могу» сказал я и выразил готовность исправить этот прокол в своем образовании.

Мы условились о месте встречи и она пообещала заняться моим музыкальным ликбезом, начать в первую очередь с прослушивания кассет корифеев классической музыки.

В тот день счастливее меня существа не было во всем поднебесье. Мне хотелось рассказать первому попавшемуся на моем пути прохожему, как я счастлив и какие чувства меня будоражат. Но вдруг я испугался, что кто-то сглазит мою неземную любовь, я весь как-то сжался, словно пытаюсь таким образом стать незаметным для всех, и как вор тихо прокрался к себе домой.

ГЛАВА XI

ПИСЬМО ГОГИЕЛЫ

Мамуля, моя дорогая мамуля, я очень-очень скучаю. Все никак не могу забыть тех трех новогодних дней нашего свидания. От свалившегося на меня счастья, казалось, что мы встречаем Новый год дома, а не в колонии.

Я так рад, что ты хорошо выглядишь. Ведь ты моя самая красивая и самая молодая мама. Мам, береги себя, если хочешь, чтобы и мне было хорошо.

Пацаны приезжали недавно. Ну да, они наверное уже успели тебе рассказать. Только я на тебя немного обиделся, ты, оказывается, сказала им, что я тебя обманываю, говоря, что мне хорошо, на самом же деле содержусь в очень плохих условиях. И почему ты постоянно все утрируешь? Понятно, почему у тебя возникли такие мысли. Тебя смутила ужасная комната для свиданий! Клянусь тебе, во всей колонии больше не сыщешь места ужасней этой комнаты. Честно говоря, я не задумывался, почему ее так содержат, а когда недавно поинтересовался, то получил не совсем вразумительный ответ, что в колонии, впрочем, как и во всей стране, всем на все наплевать и поэтому никому не приходит в голову провести в этом помещении элементарный ре-

монт. В наших жилищах в колонии мы сами проводим ремонт и вообще сами все делаем. А на ту территорию заключенным вход воспрещен, а администрация, чего тебе объяснять, не станет заниматься чепухой и тратить время на благоустройство территории для свиданки.

Мамуль, сказали, что Нино замуж вышла, поздравь ее от моего имени и передай, что когда вернусь, то мы непременно еще раз отметим это важное в ее жизни событие. Надо же как время летит. Когда мы туда переехали, она была совсем малышкой, а сейчас сама малыша ждет. Не могу поверить, что она такая взрослая стала, все ребенком мне кажется.

Мам, вчера начальник колонии объявил мне первую благодарность за образцовый труд. За год мне нужно три таких благодарности от начальника колонии и ежемесячная благодарность отрядника, чтобы меня представили на условное досрочное освобождение. Пока все в порядке, надеюсь, что так продолжу. Главное, чтобы ты не переживала и следила за своим здоровьем.

Сегодня день рождения Мераба. Как объявило начальство, ради такого случая будет торт. Жаль, что не смогли здесь достать маленьких свечек для торта, но я рад, что начальство так заботиться о своих подопечных. А ты не веришь, что и меня так поздравляли.

Впрочем, здесь не всегда так было заведено. Это года четыре назад, с приходом нынешнего начальника установились порядки к лучшему.

После поздравлений, Мераба ждет еще один сюрприз, концерт в нашем клубе в честь его дня рождения. Я наверное, буду читать свои стихи, ведь кроме этого я больше ничего и не умею делать... (Хотя вопрос, а умею ли я действительно писать стихи?..).

Ну закруглит этот концерт, конечно же сам Мераб. Сыграет нам на чонгури. Ты знала, что он так потрясающе играет? (Чуть не забыл сказать, что ему утром подарили этот инструмент). А вот и он сам передает тебе привет и что ему мерещатся приготовленные тобою вкусности.

Вообще, он часто вспоминает детство и то, как однажды тебе из-за него влетело, когда его оставили на твое попечение. Я

ташусь от этой истории. Рассказывает, как ты уложила его спать, а сама пошла развлекаться к соседям. Когда он проснулся, то обнаружив полный таз варенья, который был оставлен на столе для остывания, решил его попробовать и прямо с головой окунулся в пахучую смесь, таз вдруг почему-то перевернулся и все содержимое растеклось по полу. От страха забрался в собачью будку и притаился. А взрослые чуть с ног не сбились в его поисках и периодически, в качестве наказания, отвешивали затрещины тебе. Мераб до сих пор не может без смеха вспоминать, как тебя из-за него отколошматили. А как ты и его старшая сестра заставляли его тырить для вас грецкие орехи?

Через три месяца состоится суд. Освободят его, наверное, условно. Сколько потребовалось усилий, чтобы добиться этого!

Ну что еще тебе написать? Все хорошо, прекрасная маркиза! Не голодно, не холодно, не больно. Я часто, очень часто о тебе думаю и очень скучаю. Привет дяде Юре и тете Ларисе, передай, что письмо от них получил и передаю огромное спасибо за все, что они для нас делают.

Еще раз обнимаю и целую. Твой непослушный Гогиела!

ГЛАВА XII

ПИСЬМО ДРУГУ

Привет, брат, Заал! Я здорово соскучился! Ну как ты там? Как Манана? Передавай от меня привет. Расцелуй за меня Заалыча младшего, вымахал наверное уже в мужика.

Парни сообщили, что ты в феврале собирался ко мне. И не стыдно тебе? Не то чтобы приехать, даже письма не прислал. Я ведь жду вас здесь не ради бабок. Если мне что-то позарез понадобится, то я непременно сообщу. Но ведь и просто так повидаться, прибавляет мне здесь полжизни. Очень ты меня обидел, брат. Запомни, Залико, деньги в этой жизни не самое главное. К сожалению, деньги многим приносят мишуру и чувство бесшабашной вседозволенности. Денежное счастье может оказаться

призрачным, в погоне за которым можно утратить главное. Я говорю тебе об этом, не потому, что ты наверняка станешь таким, как раз-то от тебя это меньше всего ожидаемо. Но как знать, все мы люди, а люди, нередко и хорошие, не всегда могут пройти испытание.

Когда надумаешь приехать будь осторожен. Да и вообще нет особой необходимости в твоём приезде. Так что из-за денег, может, и не стоит приезжать. Я понимаю, почему ты начал играть с огнем. К сожалению, в этой стране таким как ты не дают возможности развернуться, чтобы человек смог применить свои незаурядные знания и по существу потратить переполняющую его энергию. Знаешь, сколько со мной таких энергичных «корешей по зоне»? Сидят просто потому, что не захотели хоронить в себе свои способности и содержать семью на копеечную зарплату. Вот и вы уже ждете второго ребенка и как ты их всех прокормишь на сто рублей? Никто не хочет прозябать в нищете. И если оставить все остальное, самолюбие не последнюю роль играет во всем этом. Тебя изнутри пожирает предательское чувство, неужели я такой никчемный и ни на что неспособный? Во всем мире желание: трудиться, изобретать, экспериментировать - считается нормальным состоянием человека, но у нас любую смелую инициативу могут объявить буржуазным пережитком и упрятать за это за решетку.

Опять заговорили о преступном сталинском режиме, но о самом главном, почему-то опять молчат. Никто не вспоминает, что эту адскую систему создал Сталин и эту машину пока никто не торопится останавливать. Конечно же, если не считать незначительных косметических изменений. Дай-то Бог, чтобы не дала сбой перестройка общества, а там и развиваться начнем, и оглядаться сможем и полноценной жизнью жить научимся.

Парни что-то мне заливали, насчет того, что ты вроде свою профилактику открыл. Объясни-ка мне толком, что происходит. Кооператива бы тебе так просто и быстро не оформили, так что ты скорей всего на полуправильном положении. Ведь так? И без денег ты наверное остался потому, что нужно было отвалить какому-то козлу, чтобы тебе наконец оформили разрешение? Не переживай! Это все из-за дурацкого закона, который дает возможность таким козлам переть рогами. Так что дать

взятку, самый верный способ избавиться от лишних проблем и немного вздохнуть. Только будь осторожен и поторопись с оформлением документов, чтобы потом накладок не вышло.

Может, Бог не оставит нас и правда что-то изменится в лучшую сторону. Я так и не успел толком разобраться тронулся ли лед, как меня упрятали сюда. А отсюда не больно разберешься.

Да и на воле, если честно, мне не до этого было. Волновали меня больше другие проблемы. Да и не верил я, по крупному счету, в большие перемены. И таких как я немало. Еще хуже, что большинство вполне устраивает такая пустая, никчемная жизнь, в которой нужно держаться на плаву фальшью и брать высоты рогами. И поэтому нужно быть предельно осторожными, чтобы не были уничтожены в зародыше эти первые ростки предоставившегося стране шанса. Поэтому нужно приложить все усилия, чтобы не обернулось все в еще больший кошмар. И чтобы не закончилось все, не успев толком начаться. Свободу никто не дарит, свободу нужно почувствовать, вдохнуть в себя и стараться ее беречь. Не убережешь, и завтра, возможно, все вернется на круги своя: такова природа человека. И я, ты, мы все не должны никому давать такой возможности. Мы должны действовать разумно, изучая шаг за шагом азы дипломатии. И не надо никаких кулачных боев, ведь это только на руку тем, кто сразу подхватит «Вот она ваша демократия!» К сожалению, сила пока на их стороне и они конечно же, при случае всегда будут ею пользоваться. Но мы не должны действовать их методами, иначе все разрушим. Превратимся в безжалостных, озлобленных фанатиков. А это никого еще не доводило до добра.

Как я уже сказал, мы должны действовать максимально разумно, тактично и как можно быстрее. А это очень сложно. Главное не сорваться, перетерпеть, выдержать и перетянуть на нашу сторону их союзника – время. И только тогда, хорошо обученные, набравшиеся сил и опыта – мы победим.

Вчера я стал свидетелем очередного спектакля. Загнали нас всех в клуб, притащили большой телевизор и врубили. Шел документальный фильм и в кадре показался наш «подвеска медалей». Уже не помню который раз его сделали героем, но мо-

мент был запечатлен. В моем понимании, героем можно стать один раз, совершив подвиг, который перевернет всю твою жизнь и тех, ради кого ты пошел на это. А дальше не имеет значения сколько раз ты пожертвуешь собой. Даже один героический поступок –показатель мужественного, сильного духа в человеке. И истинных героев общество никогда не забывает.

Хотя глядя на Брежнева, геройство можно расценить и иначе. Ты не обращал внимания, с какой усмешкой смотрят старики на фронтовиков увешанных медалями? Будь то даже «Звезда Героя». А знаешь почему? Обесценилось уже все это. Многим раздали награды не за истинные заслуги, а за иные качества, благодаря которым большинству фронтовиков, не говоря уже о других поколениях, геройские награды стали восприниматься просто как жестяные бирки на груди. Мы утратили способность различать белое и черное.

По завершении фильма, замполит стал первым «диссидентом» и принялся ругать «Подвеску медалей» и Сталина. Так разошелся, что разнес обоих в пух и прах, не зная я кто так их поносит, может быть и поверил в искренний порыв замполита, но он так перестарался, что стало очевидно, что у него была инструкция провести «политзанятия» с зэками в таком духе. И он «блестяще» следовал этой инструкции. Вчера он был в ударе и окончательно проявил себя со всех сторон. Он так разошелся, что решил нам подкинуть очередную лекцию о вреде наркотиков. Наркоман о вреде наркомании! Круто, не так ли?! Да еще в его кабинете цинично висит плакат: «Наркотики убивают наше потомство!» Он каждый день под кайфом. Если хочешь занести в зону наркотики, то половину должен оставить ему, тогда у тебя не будет проблем. И лучше не стараться его в этом надуть, а то хлопот не оберешься.

Месяца два назад застукал он так одного беднягу. Сначала избил его до полусмерти, потом затащил в свой кабинет, привязал к стулу и на глазах у него стал ширяться. Наркоману нет пытки тяжелей, чем смотреть на чужой кайф, а самому оставаться без прихода. Целых пять дней держал он этого несчастного под этой пыткой. Каждое утро ширялся у него на глазах и в

конце сердце несчастного не выдержало такого зрелища и муки и разорвалось.

И что?! Кто с него за это спросит? Какой зэк и тем более надзор скажет правду?! Так этот подонок даже на его смерти сделал деньги. Содрал с его родственников 300 рублей, за право выноса тела.

Господи, ты меня наверное простишь, если он мне встретится на воле, я его наверняка где-нибудь прибую. Да не так чтобы, все узнали, кто это сделал, а по-умному. Не стоит из-за этого дерьма еще раз сюда возвращаться. Как только я выйду на волю, я расскажу обо всем, что здесь происходит и никакая сила не заставит меня замолчать!

Письмо я передаю через родственника одного зэка, который приходил его сюда навещать. Когда ты отправишь мне ответ, ни слова о том, что я тебе рассказал не пиши, потому что наши письма вскрываются и если они хоть что-то унюхают, в лучшем случае твое письмо до меня не дойдет, а о худшем, даже думать не хочется. У них длинные руки и им ничего не стоит дотянуться и до тебя. Видишь, как мы «одемократились». Только сейчас понял суть поговорки: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»... Еще бы! Все на собственной шкуре испытал!

Да что это я все о себе да о политике. Напиши, как наши одноклассники, кто чем занимается. Я очень за всеми соскучился, честно говоря, даже не представлял, что так сильно вас всех любил.

Несчастливого «Братку» часто вспоминаю. Помнишь, на военных сборах после института, он как только немного выпивал, где-нибудь уединялся и часами смотрел на горизонт.

- Чем занимаешься, браток?

-Смотрю кино, браток.

-Какая серия, браток?

-Который мы уже здесь день, браток?

-Девятый, браток.

-Значит, девятая серия, браток.

А помнишь, как он, чтобы достать водку, на «бэтээре» выкатил в город? Ну и шороху он тогда навел! Все начальство на уши поставил!

Все чаще и чаще вспоминаю его панихиды, похороны. Тогда я уже собирался сюда и как-то не совсем осмысливал что происходит. Теперь же заново прокручиваю все...И провожу между нами какие-то общие параллели. Я как и он, (только в отличие от него временно), оторван от нормального мира, от матери, от друзей... Когда ко мне сюда приезают, у меня всегда такое ощущение, что побывали на моей могиле...Хоть я и в Грузии, но меня не покидает ощущение, что я где-то в Сибири или за Полярным кругом...

Извини, очень тяжелое письмо получилось. Сегодня я что-то в меланхолии... Ты не подумай, что я сейчас ною, что сюда попал. Приблизительно я представлял, где окажусь и что меня ждет... Просто меня беспокоит то, что я грузом повис у вас на шее, создал вам тысячу дополнительных проблем... Что поделаешь, дурак я. Я злюсь на себя... Ну ничего. Выйду на волю и все расставлю по своим местам... И маму обрадую и вы отдохнете.

Еще раз всем привет! Целую всех. Гогиела!

ГЛАВА XIII

О ЧЕМ НЕ ГОВОРИТСЯ В ПИСЬМЕ

Бедная мама думает, что здесь некуратно готовят и убирают, плохо отапливают и не проветривают помещения. Боится, что я простужусь или отравлюсь... Ну и слава Богу, что она даже не представляет реальной картины происходящего. Она наверняка бы этого не пережила.

Да, как же, Мерабу день рождения справляют и торт ему пекут! С чонгури и концертом в его честь впридачу! Разбежались, называется, делать им больше нечего!

Брат Мераба Бежан приезжал. Начальнику колонии отстегнул триста рублей, только за то, чтобы нас с Мерабом и еще одним эком из нашего кутка на два дня переселить в комнату для свиданий, в честь «юбилейных торжеств». Ну мы и оттянулись, Вино было такое потрясающее, что мы все эти два дня не просыхали, а если к этому добавить и домашнюю пищу, вкус которой здесь воспринимается совершенно иначе, то нетрудно себе представить, как мы блаженствовали.

Кое-что передали на зону одному нашему другу. Они тоже приложились к этому потрясающе вкусному домашнему вину, но для того чтобы уединиться в коптерке, парни отвалили отряднику пятьдесят рублей.

Лагерная «аристократия» тоже потребовала своей доли, «деликатно» намекнув, что забывать о них не следует. А постарался один из контролеров, который разнес по зоне, что к Мерабу на день рождения брат слишком уж нагруженный приехал, вот и решила «аристократия» малость его облегчить. Ну конечно же, потребовали они себе непременно хачапури и торт. Еще бы ! Дефицита сахара, сгущенки и чая они никогда не испытывают.

Так вот Мерабу это не понравилось. Я бы, говорит, и без их напоминания послал бы им положенное, чтобы лишний раз никого не напрягать, так нет, им надо было перед моим братом себя показать. Мераб до того оскорбился, что выдал этот текст и смотрящему за зоной. После всего этого «аристократы» въехали, что поторопились и такое свинство престижа им не прибавило. К тому же, если учесть, что они, по сравнению с другими, не голодают. Да ладно, на здоровье. По домашней пище здесь все скучают. Скорей всего это психологический момент, непременно откусать приготовленное у кого-нибудь дома. С домашними гостинцами на какой-то миг забываешь, что находишься в этом дерьме...

У нас еще можно как-то перебиться. Заплатишь и более менее обеспечиваешь себе сносную житуху. На некоторых зонах плати-не плати, а все равно рыскаешь полуголодный. Господи, мне здесь так трудно выживать, даже думать не хочу о том, чтобы стало со мной на таких зонах...

Сам замполит «осчастливил» нас своим присутствием и поздравил Мераба. Посидел с полчаса, откушал, выпил и поняв, что наркотиками ему здесь не светит, убрался. Чтоб он подавился! Как будто ему чего-то не хватает в этой жизни, так он даже от арестантов готов урвать последний кусок! Да нет, мне не жалко, прос то ненавижу таких ненасытных типов! Вся администрация нас обирает, барыжничает, но такого, как этот замполит отморозка, даже среди его братии не отыщешь! Все его ненавидят и знают, что он на благо себе даже родную мать готов продать!

Ровно через неделю, после убийства того несчастного, его как будто муха укусила. Как выяснилось, на зону должна была прибыть комиссия. Забегал, засуетился, устроил проверку и собрал погловно всех на плацу, не сделав исключения даже для больных. Он строго-настрого предупредил, чтобы никто не вздумал сболтнуть лишнего. Потом зашел в санчасть и ширнулся на пару с одним зоновским, которому подкинули лекарство. Получилась небольшая передоза и жена еле его откачала. Господи, прости, конечно, а жаль, что оклемался...

Разошлись по баракам, а там нам чистку устроили и все повыкидывали. Восемь дней мы голодали и мерзли. Этот сволочь запретил что-либо заносить на зону и даже машину не впускал. От страха, выродок, строил из себя перед комиссией «принципиального», а нас предупреждал, что может с нами произойти, в случае если кто проговорится.

По зоне распространилась история того убитого парня. Оказывается, у него была очень красивая жена, которую склонил к сожительству какой-то мент. Так вот, никто, кроме нее, не знал где он хранил наркотики и лекарство. Видно, слишком муж стал мозолить ей глаза и в один прекрасный день, менты под предводительством любовника жены, застукали его как раз тогда, когда он готовился ширнуться.

Через два месяца, после того как его посадили, пришел развод. А еще через некоторое время, пришла новость, что его жена вышла замуж за взявшего его мента и они живут в его доме. У бедняги крышу окончательно снесло. Если бы у него была мать, он бы и ее, наверное, заложил ради лишнего «захода».

Так вот, я думаю, бывшая жена с хахалем и подстроили его смерть, испугавшись расправы. Только ни на что он не был больше способен. И без пыток этого выродка, он бы все равно долго не протянул на этом свете. Рассказывают, что он говорил, что до зоны, он постепенно начал завязывать с наркотиками, а потом на зоне, кто-то подкинул ему наркотики почти за бесценок, что ему показалось подозрительным, но остановиться он не смог...

Господи, дай мне силы все это выдержать и не сойти с ума. Дай силы не втянуться в это грязное болото предательства, лжи и жестокости. Упаси меня от хищных, безжалостных поводов и не дай Злу одержать надо мной победу...

ГЛАВА XIV

СОН ГОГИЕЛЫ

Кто-то безжалостно его избивает, заставляя его кричать не своим голосом и просить помощи. На зов прибегают друзья, но никак не могут приблизиться, безуспешно пытаясь преодолеть какое-то невидимое препятствие на пути к нему.

Мучители требуют его мать, обещая, что только она в состоянии ему помочь. Гогиела, потеряв всяческую надежду, все же из последних сил начинает звать мать. Она появляется, торопясь на помощь сыну. Остается совсем немного, но с ее приближением мучители становятся все более и более жестокими, а на лицах блуждает садистская улыбка. Вдруг Гогиелу осеняет, что он натворил. Ведь мучители хотят раздавить его, убив его мать. Он молит друзей, не подпускать к нему мать. Друзья, собравшись силами, выполняют его просьбу... А истязания становятся совсем невыносимыми... Мать плачет, изо всех сил вырывается из рук друзей, пытаясь прийти на помощь сыну... В конце концов она выскальзывает из обессилевших от борьбы рук друзей и бросается к сыну.

Гогиела просыпается мокрый от пережитого ужаса.

ГЛАВА XV

ПИСЬМО МАТЕРИ

Здравствуй, сынок! Ну как ты там? Весна в этом году выдалась на редкость противная. Даже не поймешь, как простудишься. Смотри, не расслабляйся на солнце и одевайся потеплее. К тому же, не забывай, что от солнца у тебя краснеют глаза. Помнишь, что у тебя с глазами творилось после сборов в армии? До сих пор страшно вспоминать.

Ты совсем отошел, наверное? Голодный не ходи. Кушай. Деньги я тебе обязательно передам, не буду уже больше обращаться внимания на твои запреты!

Вчера приходили Бесо, Леван и Дато и принесли твое письмо. Все пытались меня убедить, что тебе хорошо. Дай-то Бог...

Сынок, умоляю, будь послушным, не перечь начальству! Дядя Юра и мальчики сказали, что условное освобождение возможно, главное, чтобы ты не сорвался и вел себя примерно.

Вчера какая-то женщина в булочной рассказывала, что ее сына освободили условно, после того как отсидел полсрока. Обошлось им все это в пять тысяч. Я тоже готова отдать сколько угодно, лишь бы тебя оттуда вытащить! Сынок, только бы ты вышел на свободу, я отдам последнее, ни перед чем не устою, чтобы достать эти деньги. Сынок, хоть ты меня и предупреждал ничего не говорить друзьям твоего покойного отца, я им все расскажу... Они тоже задействуют свои связи, не время сейчас делать вид, что ничего не произошло... Я должна тебя оттуда вытащить. Только бы ты не сорвался и не отравил мне жизнь! Я хочу наглядеться на тебя, хочу, чтобы ты был рядом со мной!

Целую, мой дорогой, мой непослушный мальчик! Твоя мамуля.

P.S.

Это письмо передаю тебе через Бежана. Вчера он звонил и сегодня обещал зайти. Сказал, что должен состояться суд Мераба и его освобождают досрочно. Узнаю подробнее, как устроить

твое досрочное освобождение. Сынок, ты тоже должен мне в этом помочь...

Твоя мамуля.

ГЛАВА XVI

ИСТОРИЯ

Я пришел в точно назначенный час и галантно протянул ей одну темно-бордовую розу. Концерт отложили (?) и мы направились в улицы старого Тбилиси. Заглянули в новый, обустроенный под старый стиль, полутемный бар. Ситуация нам обоим понравилась. Тихая и уютная обстановка экзотического бара располагала к общению. Мы много говорили, хотя о чем – не помню. Наверное, обо всем. К тому же, видно, из-за того, что многие пока не знали об открытии новой точки, как это часто бывает в Тбилиси, не мелькали знакомые лица, что меня здорово радовало.

Дальше продолжилось в таком же духе. Темно-бордовая роза, старый Тбилиси, экзотический бар. Через несколько встреч, она познакомила меня со своей подругой Тамрико. И с тех пор, она стала неизменной свидетельницей наших встреч. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что Тамрико время от времени или отставала или убегала вперед, оставляя нас на некоторое время одних. Казалось, подружки подталкивали меня к более решительным действиям, но я был как заговоренный и не смел сделать ни одного намека, не то чтобы действия. Я по-прежнему стеснялся ее брата, который всегда незримо стоял между нами. И еще, пожалуй, самое важное, я жутко боялся получить отказ.

Однажды, когда я встречал их после лекций, которые закончились позже обычного, они вышли из института о чем-то споря и даже мое присутствие их не остановило. Я не выдержал и поинтересовался, в чем дело.

- Да вот Майя, никак не решила, как собаку назвать! – наконец ответила Тамрико.

-Какую собаку?! – Насколько я знал, собаки у нее не было.

- Которую она собирается завести после замужества!

-А это надо согласовывать с «Ним»!..

-Ну ты придумай!

-Я?.. А тебе какое нравится? – робко приобнял я за плечи Майю.

-Что-нибудь царственное или аристократическое... Ну, например, Лорд или Граф...

- Давай, лучше Кинг. Сразу тебе царственно-аристократическое.

-Вот и заведите себе для полного счастья царственно-аристократического Кинга! – прыснула Тамрико. – А что, подходящая пара и рядом Кинг впридачу!

Последнее предложение она проговорила, как бы для себя, словно не рассчитанное для моих ушей. Я тоже прикинулся, что не расслышал. Но «атака» на этом не закончилась. По дороге к «нашему» бару мы рассказывали всякие истории, но Тамрико как-будто отрешилась и не слушала о чем мы говорили. Вообще, она часто была с нами и в то же время одна. Шла рядом и думала о чем-то своем. Майя же все время с очаровательной улыбкой заглядывала мне в глаза и, казалось, целиком была поглощена моей персоной и моими байками.

Я начал рассказывать о друге отца Шако. Пожалуй, столько историй, ни о ком не расскажешь! Клевый мужик, да еще с таким чувством юмора, что на десятерых хватит! Так вот, один из их друзей не любит сам водить машину и его, как личный шофер, везде возит жена. Однажды друзья где-то кутили, начали поднимать друг за друга персональные тосты, ну знаешь же как оно бывает: «За тебя, за семью, за твоё здоровье, за родителей ну и т.д.» Так вот, он поднял тост: «Джумбер, за здоровье твоего личного водителя и родителей!»

- У тебя есть водительские права? – вдруг спросила Тамрико.

А я-то думал, что она нас не слушает...

-Нет. И ненавижу руль. Вообще, не ловлю кайф от вождения, тем более, что это удовольствие явно не для меня. Я очень часто задумываюсь, а за рулем, это чревато...

-Ничего страшного, зато Майя водит. Так что и за «твоего личного водителя с родителями» будут поднимать тосты. – Последнее предложение опять как бы для себя проговорила Тамрико и опять ушла в себя. Майя же сделала вид, что ничего не произошло и она ничего не слышала.

Ну это уже было слишком! И я в тот же вечер наконец решился расставить точки над «i»!

Сначала мы всегда провожали Тамрико. И на этот раз, когда мы ее проводили и остались в такси одни, я нежно обхватил Майю за плечи, робко коснулся горячими губами ее щеки и обжегся от ее ликующего взгляда. Все это произошло в одно мгновение, но мое потрясение было настолько сильно, что я словно онемел и вообще перестал что-либо соображать. Майя, немного выждала и не дождавшись продолжения, склонила голову мне на плечо, тем самым вернув мне дар речи.

-Какую породу заведем? – горячо шепнул я ей в ухо.

-Хочу добермана... А вообще, тебе решать... – также горячо шепнула она.

-Мы ведь всегда будем вместе, малыш?..

В знак согласия, она ласково сжала тонкими нежными пальцами мою холодеющую от счастья руку.

- У меня очень сложный, просто невыносимый характер! Выдержишь?

-Конечно! Куда же я денусь!

-Скажи, ты меня любишь?

Она немного помедлила, потом кивнула в знак согласия и еще крепче прижалась к моему плечу.

Больше мы не произнесли ни звука. Так и сидели всю дорогу, тесно прижавшись друг к другу. Я чувствовал... А может, мне казалось, как одно целое счастье заполнило нас обоих... И мне больше ничего не было нужно... Не знаю, окажись я в такой ситуации с какой-нибудь другой, для полного счастья, мне явно понадобилось бы еще кое-что...

А с ней.. Достаточно было только ее присутствия, чтобы ощущать себя на седьмом небе... Звонящая радость захлестнула все мое существо... Как будто призрачная мечта вочеловечилась для меня в ее лице... Такая, какая была только в моих грезах и

которую я ждал всю жизнь... Майя и Мечта воплотились и приняли один Лик...

Если бы мне кто-то рассказал подобное, я бы точно умер от смеха. Вот бы никогда не подумал, что мог бы вести себя так по-детски. Вообще, если честно, то до этого дня я не отличался особым пуританством. Ну не то чтобы я был самым оторванным бабником, но перед женщинами никогда не робел и если мне это было нужно, всегда добивался своей цели. А тут, вел себя «аки невинный агнец»... Это я, который, моментально въезжал, что женщина может от меня хотеть и почти всегда вел себя в той или иной ситуации безошибочно. Если она мне нравилась, то конечно же, она оставалась со мной, если же нет, то я старался отдалиться так, чтобы не сделать ей больно... А теперь все было иначе... Меня постоянно терзали какие-то сомнения, то я боялся ее потерять, а то боялся чем-либо обидеть... Я себя определенно не узнавал и больше смахивал на школьника на которого свалилась первая любовь и он не знает, что с ней делать и как себя вести...

Я был абсолютно счастлив и не торопился с кем-либо делиться своими чувствами. Даже друзья ни о чем не подозревали. Я просто на какое-то время потихоньку исчез, растворился в своем счастье. При коротких встречах с ними я все ссылался на умопомрачительную занятость в институте. На самом деле, я безбожно пропускал лекции, с трудом достал медицинские бланки с печатью и засыпал деканат фальшивыми справками о своем «пошатнувшемся здоровье».

Только мама почувствовала неладное и предупредила: «Маешься ты что-то. Как бы не навлек на себя беды...» Но я пропустил ее слова мимо...

Кроме Майи, мне на этой земле ничего не было нужно... Меня вообще ничего не интересовало, кроме нее. Мой день был разделен на две части: ожидание встречи и Она со мной во время встречи.

ГЛАВА XVII

1. ПИСЬМО ДРУГА

2. О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

1.Здрасьте, Гогиела! Ну как у тебя со здоровьем и «идейно-политическим воспитанием»? И не стыдно тебе после всего этого?! Отправиться в столь «любимые» мною места и ни словом не обмолвиться со мной. Я уже подумал, что ты совсем махнул на меня рукой и больше не желаешь общаться с «неисправимым» рецидивистом.

Мы уже с год не виделись. А я чуть ли не каждый день ждал твоего приезда. Знаешь же, не люблю писать письма, да и дел было по горло... Ну а если честно, знаешь же, избегаю я населенных пунктов. Недавно прикинул, что вот уже два года, нормально людей не видел. Пас овец и радовался. Знаешь, прикипел я к этим местам и здешние люди мне начинают нравиться, во всяком случае в общении с ними не устаешь.

Только один раз был в Душети. В Тбилиси намыливался. Но как только сел в автобус, сразу передумал. Представил рестораны, девочек и родственничков, которых от одного только моего вида пот прошибает и они все время передо мной притворяются, изображая «радость», на самом же деле изо всех сил стараются оставаться вежливыми и улыбочивыми, чтобы «не разбудить в рецидивисте зверя» и чтобы он, упаси Господь, не затаил в душе зла и не отомстил при случае. Хотя ты знаешь, чтобы они не сделали зла на них не держу и тем более мстить им, не собираюсь. Раньше меня такое отношение ко мне, задевало, а теперь понял, что сам виноват... К тому же они боятся моего дурного влияния на свое потомство, да и не удивительно...

В некоторых же вообще я вызываю отвращение и они не считают меня за человека. Только недавно я понял, что сам виноват. Не все способны понять и простить непонятных им поворотов чужой судьбы, не думая, что завтра сами могут оказаться в таком положении.

В общем, когда задумался, то понял, что кроме тебя никого не хочется видеть. А ты и так приезжаешь. Забился опять в

свою хибару. Представь, мне здесь комфортнее, чем в самых современных квартирах. Работенка, чтиво, телевизор – вот и прошел день. Кстати, это что за антенну ты мне соорудил? Только у меня показывает нормально. Люди приходят телевизор посмотреть и по ходу мои байки послушать за чаркой водки.

А вообще, приврал я тебе малость. Какое-то время пересидел в своей хибаре. Никак не могу отучиться от визитов к медсестре Шорене!

Так вот, дни шли, а тебя все нет и нет. Потом я забеспокоился, на тебя это было непохоже. Спустился в Душети и позвонил. Кто так баб ворует? Не мог меня позвать? Да я в свое время стольким следователям и покурорам мозги запудрил, то неужели одной сыкушке не смог бы так запудрить, что она бы и не рыпнулась? Ну ничего, все будет путем! Кажется, это у Важа-Пшавелы:

Сердце, отчего ты грустишь,
Зачем обрастаешь туманом ?
Не вечно же нам стыть
В обледенелом дурмане!

2.- Гогиела мой избавитель и спаситель моей души. Я до сих пор не могу найти объяснения тому, как он смог сделать то, чего не смогли добиться семья, родственники и все колонии и тюрьмы вместе взятые.

Первый раз меня осудили в четырнадцать лет. Сначала все это не выглядело настолько серьезно. Просто один прибалтанный пацан не давал мне проходу и мы время от времени мутузили друг друга.

Однажды, вскоре после маминой смерти, он позвонил и начал меня материть. Я кинул ему стрелку и на полном серьезе пообещал убить. Я прямо кипел от бешенства и жаждал мести. Не могло быть никакого прощения тому, кто, зная про мое горе, позволил себе такое и посмел меня материть.

Я взял из домашнего тайничка без спроса у отца три тысячи и выскочил на улицу, чтобы достать оружие. Мне крупно повезло (?) и я в тот же день надыбал самопал. Я с трудом подавил в себе первое желание немедленно найти наглеца, усилием воли

попридержав свои эмоции, стал дожидаться условленного времени.

Час встречи, наконец, настал. С моей стороны нас было трое. Я и двое моих друзей, которые славились своими дерзкими и бесстрашными выходками.

С его стороны было человек двадцать. При виде нашего малочисленного отряда, они не смогли скрыть своего удовлетворения, похоже решив, что расправа с нами не составит особого труда. Но они опешили, когда я, не издав ни звука, врезал своему обидчику. В их рядах явно поселилось смтение и они как-то неуверенно размахивали руками. Я, не выпуская из виду своего обидчика, достал из кармана самопал, но он, учувя неладное, пулей сорвался с места. Я бросился за ним, выстрелил, но промахнулся. Вдруг меня кто-то сбил с ног, выбил из рук оружие и скрутил за спиной руки. Менты оказались здесь как нельзя «кстати».

Это уже позднее я узнал, что наш телефонный разговор и мою угрозу подслушала его бабка и сообщила родителям. Ну вообще, ему повезло, не услышь бабка нашего обмена «любезностями», то кто знает, где бы он их сейчас расточал...

Предки моментально его раскололи. Еще бы, его папаша, майор милиции, и не таких раскалывал. Так вот этот ублюдок попросил отца не мешать ему провести стрелку, чтобы перед собственными друзьями не облажаться и вмешаться только в случае необходимости... Так оно и случилось, папаша ублюдка и двое ментов издали держали ситуацию под контролем.

Били меня долго. Тщетно хотели выбить из меня показание, что мои друзья знали о самопале...

Трое суток не давали мне уснуть и сменяли друг друга в попытках надо мной. Отделали под котлеты и моих друзей...

Бедный мой отец три дня с ног сбился в моих поисках. Он знал, что меня задержала милиция, но ему не говорили, в каком отделении я нахожусь. Отфутболивали его из одного отделения к другому. Только на четвертый день наконец-то соизволили сообщить ему о моем местонахождении. При виде своего изуродованного чада, отец буквально потерял дар речи. На мне не оставили живого места, но в ответ на молчание ему пообещали припаять мне «хорошую» статью.

Мне дали условный срок в три года, за незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия. Что ж, менты сдержали свое обещание...

Через год, в школе ко мне прицепился физрук. Кажется, он сделал мне замечание насчет спортивной формы, я огрызнулся, он раскричался, я, естественно, нахамил, он обозвал меня беспризорником и я переломил у него на башне стул, он рухнул, а я в бешенстве вспрыгнул обеими ногами на его жирное, рыхлое пузо. Физрук чуть дуба не дал, а мне припаяли четыре года, плюс те условные и так началось мое «хождение по тюрьмам».

Третий срок мотал за гоп-стоп... Четвертый ... Замели в рамках кампании на рецидивистов. Только я, по сравнению с другими рецидивистами, которым в рамках этой кампании пришивали дела, отделался «малой кровью». Мне пришла ксива о готовящейся кампании и я ради такого случая не пожалел своей машины, инсценировав аварию.

Пятый срок... Я уже два года был на воле, как нажрался в ресторане и устроил стрельбу. Как назло это совпало с очередной кампанией борьбы с рецидивистами и я никак не смог выкрутиться.

Хотя грех жаловаться, сколько драк, гоп-стопов, грабежей квартир и даже убийство сошло мне с рук...

Из тех моих двух друзей, один попался на угоне машины в Астрахани. Поскольку это уже был второй срок, его спросили, какую зону он выберет красную или воровскую, он предпочел первую и там врезал авторитетному вору в законе...

Кажется, он собирался замочить одного надзирателя... Но его застучали и он едва успел избавиться от улики, выбросив в последний момент нож. Как его отходили, рассказывать излишне, но ему всетаки удалось вернуться из ШИЗО на зону.

Так вот, о задуманном убийстве знал только этот авторитет, которому он не смог конечно же доказать, что именно он его заложил в администрации, но зато вломил ему по полной программе.

Сходка вынесла моему другу смертельный приговор и на следующий день на нарах обнаружили его труп с перерезанным горлом.

Я установил личности того вора и тех, кто выносил и приводил в исполнение приговор, установил также личность смотрящего за зоной.

Убийц было двое, их так грохнули, что никто так и не понял, кто и за что так с ними расправился. «Авторитета»-стукача пасли целых пять лет и только потом тихо убрали с жизненной сцены. Смотрящий распростился с жизнью перед своим пятым сроком...

Сначала я сблизился с ним, даже на дело вместе ходили, а потом я так подстроил, чтобы его маленько подпортить, доказал ему одно блядское дело. Вором в законе я никогда не был и не стремился им стать. Хотя я пользовался немалым авторитетом, вряд ли я бы столько смог без воровской поддержки. И в воровских кругах царит вражда и жажда мести и я, воспользовавшись этим, связался с теми, кто уже давно точил на него зубы, но не могли ему ничего доказать...

Убийство было поручено мне и я не ударил лицом в грязь, выпустив всю обойму ему в глотку. Многие поняли, чьих это рук было дело, но никто не издал ни звука. Никто не захотел связываться с авторитетами замешанными в этом деле, да и меня многие боялись. Слава о моем бешеном нраве уже давно пронеслась по всем зонам. Так что все это сошло мне с рук.

С Гогиелой мы познакомились после третьего срока. Я был вдрызг пьяный и из-за чего-то на него наехал. Наглец закатил мне оплеуху и я не раздумывая раскрыл нож, решив припечатать его на месте. Все. Я уже решил для себя, что он не жилец, но встретившись с ним взглядом, вдруг протянул ему руку. Он не торопился отвечать на мой дружественный жест, буравя меня ястребиным взором, но потом успокоился и пожал мою руку. Минуты на две моя рука зависла в воздухе, такого бы я не простил никому... До сих пор не могу понять, что меня тогда оставило... Может, то что передо мной стоял пацан, лет пятнадцати, и я не захотел брать на душу еще один грех? Не знаю.

Я пригласил его к себе. Отца моего уже не было в живых, он умер от инфаркта в мой третий срок. Мы выпили. Я и без того был уже готовый, но пацан, видимо, совсем не переносил спиртного и так вырубился, что я с трудом выудил у него адрес. Не хотелось мне, чтобы дома у его предков была истерика и

нервотрепка. Я на собственном горбу дотащил его до дома и передал матери.

Вот так мы и познакомились. Чем больше проходило времени, тем больше я убеждался в его искренности, порядочности и благожелательности ко всему окружающему. Просто удивительно, что при таком вспыльчивом характере в его-то годы, его вообще не привлекал блатной мир. Наоборот, он решил заняться моим перевоспитанием. Сначала меня это здорово сместило. Но шло время, я возвращался с очередных сроков и гастролей, Гогиела рос, мужал, получал образование и уже совсем взрослому размышлял. Но душа и характер не менялись. Он по-прежнему оставался наивным и доброжелательным, эмоциональным и вспыльчивым. Я просто диву давался, какие он мог делать расклады по общечеловеческим меркам и как разумно подходить к тем или иным не касающимся его лично проблемам. А сам безоговорочно доверялся людям и не мог представить, что кто-то в отношении его может повести себя иначе.

Я спрашивал его на полном серьезе, неужели он не боится, что его когда-нибудь обманут или предадут? Ответ меня обезоруживал: «Если при первой встрече я почувствую, что душа этого человека не прогнила до конца, я доверюсь такому человеку и тем самым обезоруживаю его. В девяти из десяти таких встреч я практически не ошибаюсь!»

Кажется, так оно и было. Хотя я этому не верил... Я как предчувствовал, что такой подход принесет Гогиеле беду. К сожалению, я оказался прав.

Я не только ее имею ввиду. Я и друзей подразумеваю. Вернее, пока одного из них, выбился в «большие люди» и слинял от всех. Спросил я как-то парней о нем, так они в сердцах послали его куда подальше.

Четыре года назад, после того, как я отмотал последний срок, он добился-таки своего и вытолкнул меня в горы пастухом, не дадут сказать тебе здесь спокойно дышать ни менты, ни твои корешки. Сам все устроил и не оставил мне иного выбора. Привыкать было очень трудно. И только начал приживаться и осваиваться, как с ним случилась эта беда...

Каждый год на две недели он приезжал ко мне и привозил друзей. На несколько дней и я приезжал в Тбилиси, но он не по-

зволял мне долго задерживаться в городе. В позапрошлом году мы даже на море съездили. Там я чуть не сошел с катушек. Кутили в ресторане. Гогиела на минуту куда-то отлучился и я успел прицепиться к официанту. Картина конечно же была достойна кисти художника, когда он вернулся и так на меня зыркнул, что я мигом остыл и как побитый вернулся в гостиничный номер.

Читать я всегда любил. Вообще, я не думаю, что у меня не хватает образования, тем более, что времени для этого у меня было больше чем предостаточно. А вот поэзию я полюбил заново благодаря ему. Я совершенно иначе стал воспринимать Галактиона Табидзе, Терентия Гранели, Давида Гурамишвили. Да и стихи Гогиелы, кто бы там чего ни говорил... Они идут от самого сердца и по-моему, это самое главное.

Я тоже начал что-то кропать, но никому об этом не рассказываю, даже Гогиела не знает. В этом году так хотелось в Тбилиси, но поберег Гогиелу. Ведь мой приезд в город целиком забирает все его время, к тому же дружба со мной не делает ему в глазах других большой чести... В общем, воздержался от этой поездки в силу многих причин.

А он все не появлялся. Домой к нему звонить не хотелось. Не хотелосьшний раз напрягать тетю Лили. Я ведь чувствую, как настороженно она ко мне относится. Я ее понимаю, какой матери понравиться дружба родного чада с рецидивистом. Я всегда догадывался, что часто становился яблоком раздора между Гогиелой и Лили. И все же я не выдержал. На Гогиелу это не было похоже и я испугался, не случилось ли чего. Или, что еще страшнее, не обидел ли я его.

Как только узнал о случившемся, я в тот же день поехал к Лили. Было уже поздно и я заскочил буквально «на минутку». «Минутка» растянулась на всю ночь. Ее интересовало все. И моя жизнь и наша с Гогиелой дружба и тюремное житье-бытье. Я таких сказок наплел про зону, что чуть было не облажался. Правда, выкрутился, сказал, что уже давно не был на зоне и кое-что там за это время могло и поменяться.

Чему-то она поверила, чему-то – нет. Во всяком случае, это ложь во спасение и она не с такой страшной и разрушитель-

ной силой будет переживать заключение сына, (как она сама говорит), в тюрьме.

Объяснил ей механизм условно-досрочного срока и убедил, что устраивать досрочное освобождение пока рано. Объяснил, для чего Гогиеле необходимы все эти благодарности лагерного начальства. Думаю, она немного успокоилась, поверила, что дело сдвинется в лучшую сторону.

А выглядит она очень плохо. Плохи дела. Боюсь, что она не переживет этого. Видно, часто болеет. Но встретила она меня конечно, как очень родного человека, которого давно не видела.

Я даже не помню, когда в последний раз так вкусно ужинал и завтракал...

... Какие же люди ненасытные. В данном случае я. Даже в такие минуты думаю о своей утробе!

1. Гогиела, твоя мама неплохо выглядит. Верит, что выйдешь условно-досрочно. Я тоже в этом не сомневаюсь. В общем, как мог, успокоил ее. Кажется, убедил, что и на зоне можно нормально прожить.... Я столько ей наплел, что под конец, чуть не поверил собственным бредням и меня самого аж потянуло к тебе на зону...

Расскажу лучше по порядку. Как только приехал, сразу к вам пошел. Сам знаешь, как я стесняюсь твоей мамы. Подошел к дверям и не осмеливался позвонить, стоял под дверью, как идиот. Она, конечно же ждала меня и подготовилась к моему приходу. Я уже и вспомнить не могу, когда мне в последний раз было так хорошо, как в тот вечер с твоей мамой. Обласкала она меня, как родного сына. Представь, что для меня, так давно лишенного материнской ласки, это значит. Знаешь, в тот вечер я твою маму первый раз назвал тетей Лили. Она засмеялась: «С чего это ты вдруг так решил? Я ведь всего на двенадцать лет старше тебя.» Представляешь, что со мной стало? Подумал, надо же, идиот, обидел женщину. Она заметила мое замешательство и моментально сгладила ситуацию: «Да ты в горах совсем одичал! Неужели даже с юмором у тебя проблемы возникли?!»

2. Увидела меня и разрыдалась. Начала истерически просить прощения за то, что так боялась нашей с тобой дружбы, за то что боялась моего дурного влияния на тебя. У меня сердце чуть не разорвалось, еле ее успокоил.

А потом взяла себя в руки и захлопотала. Она так трогательно все это делала, что я ощущал себя чуть ли не в раю. Я позавидовал белой завистью всем, у кого есть мама, которая способна давать своим детям такое тепло. Мне вдруг до боли захотелось к своей покойной маме, которая, приходит только в редких снах...

1. Повидал кое-кого из своих старых дружков, чтобы забросили на зону ксиву. Знаю, оно тебе не надо. Но для подстраховки, думаю, не помешает.

2. Старые кореша взамен потребовали «помочь» в одном дельце. Какому-то козлу рога хотят пообломать. «Ты только молча появишься перед ним и больше ничего не надо. Только одно твое появление «благотворно» на нем отразится». Предложили и долю, от которой я, конечно же, отказался. Сказал им, чтобы они выполнили мою просьбу, чтобы я со спокойной душой занялся «своими делами». Знали бы они об этих «моих делах». Ведь они думают, что горы и овцы мне нужны для маскировки.

Ксиву на зону непременно нужно было забросить. Я не раз был свидетелем того, как порядочных парней «портили» ни за что ни про что. А теперь я спокоен, никто не захочет со мной связываться, все знают, что если перейдут мне дорогу, жестоко за это поплатятся...

Когда меня только-только перевели на зону из колонии для малолеток, одновременно на зону привели новичка. Все знали, что посадили парня ни за что. Он возил какую-то большую шишку. Однажды тот, вдрызг пьяный возвращаясь со своей шлюхой из ресторана, сделал аварию. Машина была служебная и взяли водителя. В общем, этот подонок так провернул все дело, что засудили этого несчастного. На суде даже шлюха пожалела парня и сказала правду, так и ей дали два года «за дачу ложных показаний и введение в заблуждение следствия».

Бедный парень места себе не находил и клялся, что как только выйдет на волю, непременно расквитается с этим дерьмом. Однако шишка и тут достал бедолагу, подстроили ему какую-то подлянку, сначала подбросили его к «бойцу-трубочисту», а потом в педерастник. При чем ежедневные изнасилования сопровождалось ежедневными избиениями. Так и забили несчастного до смерти...

1. Навестил и твоих друзей. Все здорово соскучились. Они молодцы. О Лили не забывают, стараются, чтобы она ни в чем не нуждалась.

2. Сначала ты старался, чтобы я с ними встречался как можно реже. Наверное, боялся меня обидеть каким-нибудь бестактным вопросом, который они могли бы мне задать. Года четыре, как ты начал привозить своих друзей ко мне в горы и мы с ними начали более-менее сближаться. Если честно, то сейчас мне стало стыдно за свои мысли. Ведь я все время был уверен, что не стоят они тебя и почему-то думал, что они по отношению к тебе не больно искренни и что их дружба к тебе не совсем бескорыстна... А теперь понял, что это было не так... Как я мог такое думать, ведь вы все вместе идете из детства и у вас всех столько общего.

Давал им деньги, так они начали отказываться. Еле уговорил, чтобы взяли. Тем более, что они все на книжку кладут, собирают для условно-досрочного. Минимум пять тысяч нужно будет собрать. Правда, я их успокоил, что если срочно понадобится эта сумма, я достану деньги хоть из-под земли.

1. Время от времени в судьбе каждого человека наступает час испытания и никуда от этого не денешься. В идеале, безвинные люди не должны страдать, но в жизни все иначе, Гогиела. И ты сам не раз говорил, что человек должен уметь проходить через испытания, не озлобляясь при этом... Я не смог этого... И не появившись ты в моей жизни, кто знает, где бы я сейчас оказался...

Гогиела, сейчас главное держаться и не изменять своим принципам. Лучше меня никто не сможет войти в твое положение и понять, как все это сложно... Но ты должен суметь, Гогиела... Ты должен выстоять!

2. Хоть и говорю тебе, должен суметь, в глубине души я все же боюсь. Там очень легко можно сойти с катушек. Сколько я таких перевидал. Сколько поломанных, обозленных на весь белый свет людей... Этим-то и страшно дно. Чем глубже, тем сложнее сохранять человеческий облик... Тебя затягивает как в воронку и порой начинает казаться, что обратного хода нет.

Молодой был, о многом не задумывался. Ведь того бедолагу, которого тот шишка упек в тюрьму, я тоже ударил... А

ведь знал, что он невиновный был... Но мне «для дела» так было надо. Я авторитет себе наработывал и остальное мне было до фени. А потом как-то задумался над всем этим и от отвращения к самому себе, чуть руки на себя не наложил. Дальше случилось еще более страшное, я решил, что все пути назад отрезаны и предпочел плыть по течению, с каждым разом становясь все более дерзким и жестоким...

От окончательного падения меня спасла встреча с тобой... А теперь тебя поставили перед страшным выбором. За что?! Господи, за что мне такое испытание?! Сейчас, главное, не сорваться и не стать мне на ту опасную тропу, с которой меня уже никакая сила не заставит сойти.

Это я понял, когда согласился напугать своей персоной того фраера. Я вообще не переживаю на этот счет. Так было нужно для дела. Это было нужно тебе. Хотя понимаю, если ты когда-нибудь об этом узнаешь, в жизни мне этого не простишь...

1. Знаешь, я как-будто заново начал все вокруг воспринимать. Я уже не помню, когда последний раз так радовался приходу весны, наверное, когда-то там в далеком детстве. Я даже ходить боялся, чтобы не растоптать ненароком какую-нибудь пробивающуюся из земли хрупкую травинку и не раздавить какую-нибудь букашку. Ты наверное расхохочешься, но я даже мясо не мог есть... В пору весеннего пробуждения и грядущего цветения, мне претила всякая мысль о смерти и конце, пусть даже травинки и букашки...

Я решил жениться. Все, как только приеду в деревню, первым делом займусь этим вопросом. Я ведь тебя дожидался, поговориться хотел. Но теперь решил не откладывать это дело в долгий ящик, а свадьбу после твоего выхода сыграем. И венчаться будем после твоего возвращения. По другому и не получится, ведь ты у нас главный свидетель...

Помнишь, Вaju-черного? Пьяницу и дебошира? Да того, что вскинулся на тебя из-за чего-то в прошлый твой приезд? А потом, когда узнал, чей ты гость, чуть ли не в ногах у тебя ползал, прося прощения. Так вот, он мой будущий тесть.

Да ладно, что ты. Знаешь, какая у него клевая дочка! Ее тоже Майей звать, двадцать восемь лет. Учительница в сельской школе. Ты ее наверняка видел, все время в трауре ходила, про-

сто вспомнить не можешь. Когда ей было двадцать лет, в драке ее жениха убили. Так она столько лет траур пронесла. Говорят, хорший был парень. И она тоже достойно сохранила память о нем.

Вообще, если честно, ума не приложу, как такой дегенерат, смог воспитать такую дочь. К тому же, она и стихи пишет.

Однажды поднялась ко мне пьяного Важу уводить и тогда я первый раз с ней заговорил. Она мне так понравилась, что я не торопился ее отпускать. А что, ее отца так развезло ее, что без моей помощи она бы не смогла управиться. Даже вдвоем мы еле перекинули его тело на лошадь и так спустили в деревню.

И после этого мы почти каждый день встречались в окрестностях деревни и не могли наговориться. Она тебя сразу вспомнила, говорит, что с самого же начала обратила на тебя внимание, а теперь ты стал ей еще ближе из-за меня. Наверное, не можешь сдержать улыбку. Какая может быть в мои годы любовь...

К счастью, о наших встречах по деревне очень быстро прошел слух и ей пришлось согласиться на мое предложение, выйти за меня замуж. Вообще-то, я совсем иначе представлял свою свадьбу, а теперь, просто распишемся и накроем чисто символический стол. К твоему возвращению, наверное, и маленький Гогиела будет готов. А про свои непрекращающиеся визиты к медсестре Шорене, это я тебе просто так наплел. Сто лет уже ее не видел.

2. Разговоры о природе... Моя жизнь и вправду здорово изменилась. Но все же об этом я так, для поддержки. Знаю, что одно только упоминание о горах, поможет ему не падать духом.

А ведь такое не редко случается. Ситуация, в которой вдруг оказываешься, начинает казаться дурным сном и ты утрачиваешь чувство адекватного восприятия действительности, словно превращаясь в какое-то механическое существо не способное различать времена года и время суток.

Зэку несложно надыбать водку и наркотики. И, упаси Господь, если втянешься в это дело, выбираться из этой ситуации становится практически невозможно. Тем более таким эмоциональным парням, как Гогиела. Я и не сомневаюсь, что он и к водке успел как следует приложиться, и травки накуриться и

ширнуться. Я не хочу, чтобы он втянулся, а то ведь полно и таких, кто после всех этих дел и маму родную променяет на наркотики.

Парни сказали, что на иглу не подсаживается, хотя планом изредка балуется. Но меня это не успокаивает. Не надо вообще увлекаться дерьмом, а то можно все время «изредка баловаться» и за неделю до выхода на волю, стать отпетым наркоманом. По той простой причине, чтобы незаметно скоротать последнюю неделю, которая сановится длиннее всех проведенных в тюрьме лет... Но Шако сказал, что он и сам это прекрасно понимает и ему это не грозит.

А жениться я на самом деле собираюсь. Я так хотел, чтобы ты был рядом... Ты даже представить себе не сможешь, какой красивой представлял я себе всю брачную церемонию.

А Шорена... Знаешь, мне стало ее жалко. Я как-то никогда и не задумывался. Блядью была как для всех, так и для меня. И только сейчас я осознал, что это несчастное существо, возможно, ставшее таким жертвой каких-то обстоятельств, либо по иронии собственной судьбы.

Пока я к ней ходил, никто не смел издеваться над ней, избивать и врываться к ней в дом посреди ночи... Я и сейчас никому не позволю ее обижать. Я даже Майе об этом сказал, она ничуть не обиделась, наоборот, поддержала.

Нет, все равно в голове не укладывается, как мог черный Важа воспитать такую дочь.

1. И еще раз обнимаю. Гогиела, выше нос! Сам говорил, что жизнь преподносит тысячи самых непредсказуемых ситуаций.

Целую. Твой брат, Гия.

2. Не знаю, понял ты или нет почему я не приехал. Тем более, кто-кто, а ты прекрасно знаешь, что дефицита времени у меня никогда не бывает.

Как бы это правильнее объяснить... Я боюсь увидеть тебя сломленным... И тогда, кто-то точно отправится на тот свет... В общем, не хочу своим одним приездом создавать множество непоправимых проблем... И в первую очередь, тебе.

Что ж, если ты сейчас этого не понял, то когда выйдешь, я тебе все объясню... Впрочем, скажу, ты и без моих оправданий все прекрасно понимаешь... Прости, брат...

ГЛАВА XVIII

ОДНО ИЗ НЕОТПРАВЛЕННЫХ ПИСЕМ ГОГИЕЛЫ

Мама, я очень скучаю... Соскучился по тебе, парням, по всем знакомым и даже незнакомым... Я скучаю по папе... На воле, я как-то иначе воспринимал его отсутствие... Почему-то казалось, что он где-то рядом и просто ненадолго куда-то отлучился... Поднимался к нему на могилу, что-то мысленно ему рассказывал, вспоминал какие-то эпизоды из нашей жизни. Словом, зная, что его уже нет на этой земле, я как бы внушал себе, что он есть и ничто не сможет его вытеснить. Отсюда же, все воспринимается иначе. Ощущение того, что кто-то злой запретил тебе видеться с тяжело больным отцом... Может, я как-то туманно изъясняюсь, просто невозможно передать словами то, что я чувствую. Просто, когда живешь в доме, где все вместе прожили столько лет и каждую минуту соприкасаешься с вещами, которыми он пользовался, ходишь по его любимым городским улицам, встречаешься с людьми, с которыми он общался и ощущаешь, что его жизнь продолжается. И даже, когда приходишь на кладбище на его могилу и смотришь на тот кусочек земли, которая его покрыла и которая также покрывает когда-нибудь каждого из нас, даже тогда где-то в глубине души ты продолжаешь верить, что он живет и что когда-то ты с ним непременно с ним встретишься...

Человек, по природе своей неисправимый мечтатель и фантазер. Я часто как наяву вижу то время, когда мы все были такими счастливыми и хочу верить, что такое время еще когда-нибудь вернется...

Веришь или нет ты в Бога и потустороннюю жизнь, дорогой тебе человек, покинувший этот мир, все же не оставляет тебя, возвращаясь к тебе дорогими воспоминаниями и даже таки-

ми мелочами, на которые при его жизни ты даже не обращал внимания. И тебе начинает казаться, что он живой, просто куда-то уехал на время... А это всего лишь мечта и твоя фантазия!!! Просто всякая мечта, какой бы нереальной она ни была, это твоя надежда. А надежда, даже самая мизерная, помогает тебе выживать... Я опять повторяю, несмотря на то, веришь ты в Бога или нет... С той разницей, что вера дает осознать тебе некую суть происходящего. В зависимости от силы твоей веры в Бога, ты утрачиваешь страх перед смертью и тянешься к молитвам. Наверное, надеясь, что Бог спишет все твои грехи. Но ведь и это наивная мечта, молитвами грехов всего человечества не замолишь. Нет под этим небом своих и чужих грехов, мы все связаны в одну цепочку, все, знакомые и незнакомые, просто родные и близкие в этой цепочке сплетены рядом... Но нет, человек и здесь хочет выделиться, уповав на то, что может быть, «проскочит» и замолит свои грехи и грехи своих близких...

Думаю, что подавляющее большинство, в том числе и глубоко верующие люди не смогло до конца постичь Господа и поэтому не может до конца избавиться от страха смерти. Надежда и мечта, скорей всего идут от подсознания, а не от веры. Скорей всего они продиктованы нашей природной конструкцией и сердцем. А разум и мозг все же до конца не хочет поверить и подчинится этой закономерности...

Но тем не менее человечество мечтает, а значит, надеется... И это «значит» не дает возможности даже самым отъявленным атеистам полностью отвергать существование Бога.

А здесь у меня возникло ощущение, что некто безжалостно отнял у меня мечту и надежду. И земля здесь не та. Место, где расположено это страшное заведение, не на моей родине, а где-то на чужой беспощадной планете или другой галактике... Даже твои соотечественники представляются здесь чужими инопланетянами... Здесь все утратило свой истинный смысл. Даже времена года – зима, весна, лето и осень – лишились своих характерных признаков. Кажется, что ничто здесь не цветет и не приносит своих плодов, здесь даже дождь не в дождь и солнечный свет не в солнечный свет. Здесь, в этом колючем проволочном пространстве, все в сером, безрадостном цвете. Словно тебя

на всю жизнь поместили в беспросветный вакуум, из которого нет выхода...

Как-то кто-то сказал: «Посмотри, ласточки в теплые страны полетели!» Я взглянул наверх и страшно удивился, что здесь могли пролетать ласточки...

Хоть бы сейчас на минуточку оказаться рядом с тобой. Знаешь, что я хочу сейчас больше всего? Болеть дома и чтобы ты за мной ухаживала. Я сколько себя помню, всегда это любил. Потому что ты ни на минуту не оставляла меня. А когда мне надоело лежать от болезни и я решал вылезти из постели, ты приходила, ласково укладывала меня и ложилась рядом со мной. В детстве читала мне книжки, потом, когда я уже подросток болтала со мной обо всем или же молча смотрела вместе со мной телевизор.

Почему-то навсегда врезался в память один эпизод. Ты принесла лекарство, дала мне его выпить и присела на краешек моей постели. По телевизору шел какой-то фильм, я даже не запомнил его содержания. Но мне понравилась мелодия из этого фильма, я пытался ее напеть и не смог. Тогда я попросил тебя, чтобы ты ее напела. Ты обняла меня, прижала щеку к моему лбу и тихо запела... Такое счастье, как в тот день, пожалуй меня никогда не захлестывало и я незаметно для себя заснул от этой всепоглощающей материнской ласки. Очнувшись и не обнаружив тебя рядом, меня вдруг обуял необъяснимый страх и я в ужасе выскочил в соседнюю комнату. Ты сидела на кухне и перебирала фасоль. Увидев мое обезумевшее лицо, ты встревожилась и испуганно спросила, в чем дело. Я порывисто поцеловал тебя в щеку и не говоря ни слова, вышел.

Перед моей кроватью висел портрет отца. Помнишь, когда ты захотела его снять, я не позволил тебе этого сделать. Я мог часами смотреть на этот портрет, словно рассказывая ему все, что со мной происходило и спрашивая совета за то или иное свое действие.

А как мы с папой в цирк ходили? Как дружно хохотали над выходками клоунов и вместе переживали за цирковых акробатов.

Уже потом, когда я сам взрослым пару раз попал в цирк, однажды с друзьями, хохмы ради, а в другой раз, когда чуть ли

не всей группой повели чадо нашего однокурсника на цирковое представление, я не мог понять, почему нас с папой так смешили клоунские выходки или почему так пугали акробатические трюки? И вообще, весь этот цирковой блеск, номера и оркестр, которые приводили меня в такой неописуемый восторг в детстве, показался мне ни чем, как мишура и сбором шарлатанов... А может все так померкло из-за того, что рядом не было папы? Однажды, на папиной могиле я вспомнил одну клоунскую шутку и так расхохотался, что на какой-то миг мне показалось, что и папа вторит мне смехом...

Помнишь, как я весь день проводил в предвкушении циркового представления? С утра начинал готовиться и чуть ли не каждые полчаса донимал отца вопросом, не пора ли нам идти. В итоге, мы всегда почти одними из первых приходили в цирк.

И конечно же, я обожал там что-то жевать. Каким бы сытым не приводили меня на представление, я все равно уплетал за обе щеки цирковые хачапури, слоеные язычки, бутерброды с колбасой и запивал все это невероятным количеством лимонада. Единственное, к чему я был равнодушен, так это к мороженому. До сих пор сам себе удивляюсь, ведь я любил все то, что мне запрещали: кислое, соленое, острое, жареное и конечно же холодное, но мороженое меня все же не прельщало. Во всяком случае, насколько я помню, я никогда не просил купить мне мороженого.

Я соскучился по твоему то наставническому, то настоятельному, то просительному тону. Помнишь, как ты все время преследовала меня с чем-нибудь «полезненьким»? Благодаря тебе, я на всю оставшуюся жизнь возненавидел почти все разновидности фруктов и особенно яблоки. Господи, как я ненавидел яблоки и те минуты, когда ты протягивала его мне и говорила: «Не скушаешь ли яблочка?» Только от одного этого предложения у меня сносило крышу и ответы всегда были неадекватные, хотя не брать его у тебя из рук я не смел.

Зато потом выбрасывал в окно и только тогда с облегчением переводил дух, когда его переезжала какая-нибудь машина. Но меня заметили твои знакомые из соседнего дома и доложили тебе. Ох и всыпала же мне ты тогда! И с тех пор, в качестве доказательства требовала, чтобы я показал тебе огрызок яблока. Я тоже приспособился и начал выплевывать в окно откушенные

куски, но и за этим занятием меня застукали и конечно же, опять тебе доложили. Однако, ты больше меня не наказывала, взяв с меня честное слово, что время от времени я все же буду съедать полностью положенное мне яблоко... От такого «джентельменского соглашения» деваться было некуда и ты достигла своей цели. Вообще, ты всегда достигала со мной, как тебе этого хотелось.

Мам, ты даже не представляешь, как я скучаю...
Твой глупый Гогиела.

P.S.

Меня замучали кошмарные сны. Я не знаю, куда от них деваться, куда деваться от преследующего меня после этих снов какого-то животного страха... Мам, я боюсь, чтобы с нами не произошло какого-нибудь несчастья...

ГЛАВА XIX

ИЗ СНОВИДЕНИЙ ГОГИЕЛЫ

... Мы с папой в цирке. Атракцион с дикими львами, тиграми и пантерами. Конферансье объявляет номер «фокусника-укротителя» и на арене появляется какой-то самодовольный идиот с уверенной улыбкой на губах и заставляет хищников проделывать самые невероятные трюки. Хищники покорно ходят на задних лапах, прыгают через огненное кольцо, «съедают» своего дрессировщика, который вдруг опять появляется с под купола цирка перед застывшей от ужаса публикой.

«Фокусник-укротитель» теперь обращается к добровольцам из публики пообщаться с хищниками. И на арену выходит папа. Я хлопаю в ладоши и радостно смеюсь, папа также радостно кланяется публике. Хищники жадно набрасываются на папу и начинают его раздирать на части, папе больно, но он улыбается, зная, что Гогиела смотрит на него и гордится им.

Зрители бурно аплодируют «фокуснику-укротителю» за отличный номер, я хлопаю громче всех. Представление закан-

чивается и я вдруг осознаю, что папа не вернулся. Я, ожесточенно налетев на «фокусника», бурно требую папу, с ужасом чувствуя, как силы оставляют меня. А он мерзко смеется мне в лицо : «Надо было думать тогда, когда выпускал его на арену! Видишь, как я здорово пошутил?!»

Хоронят убитых хищников. На их могилу кладут портрет моего улыбающегося отца. Я плачу нвзрыд и сквозь слезы вижу «фокусника-укротителя», который издали измывается надо мной. Вдруг он щелкает кнутом, могила разверзается и из нее выскакивают ожившие хищники. Хищники бегут и вместе с ними бежит и портрет отца. Я бегу за ним, пытаюсь поймать, но не могу. Всю эту бегущую компанию замыкает «фокусник-укротитель», который время от времени останавливается, строит мне ужасные гримасы, плюется и обзывает последними словами...

ГЛАВА XX

ПИСЬМО ГОГИЕЛЫ

Мамуля, здравствуй! Как ты? Случайно, не болеешь? Следи за собой, пожалуйста. Если с тобой что-нибудь случится, я этого не переживу. И поэтому прошу тебя ни на что не нервничать, а тем более за меня. Потерпи немного. До суда и до моего выхода осталось совсем немного, а потом уже ничто не сможет нас разлучить. Вот увидишь, как я исправлюсь, закончу институт, «возьмусь за ум» и никогда больше не заставлю нервничать свою мамулю, своими дурацкими выходками.

Ты только слушайся во всем тетю Ларису и дядю Юру. Мам, ты же сама говорила, что такой врач, как тетя Лариса, большая находка и поэтому выполняй все ее предписания, чтобы встретить меня здоровой.

Знаешь, почему я так настаиваю? Потому что ты, как и я, «неадекватная». Ты всегда в гнев задавала мне один и тот же вопрос: « И в кого ты такой уродился?!» Отвечаю только сейчас : «В тебя!» Хочешь, проведем сравнение? Яблоки, которыми ты мне отравила детство, ты сама ненавидела и я никогда не видел, чтобы ты их когда-нибудь кушала. Когда тебе нездоровится в

постель тебя не загонишь. Разве что «из-под палки». Помнишь, как я однажды почти неделю не выходил из дому, чтобы ты не встала с постели. Придумал, что мне срочно нужно заняться немецким и попросил тебя преподать мне хотя бы азы. От всех этих «деров» и «дессов» мне до сих пор дурно, но я ради того, чтобы удержать тебя в постели готов был и не на такие жертвы.

А знаешь, сейчас станешь смеяться, но я на воле опять займусь немецким. Ты же не откажешься от продолжения наших уроков? «Гласность и перестройка» даже до зоны докатились. Вот уж не думал, что здесь могут начаться какие-нибудь сдвиги.

Между прочим, наверное, как первая ласточка перемен, стал ремонт комнаты для свиданий. (Но приезжать тебе все равно не следует, мне труднее будет доживать здесь оставшиеся дни). Даже яблони посадили. Представляешь, яблони на зоне?! Я-то плодов этих яблонь не попоробую, но придут же сюда другие? К сожалению, в здешнем контингенте никогда не будет недостатка...

Позавчера мне объявили еще одну благодарность за «ударный труд» и «образцовое поведение». Действие происходило на плацу. На глазах у всего честного народа. Так что твой сын на истинном пути к исправлению...

Кстати, вместе с новым ремнем и новым начальством, появились и новые лозунги. Так вместо «НА ВОЛЮ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ!» появилось «НА ВОЛЮ С ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ДУШОЙ!»

Между прочим, с пьянством и алкоголизмом мы здесь боремся ничуть не меньше чем на воле. У нас в клубе появился потрясающий лозунг «ОТЕЦ, ПОМНИ, ТВОЕМУ РЕБЕНКУ НУЖЕН ТРЕЗВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ!» Или шедевр, который висит прямо над вахтой «ВОЛЯ НЕ ДЛЯ ПЬЯНСТВА, А ДЛЯ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ТРУДА!»

У нас даже лозунг против нетрудовых доходов появился. На зону ожидается комиссия и в преддверии ее визита прямо над административным зданием повесили «НЕТРУДОВЫМ ДОХОДАМ НУЖНО СКАЗАТЬ НЕТ!»

Так что, видишь? Веяние нового времени и нас не обошло стороной. Дай Бог, чтобы это правда было новое время, а не

просто смена декораций... Может, и этой идиотской пропаганды вроде той, что до коммунизма осталось чуть ли не полшага больше не будет. И парней вернут из Афганистана. Сколько народа положили эти сволочи ни за что... Если этот человек на самом деле хочет что-то заменить, он непременно выведет войска из Афганистана. Если хочет, то поймет, что просто косметическим перекрашиванием фасада, он ничего не сможет изменить. Он должен дать стране больше свободы, демократии и, разумеется, прозрачности и открытости. И только тогда страна сможет поднять свою экономику... По-другому, даже не представляю, что может получиться...

И тогда многим моим сотюремщикам будет дано поприще. Ведь без «нэп»-а и частной собственности, ничего не получится. А эти «сидельцы» наверняка без дела не останутся. А там и вся муть постепенно рассосется, вольется «новая кровь» и пойдут дела в гору.

Дай, Бог, чтобы все получилось. Только не надо тешить себя иллюзиями, что все это произойдет мгновенно. На все это потребуется немало времени и реальные плоды мы получим через много лет. Возможно, наше поколение этого до конца не сможет впитать, что ни говори, рождены мы были в рабстве и это клеймо не даст нам полностью разогнуть спину, но следующие поколения наших детей и внуков уже будут пожинать плоды настоящей свободы.

Только, для свободы будущего поколения нам придется в поте лица бороться и трудиться. Мы должны ухватиться за самый слабый лучик солнца и все сделать для того, чтобы пути назад нам больше не было. И не позволить вдруг передумать тем, кто все это сейчас затеял.

И ошибок на этом сложном тернистом пути будет немало. Да и начали уже с ошибок. Возьмем, к примеру, кампанию по борьбе с пьянством. Этот совершенно глупый закон, который навязали всем республикам, без учитывания реальных факторов. Я не могу спокойно относиться к тому, что грузинские крестьяне стали вырубать виноградники. Ведь, получилось, что мы подняли руку на источник собственной жизни. Ведь виноградники и вино – это часть нашей грузинской культуры и рубить виноградники в Грузии равнозначно хакари. Хорошо хоть во-

время додумались, отменить этот акт вандализма, а то как далеко бы зашли, трудно даже представить.

Придется нам опять ходить непроторенными никем еще путями. Честно говоря, я ничего не слышал о стране, где бы приходилось так перестраивать психику народа и выводить ее из агонии и тотального гипноза. Я прочел в газете интервью с каким-то иностранцем, который недоумевал, каким образом собираются изменить и перестроить советского человека. Откуда ему знать, что мы уже перестроились и сейчас просто хотим вернуться в нормальное естественное состояние.

Мы понимаем, что это очень сложный процесс. Германия, только после поражения начала возрождаться и преодолевать в себе барьер национальной замкнутости. Нам же, как ни парадоксально может это звучать, придется еще сложнее. К тому же нам придется менять и ориентацию и самым нашим большим противником в этом движении может стать инерция. Один непродуманный шаг и мы можем очутиться в пропасти. И поэтому мы должны поторопиться и разумно двигаться вперед. Любое промедление может оказаться роковым и тридцатые, и семидесятые годы могут оказаться просто легкими потрясениями по сравнению с тем, что может нас ждать впереди. Все эти сталины, берии, ежовы, ягоды, щелоковы просто затаились и ждут подходящего момента. И пусть никто не тешит себя тем, что у них мало сторонников.

Конечно же, я ничего не утверждаю и в отличие от многочисленных скептиков, во мне все же теплится надежда. Хотя их скептицизм небезоснователен и на данный момент ошибок значительно больше, нежели достижений. Но ведь общеизвестно, что не ошибается тот, кто ничего не делает. Так что остается молить Бога, чтобы мои робкие надежды оправдались.

Ну вот, опять я ударился в политику. Знаю, что ты не любишь, когда я этим занимаюсь, боишься, что окажусь в опасности. Обещаю, что здесь не издам ни звука. Понимаю, что сейчас самое главное для меня вырваться отсюда. А потом... Все убедятся, какой я парень!

Мама, скажи парням, если они появятся или же не дожидаясь их появления, обзвони их и скажи, что в этом месяце могут не приезжать. Скажи, что мои одноклассники уже были. Ну

конечно, если кто-то и приедет, «выгонять» их не буду и их приезд меня «не обидит».

Представь себе, я поправился. Трудно, конечно, в это поверить, но действительно это так. К здешней пище я уже привык, да к тому же передачи. Боюсь, чтобы до встречи с тобой дома не отрастил себе брюхо. Собираюсь сесть на диету и записаться в какую-нибудь спортивную секцию. Правда, выбор здесь небольшой: бокс, борьба и теннис, но зато под боком и такого «сервиса» у меня даже дома не было.

Ну что еще? Целую много, много, много раз. Твой непоседливый, сумасшедший, бурный, но зато самый умный, мудрый, талантливый и самый добрый Гогиела!

ГЛАВА XXI

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Мамуля, я безумно скучаю и беспокоюсь о твоём здоровье. Парни сказали, что чувствуешь себя хорошо, но я что-то сомневаюсь... У меня такое ощущение, что они что-то от меня скрывают... Ведь я же знаю, какой ценой обходится тебе каждый проведенный мною здесь день... Знаю и ничем не могу тебе помочь... Мне не дают покоя дурные сны...

Эти новые слова «перестройка», «гласность» и «кооперация» и правда вселили в меня какую-то надежду. Правда, это больше в мечтах, нежели реальность(?). И парни думают, как я, что если постараемся, то плоды непременно получим, главное, не медлить.

А здесь пока сменяется только занавес. Лозунгов и призывов хоть отбавляй, а что до остального... Так это только если хорошенько пометчать... Какие там яблони... Водкой все заливаются и это несмотря на то, что цены на водку непомерно взвинтились. Пища по-прежнему отвратная и уважающий себя человек к ней не притронется, если конечно же, не безвыходное положение. Мне то что. На деньги своих друзей я приобретаю. Сгущенку, сахар и чай, да и «подогрев» всегда вовремя поспевает, а у многих несчастных нет такой возможности. Вот и едят

эту тюремную бурду, да еще если перепадут объедки с чужого стола...

Режима и легавых «перестройка» никоим образом не коснулась. Беспредел продолжается. «Аристократия» по-прежнему обирает эков, общак собирается и пользуются им не все нуждающиеся в нем эки, для отвода глаз снабдят копейками несчастных вырвавшихся на волю, якобы на дорогу до дома, сами же ни в чем себе не отказывают.

По-прежнему никому не выдают положенных мизерных зарплат по освобождению и все эти арестантские деньги прикарманивает администрация. Никто и вякнуть не смеет, на все глаза закрывают лишь бы вырваться отсюда...

Хотя одна маленькая подвижка есть. Наркотики в больших количествах больше не поступают. Видно здорово ужесточили их доставку в зону, хотя не исключено, что это временная мера. Говорят, что в другой зоне на поставке наркотиков, прищемили хвост надзору и наша администрация прознав про это дело решила некоторое время не рисковать. Начальник колонии строгонастрого предупредил своих подчиненных.

Наш замполит на этой почве совсем оборзел, ходит мрачнее тучи и никому не дает спуска. Хотя он и сам может надывать себе зелья, но его жмотство не позволяет тратить свои кровные на то, что текло к нему рекой на халяву..

Посмотрим, какие наступят времена. У меня непонятное состояние, во мне то вспыхивает надежда, а то охватывает пессимизм и жизнь теряет всяческий смысл...

ГЛАВА XXII

ПИСЬМО ДРУГУ

Шако, привет! Ну как вы там? Как моя малышка? Я здорово за ней скучаю. Знаешь, когда уже совсем подpiraет, беру её фотографию и начинаю с ней говорить. Представь, помогает.

Ну а то, что я всеми вами скучаю, говоорить и не стоит, ты и сам прекрасно понимаешь. Иногда у меня крышу сносит так,

что я всерьез боюсь чокнуться и не сделать чего-то непоправимого. Чем дальше, тем сложнее себя контролировать и окружающий меня мир все больше кажется мне ирреальным. Я, кажется, стал терять чувство нормального восприятия событий и все чаще ловлю себя не на совсем нормальных мыслях, что меня серьезно стало тревожить.

Чтобы прийти в себя, мне приходится обливать себя холодной водой или же тушить на себе горящие сигареты. Мама сойдет с ума, если увидит мои руки в следах ожогов. Сколько раз зарекался не делать больше этого, но все это происходит как будто помимо моей воли.

Вчера ходил в санчасть навестить одного зоновского. Я его еще с Тбилиси знаю. Так вот, парни показали мне лозунг в кабинете замполита, который куда-то уперся, оставив дверь открытой: «КАЖДЫЙ РАБОТНИК ОРГАНОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ КРИСТАЛЬНО ЧЕСТНЫМ!» Я прямо оборжался, надо же кому повесили этот душещипательный «шедевр»!

Кстати, о перестройке последнее время он старается больше нам не заливать, похоже, не нравится. А раньше как свистел, любой соловей бы ему позавидовал! Теперь же запрещает вести с ним беседы на эту тему. Видать, достала его эта перестройка по полной программе.

Вчера нашим кутком надыбали три бутылки водки, зоновский подбросил мне «дыму» и мы кутнули в коптерке.

Парни в кайфе п...ели про новые времена. А я не издал ни звука, по фиг мне все это. Кому нужны наши рассуждения?! Если мы в данный момент отбросы общества и ничто больше!.. Мне не нравится, что я все чаще подпадаю под это настроение... Вдруг представил себя со стороны с вами, как бы я драл глотку и натягивал жилы в наших дебатах... А здесь, по фиг!

Шако, присмотрите за моей мамой. Знаю, знаю, не надо вам всем об этом напоминать, но всеже. Непокойно мне что-то. С ней все в порядке? Не вздумай от меня чего-либо скрыть! Замучали меня кошмарные, кровавые сны! Не случилось ли с кем чего плохого?!

И ты куда-то пропал. Вот уже три месяца ни слуха от тебя! Упаси тебя Господь от несчастья! И поэтому, чтобы я успокоил-

ся, ты должен приехать! Я должен тебя увидеть, чтобы развеять все мои плохие предчувствия.

Видишь, какие у меня истерики, прямо как у барышни из пансиона благородных девиц. Ничего не могу с собой поделать и избавиться от дурных мыслей, которые меня уже достали. Знаю, что ко всему нужно относиться с спокойствием, но не могу с собой совладать.

Ну давай, пока. Всех обнимаю и целую, особенно мою малышку.

Ваш ГОГИЕЛА!

ГЛАВА XXIII

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ К ШАКО

Даже не знаю, как описать то, что я на самом деле здесь переживаю. Я понимаю, что достал вас всех своими рассказами о здешних гадостях, но молчать не могу, в противном случае мне совсем будет хана.

Я понимаю, что вы не в силах сделать больше того, что умудряетесь для меня сделать, а я своими страшилками только треплю вам и без того расшатанные нервы.

А мне так необходимо, хоть кому-то это все рассказать. Ну ничего не поделаешь, когда со всех сторон в прямом и переносном смысле – глухая, железобетонная стена, которую не пробьешь и не обйдешь...

И эти ночные кошмары, которые ночь превращают в сплошную пытку, когда боишься лечь и заснуть, чтобы не сойти с ума. Мне все время мерещится, что кому-то плохо и кто-то умирает... Я даже почтальона стал бояться. С нетерпением жду писем с воли, а как вижу конверт, сердце от страха сжимается. Для меня все утратило смысл, кроме одного, чтобы все близкие и родные мне люди были целы и невредимы.

Иногда я ненавижу всех обитателей этой зоны вместе с надзором и экаками. Мне без разницы в каком положении утратишь человеческое лицо. Я понимаю, что здесь невыносимые

условия и каждая тварь может тебя унижить и растоптать, но ведь это еще не повод, так проявлять собственную подлую, мерзкую суть. Все без исключения озверели и затаились, если ненароком оступишься пощады ждать неоткуда. И поэтому всегда нужно быть начеку и всегда быть в позе. Ошибок здесь, даже невольных, не прощают. Один раз мне удалось выкрутиться, хотя я говорил правду. Слава Богу, что Мераб и мой ум не подвели.

На следующий же день моего появления на зоне зашел разговор о гомосексуализме. Ну я и выдал, что все, кто мужеложествует, тоже пидоры. Что тут началось! Как ты, говорят, посмел о нас «хороших парнях» такое подумать! Откуда мне было тогда знать, что чуть ли не девяносто пять процентов зонавской «аристократии», «хороших парней» и «козлов» мужеложествует на зоне, что они считают это делом обычным и не видят в нем ничего зазорного, напротив...

Если застукают на онанизме, то могут и прибить, а эта мерзость доведена чуть ли не до естественного состояния. Даже в «жутких» тюрьмах царской России (как доносит до нас пропаганда) это дело среди зэков считалось большим срамом. Народ, который занимался этим делом, был выделен в отдельную самую опущенную категорию. А во второй половине двадцатого века это является чуть ли не делом престижа и у подавляющего большинства «аристократии», воров, зонавских - по личному любовнику. «Пидоры» ходят вонючие и опущенные, а любовники «больших людей» всегда в форме, и не имеют права выглядеть иначе. Они блюдут себя как законные жены и не имеют права вступать в контакт без ведома «хозяина» с кем бы то ни было. Разница между привилегированными и средними слоями в том, что одни имеют личных любовников и могут их содержать, другие же могут себе позволить это удовольствие время от времени.

Администрация на это безобразие смотрит сквозь пальцы и это явно психическое отклонение находит делом привычным. К тому же некоторые из них не прочь побаловаться и тоже не упускают случая потешить себя. Гниды, жен имеют, детей, дома строят из себя примерного семьянина, а на службе что вытворю-

ряют! Неужели так сложно ко всем таким больным применять какие-то санкции, чтобы отучить их от этой мерзости!

Ну так вот, я искренне выдал все это в широком кругу и с удивлением заметил, что многим ой-ой как все это не понравилось. К счастью, Мераб был рядом. К тому же, я так смело об этом говорил, что они подумали, что меня кто-то крышует и не посмели вякнуть, хотя конечно же, злобу затаили. Говорят, у смотрящего за зоной нет личного любовника и ему тоже претят подобные противоестественные отношения, хотя он обязан подчиняться общеустановленным зонавским законам и если бы появилась необходимость его вмешательства, он бы не смог меня поддержать. Как сказал мне один из нашего кутка, ему то что, ему в неделю раз чувиху с воли доставляют, а мы хоть и лишены этой радости мужеложниками всеже не стали. Смотрящему за зоной по понедельникам предоставляют комнату для свиданий и доставляют к нему шлюху, с которой он утешается целый день, так что нормальную ориентацию с геройством не путай, посоветовал мне товарищ по несчастью. Хотя я и не собирался записывать его в святые, но тем не менее на фоне повального греха на зоне, его личное отношение ко всему этому заслуживает какого ни на есть уважения.

Тут парень один мне очень нравился. И на вид достойный и держался он как-то мужественно. Однажды после вашего приезда, он подвалил ко мне и попросил банку сгущенки. Я опешил, здесь считается за грех просить что-либо. И как бы чего не хотелось, молчать пока сами не предложат. Конечно же, «аристократия» не в счет, они могут просить что угодно и когда угодно «для дела».

Я бы, говорит, ни за что не попросил, если бы новенький педик Лева не пообещал разок дать за банку сгущенки. Меня чуть прямо на этого уродца не выблевало. Сгущенку я ему дал, чтобы кто не подумал, что я жмот, но стех пор, невзлюбил его по-черному. Да еще при мысли, что я собирался перетащить его к нам в куток, после того, как один из наших скоро выходил на волю, мне совсем тошно становилось.

Ну вот я и стал искать причину, не мог себе простить, что принял его за человека, а он такой гнидой оказался. В конце концов я поймал его на слове, якобы он вякнул что-то неворов-

ское и здорово его отделал. Разумеется, меня «оправдали». По здешним законам, я был прав, а если бы даже было бы не так, Гиина ксива здесь здорово срабатывает и меня опасаются лишний раз теревить. Так вот, и они ему добавили, избии до полу-смерти и вообще собирались его испортить и бросить в педерастник, а попав туда, так наверняка никогда не отмоешься. Во-время я дал им понять, что с ним этого делать не надо. Короче, мне пришлось за него заступаться... Но наказания он всеже не смог избежать и его забросили жить к «козлам».

С тех пор стараюсь вообще никого не замечать, чтобы не создавать себе лишних проблем и историй, которые зачастую не так хорошо заканчиваются....

Интересно, и Гия... Нет, лучше не думать о всякой чепухе, а то так недолго и весь род человеческий возненавидеть...

Господи, что же мне делать, если даже сном не могу за-быться из-за этих проклятых кошмаров. Просто ума не приложу что делать, чем забить ум до окончания этого проклятого срока.

ГЛАВА XXIV

ПИСЬМО МАТЕРИ

Сынок, ну как ты? Я очень по тебе тоскую. Доведется ли мне еще раз тебя увидеть? Мне все труднее и невыносимее становится ожидание. И когда только состоится этот наш спасительный суд. При одной только мысли, что ты не выдержишь и сорвешься до суда, у меня разрывается сердце. Умоляю, держи себя в руках и веди себя примерно.

У меня вроде все в порядке. Твои мальчики не дают мне скучать. Я уже устала с ними «воевать», приходят всегда нагруженные всякой всячиной. Они уже так приучили меня к своим частым визитам, что стоит им опоздать на несколько минут и я уже не нахожу себе места, как будто это мой Гогиела где-то задерживается... Наверное, так оно и есть, ведь вы все как одна душа, одна радость и одна боль...

Они все время меня успокаивают, что ты там ни в чем не нуждаешься, а я же вижу, как они себе места не находят из-за тебя. Потому я всех вас так люблю, что вы сообща пронесите и радость и горести.

Ой, совсем уже ополоумела и чуть не забыла сказать главное и поздравить тебя с дебютом. Опубликовали твои стихи, правда, пока напечатано всего три стихотворения, но ничего, все так начинают.

Мы с мальчиками обегали чуть ли всю округу и перед всеми похвастались. Шако, Бадри и Дато столько журналов накупили и я почти все раздала, правда автограф обещала дать уже после твоего возвращения. Мальчики же, конечно, во всем этом принимали самое активное участие и надо было видеть, как они радовались наперебой друг другу. А какой рекламный трюк проделали они у газетного киоска, это надо услышать из первых уст. Выстроились в очередь и как будто не зная друг друга начали обсуждать твою фамилию, говоря что в номере опубликован подающий большие надежды молодой автор, беспокоились, что журнал раскупили и им может не достаться. Ну народ, естественно, тоже заинтересовался и журнал вмиг раскупился. Надо же, взрослые мужики, а мозгов, что у детей. Дай-то Бог, чтобы в вас на всю жизнь хватило детской непосредственности.

Родственникам, конечно, тоже раздала. Все должны знать, какой у меня талантливый сын. И если кто-то и имеет сомнения насчет твоей порядочности, после этих стихов их развеет.

Отправила журнал и твоей тете. Мераб меня навестил. Я так обрадовалась его приходу, Не зря, сказал, тебя там «профессором» прозвали, всем хотелось с тобой пообщаться, умных вещей послушать: «Но то, что он вдобавок еще и стихи писал, этого я и не представлял!» Радовался как ребенок, сказал, что теперь в деревне утрет всем тем нос, кто сплетничал, что Лили не смогла воспитать нормального сына. Пообещал и начальство зоны «обрадовать», чтобы знали, кто у них сидит.

Это письмо передаю через Мераба. И твои любимые хачапури он тебе привезет, и на базар за фруктами мы вместе с ним ходили. Если ты меня любишь, яблоки обязательно скушай.

Смотрю на Мераба, сердце кровью обливается, собирался ехать в деревню, но передумал и решил сначала провести тебя, говорит, такую радость я ему должен передать, беспокоится, что с пустыми руками к тебе едет. Еле его успокоила. После выхода на свободу, шесть месяцев мыкался где-то на стройках в Сибири и сколько бы он там заработал со своим здоровьем? Заболел воспалением легких, не разобрался в чем дело, думал просто простуда и потом четыре месяца провел в больнице. Так что не держи на него обиды, что он так долго тебе не писал.

Развевал он мою грусть своим появлением, развеселил, подбодрил. Память у него, скажу тебе, просто феноменальная. Ведь вырос он на моих руках, такие подробности помнит из своего детства и наших отношений, о которых я даже и не помнила. Хороший и благодарный человек. Вообще-то, я всегда это знала и соответственно к нему относилась, но после того, как он там тебя поддержал моя любовь к нему удвоилась.

Ну что еще тебе сказать, сынуля? За меня не беспокойся. Пожалуй, я давно так хорошо себя не чувствовала в плане здоровья. Но постоянное ожидание меня просто выматывает. И поэтому, еще раз прошу, будь послушным мальчиком, не перечь начальству и не трепи себе нервы по каждому поводу. Ешь, не худей, чтобы я ненароком не упала в обморок, если ты худющий как тень появишься на пороге.

Все соседи передают тебе привет. И дядя Юра, и тетя Лариса, и Зейнаб, и Отар. Все радуются твоим стихам в журнале и ждут тебя не дождутся. Зейнабин Георгий к твоему приезду собирается научить твоим стихам своего сына, чтобы тебя обрадовать...

Как вернулся с армии, так все время старается быть рядом со мной, все время вспоминает тебя. Хотя же знаешь, какой он лентяй, потому и не пишет тебе письма. Ты уж на него не обижайся, сынок. Ведь он так искренне тебя любит.

Ой, а Майя так вообще собралась переводить твои стихи на русский. Можно я одолжу ей твою тетрадь со стихами? Ты ведь знаешь, какая она умница и Юре с Ларисой не доставила никаких хлопот ни при поступлении в институт на филфак, ни теперь, когда вот-вот возьмет красный диплом.

Сынок, может я становлюсь назойливой, но еще раз прошу, будь паинькой...

Целую крепко-крепко, твоя мамуля.

P.S.

Получила письмо от твоего дружка Гии. Наверное, ты уже знаешь, что он после свадьбы начал работать шофером. Уже ждут пополнения в семействе. Говорит, если родится мальчик, назову Гогиелой, если же девочка – назову маминым именем. Я так рада за него, что смог наладить свою жизнь. И знаю, что в этом и твоя не маленькая заслуга. Дай Бог и тебе, сынок, душевного равновесия и мира. А твоему врагу... Не пожелаю ничего худого. Пусть у них тоже все будет хорошо, но только подальше от тебя.

Устрою Гие сюрприз, отправлю ему твой журнал бандеролью! Представь себе, как он обрадуется.

Еще раз целую и нежно-нежно обнимаю. Мама.

ГЛАВА XXV

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Очень мне плохо, сынок. Нездоровится мне серьезно... Сердце сильно беспокоит. От меня скрывают, но я уверена, что перенесла микроинфаркт. Одного только боюсь, что не дождусь тебя. От одной только мысли, что с тобой может случиться, если меня не станет, схожу с ума. Очень ты у меня эмоциональный... Нет у тебя предела ни в любви, ни в переживаниях...

Не могу тебе об этом писать. Как вспомню, что даже мысль о том, что я могу когда-то состариться доставляла тебе самые серьезные переживания. Мальчики сказали, что ты не выносишь даже разговоров о том, когда говорят, что родители не вечны в этом мире, а мы, мол, остаемся на этой земле их продолжателями. Я очень боюсь одиночества и крушения твоего сказочного детского мира, который с тобой всю жизнь.

Твои стихи в журнале доставили мне неопишемую радость. Накануне у меня был сердечный приступ и врач назначил мне постельный режим, категорически запретив вставать. Но мальчики принесли журналы и я не выдержала, схватила их и побежала по соседям. Всем оставила по экземпляру. Не думаю, что мне показалось, но все очень обрадовались и отметили, что они никогда и не сомневались в твоих способностях.

И твои мальчики... Какие они все чудные! Все старались скрыть друг от друга слезы и устроили самый настоящий фонтан из шампанского! Резвились и говорили, что все должны услышать, что и в этот дом пришла радость. Я даже друзьям твоего отца отнесла эти журналы.

Что-то ты меня о них не спрашиваешь. Я почувствовала при встрече, что они неловко себя чувствовали... После смерти папы, они как-то отделились, но если у меня возникали какие-нибудь просьбы, они никогда мне не отказывали. Они и твоих мальчиков вызволяли из затруднительного положения, а насчет тебя, сынок, так ведь мы их ни о чем и не просили. Ты ведь мне запретил это делать, а я не стала тебе перечить. Хотя теперь очень об этом жалею. Надо было мне им обо всем рассказать. И раз ты не поменял своих показаний, то они бы смогли договориться. Если бы не смогли спасти тебя от тюрьмы, так хотя бы срок скостили... Они люди занятые, нет у них времени интересоваться положением нашей семьи, а потому нужно было мне самой время от времени их проводить. У людей своих забот полон рот.

Зато сообщили радостное известие. Они оказывается узнавали и заверили меня, что для твоего освобождения не понадобится ни копейки. Выйдешь условно, после отбывания половины срока. И там все предупреждены, чтобы ненароком не испортили твоего личного дела или чтобы какому-нибудь уголовнику вдруг не взбрело в голову заняться.

Дядя Джемал в моем присутствии позвонил из своего кабинета кому-то в МВД и еще раз напомнил о своей просьбе насчет тебя, подчеркнул что ты его крестник и попросил контролировать ситуацию. Сынок, у меня на сердце полегчало, я еще раз убедилась, что мы с тобой в этом мире не одни... Все стара-

ются нас поддержать и как-то помочь... Только теперь все зависит от тебя.

Видно и слишком большая радость не всегда бывает на пользу. Мне опять стало плохо и по дороге домой потеряла сознание. Какой-то парень, примерно твоих лет, привел меня в чувство и довез до дому. Я так была напугана своим обмороком, что не сообразила взять у него координат, да что там это, даже не поблагодарила толком.

Со здоровьем у меня серьезные проблемы... Господи, не дай мне уйти из этого мира так, чтобы не увидеть еще раз мою кровинушку...

Мераб Бежанидзе приходил. Вернулся из России. Боже, ну и сломался же несчастный. Не знаю, сказал, что добила его Сибирь, куда он сдуру после освобождения отправился на заработки.

Сердце кровью обливалось глядя на него, когда пошли на базар за фруктами, надо было видеть, как он порывался заплакать. У самого ни гроша ломаного за душой, а все туда же. Потом, как мне удалось выяснить, весь его капитал составлял десять рублей. Дала ему насильно на дорогу немного денег, сопротивлялся, не брал... Сказал, непременно возвратит.

От Гии два письма получила. Видно, очень за тебя переживает и не хватает тебя ему. Тревожно мне что-то за него, чтобы не дай Бог с ним чего не случилось. Бедный парень столько мыкался по тюрьмам, еле жизнь у него стала налаживаться, женился наконец и упаси его Господи, сейчас сорваться. Первое письмо, видимо, пьяный писал. Не прощу, говорит, тем подлюгам, кто моего Гогиелу так подставил. Вот, я и боюсь, чтобы он не занялся самодеятельностью, с него станется...

Я отписала ему, чтобы успокоился и не держал ни на кого зла. Вышла отдать Маечке, чтобы она отправила, а в почтовом ящике лежит его очередное письмо, где он извиняется за то, что пьяным отправлял первое письмо. Но меня это не успокаивает, очень он уж взрывоопасный.

Вообще, чего греха таить, вокруг тебя я не видела ни одного уравновешенного, все вы как один вспыльчивые и непредсказуемые. Чуть ли не с первого класса, я не помню покоя, постоянно вы что-то вытворяли и держали меня «в тонусе».

Вчера по телевизору увидела одного из твоих друзей. Оказывается, он в ЦК комсомола не на последней должности устроился. Между прочим, я часто его вспоминала, нравился мне этот мальчик, хорошо воспитанный, всегда такой вежливый и предупредительный. Спрашивала о нем у твоих мальчиков, так они отмахивались, не знаем где он, давно не виделись. Теперь поняла, но знаешь, если честно, в глубине души я пожалела, что вы так друг от друга отдалились. Вообще, я думала, что он умнее, ведь без друзей, без их поддержки трудно придется ему по жизни идти. Дружья твоего отца потому и добились всего, что не растеряли дружбы и всегда друг друга поддерживали.

Слышала, что твоя Майя замуж вышла... Сынок, сынок, ну стоила она разве таких наших мук? Как ты так ослеп и оглох?! Ведь не любила она тебя, а ты даже не замечал!

А может, наоборот, любила?! Слишком любила... Безумно...

ГЛАВА XXVI

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ОДНОГО ИЗ ДРУЗЕЙ

Гогиела, не знаю, как с собой совладать. Ведь я люблю тебя и одновременно ненавижу! И так всегда, с тех пор как мы с тобой познакомились. С самого детства, почему-то, тебя все любили больше, чем меня. И в школе, где между прочим, я учился лучше тебя и отличался более примерным поведением, учителя отдавали предпочтение тебе... Закрывая глаза на то, что ты был зачинщиком всех прогулов и баталий. Ты был для всех личностью. А я? Этаким дурачком у тебя на поводу. Помнишь, как я однажды взвился на нашего директора. И что? Вызвали в школу родителей и надрали мне уши... А тебе такое не смели...

И тогда вместо поддержки, ты сказал, что я был неправ, что напрасно выпендрился и там же мне это доказал. Ненавижу!!!

Только ты тогда понял, почему я так себя повел, но ничем этого не выдал. Хотя от меня ты бы не смог этого скрыть! Слишком хорошо я тебя знаю и ненавижу, за то, что и ты меня знаешь!

Мне всегда казалось, что ты хочешь доказать мне свое превосходство. Но чем ты лучше меня? Может, меня можно было назвать трусом в каких-нибудь ситуациях? Ничего подобного, я никогда не прятался в кусты! А может я был когда-нибудь неискреннен? Я ведь видел, что людям нравилась твоя открытость и искренность, но вот только в моем случае это воспринималось, не иначе как отклонение. А может, я был бесталаннее тебя? Ничего подобного! Но тем не менее тебя все равно считали лучшим и ты был более востребованным в нашем кругу...

Однажды ты даже позволил себе заметить, чтобы я не прикидывался и не строил из себя наивного дурачка, не такой, мол, я и простачок. Сказал ты это, конечно же, как бы шутя, но я ведь знал, что это было всерьез... У тебя это со мной всегда получалось... Змеиный поцелуй.

Ну как мне тебе доказать, что я ничем не хуже тебя?! Я непременно добьюсь по жизни, чтобы судьбы многих зависели именно от меня... Вот тогда я тебе действительно докажу на что я способен! Разумеется, я не поведу себя так как ты. Не собираюсь выступать для всех в роли родного дядюшки! Или что ты хочешь этим доказать, когда ты сам гол как сокол? Или, может, думаешь, что если какому-то умирающему поднесешь стакан воды, так он навеки запомнит твою «доброту»? Да он даже не сообразит, кто его спас! Если ты такой крутой, так давай, вырой живой источник человечеству, чтобы все, а ни какие-то единицы, увидели тебя и могли утолять свою жажду. Хотя, как сказать. Ведь люди либо не видят добра, либо очень скоро о нем забывают, тем более, если не видят за ним конкретного человека, своего «добродетеля». Так что твоя философия, что делаю добро, не светись, не для этого брэнного и жадного мира. И вообще, бабская у тебя философия и я бы на твоём месте, ее бы не рекламировал для собственного же блага.

Знаешь, я из-за тебя даже парней больше не могу видеть. А ведь это все друзья моего детства! И знаешь за что?! Что они по-прежнему считают тебя самым умным, честным и порядочным! Я и не сомневаюсь, случись со мной такое, то они бы оказали мне всяческую поддержку, но не было бы этого надрыва в душе, с каким они тебе соперничают... Но почему?!

Ты превзошел меня и в любви... Нет, вообще-то, я тебя превзошел, но... Я завидую тебе, слышишь?! Можешь принести себя в жертву, не так ли? Кретин!

То как поступила с тобой Майя, так ведут себя, либо до смерти ненавидя, либо безумно любя... Она встречалась с тобой, доставляя тебе безграничную радость, может, и сама при этом радовалась... Значит, была безумная любовь и безграничное счастье... Ты и в этом оказался удачливее и счастливее меня...

Вообще-то насчет удачливости, это я, конечно, загнул. Скоро у меня свадьба, и ребенок вскоре появится. А ты... Ты так и останешься отвергнутый, покинутый и одинокий...

И тогда увидим, как долго останутся с тобой парни, твоя мать. Жизнь возьмет свое и каждого закрутит в своих делах – семья, работа, новые заботы и никому не будет до тебя, одинокого и всем надоевшего, дела. Сам убедишься, какие в старости люди становятся безразличные...

Сколько мы с тобой не виделись до того как тебя посадили? Семь месяцев. И представь себе, не испытывал никакого желания тебя видеть. К тому же, тогда у меня появилось стоящее дело... А сейчас я жду продвижения по службе. Увидишь, как я круто устроюсь!

Если честно, то я несколько раз порывался заглянуть к тебе Лили, думал, загляну, покажусь, каким я парнем стал по жизни, а потом забыл об этом думать. Вот еще, не хватало тратить время на всяких дураков, которые добровольно просунули голову в такую петлю... Сам придеешь, приползешь на коленях, когда сильно приплет!

Теперь ты понял, за что я так тебя люблю и ненавижу? Что я тебе такого сделал? За что ты мне испоганил все детство и юность... Чем я ... Почему из-за тебя я должен был всех терять?.. Ты даже представить себе не можешь, как я рад, что тебя упрятали за решетку! Ты не знаешь, какое это наслаждение и какая мука... Я очень мучаюсь из-за того, что ты там... Но я никому этого не показываю и никогда в этом не признаюсь.

ГЛАВА XXVII

ПИСЬМО ДРУГА

Привет, Гогиела, как жизнь молодая? Как живем-поживаем, чем занимаемся? Как сказали парни, тебе там так понравилось, что даже насильно тебя оттуда уже не выставишь... Да ладно, шучу. Надеюсь, ты не отвык еще от моего гурийского юмора.

Что до меня, так с меня пока ничего не возьмешь, если не учитывать мои будущие перспективы возможность стать настоящим мужиком и руководящим работником. Один кирпичик на это дело положить уже успел. Познакомился с твоим бывшим другом, который в ЦК работает. Теперь второй закладываю. Ты же знаешь, что я и комсомол, не совсем могли ужиться друг с другом. Не понимаю слишком серьезных молодых людей в галстуках по поводу и без и вусмерть деловых, на самом же деле бездельников и карьеристов. Но к счастью, времена изменились и мы в районе создали дискуссионный клуб. По-нашему, все кому не лень почесать языком, могут прийти к в этот самый клуб и оттянуться по полной программе. Знаешь, иногда есть шанс услышать что-то путное. Ну я как председатель этого дискуссионного клуба время от времени составляю программы, собираю петиции, либо предложения и направляю их в вышестоящий орган, то бишь, райком для реагирования. Так потихоньку продвигаемся вперед. Вообще-то, нередко «дискуссии» продолжаются в каком-нибудь укромном местечке, где мы кулаками приводим свои аргументы и доказываем друг другу свою правоту. Ничего не поделаешь, это и есть демократия по-нашему.

Если бы ты только знал, какой кровью досталось мне это открытие клуба. Чуть врагом народа и изменником родины не объявили. Под конец усекли, что такая их активность не совсем может понравиться в Тбилиси и только после этого дали разрешение. Правда с условием, чтобы я совмещал и должность инструктора райкома. Да я бы и не на такое условие пошел, да хоть нукером самого Шах- Абасса пусть оформляют. Правда потом от инструкторской работы я отвертелся, но к сожалению,

клуб не совсем оправдал моих надежд. Мы пока не представляем реальной силы, и если не будем иметь поддержки не только на уровне пустой болтовни, далеко не улетим.

Недавно нам назначили нового секретаря. Вообще руководство района полностью поменяли. Главный вроде бы неплохой мужик, по крайней мере оставляет хорошее впечатление и видно, что деловой. Ну мы и не даем ему возможности расслабиться... Чувствую, что многим я здесь уже поперек горла встал и была бы их воля переехали бы меня с удовольствием. Но что поделаешь, если приказали им «демократию» и они вынуждены в нее играть. Я верю, что лет через пять их заменят более деловые и энергичные люди, если эти не станут более расторопными и гибкими.

Да и народ, сам знаешь какой, собственной тени шарахается. Сначала от моих речей бегали, как черт от ладана. Да их тоже можно понять, кому хочется терять какую-никакую, а работу, ставить под угрозу благополучие собственной семьи. И это не только у нас, во всем мире преобладают консерваторы, не желающие менять привычного уклада жизни. Боятся оказаться в опасности, даже из-за светлого будущего.

Остальной мир, конечно же, может себе это позволить, может тихо себе «загнивать», но нас это никак не устраивает. Нам еще этот остальной мир догонять надо... Надо немного встряхнуться и оживиться, чтобы не сделаться назойливыми попрошайками...

Пока, правда, все больше болтают, нежели делом занимаются, но все же пытаются что-то делать. Думаю, не за горами время действительно что-то делать. Помнишь ведь из Библии, как Моисей вывел из Египта родившийся в рабстве народ и столько времени водил их по пустыне, пока среди них не остались лишь те, кто родился уже после рабства. И только после этого привел их на Землю Обетованную. Конечно же, в нашем случае сравнивать себя с Моисеем не совсем корректно, но одно то, что наши дети и внуки познают настоящую свободу дорогого стоит.

Что это я все о себе и о своих ощущениях рассказываю... Оправдываюсь, что ли, Гогиела. Но ведь и я был на тебя очень обижен. Как ты мог умолчать, что с тобой произошло. Хоть бы

намеком дал знать. Кто не служил, тот никогда не поймет цену армейской дружбе. В армии мы с тобой были неразлучны, делили каждый кусок, вернулись из армии и... Раза четыре виделись. Ничего не поделаешь, в жизни все бывает. У меня – работа, у тебя – институт. Слава Богу, что совсем не разбежались. Тут хоть по праздникам поздравляли друг друга, от случая к случаю перезванивались. Да ладно, что я заладил, иногда люди в одном городе живут и годами не встречаются...

Месяца два назад, наш комбат приезжал. Спился, несчастный. А помнишь, ведь капли в рот не брал?! Не захотел говорить, что с ним произошло, да и я не настаивал. И с женой развелся... Я как мог, оказал ему гостеприимство. Единственный нормальный человек был во всем полку да и того довели до ручки... Сначала, я устроил ему наше гостеприимство и собирался «утопить» его в вине, но вовремя спохватился и начал водить его на охоту и на рыбалку и все «пехом», говорил, что оборот беру за прошлые наши мучения на марш-бросках. Пить я ему больше не давал, только пиво. Бедный чуть с катушек не слетел, но зато немного пришел в себя.

Все время про тебя спрашивал, интересовался, чем занимаешься, а я дурак, ничего не знал и сказал, что у тебя все тип-топ. Это надо же как меня угораздило. Только сейчас до меня дошло, что мы с тобой больше года не перезванивались. И приехать к тебе подумывал, но никак не собрался. Ну да ладно, комбат и на следующий год ко мне приедет и тогда мы вместе с тобой будем его «лечить».

Мне просто перед тетей Лили стыдно, но до твоего возвращения, я у вас дома появиться не смогу, как я без тебя ей в глаза взгляну, Гогиела?

А теперь опять поговорим о деле. В моем окружении несколько «революционеров». Одни, кроме пустого бреха, ничего не знают и не умеют, другие (их поменьше), башковитые, но тем хуже для окружающих. Действуют, как подхваченные анархическим ветром Батьки Махно. Нет, я не имею ничего против их высказываний, у каждого есть право на собственное мнение. Проблема в том, как правильно будут они поняты народом долгое время находившегося в прострации. Никак не смог им втолковать, что даже демократии нужно учить и подготавливать.

Нельзя все одним махом перечеркивать и переоценивать. Не думаю, чтобы у меня было мало о чем говорить и меня не меньше других беспокоит судьба моей родины, но криками и воплями положения не исправишь, разве что еще больше его усугубишь. Самое опасное, что неподготовленное общество покупается на безответственные заявления и следует за их авторами и чем бредовее призывы, тем больше шансов, что сторонников у тебя будет хоть отбавляй. Словом, масса разделилась на две части, одна часть, о которой я говорю, другая же решительно ничего не хочет менять. Исходя из этого, нельзя ни останавливаться, ни нестись напролом куда глаза глядят.

Есть тут у нас один завод, так вот, хотим мы его остановить. Наши «экстремисты» (так окрестили нас газеты, секешь, как рекламируют, идиоты?) дали властям на это дело месячный срок. В противном случае пригрозили масштабной забастовкой. Правда, этим дело пока не исправишь и только все еще больше обострится, разве что допрыгаемся до того, что нам перестанут верить.

Сначала мы были вместе и митинги устраивали сообща. А теперь из-за того, что не захотели поддержать их эту «идею» объявили нас предателями. Обидно просто, что они затрепыхались, после того, как мы добились от районных властей обещания поставить вопрос об остановке завода перед республиканским руководством. Дали слово, что в течение двух месяцев уладят этот вопрос. Неужели сложно было подождать и в случае, если через два месяца дело бы не сдвинулось с места, прибегнуть к забастовке. А это время не терять даром и на всякий случай подготавливаться к забастовке. Думаю, что забастовки такого типа не должны проходить стихийно. Все должно быть продумано до мельчайших деталей. Но нет, втемяшилась им в голову сиюминутная забастовка и ничем их не переубедишь, да еще народу мозги пудрят, что мол, если и будут какие-нибудь подвижки, то это благодаря им. Знаешь, иногда на ум приходит дикая мысль, а не движут ли ими личные интересы? Да ладно, главное, чтобы дело сделалось, а кто есть кто время рассудит.

Многие забастовку интерпретировали по-своему. Вчера один недоумок, который поэтов, Тициана Табидзе от Галактиона Табидзе, отличить не может, разбил стекла в административном корпусе завода.

Боюсь, чтобы через месяц не произошло чего-нибудь более непредсказуемого и из-за одного недоумка не произошло столкновения милиции с народом. (Милиция, еще куда бы ни шло, а вдруг армию бросят на народ?) Не подумай, что я боюсь, просто дело от этого не выиграет.

Хоть и пытаются доказать эти недоумки, что они не призывают к агрессивным выходкам, не соображая, что как раз-то их лозунги и превращают народ в слепую, беснующуюся толпу... А это чревато кровопролитием. Но зачем проливать кровь, когда уже появился шанс публичного высказывания своих мыслей и можно при желании добиться результатов в затеянном деле.

Страх перед руководством? Бред. И руководство можно заинтересовать умным словом и дельным предложением, обретя в нем своего рода союзника. А что касается охраны завода, то ее как-нибудь смогут обеспечить. Это ты не должен давать повода для применения силы и уяснить, что крушить и ломать все вокруг никто тебе не позволит. Представь себе, если заранее сообщашь своему противнику, что должен ваырезать ему глотку и закопать! И как ты думаешь, не встретишь после этого ожесточенного сопротивления?

После массовых беспорядков, избиений, кровопролития и арестов, народ может испугаться, утратить в тебя веру и больше никогда не последовать за тобой... Либо, что еще хуже, может стать неуправляемым и тогда конец всему.

Только не подумай, что я пытаюсь за что-то оправдаться. Несмотря на то, что редко видимся, ты прекрасно меня знаешь и понимаешь, что меня беспокоит. На моем месте, ты бы нашел оптимальный вариант выхода из этой ситуации, но ведь сам знаешь, нет у меня твоего гибкого ума и решимости. Так что, брат, пусть страсти немного поутихнут и где-то через месяц-полтора, я нагряну к тебе.

Желаю тебе выдержки и скорейшего освобождения! Тенго.

ГЛАВА XXVIII

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Мы с Гогиелой познакомились на Украине, в армии. Попали в один полк после «учебки». С первого же дня знакомства я проникся к нему симпатией и доверием и не ошибся. Ко мне прицепился один из «дембелей» и даже съездил мне по физиономии. Ну и я не выдержал, врезал так, что расплющил ему весь фейс.

Ночью, после отбоя, меня заволокли в туалет. Их было около двадцати. Ощущение не из приятных и слабая надежда оставалась, разве что, на Гогиелу. В армии какказцы всегда поддерживают друг друга, тем более земляки. Хотя мы, в принципе, не были знакомы, но все же... В общем, я старался изо всех сил, что бы деды не приступили к моей экзекуции и не умолкая говорил. Казалось, я уже достиг желаемого результата, но сорвался, когда раздался мат в адрес моей матери. Хотя в армии это дело обычное и чуть ли не каждое слово сопровождается матом. Я мертвой хваткой вцепился обидчику прямо в горло. Избивали они меня ногами словно желая затоптать насмерть... Я почти терял сознание, когда почувствовал, что удары кованых сапогов прекратились. До меня донеслись и чьи-то дикие крики. Я кое-как приподнялся и увидел, что Гогиела, вооружившись железной шваброй, беспощадно прохаживается ею по моим экзекуторам. Причем, он так ловко орудовал этой железякой, что чуть не раскроил череп одному из дедов. Одному разорвал щеку и выбил зубы, другой катался по полу с переломом...

Нас с Гогиелой послали на гауптвахту. Дело бы наверное дошло до трибунала, если бы не комбат. Он разобрался, почему все это произошло и предостерег желающих нас примерно наказать, что в таком случае ответственность должны будут понести и другие. На удачу, среди дедов был сынок какого-то крутого шишки и дело замяли. К тому же мой отец прилетел, кого-то рестораном подмазал, кого-то подношениями из солнечной Грузии и все. Комбат отказался от всех проявлений родительской благодарности. Только мало на земле таких бессеребренников и

поэтому они, по крупному счету, никому не нужны из-за того, что создают окружающим «дискомфорт».

Но дней пятнадцать мы на «губе» провели. Вообще-то, все могло бы продлиться и дольше, если бы не комбат. Нам продлевали срок из-за малейшей промашки.

Когда «дело» прекратили, нас перевели в общую камеру. У коменданта «губы» был свой метод воспитания и развлечения – пытки. Причем некоторые из них он жаловал особо. Приказывал зимой в ледяную камеру занести таз наполненный холодной водой, ставил посередине табуретку, всучивал этот таз босоногому солдату без верхней одежды и заставлял прыгать вместе с этим тазом через табуретку, довольно потирая при зрелище ру-чищи.

Другую свою любимую забаву он и нам продемонстрировал. В непроветриваемую одиночку вливают изрядное количество хлорированной воды и приказывают вытирать, при чем время от времени не забывают подливать водички и ты лихорадочно собираешь эту воду, чтобы не задохнуться в запахе хлорки. Время от времени он подходит к камере и «поощряет» своего испытуемого отборным матом, хотя, что греха таить и среди подчиненных ему офицеров и караульных солдат, можно отыскать парочку таких же отморозков.

При этом тебе засекают время и если ты в него не уложишься, могут избить прикладом автомата, а затем опять налить воды и засечь время...

Летом он приказывал солдатам разуться и заставлял бегать по щербю и называл эту забаву «щеточкой». Когда мы наотрез отказались пробовать его «щеточку» он вынес нам «высшую меру».

Забаву «с тазиком» он решил устроить в общей камере. Под вечер пришел поддатый, вытавил у дверей караульных приказал принести тазик с водой, собственноручно поставил посреди камеры табуретку, приказал остальным громко хлопать при каждом прыжке, приговаривая, чтобы не держали на него зла, если сильно намокнем. Первым всучили тазик Гогиеле. Казалось, он смирился со своим положением и спокойно ждал своей участи. Но как только тазик с водой оказался у него в руках, он истерически расхохотался и окатил из него этого урода. Я толь-

ко один раз успел заехать в харю одному из его свиты, на нас налетели конвоиры и прикладами автоматов избили до полусмерти.

На следующий день нас по-одному затолкнули в одиночную камеру и устроили одну из его самых любимых «высших мер»- «ласточку». Связывают тебе за спиной руки-ноги, затягивают ремнем горло, затем все вместе стягивают одним узлом и подвешивают. В таком положении мы провисели часа два, к счастью, комбат наведася на гауптвахту и нас срочно отвязали. До сих пор не могу поверить в то, что мы тогда так легко отделались. В нашем полку одному одесситу устроили такую лассточку, так он после этого свихнулся, бедняга. Из армии его комиссовали, но за ущерб нанесенный его здоровью никто не ответил.

Комбат пытался как-то обуздать этого коменданта, но ничего не мог сделать. Да что там кого-то приструнить, если такой военный специалист с двадцатилетним стажем, ходил в капитанах и поговаривали, что если бы не его брат, генерал, его давно бы попросили из армии. Но даже родство с генералом не помещало понизить его в звании с майора до капитана.

Справедливый был человек и вспыльчивый. Многие его не любили и не прочь были подставить ему подножку. И наш прыткий комроты, двадцатипятилетний капитан, спал и видел себя комбатом.

Однажды дежурный по части прапор избил солдата из нашего взвода. Зашел вдрызг пьяный на обход после отбоя и застукал того несчастного в туалете. Вообще-то после отбоя до подъема в туалет выходить не полагалось. Гогиела услышал крики и я, сообразив, что он намеревается вмешаться, быстренько разбудил сослуживцев, чтобы они задержали Гогиелу, побежал звонить комбату. Комбат мигом очутился в казарме, но прапор уже свалил. Комбат привел его из дежурной части, поставил нас всех в строй и на наших глазах избил наложившего в штаны прапора.

Правда на следующий день прапор нажаловался начальству, накатал телегу и комроты, разумеется, искажив факты. Уже готовился строгий выговор с внесением в личное дело, но и на этот раз вмешался его брат.

Как-то Гогиела поинтересовался, почему он ни капли в рот не берет. Ответил, что раньше выпивал, но потом завязал с этим делом, испугался, что сопьется. Как в воду глядел...

В конце концов «ласточка» на гауптвахте закончилась смертью солдата. Убийц «задержали», а того уroda, любителя забав, продвинули по служебной лестнице, на его место назначили его зама и соучастника всех его «геройских» походов.

А нашего комбата уволили из армии «за неудовлетворительную работу в деле политической подготовки батальона».

На судебном процессе и убитого умудрились очернить за неподчинение коменданту. Вынесли приговор, что и стало «причиной» увольнения нашего комбата.

Человек весь извелся... Смотреть на него не было мочи, но что я мог сделать. Вот Гогиела бы сообразил, чем можно было бы ему помочь... Как-то вывел бы его из этого столбняка, может, пристроил бы его куда-нибудь... А мне это все не по плечу...

Не могу себе простить того, что об аресте Гогиелы узнал аж через полтора года. Хотя ничего не поделаешь, такова жизнь и она может раскидать по разные стороны даже очень близких когда-то людей. Конечно же, это меня не оправдывает, но Гогиела тоже хорош. Неужели нельзя было мне сообщить? Или хотя бы его друзья мне позвонили. Тетю Лили очень жалко.

Надо бы перебороть себя и съездить к ней. А вообще, чем наспех к ней заскакивать, лучше вообще не появляться. Чего зря нервы друг другу трепать?! Тем более мне сейчас необходимы силы для более важных дел. Эта поездка может вывести меня на некоторое время из строя, а здесь глаз да глаз нужен, чтобы чего не напортачили без меня. Конечно же, я не утверждаю, что я незаменим, но я хочу быть в ладу с самим собой. «Если не я, то кто?» Кстати, это Гогиела приучил меня жить по этому лозунгу.

Вообще-то в интересное время довелось нам жить. Правда, трудное время, когда надо проводить поистине ювелирную работу, чтобы вместо блага, не причинить своей родине вреда. Нельзя спешить и нельзя медлить, надо быть предусмотрительным и дальновидным и отрезать все пути назад.

Посмотрим, что получится. Хотя я давно не был так оптимистично настроен. И не только я. Даже наркуши нашего рай-

она, кажется, в последние дни от кайфа на время отказались, чтобы встретить события широко открытыми глазами.

К несчастью, среди наркоманов большинство тех, кто смог бы принести действительную пользу обществу и своей родине. Такие умные, талантливые люди гробят себя и обманываются призрачным, пустым миром и угасают без веры и надежды.

Говорят, что у нас эта беда не такая масштабная, хотя, как сказать. Масштабы у нас катастрофичные хотя бы от того, что в отличие от заграницы, где наркотики, в основном, употребляют малообразованные, невежественные люди, у нас же все наоборот, интеллект и талант пытаются найти спасение в этом адском зелье. Для маленькой, крохотной Грузии это может обернуться самой настоящей национальной катастрофой!

Никто нам в этом не поможет и со своей болью мы должны справляться сами. И руководствоваться принципом Гогиелы: «Если не я, то кто?»

Интересно, каким он стал? Не оставила ли зона на нем своего страшного отпечатка? Интересно, он по-прежнему такой же непоседливый и несговорчивый? С таким упрямым характером несладко ему там придется. Если не склонишь перед ними головы и в чем-то не уступишь, в лучшем случае, сломают. Не хочу даже об этом думать, но ведь могут и убить.

ГЛАВА XXIX

ПИСЬМО ГОГИЕЛЫ

Мамуля, если бы ты только знала, как я по тебе скучаю!.. У меня все нормально и если бы не тоска по тебе, жизнь здесь можно назвать вполне сносной. К тому же я сейчас вернулся из тюремной администрации, куда меня вызвали, чтобы спросить, кем я прихожусь дяде Джемали. Знаешь же, какие они все здесь лизоблюды и начальник колонии сразу стал таким вежливым и ласковым, словно перед ним находился сам Джемал. Хотя и до сегодняшнего дня грех мне было жаловаться, благодаря дяде Юре.

Парни недавно приезжали, сказали, что еще подбросили в редакцию мои стихи. Мне как-то неловко, что все это делается в мое отсутствие. Такое ощущение, что они вынуждают редактора печатать в журнале мою чепуху. Но если им верить, никакая это не чепуха и редактору нравится моя поэзия. Если это на самом деле так, в таком случае, когда освобожусь, может, более серьезно займусь этим делом...

Мам, ты как? Они-то сказали, что хорошо, но я почему-то не верю и боюсь. Я почти физически ощущаю, как тебе плохо без меня и как ты не можешь избавиться от мысли, что мне очень тяжело. Поверь, у меня все хорошо и береги себя.

Теперь поговорим о политике. Смена направления ветра здесь ощущается все больше и больше, по тому каким вежливым и предупредительным становится здешнее начальство. Недавно появились новые лозунги, представь, на грузинском: «Воспитанность залог исправления!», «Земля должна гореть под ногами бездельников!» Один красуется лозунг красуется перед административным зданием, другой – в цеху. Отныне и на грузинском языке будем исправляться и перестраиваться. Не удивлюсь, если вскоре появится лозунг, что «труд облагородил человека» и попытаются нас «очеловечить».

Да, кстати, Тенго Абхазава меня навещал. Помнишь его? В армии мы вместе служили. Извинялся, что так поздно объявился. Что тут такого, если не знал человек, что со мной произошло?! Это я виноват, что не захотел ему сообщать и вынудил человека оправдываться. Мам, ему перед тобой стыдно.

Очень хороший парень. И вот кому далеко не безразлично, что происходит... Ну и развеселил он меня историями из своей бурной деятельности и многочисленными анекдотами. И откуда только в нем столько всего уместается? Весь день пробыл со мной в комнате для свиданий и не умолк ни на секунду. На зону я вернулся почти обалдевшим от такого количества информации.

Знаешь, что он мне выдал? Говорит, что если перестройку буквально перевести на грузинский, то это означает перерождение, следовательно, говорит, мы должны отправить в отставку все Политбюро от Центра до окраин. Самостоятельно начал изучать английский и откуда он черпает столько энергии? А

знаешь, лопочет на английском так, что обзавидоваться можно. Говорит, чтобы только от него отделаться, его посылают на разные международные молодежные форумы: «Должен же я понять на их родном языке, как «загнивает» капитализм!».

Жениться собрался. «Распишусь пока не поздно, а то врубится ненароком, какое счастье за хвост поймала и исчезнет, как тот тбилисский талон на масло, который где-то посеял мой брат и до сих пор никак не может пережить!».

Ну что еще тебе написать... Береги себя. Дождись меня здоровой и спокойной... Ты же знаешь, без тебя мне жизнь будет не жизнь...

Передавай привет всем нашим близким и соседям.

P.S.

Письма от Гии приходят регулярно. Я так рад за него. Знаешь, сына назвал Гогиелой. Впрочем, о чем это я, ведь ты мне это сказала... Вот выйду на волю и мы с тобой сразу поедem к нему. Он ждет моего выхода, чтобы обвенчаться и покрестить малыша. Представляешь, сколько благих дел ждет меня на свободе!..

Ну целую еще раз. Твой непоседа-Гогиела.

ГЛАВА XXX

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Мамуля, ты даже представить себе не сможешь, как я по тебе истосковался! До умопомрачения. Иногда вдруг забываю, где нахожусь и хочу немедленно поделиться с тобой. А когда осознаю, что это невозможно, сердце разрывается от безысходности и тоски...

Майя... Несмотря ни на что, я все равно ее безнадежно люблю. Никак не дождусь, когда снова ее увижу, услышу ее голос... Понимаю, что после всего, что произошло, это невозмож-

но, но все равно живу надеждой этой встречи, как будто она что-то сможет изменить...

Мне все труднее и труднее здесь находиться. Физически я уже привык к здешней обстановке, к тому же я ни в чем не нуждаюсь. Многие бы позавидовали моему положению здесь, тем более, что после звонков дяди Юры, дяди Джемала и Гиинной ксивы и администрация, и блатные относятся ко мне с должным уважением, но мне все невыносимее становится в этом дерьме. Даже в золотом дворце, если он стоит на болоте, никогда счастлив не будешь, из-за соседства гадов и пресмыкающихся и хочешь ты того или нет, приходится жить их жизнью тоже.

Начальство по отношению ко мне ведет себя корректно, даже замполит, при виде меня, растягивает рот до ушей. Видать, здесь дядя Джемал шороху наводит. Поэтому я всегда начеку, опасаясь, чтобы чего-то не подстроили. Они, наверное, не прочь, чтобы дядя Джемал был им хоть чем-то обязан.

Начальник зоны и слышать ничего не хочет о деньгах за условное освобождение, обещает лично договориться с прокурором и судьей. Засыпали меня «благодарностями» за примерное поведение, думаю, что этих «лагодарностей» столько, что еще немного и от них может возникнуть больше вреда, чем пользы... Отряднику я все же отстегиваю бабки, не хочу, чтобы он взелся. И на вахте мне не нужно пресмыкаться и просить, чтобы не отмечали свидание. Они сами не оформляют, предупреждены, наверное начальством.

Воры и без того никогда ко мне плохо не относились, а сейчас так вообще растаяли Они- то откуда узнали про дядю Джемала? Значит, администрация поставила их в известность. Некоторые из них живой цепью связаны с ментами. Стали относиться ко мне с повышенным «доверием» и «раскрывать души». Даже через знакомого зоновского предложили перейти в санчасть. Ясно, что хотят взять меня в оборот, чтобы в дадьнейшем через меня выйти на дядю Джемала... Все удивляются, почему я раньше ничего не сообщил ментам о таком крутом крестном. Сказал, что его недавно назначили. Ответ получил, конечно же, соответствующий: «Ну и что, с пустого места на такую должность никто бы его не выдвинул!» Вот и суетятся вокруг меня, никак не отвалят. Видно, и неймется им на что-нибудь меня

спровоцировать, но остерегаются, уж очень боятся здесь Гио-«бешеного».

Как сказал мне один вор: «Твой кореш на самом деле бешеный и не приведи Господь, связаться с этим психом, он ни перед чем не остановится!». Принялся было рассказывать мне историю в доказательство о Гиинном «беспределе», но я не слушал, из вежливости время от времени согласно кивая головой, но он въехал и замолк. Вообще я стараюсь не слушать неинтересных мне собеседников, делаешь вид, что весь внимание, на самом же деле думаешь о чем-то своем.

Пару недель назад с нашими ворами пренеприятная история приключилась. На зону поступил новый зэк, из тех воров-психовЮ которых зовут «столыпинскими» из-за того, что срок отматывают на этапах, поскольку ни одна зона не желает их принимать.

Одет он был очень скромно, не то что «наши». Приказал кому-то позвать воров, если таковые на зоне имеются. Ну вот и высыпала наша «аристократия» на зов новичка. Спросил: «Кто такие?» Ответили. И тут он взорвался, мол, какие, к черту, воры, если на бушлатах у вас бирки, номера отрядников и бригадиров. Что тут началось! По воровским законам, не только работа считается за грех, но и ношение всей этой атрибутики. «Аристократия» гордо заявила о здешних «исключительных» правилах и поспешила удалиться от греха подальше..

В обед на зону приехала автолавка. Открылась оживленная торговля и он при виде этого зрелища, опять остался недоволен местной «аристократией», что они позволили наживаться барыгам «на честном народе» и призвал зэков перевернуть автолавку и взять кому что надо. Зэкам второй раз повторять не потребовалось, они дружно навалились на грузовик и так же оперативно его обчистили.

В тот же день администрация спешно отправила его в другую зону. Он не устраивал там, не только воров, но и начальство. Спокойной жизни лишились бы и те, и другие. Так что опять ночь на колесах, ничего, он наверное по-другому и заснуть не сможет...

Я кажется, погнал окончательно! Надо же о чем думаю.

...Меня и приезд друзей уже не радует. Не хочу, чтобы они это почувствовали, но потом мучаюсь еще сильнее. Навестят меня, уедут, а я здесь остаюсь... И этот страх, чтобы не сорваться... Все время мысль о побеге мозг сверлит... Не дай Бог, сойду с катушек и сделаю глупость.

Вот было бы здорово, если бы я погрузился в длительный сон, и проснулся бы дома после истечения срока!

Тенго, дай ему Бог здоровья, своей болтовней немного меня растормошил. Но стоило ему уехать, нервы опять натянулись до предела и я поспешно забился в барак на нары. Забился головой в подушку и зарыдал, да так, чтобы никто не услышал и не поднял насмех. Плакал обо всех и обо всем ... о тебе... о Майе... о друзьях... о Тбилиси...

ГЛАВА XXXI

ПИСЬМО ДРУГУ

Привет, Шако! Ну как вы там? Как поживает благородное семейство? Парни привезли мне последнюю фотографию Пуцкии, совсем барышней на выданье стала! И кто скажет, что ей всего три года! А какая красавица! Чудный ребенок!

Вспомнил наше детство. Помнишь, как мы в школе познакомились во время игры в салки. Ты считал и мне выпадало водить, но ты почему-то закончил считалку на Бадри. Тот взвился, доказывая, что по правилу водить должен был я. Ну я тоже подтвердил, что ты ошибся. На тебя это не возымело никакого действия и ты принялся дразнить Бадри, не помню уже, что ты ему такого сказал, что все покатились с хохоту и на этом «инцидент» был исчерпан.

Сколько воды с тех пор утекло, а у меня все не стирается это из памяти. Наверное, из-за того, что это была самая счастливая и беспечная пора в моей жизни, ведь говорят, что самые счастливые фрагменты человеческой жизни никакое время не способны вытравить из памяти.

Парни, наверное, тебе сказали, что крестный сделал звонок. Это надо видеть, как здесь все навазелинились. Сам замполит предложил, если что, обращаться прямо к нему. Сволочь, урод... Ходит бледный как смерть. Еще бы! Перестройка сократила ему потребление наркотиков, начальник зоны категорически запретил их поставку, боится многочисленных комиссий. Все, пожалуй, на этом наши перестроечные новшества заканчиваются и все идет по-прежнему...

Привели одного дельца и назначили завбаней. Рэкетир оказался еще тот, дерет с людей по три шкуры и никто не смеет пикнуть, учитывая его тесные отношения с администрацией и ворами. Меня-то обслуживает бесплатно из-за Гии. Что-то вякнул по поводу того, что месяцев за шесть-семь до ареста, Гия его здорово «растряс». Неприятно стало, что все никак не завяжет с этим делом, хотя, с другой стороны, если он это и сделал, то только ради меня.

Прежнего завбаней упекли в колонию усиленного режима. Как говорится, «прибежал»! Заговорщики готовились к побегу, но их застукали и вытрясли из них все, что только можно было вытрясти.

На проверку меня больше не выводили, но после этих событий, режим на зоне ужесточили и замполит попросил, чтобы я непременно отмечался на проверках.

Парни сказали, что мама чувствует себя хорошо. Дай Бог, конечно, но я сомневаюсь. Я ее вконец добил... Разве она заслужила такое? Господи, прости мне все мои грехи...

Умоляю, напиши мне, если что знаешь, о Майе... Не подумай, что я собираюсь возобновлять отношения, нет, между нами все кончено, но все же... Напиши. Чем она занимается, как сейчас выглядит и вообще обо всем, что только с ней связано. Если она даже приползет ко мне, я к ней не вернусь! Я довольно трезво оцениваю ситуацию и знаю, что все мосты назад сожжены! Но забыть я ее никак не могу, не в силах я вытравить из памяти все, что приносило мне такое счастье, тем более здесь, в этом забытом Богом месте. Передавай привет парням. Их последний приезд меня особенно обрадовал. Как мы постарели... У Дато и Бесо уже седина проблескивает, у Бадри и Левана морщины на лбу появились. Лео... возмужал наконец-то. Надо же, как время

летит и как нас изменяет... А может, я раньше на это просто не обращал внимания?

Дато сказал, что вы здорово повеселились на свадьбе Тенго Абхазавы, и молодая жена ему очень понравилась. Что ж, вот и у нас появилась своя проходная пешка, в лице молодого «политического лидера». Наша надежда и «отец грузинской демократии». Женился, а ума так и не прибавилось. Позавчера письмо получил, пишет, что молодая жена, везде хвостиком вьется за ним. Наедине, мол, дали возможность остаться только в брачную ночь, а потом затянули политические дела и для молодой жены, все никак не может выкроить должное время. Слушай, а он молодец, видимо ему со всех сторон закручивают гайки, а он держится и сдаваться не собирается! Наивно радуется, что председателем Исполнительного комитета района назначили друга его отца, который знает и любит его с самого детства. Не знает он, видно, что в политике друзей не бывает... Если честно, то страшновато, что в какой-то момент он может утратить чувство реальности и в один прекрасный день объявиться нам, либо эдаким «батькой Махно», либо партийным функционером нового типа.

Мне сказали, что Малхаз в очередной раз разбил машину. Врежь ему вместо меня, сколько раз ему говорил, чтобы нажавшись, за руль не садился! Это просто паталогия, прийти после аварии добровольно в милицию! Надо же до такого додуматься, сидеть с окровавленным фейсом и впаривать ментам, что твою машину угнали! Я оборжался, когда мне сказали, что очнувшись в вытрезвителе на следующее утро, он долго не мог понять где находится и что с ним происходит. Идиот! Посоветуй ему продать это корыто, если, конечно, кто-нибудь на него позарится. И пусть не вздумает покупать новые колеса, а то, как говорится, не всегда веревочке виться.

Да кстати, скоро день рождения его малышки, загляните к маме, чтобы она подобрала какой-нибудь подарок малышке от моего имени. Смотри, не забудь!

Письма здорово помогают мне здесь выживать. Даже не хочу думать, что бы со мной стало, если бы у меня не было такой возможности! Наверное, без связи с внешним привычным

миром, человек погружается в беспросветный серый туман, теряя все незримые душевные нити... И потом... Пустота...

Ну вот, опять меня понесло! Закругляюсь. Расцелуй всех и особенно, мою «Пущию»!

P.S.

Малхазу не то чтобы врежь, а дай хорошего пинка под зад! Разумеется, от моего имени.

Опять целует, обнимает и кланяется, ваш Гогиела!

ГЛАВА XXXII

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

С неба падают дождевые капли. Капли просачиваются в землю и соединяются до тех пор, пока где-нибудь не сольются в маленькие родники. Потом и родники где-нибудь соединяются в ручьи, затем ручьи сливаются в реки и вливаются в море, море – в океан... А потом все опять сначала и без конца... Дождевая капля, родник, ручей, река, море и океан.

Дождевая капля должна быть чище родника, родник – чище ручья, ручей – чище реки. На месте слияния рек, вода всегда мутнее и чем больше рек сливается, тем вода грязнее. Затем в море и океане грязь словно фильтруется и оседает и снова... Снова все бурлит и движется.

Природа всегда сохраняла свою закономерность и следовала извечно заведенному порядку... Но последнее время природопорядок стал нарушаться. Можно предположить, что виной этому мог стать загрязненный воздух, который замарал даже капли дождя. И разумеется, к этому добавляется искусственное загрязнение родников, ручьев, рек, морей и океанов.

Страшно. Очень страшно, если в однажды океан больше не выдержит всей этой грязи... И тогда жизнь прекратится... Мертвая вода. Однажды по телевизору я это увидел. Зрелище не для слабонервных. Черная, вязкая безжизненная масса. И где?!

Там где, как утверждают ученые, впервые зародилась жизнь. (И в чем, как я уверен, есть Божий Промысел)...

Так и с людьми. Дитя, его взросление, затем единение и масса, море грязной массы, которое всегда обладало способностью самоочищения, а сейчас, увы...

Так или иначе, с самого детства по мере взросления каждый человек портится и развращается. И день ото дня, с начала основания мира наши души тяжелеют все больше и больше. К сожалению, этому весьма способствует научно-технический прогресс...

Моря и океаны, к счастью, все еще живы, но многие ручьи и реки уже иссякли... И мы отягщаемся греховной грязью, истощаемся и пропадаем. Пока по-одиночке, по капле. Но может наступить час, когда океан под названием человечество, иссякнет. Ведь даже капли падающего дождя... Выходит, что чем раньше человек оставит эту землю... Ведь испаряются же родники и ручьи... Но от этого капли дождя не становятся чище... Атмосфера ведь...

На разных витках развития Земли, существовали различные животные, со временем их сменяли другие звери, но на более короткий период... Планета ждала разумное существо способное изменить закономерность...

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его». И если однажды человеческий океан по капле испарится, прекратит свое существование и планета Земля. А все из-за того, что мы единственно разумные существа способные, как воспрепятствовать испарению людского океана, так и способствовать окончательному распаду планеты... Погрязшая в земных мерзостях душа способна использовать разум слепым орудием. Научно-технический прогресс в руках растленного человека и общества может стать убийственным орудием против человечества.

Если человечество сумеет очиститься, в таком случае, шансы на выживание остаются, если же – нет, тогда катастрофа неизбежна. И поэтому надо действовать. Мерзость растет день ото дня, и нужно вступить в борьбу пока не поздно, пока нечисть полностью не осквернила чистое течение, нужно одолеть, а то завтра может быть поздно... Предположим, что мы не дума-

ем о себе, но мы в ответе не только за себя, но и за окружающий нас мир. Кроме нас в этом мире есть божьи коровки, муравьи, рыбы и розы. И Всевышний нас создал и в расчете за них,

Так вот эта зона представляется мне некоей моделью второго пришествия. Все ее обитатели, все без исключения, по уши погрязли в грехах и мерзости. И как бы ты ни старался откредитоваться от всего этого, все равно не минует тебя эта греховная чаша. Ну и что с того, что сам не принимаешь во всем этом участия, но ведь ты молчаливый свидетель происходящего? Смотришь, молчишь и чувствуешь, как начинаешь разлагаться, как не интересует и не волнует тебя ничего, что не касается тебя и твоих близких лично... Хорошо, что скоро буду на воле... Ради этого стоит и помолчать... Вот выйду, а потом уже можно будет и перестраиваться... Хотя в глубине души знаю, что то, что здесь на меня налипло до конца моих дней останется несмываемым пятном и незаживающей раной... Всю эту мерзость нужно будет вырывать вместе с мясом, иначе не получится... Но смогу ли я это сделать?! Ведь я здесь совершенно бездействен и терпелив... А вся эта мерзость в меня въедается и, возможно, я могу опоздать так, что на мне чистого места и не останется...

Единственное, кто сможет мне помочь, так это любимые и близкие мне люди. Те кто чистым, живительным ручьем вольется в меня, вытеснив мутный поток грязи перекачивающийся во мне злобными волнами. Но главное все же за мной. Я должен найти в себе силы разрушить глухую стену ставшую на нашем пути и слиться с чистым, живительным ручьем прощения и добра...

Боже, Всемогущий, дай мне силы уверовать в Тебя, принять и проникнуться Твоим учением, очиститься, набраться терпения, бороться со Злом в себе и других и сеять Добро. Дай мне силы быть на пользу матери, друзьям, родным, своему народу и всему человечеству... Я не прошу у Тебя ни громкой славы, ни громкого имени, если Ты дашь мне то, что я у Тебя прошу всем сердцем и душой, то суетная мания величия никогда не сможет меня увлечь.

Господи, дай мне Дар истинного ощущения Вечности... Господи, дай мне Силы и ВЕРЫ...

ОДНО ИЗ ТЕХ ПИСЕМ МАТЕРИ, В КОТОРОМ...

Гогиела, сынок, я очень соскучилась. Хоть бы одним глазком взглянуть, что ты сейчас делаешь, что кушаешь, как выглядишь.

Ожидание становится все невыносимее, места себе не нахожу и поэтому стараюсь, писать как можно реже. Хочу тебя встретить и наговориться вдоволь...

Позавчера дядю Юру выписали из больницы, сделали операцию на желудке, я не писала тебе об этом, чтобы не расстраивать. Но теперь все уже позади, чувствует он себя хорошо и даже уже вышел на работу.

Ну до чего он смешной! Взял с собой в больницу твои стихи и чуть ли не всю больницу заставил выучить их наизусть. Сделаю, говорит, из него народного поэта.

Мальчики приходят проводить меня каждый день. Малхаз приходил со своей очаровательной малышкой. У ребенка был день рождения. Я знала об этом и встретила их в «полной боевой готовности». Дядя Омар специально для этого случая достал на базе потрясающее платье. Так вот эта крошка сразу его напаялила и хвасталась перед всеми: «Посмотрли, какую шмотку подарила мне баба Лили!». А перед зеркалом крутилась, это надо было видеть. Не беспокойся я и остальных «своих» внучат не обделила вниманием. В ближайшие выходные мальчики собираются их привести, вот и встречу их с подарками.

Пожалуй, все. Веди себя хорошо, слушайся начальство и будь осторожен.

Целую. Твоя мамуля.

ГЛАВА XXXIII

О ЧЕМ НЕ СКАЗАНО В ПИСЬМЕ

Все, сынок. Умираю. Очень мне плохо. Недавно перенесла инфаркт. Как только немного пришла в себя, сразу начала пи-

сать письма, испугалась, что ты можешь что-то почувствовать и сорваться.

Случилось это со мной, когда Малхаз со своей малышкой приходил. Мальчики чуть с ума не сошли от страха...

Как потом узнала от врачей, они, оказывается, все это время пока я была без чувств, ни на шаг от меня не отходили. сменяли друг друга как на посту. И сейчас не могу разогнать их по домам. Вроде бы уговорила их уйти, но медсестра сказала, что они внизу в машине караулят. Предупредили медперсонал, чтобы в случае чего, сразу бы их позвали и строго-настрого наказали, чтобы я об этом не узнала. Даже не представляю, чтобы со мной было, если бы их не было рядом.

Когда со мной это случилось, дядя Юра лежал в больнице, так он из-за меня оттуда сбежал. Разве это дело?! И соседи проявляют такое внимание, что не знаю, как я потом за все это добро и внимание буду расплачиваться. Мальчики и друзей твоего отца поставили в известность. В общем, приставили самых лучших врачей и достали самые дефицитные лекарства и кажется, особых причин для беспокойства не должно быть....

Но я боюсь, очень боюсь... Вот бы никогда не подумала, что так испугаюсь смерти. Что с тобой будет, если меня не станет?! Не дай Бог, если ты узнаешь о моей смерти там, о последствиях, которые могут быть, я даже думать не хочу. А кто тебя утешит и приласкает, когда ты вернешься домой, а мамы не будет?

Если бы я еще не видела, как ты переживаешь горе... Я очень боюсь из-за тебя... Боюсь, чтобы с тобой опять беда не приключилась.... Господи, если моя смерть неминуема, сделай так, чтобы я хоть на секунду очутилась возле своего Гогиелы, смогла бы обнять мою кровинушку, спела бы ему его любимую колыбельную... Господи, умоляю!.. Прости моего мальчика, его будущее потомство и всех его доброжелателей. Господи, накажи меня за все его грехи, если он их совершал... Господи, спаси и сохрани от подстерегающего его зла и бед... Молю Тебя, Господи...

ГЛАВА XXXIV

ИСТОРИЯ...

В конце концов я «засветился». В «наш» бар случайно забрел Бадри и моментально «тайное стало явным». Он понимающе подмигнул мне и не задерживаясь, ушел.

Скрываться больше не имело смысла и я открылся друзьям. Тем более, что с Майиным братом они были знакомы и относились к нему уважительно. Даже посоветовали поговорить с братом о моих чувствах и намерениях. Намекнули и моей маме готовиться к встрече с невесткой. Пришлось рассказывать о своей любви и маме. «И семья хорошая и девочка мне нравится!» - сделала вывод мама и больше об этом со мной не заговаривала. Тогда я об этом и не задумывался, что мама, которая могла до мельчайших подробностей обсуждать те или иные детали и разделять со мной все восторги и неудачи, ограничилась, в общем-то, дежурной фразой. Тем более, что она была довольно дружна с Майиной мамой, и Майя ей действительно нравилась. Видимо, в тот момент она интуитивно почувствовала, что любовь эта была обречена на большую боль. Говорить на эту тему с ее матерью я запретил, не желая «официального» вмешательства взрослых в наши отношения. Во всяком случае на данном этапе.

Однажды, мы устав бродить по городским улочкам, поднялись к Бадри. Он жил один, около консерватории... В тот день она показалась мне расстроенной. И после моих настойчивых вопросов, ответила, что дома узнали об их встречах и категорически запретили ей с ним встречаться. Меня как громом поразило, хотя в глубине души, я почему-то этого ждал. Она со слезами на глазах прильнула ко мне и предложила, как самому умному из нас двоих, найти выход из ситуации. Я был настолько растерян, что в тот момент ничего «умного» предложить не мог и бормотал, что-то несусветное.

Спросил о мнении ее брата, но ничего утешительного в ответ не услышал. Стало вдвойне неприятно, потому что с Мамукой у меня всегда были приличные отношения и даже были

ситуации, когда мы оказывали поддержку друг другу. Так что его реакция стала для меня полной неожиданностью.

Майя же молила, чтобы я немедленно нашел выход. Я обещал ей на завтра что-нибудь сообразить и предложил разойтись по домам. Мне нужно было остаться одному и я всю ночь провел в лихорадочных мыслях, ни на секунду не сомкнув глаз. Единственное, что вселяло в меня надежду, так это чувство Майи ко мне, что помогло бы преодолеть самые непредсказуемые преграды.

На следующий день я начал разговор именно с этого, спросил, готова ли она, чтобы не произошло, оставаться рядом со мной и разумеется, получил утвердительный ответ. «Давай, я по-мужски объяснюсь с твоим братом!». Она наотрез отказалась от этой идеи, сославшись на то, что между нами может вспыхнуть конфликт, который она не переживет, к тому же и дома могут «закрутить гайки». Тогда я предложил встретиться с ее отцом и подключить свою маму, чтобы она поговорила с ее мамой. Но и этот вариант она с ходу же отменяла. Затем попросила предоставить разрешение этой ситуации ей, не сомневаясь, что сумеет переубедить свою родню. При этом она так оптимистически выглядела, что я успокоился.

Через несколько дней, когда я уже почти перестал думать о нависшей над нашей любовью угрозе, она позвонила и сообщила, что Мамука хочет со мной встретиться. Звонок оставил неприятное ощущение того, что дома ее начали притеснять.

Я опять провел кошмарную, бессонную ночь. Теперь меня терзало то, что дома из-за меня ей могли устроить скандал... От одной только мысли, что я мог стать причиной ее слез и неприятностей, я начинал себя тихо ненавидеть...

Назавтра в назначенное время я пришел к консерватории. Мамука опоздал на пять минут. Эти несколько минут, до появления его машины, показались мне целой вечностью. Чего я только не передумал. Лекции у Майи еще не заканчивались, но я подозревал, что ее вообще не выпустили из дому. Мы с Мамукой расцеловались как ни в чем не бывало и замолчали. Кому-то надо было начинать разговор и первым не выдержал я: «Знаешь, я люблю твою сестру!» Он утвердительно кивнул головой. Я принялся рассказывать ему все с первого же дня наших встреч.

Не скрыл даже того, как, для того чтобы ее забыть, начал флиртовать с другой и намеренно надолго исчез с ее горизонта. Рассказал, какой ценой мне все это давалось и как я решился признаться ей во всем. Единственное, о чем я не рассказал, как Тамрико намеками подталкивала меня к Майе и как Майя сама способствовала преодолению моей стеснительности. Я заметил на его лице неподдельное удивление, когда сказал, что его сестра меня любит.

- Ничего подобного она мне не говорила!

- Боится, наверное...

- Издеваешься, что ли?! Ты, видно, совсем ее не знаешь!

Никого она не боится, а меня так вообще ни во что не ставит!

- Не знаю, когда я предложил ей, что встречу с тобой, она так и сказала, что боится...

- Гогиела, запомни, она никого и ничего не боится!

- Сказала, что когда родители узнали, запретили со мной встречаться, а ты так вообще предупредил, что если она вздумает выйти за меня замуж, потеряет родного брата.

- С чего бы я так сказал?! Сколько времени мы знакомы и никогда не относились друг к другу с неприязнью... И вообще, это ее выбор и с какой стати я должен вмешиваться?

- Честно говоря, для меня это было неожиданностью... Но она была так взволнована и умоляла что-нибудь придумать... И Бадри присутствовал при том разговоре. А буквально на следующий день сказала, что сама все уладит...

- Совсем ты ее не знаешь, Гогиела... Хоть и моя сестра, но со странностями она... Между прочим, и мои друзья это заметили. Вообще-то, мы все стараемся ее беречь и не перечить. Ее может обидеть до глубины души такой пустяк, мимо которого пройдешь и не заметишь... А иногда у нее бывают приступы совершенно непонятной ярости. Я даже свою жену предупредил, в таких случаях идти ей на уступки... И вообще, стараюсь по мере возможностей, чтобы они как можно реже встречались... Так что характер у моей сестрички еще тот!

- В таком случае...

- Это дикое упрямство никогда не доводило ее до добра... Ты вообще видел такое, чтобы люди делали все с точностью наоборот. Попросишь ее сыграть что-нибудь, так она даже под ду-

лом пистолета не подойдет к роялю, скажешь, не хочу музыку, так ее от инструмента не оторвать...

Представь, как у нас весело жить...

- ...

- Так что, если и она тебя любит, что я могу иметь против?

- И даже если не любит, вы не запретите мне ее видеть...

- А я и не собираюсь этого делать...

- Обещаю, что никогда не сделаю опрометчивого шага...

- Не понял, что ты имеешь в виду?

- Ну сбежать вместе с ней или похитить ее... Если вы ничего не имеете против, то зачем мне...

- Не понимаю, в чем проблема? Или почему я должен быть против тебя? Столько лет мы знаем друг друга, слава Богу хоть знаю то, что ты не псих, алкаш и наркоман... И вообще, если бы ты сам не захотел со мной встретиться, то я конкретно по этому вопросу и не собирался с тобой встречаться... Думал, что она не любит... Но запомни, что эти два года о женитьбе и думать забудь. Консерваторию и пеленки она совмещать не сможет... И никогда не забывай, что она у нас с большими странностями... Да ладно, придет время и сам убедишься!

Конечно же, я ему не поверил, да и особых странностей в Майе не замечал. Не поверил ему и в том, что они ничего не замышляли. Тогда почему она со слезами на глазах умоляла меня, что-нибудь придумать?

Вообще, я никогда не сомневался в своей способности разбираться в людях... Немыслимо, чтобы можно было так притворяться... Ведь она была так искренна... Я и сейчас в это не верю... Хотя, говорят же, что любовь слепа...

- Даже если завтра она меня отвадит, я не смогу от нее отказаться... Другой... Мне всегда пеняли то, что я не даю женщинам возможности шанса на элементарное кокетство. Стоит ей, хотя бы раз отказаться от моего какого-нибудь предложения, второй раз я даже не взгляну в ее сторону. С Майей же все иначе... И никто не сможет встать на моем пути!

- Да никто тебе не мешает! Кстати, который час?

- Восемь.

-Куда она запропастилась? Схожу -ка за ней!

Он скрылся в здании консерватории, а я остался ждать на улице, чтобы дать брату с сестрой переговорить друг с другом. Я немного успокоился, только теперь терзался от мысли, что не слишком ли много выболтал ее брату и не создам ли этим Майе лишние проблемы? Хотя она сама предупредила, чтобы я ничего от него не скрывал.

Мамука спустился минут через пятнадцать, сказал, что нигде ее не нашел и что оказывается, у нее пропала последняя лекция и она рано ушла. Мамука предложил меня подвезти, но я отказался, сославшись на то, что должен заскочить к другу, который живет буквально в двух шагах отсюда.

Я как будто что-то почувствовал. Минут двадцать как прибитый простоял на том же месте, а потом зачем-то вошел в консерваторию и нос к носу столкнулся с Майей и Тамрико. Они смешались, а Тамрико расхохоталась: «Ой, а мы думали, ты вместе с Мамукой укатил!» Сердце неприятно кольнуло.

- Вы что от меня прятались?

- Ну что ты! С Мамукой не хотелось объясняться! – ответила Майя.

- Почему?!

- А потому что не хотела вас вместе видеть!

Вместо ответа я протянул ей заботливо спрятанную за пазухой розу.

Меня мучали сомнения, не запретил ли он Майе встречаться со мной?! В таком случае она не сможет против родителей и брата. Когда я однажды намекнул о том, чтобы сбежать, она ответила, что родные на всю жизнь откажутся от нее... Хотя она говорила и о том, что всех заставит плясать под свою дудку... А теперь поняв, что ничего не получится, решила спрятаться... Если бы на ее месте была другая, то я бы плюнул и больше бы не вспоминал... Знаю, что не прав и что мужчина не должен изменять собственным принципам... И по логике, я немедленно должен плюнуть на все и уйти... Не могу!.. Я ее очень люблю... Господи, что со мной происходит? Почему, я стал таким до отращения самому себе податливым и покорным?! Господи, как я

ее люблю! А может не врет? Может, правда неловко ей стало нас вместе видеть? И какого, я так все обостряю?! Главное, что она меня любит! Невозможно, чтобы она так умела притворяться... Невозможно притворяясь, так искренне плакать... А какая она безвольная. В таком возрасте, пожалуй, и без спроса родителей можно себе уже кое-что позволять. Но ничего, мы уже сами взрослые. Она на третьем курсе, я в этом году заканчиваю, начну работать и зарабатывать, тогда они увидят, на что я способен! Хотя на мещан они непохожи, да и по Майе этого не скажешь, однако материальная сторона всегда играет свою роль.

Мы тормознули тачку Тамрико, а сами пешком направились к «нашему» бару.

-Ну как?

- Рассказал, как есть.

-Молодец.

- Сказал, что семья ничего не имеет против... И что ты не говорила о том, что любишь меня...

- Ну да, когда он меня об этом спрашивал, я отвечала молчанием, боялась, что запретит с тобой встречаться... Поэтому я и согласилась, чтобы вы встретились, подумала, что ты сможешь его убедить... С мамой и папой я уже все уладила...

- Сказал, что никто ей ничего не запрещал, просто посоветовали подумать и лучше узнать друг друга.

- Ну да! Опять сделали из меня идиотку!

-Что?

- Да так, ничего... Все устаканилось...

Я уже ничего не понимал. И уже никому не верил, кажется, даже самому себе...

Вскоре я опять обо всем забыл и упивался лишь собственной любовью. Я и не сомневался, что она от меня без ума и что она ни за какие сокровища мира не откажется от меня... Такой трогательно нежной, хрупкой и красивой как в тот вечер, я ее не помнил. Казалось, мы забыли обо всем на свете, кроме друг друга. Каждый раз домой провожал к десяти часам, а теперь проводил к одиннадцати, да и то по собственной инициативе. Она забыла думать о времени

На следующий день мы собирались в театр, но мои друзья перехватили нас прямо у входа и потащили в ресторан, где заранее заказали стол. Она не сопротивлялась, но напомнила мне, что дома знают, что она в театре. Спектакль этот я уже смотрел и поэтому на всякий случай рассказал ей содержание...

Вроде все было нормально. По крайней мере, мне так казалось. Встречались по вечерам после лекций: опять одна-единственная роза, улицы старого Тбилиси, «наш» бар. Если приедался этот маршрут, заходили к кому-нибудь из моих друзей. Счастливее меня человека не было во всем мире...

ГЛАВА XXXV

ИСТОРИЯ

После встречи с Мамукой прошла неделя. В понедельник, как обычно, в шесть часов, после лекций, я пришел ее встречать. У меня лекции заканчивались к этому времени, в консерватории- к половине восьмого. Но она последнее время последнюю пару всегда пропускала, а иногда, как и я, пропускала все лекции... И тогда мы с самого утра день проводили вместе.

Но ко мне вышла Тамрико и сказала, что Майя не придет и просила передать, что нам больше не стоит встречаться. Меня как громом поразило. Я не поверил ни одному слову ее подруги и позвонил. Майя бесстрастным голосом подтвердила, что Тамрико абсолютно точно передала ее слова...

Я не собирался сдаваться и предложил ей завтра встретиться. Уламывать ее не пришлось и она после минутного колебания на встречу согласилась.

Мы встретились у консерватории в три часа. Я протянул ей розу и она ее приняла.

- Знаешь, я много думала о нас... Зря все это... Не люблю я тебя...

- Значит, ты меня все это время обманывала?

- Просто не задумывалась...

- Видно тебе противопоказано много думать... С непривычки и не до такого можно додуматься... А может, ты решила пошутить?

- Нет.

- Но ведь когда ты со мной встречалась, я не был тебе противен?

- Нет, конечно.

- Так в чем же дело?!

- Папа поговорил со мной и я задумалась... Не знаю, люблю или не люблю... Как бы это правильно сказать... Ты хороший и мне очень приятно с тобой общаться... Я рада нашему знакомству, но я не думаю, что это любовь...

- Бред какой-то! Ничего не понимаю...

- Знаешь, когда мы с папой поговорили, он потребовал, чтобы я наконец сказала, люблю я тебя или нет. Сказал, что это, конечно же, мне решать, встречаться с тобой или нет, но если не люблю, то какой смысл во всех этих встречах с тобой. Сказал, зачем давать человеку беспочвенную надежду... А если он прав? Тогда, выходит, я буду во всем виновата!

- Ты замуж вообще не собираешься, что ли?!

- В далекой перспективе – да...

- А какая у тебя гарантия что ты другого полюбишь? Так что, довольствуйся тем, что у тебя есть! – попытался я пошутить. Я тебя никому не отдам и придется тебе до ста лет, до самой моей смерти меня выносить.

Казалось, что сердце не выдержит всего этого кошмара и разлетится на мелкие осколки. Нервы были как натянутая струна и со стороны я, наверное, был похож на психа. Я лихорадочно анализировал ситуацию и явно не в свою пользу: «Господи, надо же, что она со мной сделала. И сдалось мне это безвольное существо, которое находится под таким влиянием своего папашки... Достойный выход из этой ситуации, вежливо улыбнуться, помахать ей ручкой, развернуться и уйти... Не смогу... Я без нее сойду с ума... Господи, кому рассказать не поверят, что от какой-то девчонки может так башню снести... Как мне ее подбить хотя бы еще на одну встречу?...»

- Вот так сразу и порвем все отношения?

- Я обещала и не могу его обманывать...

- Если позволишь, я буду провожать тебя после лекций прямо домой. Никуда больше ходить не будем... А у тебя будет возможность еще раз задуматься...

Сначала она наотрез отказалась, потом, слегка поколебавшись, позволила проводить ее до дому.

А потом... Потом я все больше убеждался в том, что она меня любила. Я каждый день встречал ее после лекций и в одиннадцать часов, вместо установленных раньше десяти, провожал ее домой. Часами висели на телефоне и если раньше я звонил только для того, чтобы договориться о встрече, то теперь...

Тамрико я прозвал «коммутатором». Сначала звонил ей и просил передать, чтобы Майя перезвонила. Ждать долго не приходилось, но мне это время казалось вечностью и меня охватывал леденящий душу страх, что на этот раз она не позвонит... Через пять-десять минут раздавался Майин родной голос и я моментально забывал о своих муках.

Время шло и все опять шло в неизменном русле. Встреча, роза, прогулка, телефон... Оставался неизменным и ответ «нет» на самый животрепещущий для меня вопрос...

Мама на месяц уехала в деревню к сестре. Как назло, с маминим отъездом совпала и болезнь Майи и я засел дома. Единственно что радовало меня в этой жизни, так это телефонный звонок... Мы болтали часами и казалась она мне очень грустной. Я развлекал ее как мог, рассказывал тысячи разных историй, читал стихи чужие и свои... Ей нравилось, теперь даже не знаю, может, вид делала, что нравится. Лишь бы позвонила и я готов был выставить перед ней свои бездарные стишки даже на посмешище. Я готов был позволить ей все. Только ей и больше никому другому на этом свете...

Конспиратором она была «великим» и я становился, то Тамрико, то Лелой, то Наной... А по ночам она шептала мне в трубку, при малейшем шорохе бросала ее, а потом перезванивала... Звонила, звонила... И мы говорили, говорили до пяти, шести, семи часов утра.

Мои друзья серьезно забеспокоились, таким отрешенным меня еще никто никогда не видел. Когда они меня навещали, я вяло реагировал на их присутствие, не подключался в их разго-

воры и тупо уставившись в телевизор, ждал ее звонка. Раздавался телефонный звонок и я моментально оживал...

В конце недели был мамин день рождения и я, для которого этот день всегда был чуть ли не самым большим праздником, заявил, что в деревню не поеду. Это для моих друзей стало настоящим шоком, потому что я всегда проводил этот день рядом с мамой, где бы я ни находился, хоть на краю света. Мой букет роз в день ее рождения всегда должен был быть первым. Но я даже на один день не решился уехать из Тбилиси и тот день своего рождения мама первый раз провела без меня...

Мамин день рождения я собирался провести вместе с Майей и заранее поинтересовался, на случай если она выздоровеет к концу недели, сможет ли прийти ко мне. Сказал, что отметим день рождения мамы. Она охотно согласилась.

Я радостно оповестил своих друзей, что она придет и мы с шиком отпразднуем день рождения Лили!

- А ты истердался. Видишь, как она тебя любит! – сказал Шако.

- Йес, йес!

- Ну и что ты собираешься делать?

- Кутить!

- Кроме шуток...

- Ума не приложу. Вроде бы все говорит о том, что любит... Если бы она встречалась со мной из жалости, тогда бы ограничилась моими провожаниями из института до дома... И не было бы ночных телефонных разговоров до утра...

- Ну и?!. – теперь уже подключился Дато.

- Из жалости можно было бы уделять пятнадцать минут, но не все свободное и несвободное время... Если придет... Позвоню маме и протяну ей трубку, если поздравит и не скроет, что со мной, значит, любит и правда боится родителей... Боится их потерять, если выйдет за меня замуж...

- Ну и?!.

- Расслабься!

- Дальше, что?

- А дальше, может, и решусь... И если все пойдет как надо, вспомню древние обычаи предков и похищу невесту...

- Вообще-то предки похищали невест на лошадях и никто не интересовался, хотела она того или нет... А в этой ситуации, она тебя любит, но боится родителей... Посадим ее в современное авто и ...

- Не зарывайся! – раздраженно оборвал его я.

- Просто надоело уже слушать этот лепет «любит, не решается, родителей потерять боится»... Еще черт-те что... Чем видеть, как у тебя постепенно сносит крышу, по мне так лучше расставить точки над «и». Еще немного и ты умрешь, несчастный! Я не отрицаю, что рассуждаю сейчас далеко не высокими категориями, но думаю, что это самый верный выход из этой бредовой ситуации...

- И Мамука не выполнил обещанного... Продолжают ее притеснять... Если я решусь на такое, то совесть моя будет чиста.

- Гогиела, сделай ей предложение и махнем в Западную Грузию, к Бесо. Если она передумает в дороге, никто не будет ее принуждать. Не потащишь же ее в ЗАГС на аркане... За такое дело и срок можно схлопотать... – принялся рассуждать Бадри.

- Я и без твоего совета не собираюсь никуда ее насильно тащить... Если не любит, то насильно мил не будешь... Не думаю, чтобы она в дороге передумала... Не из жалости же она со мной встречается... Или, может, без моих идиотских стихов застнуть не может?..

- Как раз эти стихи тебя погубили! Поняла, что с кретином связалась... Послушай, если ты решишься... В дороге, она может и начнет трепыхаться, надуется на тебя, а может потребовать, чтобы ты повернул машину обратно... Вот этого делать не надо ни в коем случае... Вернешься с полпути, потеряешь ее навсегда! Если она и правда заартачится, что я, конечно, исключаю, подвезем ее на почту ... – опять вмешался Дато.

- Понял. Но, думаю, согласится.

- А к тому времени, когда вернемся, тетя Лили уже все уладит с ее родителями, твоя Майя тоже образумится и закатим пир на весь мир! – размечтался Шако.

Мы долго и бурно обговаривали план действий и наконец, договорились. Мы должны были собраться как можно раньше, чтобы ночь не застала нас в пути. Я достал на вечер два пригла-

сительных в Дом кино на какой-то крутой показ, с тем, чтобы предложить Майе после застолья, проветриться уже на культурном мероприятии.

Итак, где-то в час, мы должны были сесть за стол, на половину пятого заказать переговоры с мамой, если бы Майя согласилась поздравить мою маму, все пошло бы по составленному нами плану. Минут пятнадцать шестого, я сообщаю моим подвыпившим друзьям, что вино закончилось. «В дым пьяные» Дато и Бадри выражая недовольство по поводу так быстро закончившегося вина, уходят, якобы за вином. Я, как «самый трезвый» из всей компании намекаю ей, что мне не больно хочется находиться в пьяной компании и предлагаю проводить Тамрико, а самим смыться в Дом кино, куда кстати, у меня есть два пригласительных.

Мы даже маршрут машины рассчитали точно. По дороге в Дом кино, на одном из светофоров мы «случайно» сталкиваемся с Дато и Бадри с вином, которые, не застав меня дома, направляются продолжить пить к Дато, но увидев нас, прямо на светофоре бесцеремонно впрыгивают к нам в машину. Бадри «оскорбленный до глубины души» поднимает хипиш и обещает простить мне мое «негостеприимство», если мы все продолжим кутеж и «в наказание» поедem с ними к его тетке. По идее, Майя не будет против и как всегда согласится со мной. В этих разговорах, мы бы оставили за собой Тбилиси. Единственное, что нас смущало, так это милиция, которая могла заподозрить неладное и сорвать наш гениальный план.

И правда, все пошло так, как и было спланировано, за исключением небольшой загвоздки. Майя и Тамрико пришли не в час, а в три. У меня чуть сердце не лопнуло от страха. Я звонил как в пропасть, к телефону никто не подходил... Через час, Майя наконец подошла к телефону и сказала, что опаздывают из-за Тамрико, которая поздно заявила. Соответственно, и с Домом кино могла произойти заминка, но, к счастью, я ей не сказал время (да и она почему-то не поинтересовалась).

Надо было видеть, в каком состоянии я находился до воскресенья. Мое нетерпение становилось опасным и я всерьез боялся проговориться в разговоре с ней. В субботу я пошел на ры-

нок, закупил продуктов и энное количество любимых Майей сухофруктов, орехов и пастилы. Дато и Бадри кулинарили всю ночь. С меня толку было мало, у меня все валялось из рук и я только вносил в кухню нервную обстановку.

Стол буквально ломился от яств. Мы все свои дизайнерские способности вложили в его сервировку. Накупили свечей, затемнили квартиру шторами и создали интимную обстановку...

ГЛАВА XXXVI

ИЗ СНОВИДЕНИЙ ГОГИЕЛЫ

- Ада-а-м, сорви плод, посмотри, как он аппетитно выглядит. Змей сказал, что...

- Нет! Я не люблю яблоки!

- Сорви, посмотри, как оно хорошо и вожаделенно. При том полезно. Это совсем не то яблоко, что ты не любишь... Ну давай, срывай!

-Сказал, не люблю! К тому же нас предупредили, что это запретный плод!

- Вот так всегда! Всегда ты слушаешь других, а меня всегда игнорируешь! А-а-а!

-Ты что, баба, совсем спятила!? Чего это ты разрыдалась?!

- Убирайся отсюда! И с каких это пор я стала бабой?! А-а-а... Права была моя мама, когда...

-Кто?!

-М-о-я мама!

- И правда спятила! Ты что забыла, что взята из моего ребра?!.

-... (!!)

- Отвечай, что значит моя мама?!

- Не знаю... Это кому я должна повиноваться. .. Давай съедим плод и пойдем...

- Так и быть, уговорила... Ну и не люблю же я яблоки... Персики куда лучше... Ого... До чего же оно вкусное, вот не ожидал! Слушай, а ты была права!

- Понял? А ты мне не верил...

- Может, еще по одному скушаем?

- Нет!

- Но почему?!

- Потому что я тебя не люблю!

- Так что мне делать?! Я же... Ты же сама...

- Не люблю, и все!!!

- Ничего не понимаю! Ведь ты сама предложила мне этот плод...

- Я только сейчас поняла...

- Трудно будет тебе одной... Не лучше ли вдвоем предстать перед Богом на Суде?

- Нет!

- Но ведь мы созданы друг для друга...

- Нет!

- Я люблю тебя, слышишь? Что ты со мной вытворяешь?!

- М-да...

- Убью!..

- Только попробуй!

- Ладно, я уйду! Но ты еще об этом пожалеешь!

Ева: Фу-у... Убрался... Наконец... Ничего страшного, ребро всегда можно поменять или при надобности, заменить его искусственным.

Адам: И ради чего я испробовал этот плод? Стоил он разве такой боли?! И грех-то какой перед Господом... Все, нет мне больше прощения... Не оправдал я надежд Господа... И чего ради?!

ГЛАВА XXXVII

ИСТОРИЯ...

В машине я приготовил полный пакет любимых Майей сладостей, шампанское и роскошный букет экзотических сиреневых роз.

Мы уже были в часе езды от Тбилиси, когда она почувствовала что-то неладное, сказав, что не подумала бы, что Бадрина тетя так далеко живет и попросила возвращаться обратно, чтобы не опоздать домой. Я галантно протянул ей «замаскированный» в салоне машины свой роскошный букет и торжественно сообщил, что она похищена. Сначала она рассмеялась: «Ты что спятил?!» и тут же приказала, возвращаться обратно. Увидев, что требовательный тон не возымел действия, принялась упрашивать: «Гогиела, миленький, ты же знаешь, как я тебя люблю, но я обещала родителям, что никогда не совершу такого поступка. Пока не поздно, давай вернемся и будем по-прежнему встречаться...

- Возврата обратно не будет! Если мы сейчас вернемся, то я навсегда тебя потеряю...

- Что ты, миленький! Учти, если мы сейчас не возвратимся, тогда ты меня точно потеряешь! И даже если после этого я и захочу с тобой встречаться, это будет невозможно!

Я наотрез отказался выполнять ее просьбу, хотя понял, что это конец! Она никогда не станет моей женой, но... Если мы сейчас же развернемся и поедем обратно, то я наверняка ее потеряю, а так, до Кутаиси еще два часа езды... И кто знает...

Она наговорила мне кучу гадостей, проехала по всем моим мужским достоинствам. Если бы хоть одна живая душа на всем белом свете посмела бы даже подумать в мой адрес подобное, я бы наверное, стер бы с лица земли кого угодно... Майе же все было позволено...

При чем все эти ее уничижающие тексты не сопровождались истерикой, как она мне заявила, крики были абсолютно бессмысленны. Словом, все происходило так, как это предсказал Бадри, с одной только разницей, отказ был категоричный.

Затем она обратилась к моим друзьям, чтобы они меня разумили и вернули ее вовремя домой. И получив холодный отказ, опять принялась за меня. Шако пошутил, что у меня пушка и им не больно хочется связываться со мной. Теперь она пристала, чтобы я показал ей оружие, я с горя расхохотался, подумав, что было бы неплохо, если бы пушка у меня действительно была. Я был настолько опустошен и раздавлен, что даже не задумываясь, пустил бы себе пулю в лоб... Как мы и условились,

парни успокоили ее, что дадут ей возможность позвонить домой, как только прибудем на место. Я притворно выразил категорический протест по этому обещанию. Но она больше не обращала на меня вообще никакого внимания, видимо немного успокоившись после этого обещания.

Я тщетно пытался привлечь к себе ее внимание. Меня буквально понесло и я порол такую ахинею, что нормальный человек вряд ли это смог воспринять. Сказал, что если хоть кто придет за ней, то я его убью.

- И Мамуку убьешь?! Я спрашиваю, Мамуку убьешь?! Ну давай, отвечай! Что язык проглотил?!

- Нет... – едва выдохнул я.

- Так, может, родителей моих собрался убить?!

Я отрицательно покачал головой. Ну не говорить же мне было ей, что сейчас я себя самого ненавижу больше всего на свете... А все эти мои угрозы, были всего лишь бредом находящегося в безысходной ситуации отчаявшегося человека... Господи, вразуми и наставь меня, что мне делать... Я отчаянно боролся до конца, заранее зная, что битва безнадежно проиграна.

Мы обреченно кружили по Кутаиси, вместо того, чтобы ехать в дом, где уже все было готово к нашему приезду. Делали вид, что не можем найти ключи. Она взмолилась, чтобы мы подвезли ее к почте. Я наотрез отказал ей в этой просьбе, дав знак друзьям, чтобы они исполнили ее просьбу.

Она стрелой выскочила из машины. Ни один автомат не работал. Тогда она подскочила к дежурной телефонистке, истерично требуя, чтобы ее соединили с Тбилиси. Я знал, что рано или поздно ее соединят, испугаются ответственности, но попросил, чтобы немного повременили. Я все еще надеялся, что произойдет чудо и она образумится и пытался воспользоваться каждой дорогой секундой с ней рядом.

Я сделал последнюю попытку... Господи, как я перед ней унижался, как я ее умолял... Господи, как я себя за это ненавижу... Я говорил ей, что если бы меня кто-нибудь так полюбил, будь то урод, калека и отброс общества, то я бы непременно ответил бы взаимностью, хотя бы из жалости... Хотя бы из жалости... Надо же, до чего я докатился и до сих пор не могу понять, как можно так сойти с катушек...

Когда во мне угас последний слабый лучик надежды, я вышел к машине, чтобы оставить ее одну и не мешать в дальнейших действиях. Буквально через пятнадцать минут набежали менты, взяли нас по всем жанрам классики как профессиональных бандитов и скрутив за спиной руки втолкнули в милицескую машину. Как только я оставил ее на почте одну, она позвонила в милицию...

Сначала в отделении обращались с нами пренебрежительно, но узнав в чем дело, облегченно вздохнули. «Девушка так описала ситуацию, мы подумали, что она может стать по крайней мере жертвой убийц. А вообще, если собирались оставлять ее на телеграфе, то для того чтобы попасть в милицию не стоило так далеко ехать. С таким же успехом это можно было сделать и в Тбилиси: завезти ее на почтамт и там же на месте сдать ее правоохранительным органам».

Пожалуй, я никогда в жизни не видел так доброжелательно расположенных представителей правоохранительных органов, как и все называл их «легавыми» и был наслышан о беспределе с их стороны в отношении задержанных. Они даже оскорбились, когда Шако сдуру стал предлагать им деньги и советовали ему больше об этом не заикаться. Чудеса! Тогда для меня это и правда было из области чудес и только потом я начал осознавать, что мир не без добрых людей, но зло всегда виднее, как и в этой профессии.

Так или иначе, они были вынуждены дать этому делу ход. В противном случае, нереагирование на факт могло быть расценено как игнорирование закона с их стороны. Было видно, что им не хотелось этого делать, но... Они сделали еще одну попытку замять дело, «случайно» оставив нас с Майей наедине. Я сказал ей, что безумно ее люблю и дальше она пусть поступает так, как подсказывает сердце. Она ответила, что в заявлении напишет всю правду и попросила, чтобы я никому не говорил, что она была у меня дома... «Папа меня убьет!»

Как потом я узнал, она описала все как было, разумеется, не указав, что все началось с прихода в гости ко мне домой... И еще в заявлении она упомянула о моем оружии, но не как в шутку сказанном, а так, словно оно у меня действительно было... Наш диалог она опустила, но мою угрозу «убить всех

вставших на моем пути»вставить не забыла... Расписала она и мой отказ завезти ее на телеграф, а вот то, что я оставил ее там одну, она указать «забыла»...

Разумеется, и я должен был оставить в милиции объяснительное письмо. Следователь предварительно поинтересовался, что я собираюсь писать, когда я ему выложил устный текст, у мента из лысой головы чуть волосы не полезли: «Ты что спятил?! Ты хоть о друзьях своих подумал?!» Он оставил меня одного и проходя по коридору, незаметно объявил моим друзьям, что я окончательно рехнулся. Шако, воспользовавшись тем, что я оставался в кабинете один, влетел с перекошенным лицом, но осекся и только попросил меня взять себя в руки... Я опять остался один, закрыл глаза и только сейчас осознал, в какую влип историю... Вернее, во что втянул своих друзей...

У Шако к тому же семья... Идиот! И о чем я только думал?! Ведь если из-за меня и парней заметут?! А мама?! Что делать?! Ведь Майя попросила не проговориться о том, что была у меня в гостях... Но ведь, если я этого не скажу, по этапу вместе со мной отправят и парней... Я не имею права этого делать... Хотя условные сроки им всем припаяют... А может и нет, если я договорюсь с отцом Майи...Если он поступит по-мужски, в таком случае, им ничто не грозит... Но я сам повел себя по-мужски? Задумал похитить девушку, вопреки данному обещанию... Не отрицаю, я виноват перед родными Майи... Но перед ней ни капельки не виноват... Хотя, конечно же, как мужчина я должен был быть более ответственным и спросу с меня больше... «С каждого будет по грехам его, а с Адама – за грехи всех...»

Надо же, оказывается, встречалась со мной «только из жалости»... Десятичасовые встречи «из жалости»... Стихи, оказывается, нравились... Читал по телефону и поэтому она так долго общалась со мной по телефону. Нашла, тоже мне, Байрона! А вообще, какая в том ее вина?... С Адама за все спросится... Во всем виновата моя любовь...Это из-за любви потерял я чувство реальности...

А теперь, кровь из носу, но я должен как-то выгородить своих друзей... Если ее отец пойдет на это и она изменит свои показания, сказав, что она по своей воле поехала со мной и что в милицию позвонила только из-за ссоры в дороге... В таком слу-

чае, не исключено, что и мне ничего не грозит... А если они на это не пойдут, в таком случае, мне нужно будет подумать над текстом объяснительной, чтобы не поломать биографии своих друзей... Мне пообещали дать возможность, сверить наши письменные показания, чтобы избежать каких-нибудь неточностей...

Остается еще один вариант, на случай если они захотят во что бы то ни стало, упечь меня за решетку. Взамен на то, чтобы мои друзья избежали судимости, я могу предложить им потребовать для меня как можно большого срока... Ее папаше, с его связями это не составит большого труда...

А пока я должен написать, что меня пьяного вдруг «осенило» в машине, ее умыкнуть... Иначе, могут приписать «предварительное соглашение» и тогда моим друзьям срока не избежать...

А вдруг они сначала согласятся, а потом передумают? Может, не лишне упомянуть им друзей моего отца? Я дам честное слово, что если не обманут, то не буду, вводить их в курс дела... Маму придется как-нибудь убедить, не говорить им ничего... Бедная мама, надо же какой подарок преподнес я ей на день рождения... Неужели она этого заслуживала?! Идиот, скольких подставил из-за своей прихоти!

Вошел милиционер и я приступил к письму. Он прочел и в знак того, что все правильно удовлетворенно кивнул головой. Затем позвал моих друзей и сообщил, что свободны и что вызовут, как только появится необходимость... Я спросил, нельзя ли переадресовать дело прокурору нашего района, но получил уклончивый ответ.

Наши показания совпадали и я перевел дух, успокоившись за участь своих друзей.

Все происходящее в дальнейшем я помню смутно и преимущественно фрагментарно. С ее отцом мы встретились в Тбилиси Он без особых проблем согласился на предложенный мною вариант... На большее я и не рассчитывал. И поделом всем, кто из-за своей прихоти так подставит всех своих родных и самых близких людей!

Я весьма смутно помню, как заставил друзей согласиться с моим решением... А маму... Маму я просто запугал... Я сумел оградить всех, кроме нее... Иначе ничего бы и не получилось...

На суде Майя не появилась. Вместо нее представили медицинскую справку. Все складывалось так, как и уговорились. Хорошо разыгранный фарс и в итоге я получил желаемый результат: четыре года в колонии общего режима.

Я даже не думал об условном освобождении, но здешняя ситуация действует на человека и ты начинаешь бояться потерять человеческий облик и озлобиться на весь окружающий тебя мир... Физически мне нетрудно это переносить, но морально... Здесь может сорваться человек любой выдержки и терпения...

Первый раз я это почувствовал еще в камере предварительного следствия... Тюремный двор разделяла стена, в одной части двора выводили на часовую прогулку заключенных, а в другой части двора располагались две жуткие камеры приговоренных к смертной казни. Обе камеры были «заняты». Одного смертника звали Джото, а другого, азербайджанца по национальности – Мамед. Брат Джото сидел с нами, не знаю за что. Как говорили, он специально это подстроил, чтобы хоть как-то быть рядом с братом. И у Мамеда в наших рядах оказался какой-то дальний родственник. Ночами поочередно во всеуслышание переговаривались то Джото с братом, то Мамед с родственником. Джото уже почти год ждал исполнения приговора, Мамед – три месяца.

В одну из ночей Мамед не откликался на зов родственника, родственник уже кричал уже не таясь, но в ответ было молчание. Он обратился к Джони, чтобы он попросил своего брата разбудить Мамеда.

- Джото, Джото!.. Ты что тоже оглох?!

- Чего тебе?!

- Не слышите, что ли? Разбуди Мамеда!

- Знаю...

- Давай, буди!

Джото промолчал, но и Мамеда не стал звать.

- Что с тобой?! Какая муха вас укусила?!

- Нет больше Мамеда...

- Как нет?!.. Ведь полчаса назад...

- Увели!!! Когда он его звал, тогда и увели!!! Все!!! Нет больше Мамеда!..

На тюрьму опустилась жуткая тишина. Все знали, что Джото и Мамед были убийцы, страшные люди, но это известие все равно всех потрясло... Все равно, нельзя этого делать. Нельзя казнить людей... Попадись мне в ту минуту палач, я бы наверное, перегрыз ему горло... Отсюда от невинного человека до убийцы всего один шаг... Нельзя кровью кровь вытирать, действовать как тот палач...

А Майю, несмотря ни на что, я люблю по-прежнему... Знаю, что все кончено... Что назад возврата нет... Да мне и не надо этого... Но хоть бы еще один раз, одним глазком взглянуть на нее... Один раз, одним глазком...

ГЛАВА XXXVIII

ИЗ СНОВИДЕНИЙ ГОГИЕЛЫ

...Мои друзья сидят на стадионе, шутят и смеются. Вдруг появляется некто с хлыстом и приказывает им построиться в шеренгу. Я бегу из последних сил, боясь опоздать в строй и меня больно обжигает хлыст за опоздание. Парни громко возмущаются и в знак протеста хотят разойтись, но раздается чей-то повелительный ледяной голос и они притихают. Под звуки марша мы маршируем, но устав, начинаем роптать. Однако опять повелительный голос, свист хлыста и мы снова молча маршируем строем... Спустя некоторое время нам, похоже, начинает нравиться такое положение дел и наши лица начинают просветляться...

Музыка вдруг обрывается и мы выражаем свой протест тому с хлыстом, который решил ее выключить. Я вдруг узнаю в нем Бухарина. Из-за кулис некто бегом направляется к нам, награждает Бухарина пощечиной, вырывает у него хлыст, вталкивает в строй, включает музыку и продолжает маршировку. Мы с энтузиазмом приветствуем такой оборот дел, Бухарин пытается выразить протест, но хлыст и наши тычки мигом приводят его в чувство. Через некоторое время и на его лице появляется довольная, как у нас, улыбка.

Из-за кулис выкатываются кресты на роликах. Товарищ с хлыстом выключает музыку и с удивлением поворачивается к ложе. Я узнаю в нем Серго Орджоникидзе. Он что-то выкрикивает и бьет себя кулаком в грудь.

В ложе сидят трое: Сталин, Брежнев и наш замполит. Отдают приказ Орджоникидзе распять всех на крестах. Тот не хочет подчиняться, рыдает и бьется в бессильном припадке.

Сталин что-то тихо говорит Брежневу, тот в свою очередь – замполиту. Затем все дружно встают, Сталин и Брежнев залезают по обе стороны решетки и застывают как памятники в совершенно одинаковых позах. У Сталина в руках копье и молот, а у Брежнева – серп и пшеничный колос.

Замполит сбегает по лестницам и налетает на Орджоникидзе, матеря его никого не стесняясь. Серго от злости кусает себе губы, порывается набить морду замполиту, но сдерживается при виде застывших на заборе «памятников». В конце концов он расстается со своим хлыстом, передает его замполиту, подходит к кресту и начинает себя на нем распинать.

Включается музыка. Мы восторженно хлопаем в ладоши и тоже хотим попробовать это на себе. Мы срываемся с места и толкаясь, торопимся урвать для себя по кресту. Наконец, мы все распяты на крестах. Мы опять в строю, но теперь уже не вышагиваем, а катимся на своих крестах. В это время Сталин произносит речь, в которой призывает нас быть вместе, тесно сплоченными и сильными. Я поглядываю в сторону «памятника», но он недвижим. И меня осеняет, что речь записана вместе с музыкой. Я кричу, хочу, чтобы все увидели замполита, но он в наказание грозит снять меня с креста и я испуганно умолкаю.

Через некоторое время Сталина сменяет Брежнев. Он призывает нас к труду и уверяет, что мы самые счастливые в мире и что очень скоро для нас будут открыты ворота рая.

Но я словно прозреваю и начинаю понимать, что мы всегда ходим по кругу, только с той разницей, что если сначала мы изучали этот круг и этот путь казался нам непроторенным и удивительно красивым, то сейчас, на нашем пути появились колдобины, от чего наш строй начал распадаться, да и красота как-то померкла.

Я поднимаю крик и прошу замполита «наказать» меня и снять меня с креста. Хочу всех снять, привести всех в чувство. Но в ответ, замполит нещадно хлещет меня хлыстом, материт и орет на меня нечеловеческим голосом. Я понимаю, что никто меня с этого креста не снимет, что я сам поставил себя в такое положение и что мне самому хотелось закрыть на все глаза... С самого же начала, когда на первый же свой протест я получил удар хлыстом, то испугался, смирился и поверил, что они поступают правильно, что так нужно и что мне это нравится... Теперь же я схожу с ума от безысходности, извиваюсь на этом кресте, пытаюсь освободиться, но у меня ничего не получается и из ран хлещет кровь. Все тело страшно болит и ломит, я уже едва перевожу дух и вот-вот умру. Замполит умоляет меня не метаться, успокоиться, чтобы перестала хлестать кровь и чтобы я опять почувствовал себя счастливым... Я совершенно обессиленный теряю сознание, кровь перестает хлестать, а мой крест возит и возит меня по кругу едва живого, равнодушного ко всему, что меня окружает.

ГЛАВА XXXIX

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ШАКО

Об инфаркте тети Лили я узнал вечером, когда пришел домой. Мзия сказала, что звонили парни и сообщили в какую больницу ее повезли. Я, даже не дослушав ее до конца, как угорелый помчался в больницу. Малхаз, Бадри и Бесо были там и когда тетю Лили пронесли на носилках из приемной в реанимацию, но не занесли, а положили у лифта в ожидании документов, у меня вдруг снесло крышу. Какого черта надо было выносить ее из приемного отделения, если они не торопились вносить ее в бокс, ведь в коридоре на сквозняках она могла простыть и это больше бы усугубило ее положение. Я как ненормальный влетел к дежурному врачу, похоже, вид у меня был до того решительный, что это возымело свое действие и медперсонал засуетился. Мы двинулись к реанимации, но каталку так

трясло на этом выщербленном полу, что каждое неосторожное движение могло стоить ей жизни. Я боялся создавать лишний шум, в глубине же сердца проклинал эту проклятую страну, нашу собачью жизнь с ее здравоохранением и со всеми министрами.

Морф тете Лили уже вкололи, но она не спала и тихо бормотала: «Господи, прости все мои прегрешения». Она простилась с этой жизнью, в глазах у нее стояли немые слезы, а мы ничем не могли ей помочь.

В реанимации дежурил совсем еще неопытный молодой врач, однокурсник нашего друга Ираклия. «Я все сделаю, что в моих силах. Но вы приведите специалиста, вдруг я что-нибудь не так сделаю!» - взмолился бедный парень. Мы с только что подоспевшим Ираклием рванули по адресу, который наспех записали. Дато и Леван, которые пришли после нас, тоже помчались за хорошим врачом. Мы возвратились с врачом через час. Он просмотрел кардиограмму, обследовал тетю Лили, дал какие-то советы дежурному врачу и удалился.

Как нам посоветовали, такое блиц-обследование было недостаточно и мы через каждый час кого-то приводили. Как ни странно, но все давали дежурному врачу одинаковый совет. Мы все радовались этому, но Ираклий поумерил наш пыл сказав, что в этом нет ничего хорошего и значит, что в стране всего одна методика лечения инфаркта.

В девять утра нам объявили, что не хватает нужных препаратов, что привезли еще двух инфарктников и чтобы мы достали лекарство. Разумеется, в аптеках этих препаратов не было и мы достали их у барыг... Потом уже стало легче, мы сообщили о болезни тети Лили друзьям отца Гогиелы и после того, мы уже не испытывали дефицита ни лекарств, ни специалистов. Лекарства нам выдавались прямо с Аптечного управления, даже денег не хотели с нас брать из уважения к дяде Джемали, но мы были строго им предупреждены ни в коем случае не брать лекарства бесплатно, тем более, что деньги на лекарства он оставил.

Через четыре дня мне разрешили войти к тете Лили. Выглядела она очень плохо и прошептала, чтобы я не сообщал Гогиеле. На четырнадцатый день ее перевели в отделение тера-

пии, смотрелась она уже получше и мы успокоились, решив, что худшее уже позади... Она умоляла нас уйти, уверяя, что ей уже лучше и мы, чтобы лишний раз ее не нервировать ночевали в машине.

Однажды поздней ночью, где-то на третий день после ее перевода в палату, она послала за мной медсестру. Сначала я было разозлился, почему ей сообщили, что я ночую здесь... Она передала мне кипу сложенных бумаг. Я не понял для чего развернул и пробежал по одному взглядом... Это были письма. Десять писем для Гогиелы. Она знаком показала мне сесть поближе и попросила, что если с ней что-то случится, отсылать ему время от времени: «До освобождения хватит...» Дала ключи от почтового ящика, наказав, что если в письмах Гогиелы будут задаваться конкретные вопросы, в таком случае мы должны будем подделывать ее почерк, чтобы он ни о чем не догадался...

Во мне все застыло... Она готовилась к смерти и все предусмотрела, для того, чтобы сын ни о чем не догадался...

Сказала, что молила Бога не забирать ее пока не закончит писать письма Гогиле. Она передала мне все адреса и номера телефонов родственников, с тем чтобы оповестить их всех, в случае, если с ней что-нибудь случится и попросила всех предупредить, чтобы никто не сообщил об этом Гогиеле.

Я не мог произнести ни звука. В горле стоял предательский, горький ком и я сдерживался из последних сил, чтобы не разрыдаться как ребенок прямо у нее на глазах.

Выйдя из палаты, я спрятался в углу у лестницы и дал волю слезам, стараясь не всхлипывать и не привлекать к себе лишнего внимания.

До рассвета я просидел в таком положении и едва успокоившись спустился к машине. Бесо заметил мои заплаканные глаза и на его вопрос, показал ему письма...

Я никогда не видел такого Бесо, да и он бы никогда не подумал, что я умею так рыдать. Мы словно первый раз поняли в ту ночь, что окончательно повзрослели и что детство ушло навсегда. Казалось, в ту ночь мы осознали истинную суть жизни и смерти. По-новому поняли что такое любовь, любовь не конкретно к кому-то, а вообще, во всем ее всеобъемлющем понятии. В ту ночь нас навсегда оставила та искорка детского сча-

стью, уступив место суровой реальности взрослой жизни, которая приняла нас в свои каменные объятия. Мы испугались смерти тети Лили, потери Гогиелы, испугались за своих родителей, братьев, сестер, друзей, родственников, словом, всех тех, без кого не представляем свою жизнь и жизнь без которых теряет всяческий смысл... А еще мы испугались смерти... Испугались прощания с собственной жизнью... Я вдруг представил, что остался на свете один-одинешенек и все равно не смог представить этого мира без себя... Как такое может быть?! Куда я без этого мира и как этот мир без меня?!

Через два дня у тети Лили случился повторный инфаркт и ее не стало...

Мы сделали все как она велела. Обзвонили всех родственников и знакомых и всех предупредили...

Похороны матери без Гогиелы... Мы все плакали... Но слез Гогиелы не было...

Сестра тети Лили нас сразила. Сидела как каменная, не проронив ни слезинки. Ей советовали поплакать, чтобы полегчало, но она так и не смогла выдать из себя ни слезинки... Бедная женщина... У Гогиелы кроме нее никого не осталось... Говорили, что она очень сильная, властная личность и потому не вышла замуж. Она даже единственному горячо любимому племяннику ни одного письма не отправила на зону, да и Гогиела не утруждал себя письмами к ней, объясняя это тем, что она не любит переписки.

И внешне сестры очень отличались друг от друга. Тетя Лили нежная, хрупкая, на первый взгляд энергичная и пробивная, на самом же деле ранимая и беспомощная, сестра же младше нее на пять лет, с твердым характером, волевая и властная. В день похорон она нам объявила, что переедет жить к Гогиеле, но не выполнила обещанного. Позвонила мне и сказала, что пусть Гогила к ней переезжает. И как она это себе представляет, что Гогиела оставит могилы родителей и поедет за ней в деревню?! А может, она права? Если мужик сам не сможет взять себя в руки, то никто ему не сможет помочь...

Таких похорон, пожалуй, я еще никогда не видел. Таких разом заплаканных, не стесняющихся своих слез друзей... Да и дел было у нас невпроворот. Выкопать могилу, заказать камень.

Художника мы не приводили, потому что не знали какую фотографию захочет Гогиела. Подготовили квартиру для панихид, заказали гроб, траурную музыку и множество всяких мелких дел... Только беготня по устройству поминок чего стоила и я бегал, высунув язык, словно заведенный.

Извини, Гогиела, что мы пошли на обман... Но ведь мы выполняем последнюю просьбу твоей мамы... Да и какое имеет значение, когда они написаны... Ведь писала она их с огромной любовью, которая будет всегда поддерживать тебя... Ведь она и оттуда будет молиться за тебя...

Я хочу поверить в Бога. Разум и сердце не могут смириться со смертью, с вечной мглой, пустотой, одиночеством и «ничем»... Как это можно, чтобы с человека, и вообще любого живого существа, ничего не осталось?! И вообще, возможно ли такое?! Но то же самое сердце и разум мне нашептывают, что вместе с телом умирает и душа, что все заканчивается, ВСЁ!!! Остаются разве что твои потомки, но ведь это не ты, это совсем другое, ну и что, с того, что произведенные тобой, продолжатели твоего рода, носители твоих ген... А воспоминания... Они принадлежат им, кто еще жив, но не тебе... Это все плод разума и фантазии... А тебя нет, и больше никогда не будет, ты кончилась...

Нет, нет!!! Я хочу верить, слышишь?!

Я боюсь, я очень боюсь смерти, но ведь если понадобится неужели я не сумею отказаться от жизни, неужели превращусь в труса? Если уверую в Бога – нет! Я должен это суметь. Хотя с другой стороны, не все же были верующие, кто пожертвовал себя матери, детям, друзьям, родине... Хотя у них была другая сила, сила грешника, знающего, что, все закончится в этой жизни, что потусторонней жизни не существует и все же они жертвовали собой, шли на смерть, мучались и гордо прощались с жизнью... Господь, если он есть, простит и их. Недаром же говорится, что «незнание – не грех»...

Укоренилось мнение, что такие люди – фанатики. Думаю, это заблуждение. Героями движет, либо вера в Бога, либо просто любовь... Нет силы грешников... Любовь к кому-то или к чему-то... Если в тебе чувство любви истинно, то в таком случае, ты всемогущ...

Господи, как бы я себя не подбадривал, все равно боюсь... Трус я, трус... Ну и что?! Ну и правильно, что боюсь... И они боялись, и они до конца не верили в свои возможности, но ведь справились... И я справлюсь... Обязательно смогу! А смогу ли?!

Гогиела, ты даже не представляешь, как я тебя жду. По логике, сейчас я должен тебя успокаивать... Но у меня такое ощущение, что, скорей всего я больше в тебе нуждаюсь... Ты мне нужен для того, чтобы меня успокоить и привести в чувство... Помоги мне, Гогиела, прошу.

ГЛАВА XL

СВОБОДА

Два месяца до суда Гогиела провел в каком-то ирреальном мире. Бесконечные мысли и постоянное ожидание вконец изматывали и поэтому он предпочел отрешиться.

Думал о Майе и все чаще и чаще вызывал в памяти до боли любимое лицо. В мечтах он был с ней, представлял как они встретятся, как он ее приласкает... Он осознавал, что это всего лишь мираж и никогда этому больше не быть, но он всетаки продолжал эту игру, которая помогала ему убивать время.

Последние два месяца и друзья не навещали, передали через кого-то деньги, и все. Гогиела последний раз внес в общак 100 рублей и, насколько это было возможно, прервал всяческие отношения с остальными заключенными. Он избегал всех без исключения и как только появлялась малейшая возможность уединиться. Он предавался своей излюбленной игре – думами о Майе. Некоторые, для того чтобы отрешиться от действительности прибегают к алкоголю или наркотикам, Гогиела же нашел свой особый выход из реального мира. В другое время он бы весьма болезненно пережил столь долгое отсутствие своих друзей.. Однажды уже было такое, когда Шако и Дато не смогли приехать в условленное время, несмотря на данное обещание. Так у него чуть сердце не разорвалось, от плохого предчувствия. А сейчас...

Не то что бы это, но его даже не беспокоило то, что от матери он получил два коротеньких письма. Как-то бегло прочел их, засунул в карман и думать о них забыл.

Дело было в шляпе, благодарностей было объявлено, более чем достаточно и даже деньги побоялись взять из страха перед «шишкой», другом его отца. Так что он был абсолютно спокоен по поводу своей дальнейшей судьбы. Было полное ощущение того, что его мало волновало любое принятое судом решение.

И суд он почти не воспринимал. Даже не помнит, как оформлялись его документы, под чем он ставил свои подписи. Относительно он пришел в себя лишь тогда, когда настало время оставить зону. У него не было соответствующей этому моменту одежды, нужно было что-то предпринимать, что-то покупать, а денег было мало. За пятьдесят оставшихся у него рублей, не больно бы разделся, а те заработанные деньги, которая администрация отчисляла на его книжку, никто выдавать и не собирался. И здесь бы не помогло даже имя его высокопоставленного крестного, на такие «мелочи» его авторитет не распространялся. Тем более подобные факты считались чуть ли не узаконенной юридической нормой.

За одежду у него денег не взяли. На складе работал знакомый, вернее, не знакомый, а один лизоблюд, который хорошо знал Гию и которого боялся, как огня. С других, разумеется, кроме вора в законе или зоновского, он непременно слупил бы бабки, не задумываясь. Гогиела стал «счастливым» обладателем протертых джинсов и голубой, уже выцветшей, но все еще шикарной сорочки. Между делом складчик сообщил, что и он вскоре будет на свободе и попросил Гогиелу передать, что у него к Гие есть деловое предложение. Гогиела отрезал, что не знает где искать Гию и скорей всего, по крайней мере в этом году, вряд ли сможет с ним встретиться.

Кто-то из козлов попросил у него двадцать рублей и он, не задумываясь, отвалил четвертак. Правда, потом пожалел, когда вечером на Тбилиси ушла машина, а у него не оказалось нужной суммы. Другого транспорта не было и он допоздна никак не мог выбраться из этого забытого Богом места.

В тот день освободили пять человек, но у Гогиелы и еще двоих не оказалось заломленного водителем полтинника. Все торопятся поскорей вырваться из зоны и наконец оказаться дома, но в такой день, по неписаным законам не принято одалживать деньги. Так что, пришлось еще одну ночь проводить на «положенных» осточертевших нарах.

С утра он с нетерпением ждал, как назло, запаздывающий автобус, наконец сел в него и покатил в Тбилиси. Уже на подъезде к городу, его вдруг пронзила мысль о том, что в такой важный для него день никто не появился. Почему не приехали мама и хоть кто-нибудь из друзей? Его охватило смутное беспокойство, но он быстренько отмахнулся от непрошенной мысли. Главное – свободен! А они наверное решили дожидаться его дома.

На автовокзале он пересел в такси и назвал домашний адрес. Приезд в Тбилиси он представлял себе миллионы раз, но никак не думал, что эмоций не будет вообще. Бездумно смотрел в окно и вообще не воспринимал окружающего, оказавшись на долгожданной свободе, подсознательно он опять ощущал себя на зоне. Все происходящее с ним в данную минуту было как дурной сон с хорошим концом.

Проехали мимо Майиного дома и уже были на порядочном расстоянии от него, когда он наконец врубился, приказал водителю тормозить и торопливо расплатившись, направился в сторону ее дома.

Было около половины пятого и он было подумал, что она в это время должна быть на лекциях. Затем засмеялся собственным же мыслям, подумав, что за этот срок консерваторию она уже окончила.

Он уже был около ее дома. Что я здесь потерял?! И тем не менее не стал противиться своему инстинкту, который так естественно привел его сюда. «Временная игра» дала свои плоды и он опять оказался во власти своих чувств. «Может, подойти к ней?.. – Ни за что!!! Хотя...» Он начал осознавать всю абсурдность своего поступка, хотя вдумываться во все это не желал.

Совпадение. А сколько хороших и плохих совпадений происходит за всю нашу жизнь. Наверное и в этом есть какая-то скрытая закономерность, недоступная простому смертному и

что обычно объясняется фразами «судьба» или «так Богу угодно».

Майя во дворе выгуливала чьего-то ребенка в коляске. «Господи, до чего же она красивая... Как же я ее люблю... Розовый ей всегда шел... Она как ангел... Если бы я только умел рисовать... До сих пор не могу поверить...»

Гогиела как вор подкрадывался к ней и стараясь остаться незамеченным, держался поближе к подъездам.

Майя развернула коляску и покатила ее в сторону Гогиелы. Он чуть не вжался в стену дома и зажмурил глаза. «Ну чем не страус! Только с той разницей, что он голову в песок зарывает, а я зажмурился...»

«Ну что ты, мамочка, не надо хныкать... Сейчас пойдем, малыш, вот только папка придет...» - раздался до боли родной, забываемый голос.

От неожиданности у него широко распахнулись глаза. Что?! Мамочка... папка придет?! Ведь сначала он не придал этой коляске никакого значения, решив, что она выгуливает чадо своего брата... Значит, выскочила замуж... Убила его хрупкую, неземную мечту... Не в силах больше выносить этой муки, он отвернулся к стене и затрясся в безмолвном рыдании.

Обернулся он на звук лифта и, больше не оглядываясь, пошел прочь от этого дома.

«Тоже мне заладил любовь, любовь... Так и не набрался ума, опять чуть не спятил... Какая там любовь, когда дома мама и друзья ждут, все те, кто жизни для меня не пожалеет... А я опять про эту любовь... Интересно, кто у нее мальчик или девочка? Если мальчик, как она его, интересно, назвала?.. Да какое мне до этого дело! И вообще, какое это все имеет значение!...»

Вдруг он встал как вкопанный, не зная, что предпринять. Ноги как будто сами тянули его обратно. Он, не в силах с собой совладать, опять прокрался в ее двор, превратившись в сплошной слух и глаза. «Гоглик...Гоглик...» - мурлыкала она над коляской.

«...Назвала ребенка моим именем... Переделала немного на свой лад, но назвала моим именем... Но с чего я взял, что моим?! Ведь может ее свекра зовут Георгием... Так оно и есть... Ну ладно, хватит об этом думать! Наверняка назвала сына именем отца

своего мужа... Ведь у нас принято называть сыновей именем дедов... Иначе бы она не посмела назвать сына Георгием... Ее родители ни за что бы ей этого не позволили, и она бы не смогла им воспротивиться... Куда ей с ее безвольностью и покорностью... С чего это я взял, что с безвольностью? Ведь после того, что она со мной сотворила, безвольной ее никак не назовешь... Ведь и Мамука сказал, что она дико упрямая и своевольная...»

Внезапно вспомнился один телефонный разговор с ней, о котором он сразу забыл, словно его и не было, словно нужно было его попридержать именно для этого дня.

- Я твоя змея. Вот увидишь, я правда твоя змея!

- Не понял?

- В Японии это самый большой комплимент для женщины.

- Ну да...

«Змея подколодная, надо же... Говорят, что кобра гипнотизирует человека и поэтому ей ни в коем случае нельзя смотреть в глаза... Кобра... Кобра!!!

ГЛАВА ХLI

ИЗ СНОВИДЕНИЙ ГОГИЕЛЫ

Гогиела плавает в озере. Как будто он в Африке и очень боится крокодилов. Но вскоре страх сменяет удивление, в озере не то чтобы крокодилов, но вообще нет ничего живого. Он понимает, что плавает в Мертвом озере. Отчасти он успокаивается, что ему не грозит быть съеденным кем-нибудь... Здесь нет никакой жизни, кроме его собственной... Вдруг у него сводит ногу судорогой и он идет ко дну... Он иступленно вызывает о помощи, но прийти на помощь некому... Вокруг ни души... И мамы не видно... И на худой конец, даже крокодила, которого он так боится...

ГЛАВА XLII

ЭПИЛОГ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Гогиела быстро взбежал по ступенькам родного подъезда. Пережитое буквально несколько минут назад отступило перед радостью встречи с матерью и друзьями.

«Довольно! Тоже мне герой шекспировских трагедий! Упаси Господь, им стать... Идиот! Какое сейчас время об этом размышлять, когда меня так ждут дома... Мамуля, наверное, стол уже накрыла. Парни в моем ожидании слюной исходят, глядя на разные вкусности... Сейчас поднимется гвалт, они же все наперебой начнут что-то рассказывать и душить в своих медвежьих объятиях. Мамуля даже приласкать меня нормально не сможет, а поговорить до их ухода, тем более... Зато первый раз в жизни не будет делать замечания сколько мне пить. Хотя нет, в конце концов не все-таки выдержит и посоветует, что пить надо меньше... Мамочка, мамуля!!!

Дверь открыл Шако. Вымученно улыбнулся и так бросил-ся ему на шею, словно Гогиела не на свободу только что вышел, а отправлялся в тюрьму.

И в доме не чувствовалось радостного оживления, парни высыпали в коридор с одинаково вымученными улыбками и как-то странно прижимали его к груди.

Мама не появлялась и Гогиела никак не мог понять, в чем дело. Он и представить себе не мог, какая беда на него обрушилась. Он пошел по квартире, бросился на кухню, прошел в лоджию, обошел комнаты и растерянно бросил: «А где мама?!»

В ответ было подозрительное молчание. В голове мелькнула мысль, что маме плохо с сердцем и она в больнице: «Заболела?! Что с ней?! Где?!»

У него перекосилось лицо, когда и на эти вопросы не последовало ответа.

В это время квартира наполнилась соседями, которые поздравляли с возвращением и говорили какие-то слова утешения.

- Мама где? – растерянно переспросил он.

- Нет ее... – наконец издал звук Шако.

- Как это «нет»?!

После гробового молчания, вдруг всех как будто прорвало и все решили заговорить разом. Он ничего не мог понять, пока Бадри не сообразил вывести его на кухню и рассказать ему по порядку о последних днях мамы.

Гогиела слушал его как в тумане, не соображая как дальше быть. У него было полное ощущение дурного сна, который вот-вот закончится и в комнату, как ни в чем не бывало войдет мама и напомнит, что пора на лекции.

* * *

Целую неделю его ни на минуту не оставляли наедине. Ходили вместе с ним на кладбище, договаривались с художником, выбирали фотографию.

Приехал Гия, уговаривал съездить к нему, но напрасно. В течение всего этого времени никто даже слезинки не заметил в его глазах. Он пока не совсем осознавал случившееся и находился в какой-то прострации. Он очень вяло на все реагировал и выдавить из него хотя бы одно слово, порой стоило большого труда. Тем более, спрашивать его о чем он думает не имело смысла. Он и сам толком не знал, о чем думал. На него обрушилась страшная усталость, от которой не было спасения.

Постепенно его оставили в покое, поняв, что ему необходимо побыть одному. Никто бы сейчас не смог ему помочь и поддержать. Нет под этим небом такого сочувствия и участия, которое бы сразу помогло пережить смерть самого любимого тебе человека. Невозможно, чтобы в такие минуты кто-то помог тебе в твоих мыслях и рассуждениях. По сути, мы все одни в этом мире и самостоятельно должны набирать жизненные силы. Если не захочешь жить, то никто не сможет заставить тебя продолжать ее дальше. Никто из твоих родных и близких не сможет прожить эту жизнь за тебя. Если кто-то захочет свести счеты с этой жизнью, то не стоит ему в этом мешать. У атеиста нет страха перед Богом, но все же и ему зачтется, что незнание – не грех. А верующий человек сознательно идет на этот шаг, заранее зная, чем это потом чревато. Ну и какой смысл во все это вмешиваться? Если человек сам обрекает себя на вечные муки.

Добро только тогда может быть таковым, когда тот кому мы желаем сделать доброе дело, сам того желает... Но... Все мы люди. Слепому могут отказать и обоняние и осязание, а он не захочет ничьей поддержки и сопровождения, ему, может быть захочется провалиться в пропасть, без нашей помощи. Разве можно с этим смиряться?! Разумеется, нет, но... Хотя у всего есть свой предел и если не переубедить самоубийцу или он сам не пожелает найти верный путь, в таком случае, он сам держит ответ за свой роковой шаг.

Каждую ночь у Гогиелы кто-то ночевал. Парни установили ночное дежурство, утром уходили по своим делам, предоставляя Гогиелу самому себе.

Какое-то время он вообще не желал покидать дом и все дни проводил взаперти в полутемной от вечно зашторенных окон квартире. Но в один день какая-то сила буквально вытолкнула его на улицу. Дневной свет головокружительно резанул по глазам, едва не сбив с ног. Он чтобы не упасть прислонился к стене дома, постепенно вбирая в себя ставший таким агрессивным свет.

Надо же, он кажется уже не представлял, что после всего этого в мире еще могут существовать деревья, кусты и цветы. Оказывается, по улицам все еще ходят люди, ездят машины. А ему казалось, что вместе с его горем жизнь остановилась. На какое-то время он забыл, что он со своим горем и печалью, всего лишь капля в этом огромном бушующем людском океане.

Он бродил весь день и заново, как малое дитя, воспринимал окружающий его мир. Все вокруг было как в первый раз.

Пришел он в себя поздней ночью в окрестностях монастыря Джвари, в Мцхета. Он никак не мог вспомнить, как он здесь очутился и как долго здесь пробыл...

Вошел в ночной, почему-то незапертый храм и уставился на кем-то совсем недавно зажженную свечу, не исключая и того, что возможно он сам ее и зажег. Он рухнул на колени в самом центре храма, громко рыдая и обливаясь горькими слезами. От холодных каменных плит, высокого купола и древних стен на него исходила такая благодать, что он наконец смог дать волю своим чувствам и облегчить окаменевшее от горя сердце. Он рыдал и горячо молил Бога о прощении. Никто лучше него не

мог знать о том, что он больше всех виноват в свалившихся на него несчастьях. Ощущение собственной вины давно не давало ему покоя и кому бы он мог в этом признаться кроме Бога.

И преждевременная смерть матери лежала на его совести. Если бы не его дурацкие выходки отравившие ей жизнь, мама бы еще жила.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо и помогла встать с колен. Он не поверил собственным глазам, перед ним стояли библейские персонажи. Адам посмотрел ему в глаза и сказал:

- Я тоже совершил тяжкий грех, вкусил запретный плод... И с тех пор любовь движущая сила человечества. Но ты любовь захотел взять насильем, а это мерзость...

Гогиела: Но я ведь думал, что она меня любит, откуда я мог представить...

Адам: Допустим, любила, ну и что? Ведь главное не это, существует много обстоятельств, с которыми человек должен считаться... А ты, грешный, многими пожертвовал, за это и ... Я послушался Господа... Ты же пожертвовал не только собой, но и другими... И я наказан, и ты! Запомни, что ты больше не обретешь покоя на этой земле. Ты совершил непростительный грех и за это должен будешь маяться!

Гогиела: Но...

Адам: Иного пути нет!!!

Моисей: В тебе осталась рабская душа и ты никогда не станешь свободным. Сколько несправедливости ты там увидел, но ни разу не восстал против нее. Оправдывал себя тем, что якобы выйдешь на волю и тогда начнешь действовать... Якобы в неволе это было невозможно и ты опасался за безопасность тех, кто нуждался в защите. Лжец! Ты просто себя не хотел особенно утруждать...А ведь после того, как ты поступил с собственной матерью и друзьями, ты должен был быть готовым к замаливанию собственных грехов, к добру, к борьбе за справедливость. А ты превратился в такое же пресмыкающееся, как и вск кто там тебя окружал... И только физические муки показали тебе то, что ты содеял... Ты испугался. Ты трус! Ты промолчал и только наблюдал за происходящим, поэтому и забрал Бог к себе твою мать, чтобы ты не смел касаться ее своими дрожащими, мерзкими губами. Ты не был достоин подобного счастья... Ты должен

уверовать! Сам ты никогда не ощутишь истинной свободы, но ты должен позаботиться о своих детях и внуках, чтобы хотя бы свое потомство спасти от рабства... Ты должен помучиться! Пока еще не поздно, еще не все потеряно... Ты даже свою мать еще сможешь обнять, если наберешься терпения и освободишь душу. Знай, иного пути у тебя нет!

Гогиела: Но...

Моисей: Не повторяй прежних ошибок, ни в коем случае не отказывайся от стремления к справедливости! Старайся всегда действовать для счастья других! На такое способны только избранные мученики по духу. Доверься Господу и не нарушай Его заповедей! Это есть истинный путь. А бездействие и помыслы о самоубийстве, самый легкий выход... А что дальше?

Гогиела потянулся к ним, чтобы убедиться, что это не мираж, не галлюцинация, но вдруг у него потемнело в глазах и он рухнул на каменные плиты храма.

Когда он пришел в себя, рядом никого не было, свеча уже сгорела и он дрожал от холода. Он вышел из храма и собрался идти домой.

Недалеко от входа он увидел воздушную девушку в розовом, которая приветливо ему улыбалась.

-Майя?!

- Гогиела, я тебя любила и буду любить. Иди ко мне, Гогиела. Иди, не бойся...

Гогиела как замороженный пошел за ней, спеша как можно скорей прижать ее к груди и приласкать. Но она не ждала и уходила все дальше и дальше.

Вдруг из храма раздался зов матери. Мама стояла на пороге храма и обреченно молила его остановиться.

-Мамуля, прошу, ведь ты уже здесь. Ведь ты уже больше никуда не уйдешь! А Майя... Я только на минутку прижму ее к груди и мы вместе с ней вернемся к тебе...

- Гогиела, сынок, не надо! Это не Майя! Это сатана!.. Гогиела, я не смогу переступить порог этого храма, не смогу подойти к тебе. Умоляю тебя, Гогиела, не иди за ней, иди ко мне, сынок!

- Ну что с тобой, мама! Скоро вернусь! – сказал Гогиела и последовал за Майей. До пропасти оставалось всего полшага,

когда обреченный крик матери заставил его оглянуться в сторону храма.

Майя стала настойчивее, торопила, грозя, что если он будет медлить, то потеряет ее навсегда.

Гогиела окончательно раздвоился. Он уже не знал, что лучше, сделать шаг и навсегда остаться с Майей, которая, казалось, парила над пропастью или броситься в объятия матери все еще стоявшей на пороге храма...

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭПИЛОГУ (БЕСЕДА С АЛЬПИНИСТОМ)

- Извините, мне подсказали, что вы опытный альпинист. Вас не затруднит ответить всего на несколько вопросов? Дело в том, что я пишу... Возможно, вам все это покажется глупостью, но... Я хочу знать, стоит ли все это дело того, чтобы произведение увидело свет или это просто писанина, на которую больше не стоит тратить время...

-Я весь внимание!

-Возможно ли зимой взойти на Ушбу?

-Практически... невозможно! А вообще альпинисты не раз делали эту попытку... Во всяком случае, я пока не слышал, чтобы кому-то это удалось...

-А возможно ли это теоретически?

-Почему бы и нет. Только для этого необходимо предусмотреть много совпадающих факторов... Разумеется, Вы имеете ввиду профессиональных альпинистов...

- В какой-то мере... Я понимаю, что непрофессионалам восхождение и летом будет нелегким... А мои герои, полупрофессионалы... Я понимаю, что это больше прихоть автора, нежели действительность... Но мне это необходимо для закручивания сюжета...

Я даже не пытаюсь вникнуть в нюансы Вашей профессии. Вопросы, которые я поставил, имеют для меня несколько иную нагрузку, скорей всего философскую...

- ...

- В таком случае, постановка вопроса следующая: покоряли ли когда-либо Ушбу зимой? Я имею ввиду восхождение, но не возвращение...

- Бывало, но это очень редкие случаи... И мы обнаруживали следы группы на вершине... Разумеется, той, которая не вернулась... Вообще-то, многие альпинисты сгинули в погоне за этой мечтой... Некоторые исчезли бесследно их тела так и не удалось найти...

Говорят, что для актера самое большое счастье умереть на сцене... Не знаю, может быть... В таком случае, это распространяется и на альпинистов... И те кому надгробным камнем и памятником стали горы, скажем так, обрели там свое счастье...

- А Вы как думаете, смерть может быть красивой и счастливой? Лично я придаю этому большое значение... Значит, возможно...

- Фактически, да. Но очень сложно. В горах погода очень переменчива... Для подобного восхождения, как минимум, нужна идеальная погода, и полное отсутствие всяких случайностей, но если не забывать, что жизнь состоит из множества всяких случайностей, то и в горах их не исключишь. Вернее, в горах, ты более зависишь от этих случайностей и один маленький камешек, может изменить всю твою жизнь... Конечно же, профессионализм играет немаловажное значение... Хотя точный расчет маршрута и сведение до минимума рисков, ничто по сравнению с удачей...

Помечтаем и предположим, что случайности на нашем пути нас больше не ждут, при том нас сопровождает хорошая погода, профессионализм альпинистов и до мельчайших подробностей рассчитанный маршрут...

Но и этого еще недостаточно. Если группа, пусть даже из высокопрофессиональных альпинистов, будет укомплектована без учета психологической совместимости людей, все благоприятствующие факторы, могут оказаться недостаточными... Думаю, у ваших героев фактически нет никаких шансов...

- ...

-А вообще, всякое может случиться... Они могут покорить свою вершину... Из тысячи один шанс может выпасть и им...

- На Ваш взгляд, насколько глубок смысл желания покорения вершин? Так ли уж это важно?

- Я просто уверен, что в этом заложен глубокий смысл! Во-первых, ты движим личными мотивами, ты жаждешь разобратся в самом себе, во что-то уверовать и доказать это другим... Ты хочешь поверить в свое Я... Возможно, я покажусь сейчас несколько абстрактным,, но покорение вершин в прямом и переносном смысле, является своего рода катализатором для общества и выносит общественное сознание на новые ступени развития...Когда покорение той или иной вершины становится реальностью, человечество убеждается в своих возможностях и идет дальше...

- Но покорение вершин дано не всем, некоторые даже на максимально лишенную рисков альпиниаду не пойдут и ногой не ступят на кем-то уже давным-давно протоптанные тропинки...

- Согласен... Именно поэтому общество состоит из разных индивидумов...

Вселенная состоит в пространстве четырех измерений, в котором почти не существует пропастей и вершин... Три измерения мы воспринимаем реально, четвертое абстрактно... Но именно четвертое, словно сводит на нет все три.

Наше восприятие основано на условности. Точкой отсчета с космического корабля является Земля... И тем не менее четвертое измерение мы практически не ощущаем, если не раасчитаем теоретически и не доведем до ясного нам понятия... Следовательно, нам пока не дано узнать какие-то явления.

Хоть и вкусили мы запретный плод с Древа Познания, но этим ближе к Богу не стали...Иллюзии... Но мы ведь стремимся к этому... Вкус запретного плода не дает нам покоя, будоражит душу... И кто знает. Может и существует шанс того, что когда-нибудь мы достигнем цели.

Чего, конечно же, НИ-КОГ-ДА не произойдет...

Человечество , если оно хочет выжить, должно стать лучше и возвышеннее и всегда стремиться вперед... На протяжении истории человечества с лица земли стерто четыре цивилизации, но каждая появляющаяся новая была на ступень выше предыдущей. Она словно наконец-то приближалась к идеалу, но в от-

дельных компонентах еще больше отдалялась от него. И поэтому я сказал НИ-КОГ-ДА!..

- А Вы когда-нибудь хотели взойти на Ушбу зимой?

- Слава Богу, у меня пока с головой все в порядке...

- Значит, те кто попытался, у них не все дома?

- Нет! Дело в том, что у каждого свой взгляд на какие-то вещи. Лично для меня даже мысль об этом – полный бред. Как профессионал я был сильнее тех, кто решил пойти на этот шаг. Здесь самое главное, быть готовым внутренне, духовно готовым...

Если рассуждать философски, то душа, скорее всего, расположена в четвертом измерении. А разум, сознание, способность к восприятию в трехмерном пространстве. Так вот, покорению Ушбы противится моя душа. Значит, мое четвертое пространство пока не готово.

И если я, зная это, все же сделаю этот шаг, с моей стороны это будет не иначе, безумие и безнадежность. Хотя, по моим наблюдениям, состояние безнадежности своего рода подготовка к духовной стойкости, рассудительности и мобилизации...Идеального человека в природе не существует. Но в каждом без исключения человеке есть задатки, о которых он может и не подозревать, пока не наступит его час. Вы, думаю, в горах никогда не были, наверное, горы вас и не привлекают, но вполне возможно, что вы сможете грудью закрыть амбразуру, разумеется, если это понадобится. И так все...

- В этом мире у каждого свои функции, вполне возможно в Вашу функцию этот шаг не входит вообще... К сожалению, такие вещи человек понимает разве что к концу жизни...

- А может, и к счастью!

- Этого никто не знает. Спасибо за интервью.

- Можно и я задам вам вопрос?

- Разумеется.

- На какой стадии находится Ваш роман?

- На стадии эпилога.

-Ну и, Вы определились, что дальше будете делать?

- Беседа прошла намного интереснее, чем я предполагал. Я думал, что поймете, за какого рода консультацией я к Вам обратился, и мне бы спустя какое-то время пришлось бы решать, что

делать дальше. Но теперь я однозначно знаю, что продолжу. Я пропустил весь наш разговор через себя...

Теперь мне без разницы. Понравится или нет кому-нибудь роман. Найдут во мне писателя или нет... Главное. Я обрел себя и покорил одну из своих вершин.

- Вершина... И все же она всегда к себе манит... Вообще-то и я для того, чтобы меня оценили, не таскаюсь в горы... впрочем, и это немаловажный фактор для человечества. Если тебя достойно не оценили и ты не смог встать впереди, значит это была не твоя функция... Главное...

-...

- До свидания! Если Вас это не обидит, у меня будет один небольшой совет...

- Да что Вы!

- Вашим героям в эпилоге, если это возможно, прибавьте немного профессионализма. Читатель часто обращает внимание на подобные нюансы... Впрочем, для Вас это, наверное второстепенно, но тем не менее...

-Я подумаю над этим. Еще раз большое спасибо. Всего доброго....

ЭПИЛОГ

Ранним утром четверо альпинистов покинули базу. В их облике и экипировке не было ничего необычного, если бы не одно обстоятельство: покорить вершину они решили в день Судьбы – 2 января. К тому же они направлялись покорять Ушбу, которая навеки приняла в свои ледяные объятия не одного своего отчаянного покорителя. С тех пор, как несколько лет назад, очередная группа альпинистов принесла себя в жертву неприступной вершине, желающих осуществить эту несбыточную идею смельчаков, казалось, больше не осталось.

«Черный альпинист». Тато: И все же я решился на этот шаг... Я должен это сделать. Должен непременно покорить эту неприступную вершину. Должен осуществить мечту, которой бредил Гугу. Все, кто остался в лагере, сочли нас за ненормаль-

ных. Возможно, так оно и есть, но отступать теперь вдвойне нельзя. Тем более, что я уже несу ответственность не только за себя, но и за напарника. Мы вместе должны взглянуть на этот мир сверху и победить.

Если же удача от нас отвернется и мы сорвемся, наша жертва не пропадет бесследно. Наши освобожденные, чистые души будут молиться за все человечество, чтобы Господь отпустил все его грехи...

Долг... Ира, брат, родители... Знаю, что поставил под угрозу их судьбы, но иначе бы ничего не вышло... А от труса и без того никому не будет толка...

...Интересно, «Черный альпинист» это реальность или кем-то придуманная красивая легенда? А вдруг он и на самом деле существует? Ну что ж, в таком случае мне выпадет счастье увидеть хоть одну истинно счастливую семью под этим небом... Господи, дай мне увидеть такое человеческое счастье...

Гогиела: Я не сделал рокового шага, зов матери оказался сильнее и предостерег меня, как и всегда. Ее душа пришла на помощь, предостерегла и спасла. Спасла ее безграничная любовь, которая утвердила во мне Бога. Это знак, что я должен научиться делать других счастливыми, научиться бороться за всеобщее спасение, за Бога в наших душах... Иного пути у меня нет... Ну и что с того, что моя личная жизнь не сложилась, как бы я сам того хотел. Нет больше рядом со мной самого родного мне человека – моей мамы. Но взамен всему этому я обрел Бога в душе, а значит мама, как и Бог, всегда будет во мне... Мама оттуда всегда будет за меня молиться и предостерегать от неугодных Богу поступков...

Ту ночь я провел в монастыре, утром приехал в Тбилиси, отыскал свои альпинистские принадлежности и махнул к Гие в деревню. Провел там целый месяц, покрестил ребенка и каждый день уединялся в горах, тренируясь покорить свою вершину. К своему же удивлению, я довольно быстро восстановил прежнюю форму... Странно, но там на зоне память как будто заблокировала всяческие воспоминания о моем увлечении горами.

Войдя в форму я вернулся в Тбилиси, забежал в клуб альпинистов и направился в горы Сванетии. Мне захотелось сделать это именно зимой и именно в День Судьбы второго янва-

ря. Я не отказался от идеи покорить Ушбу в День Судьбы. Этим я словно хотел доказать себе, что я не расплескал до конца жизненные силы и что есть во мне та божья искорка, которая поможет мне передать людям добро... Если мы сможем ее покорить, сможем ее победить, в таком случае у нас у всех, все получится... А если не справишься, сорвешься, погибнешь, в таком случае, ну что ж... Значит, так оно и должно быть... Даже в последнем случае я ничего не теряю... Ведь я встречаюсь там со своей любимой мамой, по которой так до боли истосковался... Мама, я так по тебе скучаю... Умоляю, спой мне что-нибудь... Дай мне силы, мамуля...

Сначала меня ни в какую не хотели отпускать в горы, я уже решил было слиться тайком, но тут встретился Тато, как и я носившийся с мыслью немедленного покорения Ушбы. Кто знает, может и он, как и я пережил огромную душевную травму, которую бы помогла бы забыть разве что покоренная вершина?.. Мы как-то сразу потянулись друг к другу и на вопрос: «С чего это вы решили покорять вершину зимой и именно второго января?», отвечали, как сговорившись: «Хочу чтобы Судьба всегда давала мне возможность взглянуть на этот мир сверху!!».

И он слишком замкнутый. Беседуем мы редко. Это меня здорово устраивает и не мешает предаваться собственным мыслям. Ведь для того чтобы иногда довериться человеку, вовсе не обязательно знать о нем всю подноготную, для этого бывает достаточно только одного интуитивного взгляда...

«Черный альпинист» (Тато): Интересно, как Гогиела воспринял эту легенду, впечатлился от услышанного? Очень замкнутый парень, видно что-то его сильно угнетает... Мы больше молчим и не достаем друг друга. Странно, но у меня полное ощущение того, что мы знаем друг друга вечность. Может от того, что он мне здорово напоминает Коку?

Один идиот доверил мне «страшную тайну», что он совсем недавно вышел из зоны... Ну и что с того, какая разница между мной и ним? То, что мне больше повезло, раз я там не оказался?! Мы все дети греха и должны уметь прощать ошибки других.

Гогиела: Вчера, слушая легенду, Тато как-то отрешился... Наверное сопоставил свою судьбу с услышанной историей... Неужели он верит в чистую, бескорыстную и самоотверженную

любовь?.. «Черный альпинист» и его возлюбленная всего лишь красивая сказка... А может во мне опять заговорило собственное оскорбленное достоинство?.. Не знаю...

А мы здесь, в начале пути оставим наших героев и пожелаем им удачного возвращения. Это свыше сил автора последовать за ними дальше. Он не способен сразиться с Ушбой, вернее, не дано ему такой силы. Хотя, если читатель захочет последовать за ними покорять неприступную ледяную вершину, автор может только благословить этот благородный путь. Бог в помощь!

А я только могу надеяться, что Гогиела и «Черный альпинист» справятся со всеми невероятными трудностями на пути к вершине...

Бог в помощь, парни!

Храни вас Господь и Святой Георгий!

РАССКАЗЫ

Исповедь

ПОЧЕМУ Я ХОЧУ СТАТЬ РЕЖИССЕРОМ (ПОПЫТКА ВЫПОЛНЕНИЯ КОНКУРСНОГО ЗАДАНИЯ)

*Слезы – это кровь души
Декусрель*

*Живопись не хлеб наш насущный, а вино
Жан-Поло*

- Почему ты хочешь стать режиссером?

-Вначале Бог сотворил небо и землю... И Дух Божий носился над водою...

...И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды...

...И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

...И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему...

...И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их... И стало так.

- Ну это мы, положим, знаем, молодой человек. Так что, отвечайте по существу...

- На территории Грузии обитал один из видов человекообразной обезьяны...

...В эпоху палеолита каменное орудие было очень примитивным... Первобытные люди жили стаями... А потом... Эпоха матриархата... Патриархат... Переход от матриархата к патриархату произошел в эпоху энеолита...

...Кстати, у Вас никогда не возникало желания повстречаться со своим далеким предком и поболтать с ним?..

- Гм...

-Знаете, а я видел золотую чашу найденную в Триалети... Шедевр...

Диаохи часто совершало сокрушающие набеги на Ассирийское царство... А Урарту чувствительно притесняло Диаохи. Но колхи положили этому конец...

...Колхами правил могущественный царь Айэт, обладатель Золотого Руна...

... А Медея так и не стала счастливой в Греции... Своих грехов у нее было предостаточно... Так, неблагодарные греки приписали ей и множество других...

... Разве не интересно встретиться со своим предком из той эпохи и поболтать?..

-...Гм... М-да... Ну что же, молодой человек, не отвлекайтесь, продолжайте, я все же не теряю надежды получить ответ на мой вопрос.

...Царь Артаг со своим войском переправился на другой берег Куры... Воины взобрались на деревья и стрелами забрасывали римлян... Помпей сжег лес... Тогда римляне взяли десять тысяч пленных... А это потому, что наши предпочли перемирие...

...Царь Парнаваз создал наш алфавит...

...Святая Нина связала в крест виноградную лозу своими косами... Поэтому наш крест так отличается от всех других...

...В 523 году и в Западной Грузии христианство было объявлено государственной религией...

...Грузины, оказывается, дружно сокрушили своих еще вчера почитаемых идолов, сравнивали с землей языческие храмы...

-...?!

-...Вахтанг Горгасал основал Тбилиси... В 502 году вероломно убит нашими же предками...

...Вероломно убит и другой наш царь Губаз... На этот раз византийцами...

...Арабы, наши завоеватели, жестоко замучали Давида и Константина... Запытали до смерти Або Тбилели... Наши недруги при каждом удобном случае почему-то все время обвиняют нас в неблагодарности... А мы, багдадского араба, Або причислили к лику святых... Святой Або – покровитель Тбилиси...

...Сестра правителя Картли Джунаншера наложила на себя руки, только лишь чтобы не стать женой хазарского хана...

...Давид Куропалат спас Византию... Наверное в благодарность кесарь пытался присвоить часть царских земель Давида и Баграта ...

... Вечерний звон написан Георгием Мтацминдским... Говорят, что это авторизованный перевод с грузинского ... Признаться, не знаю, как это может звучать на грузинском... Но в русском, чуть ли не каждая строчка, крик истосковавшейся души... Печальная песнь безутешной тоски по родине...

Давида Строителя погребли на входе в храм Гелати... Исполнили завещание великого царя «всякий приходящий в храм, прежде наступит на мою могилу»...

...Георгия Руси (Русского) грузины выставили довольно скоро...

...Давид Сослан оказывается был «Давитян» из колена царевича Дэмэтрэ (Багратиони), сбежавшего в Византию...

...Во времена царицы Русудан... De mortuis aut bene, aut nihil...

...Джалал-ад-Дин в Тбилиси приказал грузинам осквернить поверженную икону Богоматери, заставляя их пройти по ней... Великое множество неподчинившихся приказу грузин было перебито захватчиками...

...От руки Джалал-ад-Дина мученически пал и бессмертный герой Грузии, даже под угрозой смерти не принявший ислам, Шалва Ахалцихели... Сердцам грузин по сей день дорога песня «Шавлего»...

...Мужество Цотне Дадияни восхитило даже врага...

...Царь Дэмэтрэ предпочел смерть разорению родины... Народ ему...

- Довольно!.. Почему ты решил стать реж...

... Во времена Георгия Брцкинвале Грузия стала возрождаться из пепла...

...Тимур-ленг совершил восемь опустошительных набегов на нашу страну...

... А потом... Грузия распалась... Вероломство повергло государство в бездну хаоса...

... Престарелого Луарсаба Первого убили в бою... Царя Свимона дважды вероломно предавали... И это все делалось руками наших же предков... И кто знает, в ком из нас плещется кровь этих ублюдков...

... Царь Манучар до самой смерти не расставался с саблей... От одного только упоминания о нем у врагов стыла кровь в жилах...

- Но зачем ты хочешь стать режиссером!..

... Луарсаба Второго палачи шаха Аббаса съели заживо... заживо!!! И все равно не смогли заставить его отречься от веры...

... Георгию Саакадзе отрубили голову в Турции...

... И роду Ундиладзе не зачли преданную службу при дворе шаха... Подозрительный шах...

...Вахтанг Шестой издал первую грузинскую книгу...

... Дареджан, дочь царя Арчила преставилась незамужней... Петр Первый не смог помочь, либо не захотел помогать Александру Батонишвили... Да и на поле битвы Петр Первый кинул грузинское войско...

...Царя Ираклия предал не Тотлебен, а сам император... Сначала отозвал из российской армии грузинских офицеров... А потом... Да я сам об этом читал, хотя и прежде у меня закрадывались некоторые подозрения на всю эту ситуацию... Это Екатерина приказала по мере возможностей оказать помощь грузинским князьям в свержении царя Ираклия... Вот почему Тотлебен оставил одного царя Ираклия на поле битвы...

- Реж...

- Русские офицеры отказались подчиняться Тотлебену... Опростоволосившийся император всю вину свалил на генералов... Но царя Ираклия все же вынудили сдать мятежных офицеров... Кара заслушание была жестокой...

- Мы говорим о режиссерстве! Ре-жис-сер-стве! Неужели так трудно это понять?!

- Да, да, конечно же... Тогда, может, начнем так...

.. В детстве... Большую часть я провел в деревне... Я очень любил бабушку, дедушку, прабабушку, прадедушку...

«А ну-ка, малыш, переходи сейчас в другой тазик!» - говорила мне баба Вера (бездетная тетка моей прабабушки, которая вырастила нас всех).

...Деда, няням, деда»... Оказывается, кричал я спозаранку...

... И мой прадед Михако срывался доить корову, чтобы не опоздали меня покормить...

...Господи, какие фрукты растут в Чхари... Не знаю, может, я преувеличиваю, но для меня самые вкусные фрукты в мире растут в моей имеретинской деревне Чхари!

... И влетало мне часто за то, что я далеко уходил без спросу...

...Дедушка Гриша со стороны матери... Урожденный князь Яшвили и ... Гриша Яшвили и его сводный брат, Бондо Джапаридзе, в камере смертников сшили из шинели две пары брюк и послали младшему братишке... Это потрясло даже выдавших виды палачей, казнь была отменена и их по этапу отправили в Сибирь... Позже, с Бондо расправились прямо на глазах у дедушки... Расстреляли автоматной очередью...

... В тюрьме у него была кличка «Князь»... Как рассказывала бабушка и спустя годы, семью продолжали навещать и писать письма бывшие заключенные... Среди них были и воры, и политические и крестьяне... Дедушка Гриша писем не хранил...

Однажды, воры в законе судили какого-то осетина и большинство склонялось к его полной ликвидации... Спас несчастного от неиминуемой гибели «Князь», попросил за обреченного и воры не смогли ему отказать... Выходя на волю, он оставил в камере на столе деньги... И уголовник, который первый обнаружил эти деньги, выйдя на волю, лично привез деньги деду. (Дед, освободившись, переехал из столицы в провинциальный Зестафони, от греха подальше).

... Ко всем без исключения он обращался с почтительной формой «батона, калбатона» (господин, госпожа)... Моя бабушка по отцу, Ариадна, получившая образование в пансионе благородных девиц, не могла нарадоваться на своего не растерявшего аристократические манеры свояка. Мой прадед, отец Ариадны, был крестником Саломэ Дадияни (жена Мюрата, дочь Екатерины Чавчавадзе, сестры Нины Чавчавадзе-Грибоедовой)... Во время войны и после смерти мужа, бабушке Ариадне пришлось пойти в уборщицы... Затем она стала работать продавщицей в булочной... Некогда ослепительная, беззаботная красавица превратилась в задвленную беспощадной

жизнью, сгорбленную под грузом нескончаемых проблем женщины...

... Моя бабушка по матери, баба Пация... Не трудно себе представить, что могла чувствовать верная женщина в ожидании возвращения любимого мужа из лагеря, откуда возвращались далеко не все?! Ее бесконечному терпению и терпимости можно было только поражаться... Казалось, вся ее жизнь была посвящена усилиям сохранять мир и согласие вокруг себя и окружающих ее родных и близких...

...Мои прадед и прабабушка по отцу окончили по два факультета Петербургского университета (к сожалению, в нашей семье остался только один диплом). Они дружили с Тамарой и Георгием Николадзе...

... Мой дед по отцу был архитектором... Говорят, что его в год по три раза направляли на новое место работы... И строительство, города металлургов, Рустави, началось с его участием ... Кстати, он сам попросил направления на какую-нибудь дальнюю социалистическую стройку... Вот и получил назначение в Сибирь... Наверное, думал, что вдали от родных мест... Но именно там, его охватила безысходность ... Он никак не мог смириться с тем, что уважаемые и любимые им педагоги работают у него на стройке разнорабочими и, в лучшем случае, прорабами... Не мог смириться, что приставлен надзирателем к людям, в невиновности и порядочности которых, он больше не сомневался... С той сибирской стройки домой он больше не вернулся... Там же справил счеты с жизнью... Хотя, кто знает, возможно, его убили... Бабушка рассказывала, что у него был конфликт с капитаном тамошнего лагеря...

...Вообще-то, обо всем этом я понемногу рассказываю во всех своих произведениях, где-то эпизодически, а где-то несколько видоизменив ситуацию...

... В Чхари у меня была собака... Я безумно ее любил... Впрочем, об этом лучше и не вспоминать...

... Мне было семь лет, когда дедушка Гриша скончался от рака легких... Но я все помню... Я помню себя с тех пор, как начал ходить...

...Баба Пация умерла два года ... Я где-то кутил... Как она меня в тот день умоляла остаться и не оставлять ее одну... Но

мне и в голову не могло прийти подобное... Она прекрасно выглядела, да и соседей я предупредил приглядывать за ней в мое отсутствие... Опоздал я на каких-то десять минут... Смотрела телевизор и вдруг... Как я ни старался вдохнуть в нее жизнь искусственным дыханием, не смог... Это до конца дней будет лежать на мне тяжким грехом...

...Бабушка Ариадна скончалась от воспаления легких... Она три раза подряд переболела легкими... Лекарств она не переносила на дух... И в постели невозможно было ее удержать... Как назло, я заболел именно тогда... А она никого кроме меня не слушала...

...А Верочка и дедушка Михако...

...Эх, сколько грехов лежит на мне камнем... Сколько раз обижал я их ни за что, просто так, из вредности...

- Ну ладно, успокойтесь, соберитесь с мыслями и сформулируйте, наконец, почему вы хотите стать режиссером...

- Я очень любил свою первую учительницу... Тамару Симония... Потом перешел в другую школу... Все собирался ее навестить... А тем временем она умерла...

...Вообще, по жизни мне встретилось только три настоящих педагога... Все они были совершенно разные... С лица Тамары Симония не сходила ласковая, кроткая улыбка... Я не могу припомнить ее в гневе... Учительницу Нино Сысоеву мы глубоко уважали. Хотя она перманентно была нами недовольна и скупилась на похвалы. Но она никогда не позволяла себе повысить голос... А вот Лейла Датунашвили щедро раздавала нам подзатыльники... Да кому другому мы бы такое позволили?! Да мы бы сами кого угодно...

...В пятом классе мы первый раз удрали с уроков... Наверное, у каждого хотя бы раз, от нечего делать, случалась подобная ироничная беседа:

- Что делать-то будем...

- Понятия не имею... Подраться, что ли... А что, разобьемся на две группы и пойдем стенка на стенку!

... С нами произошло нечто подобное. Не знаю с чьей легкой руки и по чьей инициативе мы очутились на ипподроме. Подумали и после недолгого напряжения мозговых извилин решили разделиться и поиграть в казаки-разбойники. Тумаков, которые

мы не успели навешать друг другу на ипподроме, на следующий день восполнила с лихвой Лейла Датунашвили

...Сколько же глупостей мы наделали... Однажды, в восьмом классе (когда мы уже здорово гнали и мне уже два раза успели расплющить нос), мы решили разыграть учителя. В школе была классная комната в которой стояла ЭВМ советского производства. Огромная машина стояла как-то нелепо, чуть ли не посреди комнаты и пространство за ней оставалось неосвоенным. Так вот мы, мальчишки, решили спрятаться за ней, оставив в классе одних девчонок. Когда в класс вошел Миша Варламовна (я не оговорился) и поинтересовался, куда подевалась мужская половина класса, девчонки ответили, что прогуливать урок всех подбил Поцхверия. Ради такого стоило конечно же прятаться! Ну и понесло же его! Он сказал все, чего не смел говорить мне прямо! Он увидел меня в гробу в белых тапочках и кричал, что по мне плачет тюрьма! Мы больше не смогли вынести этого душещипательного монолога и с хохотом высыпали из-за своего укрытия. Впереди шел я со стулом в руках, издавая победные барабанные звуки. Несчастный побелел как мел, но поняв, что его монолог меня ничуть не обидел, разразился истерическим хохотом... Знаете, как...

- Довольно, молодой человек! Вы что, издеваетесь?! В конце концов, собираетесь отвечать на заданный вопрос?!

- ...

- Итак...

- ...Мне было пятнадцать лет, когда умер мой друг, Алик Гасвиани...

Директор школы имел неосторожность оскорбить его память... Так я отравил ему всю жизнь... Я все время пытаюсь это забыть и не могу, не получается... Грешник я... Нехорошо быть таким злопамятным...

... Это еще что... Алику проломил голову сорвавшийся троллейбусный бигель... Так вот, врач-рентгенолог... Заявил, что его рабочее время истекло, тем более, что Алик не жилец...Мы задумали его убить... Но он скрылся в неизвестном направлении, даже уволившись с работы... И это никак не могу...

...Гугуна, наш Гугуна и его шафер Кока... Посреди ночи после застолья пожелали взглянуть на ночной Тбилиси с Мтац-

минды... Вышло, что это было их последнее желание... На обратном пути в машине сломалась гитара... На похороны я пойти не смог... И теперь не могу себе этого простить...

... У Сосо Муджири во сне разорвалось сердце...

... Валико... Служил в армии, в Москве... Полковым водителем... Вдруг очень сильно соскучился, без спроса вывел машину, прихватил с собой автомат... Машину на бешеной скорости занесло на мокрой дороге... Только на третий день удалось установить из какой части был солдат... Эти сволочи даже не заметили, что Валико...

...Эмзар Тапладзе, по кличке «братка»... Кровоизлияние в мозг...

...А Вако Двалишвили... Наверное слышали... Это сын ныне покойного Резо Двалишвили... Он был директором экспериментальной школы, в которой преподает исключительно молодежь... Видный, умный, бесстрашный... Какой-то подонок прямо на улице всадил ему нож в сердце... Так мы и не смогли найти того, кто это сделал...

... Однажды я отвесил «братку» оплеуху... Все бывает, но я никак не могу этого забыть... Вообще-то, ни за что... Но он мне простил... А я вот никак не могу себе этого простить!

... Не люблю упоминания не к месту тех апрельских дней... Но сейчас... Не могу не рассказать... Выступление Патишвили 7 апреля 1989 года я почему-то сразу воспринял как роковое... Зная это государство с его системой, не сложно было догадаться, что сделано последнее предупреждение... Ночь с седьмого на восьмое апреля я, как и сотни моих соотечественников, провел на площади перед зданием Верховного Совета... День провел на работе, ненадолго заскочил домой, предварительно договорившись с Гурамом Габуния, что и ночь с восьмого на девятое мы проведем на площади и что в десять вечера он зайдет за мной ... Видно, предыдущая бессонная ночь, сыграла свою неблагодарную роль и я крепко заснул, а так как живу один и будить меня было некому, Габуния и отправился бодрствовать без меня... О кровавой бойне на площади я узнал только в семь утра...

...Знаю, что ничем не смог бы им помочь... К тому же, я разделял мнение не всех выступающих на митинге ораторов...

Но... У меня такое ощущение, что кто-то принял на себя долю моей крови... Нет, вы только не подумайте, что я оправдываюсь... Просто...

...Грешен я... Срываюсь часто... То нервы не выдерживают, то гордыня одолевает... Скольких же я обидел... И сколько раз раскаялся...

- Прекрати!!! Чаша моего терпения не бесконечна! Почему ты хочешь стать ре-жис-сером?!

-Не...

- Ты что, не понимаешь?!

- Недавно на Батумском вокзале, кто-то ударил старика... Я бросился вдогонку и толкнул обидчика старика на землю... Я был выпивший и не совсем себя контролировал. Я с силой вцепился ему в горло и, кажется, обидчик начал издавать последние хрипы, когда раздался чей-то встревоженный вопль: «Опомнись, не видишь, больной!» Я моментально пришел в себя, помог встать бедолаге на ноги, стараясь не смотреть в полуобезумевшие от страха, вылезающие из орбит глаза... Он издавал бесвязные звуки и размазывал по разбитому при падении лицу, кровь... Господи, прости меня грешного... Еще немного и я бы вышиб из этого несчастного душу... Господи... Что это на меня нашло? Ведь я ввязываюсь в драку в самом крайнем случае... Хотя... иногда во мне просыпается зверь...

- Всё! Довольно! Последний раз спрашиваю! Почему ты решил стать режиссером!!!

- Простите! Видимо, я не смог правильно объяснить... Попробую сделать это иначе...

... В детстве я писал стихи... Бездарные, конечно... Вот и уничтожал их постоянно... Это были и патриотические, и исторические и изредка, лирические... Я и сейчас иногда пишу, но не для посторонних глаз и ушей... Для себя...

В 1981 году, когда я окончил школу, моих родителей переехали в Москву... И с тех пор я один... Конечно, если не считать отпусков и каникул, которые семья, по возможности, проводит вместе... Так вот, я сажусь, включаю музыку, перемещаюсь в другой мир с другими историями, которые я сочиняю, вернее, вижу... Некоторые сразу же забываю, а некоторые никак не стираются из памяти... Хотя написать их почему-то невоз-

можно... Но я отчетливо помню каждую мелочь... Музыку... Кадр за кадром... Любую, даже самую незначительную, мимику... Ритм... А сюжет и содержание весьма банальны... Возможно, и прием передачи не оригинален... Но для меня важна визуальная сторона... Монтаж, соблюдение ритма, операторская съемка... Без диалогов... Но чтобы после окончания фильма, не возникло чувства недостаточности диалога... Этого можно достичь совершенным изобразительным и музыкальным повествованием сюжета... Наверное, это очень сложно и кому-то может показаться полным бредом...

... Вообще, у меня время от времени появляются новые задумки в различных стилях... Я пришел к мысли, что съемкой фильма смогу только реализоваться... Но я не успокоюсь, пока не сниму своего главного кино... В нем будет все, что я задумал и чего непременно добьюсь... Вообще, я из той породы людей, которым не дает покоя задуманное, но которые не всегда борются за его воплощение...

Рассказы... Однажды я осмелился и отнес свои бездарные стихи в редакцию литературного журнала «Цискари». Оставил их ответственному секретарю, который, ознакомившись с моей поэзией, посоветовал мне писать в дальнейшем стихи, «под мудрым руководством» поэта или литератора... Я чуть не сгорел со стыда... Ответственный секретарь расспросил о моих дальнейших «творческих» планах и похоже, желая вывести меня из неловкого положения, предложил написать прозаическое произведение... Разумеется, я воспринял этот совет как жалость к моим творческим потугам и не собирался больше выставляться ни на чье обозрение... Но через месяц он напомнил мне о задании и я, чтобы не оказаться в его глазах полным кретином и бездарем, сварганил автобиографический рассказик и несложный сценарий. Через три месяца меня пригласили ознакомиться с корректурой... Затем предложили напечатать в молодежном журнале... Так и пошло потихоньку... Но это не мое... На одну малюсенькую новеллу у меня уходит чуть ли не год... Напишу и все... Теряю к ней всякий интерес и править неохота... А ведь это непрофессионализм и лень...

Ну все... Мои извинения, дамы и господа! За многословие и за то, что, возможно, не смог вам досконально объяснить... Но я сделал все, что в моих силах...

С уважением, Гия Поцхверия

P.S.

Должен признаться, но мне почему-то кажется, что с каждым годом знания во мне иссякают и память слабеет ... Недавно я опять засел за историю... Ну что вы, факты помню прекрасно, но в датах и именах... Честно говоря, стыдно стало за себя... То же самое с литературой... Не помню имен и названий произведений... Вообще-то и в школе, на экзамене у меня вдруг мог сесть голос и я не мог произнести ни звука... Или наоборот, в самый подходящий момент я могу вспомнить такие детали предмета, о которых, казалось, вообще не помню...

И еще одна небольшая просьба... Умоляю, примите ко вниманию все обстоятельства и зачислите меня, пожалуйста, на режиссерский факультет... Без кино... Не берите на душу греха... Умоляю... Я на полном серьезе... Пожалуйста, услышите мою мольбу...

Еще раз с огромным уважением и трепетным почтением,
Гия Поцхверия

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Поцхверия Гиви Джемалович, родился 16 августа (созвездие Льва), 1964 года (год Дракона), в 2⁰⁰ часа, в родильном доме №2 города Тбилиси. Мой характер, наверное, во многом объясняется и этим. Хочу напомнить... Впрочем, данные свои я уже назвал и на любом рынке можете приобрести у кооператоров гороскоп и прочесть обо мне.

Итак, родился я в 2⁰⁰. Открыв глаза, сразу увидел свою родственницу - акушерку тетю Кити. Как позже я узнал, дети начинают различать окружение после двадцати двух дней, но смею вас заверить (помню точно), глаза мои сразу с рождения

открыли этот мир.

Вообще все у нас давно усвоили, что родственники и друзья всегда завистливы, могут сглазить, но почему-то все во время родов, болезненной ищут такие ненадежные связи... Наверное наша медицина очень уж "надежна"...

Но я уклонился от заданной темы. Итак, рос я вполне ненормальным ребенком (мальчиком). Ночью бодрствовал, утром высыпался. Родители и по сей день пытаются отучить меня от этого, но тщетно. Наверное, мой род занятий (из-за ненормальности) они должны были предвидеть уже с младенчества. Но кооперативов тогда еще не разрешали и поэтому они долгое время оставались гороскопно-неграмотными и безуспешно сопротивлялись (правда интеллигентно, тихим саботажем), моим "дурным" планам стать режиссером.

До 1970 года я курсировал между деревней и городом. Это время считается самым счастливым в жизни. Все воспринималось так прекрасно и чисто: жил на природе, деревья, цветы были так красивы, солнце светило так ярко и ласково, кошки, собаки, корова, коза, дедушка, бабушка, прадедушка и прабабушка были такими нежными... Но все когда-то кончается, в 1970 году меня взяли в город учиться. Прадедушка, прабабушка, дедушка, бабушка постепенно умерли, и незаметно для себя я утерял связь с детством.

В нулевом классе я был о т л и ч н и к о м. Оценок нам тогда не ставили, но это было самое светлое время моей учебы. С третьего класса я забросил занятия и стал усердно читать "внеклассную литературу". Читал все подряд: классиков и современников, поэтов и писателей, "здесьиздат", "тамиздат" и "самиздат", мемуары военачальников и политиков, исторические книги, биографии разных достойных и недостойных людей. Вследствие этого у меня очень рано появились неуместные мысли и каверзные вопросы, шокировавшие взрослых (кроме отца, который только просил немного поумерить пыл, снабжая меня нужными книгами). Последствия такого бессистемного образования я ощущаю сейчас. Порой забывается содержание прочитанных классиков, имена героев этих книг. Даже простой вопрос может меня застать врасплох. То или иное произведение, куски, редко и имена всплывают только тогда, когда веду с кем-

то непринужденный разговор, спору или когда сам пишу и хочу использовать какое-то мудрое изречение. (Говорю об этом, чтобы учли мою индивидуальность и не судили строго во время собеседования).

В 1978 году, по настоянию учителей и родителей, поступил в Тбилисскую физико-математическую школу-интернат имени космонавта Комарова.

В 1981-ом году, после окончания школы (надо было видеть, как радовались учителя этому событию избавления от меня), поступил в ГПИ (Государственный политехнический институт имени В.И.Ленина в г.Тбилиси, или как у нас "ласково" его именуют – «Государственный питомник идиотов»). Учился я очень скверно... Да, еще я в 1982 году начал работать на общественных началах (без зарплаты, но зато присутствовал в титрах), на киностудии "Грузия-фильм" в Объединении восстановления старых фильмов.

Как уже сказал, учился я скверно, часто пропускал лекции. Мой декан по сей день хранит как музейные экспонаты, пять толстых папок с моими фальшивыми и нефальшивыми справками. Судя по этой документации, я давно инвалид, не слышу, не вижу, хромаю, переболел всеми существующими болезнями, от гриппа до помутнения разума. Все это, конечно, процентов на восемьдесят неправда...

Несмотря ни на что, все зачеты и экзамены сдавал вовремя, "хвостов" не имел, за две-три недели писал, чертил и учил материалы всего семестра, (правда, после сдачи ни черта не помнил.) Кроме этого, пускал в ход все мои "артистические способности". До начала сессии я начинал хромать, ходил с палкой (даже дома, чтобы вжиться в роль) или забинтовывал руку, голову. Также придумывал разные небылицы, страшные несчастья, сваливавшиеся на мою голову за семестр. И так искренне это делал, что сам начинал в них верить. Вот так и закончил в 1986 году институт и начал работать ассистентом режиссера на студии "Грузтелефильм", где и по сей день тружусь.

Теперь о характере. До седьмого класса был молчуном, все мои переживания бурлили внутри меня, и видимо от этого, казался покладистым. С седьмого же по десятый класс... Я вдруг стал дерзким, циничным, вспыльчивым, со взрослыми подчерк-

нито вежливым, требовал от них того же и, представьте, добивался (даже участковый инспектор вынужден был капитулировать).

Результат: два раза сломал нос, три раза меня нежно припечатали кирпичом по голове (прошу учесть это обстоятельство), трижды вывихнул ногу, дважды - руку и получил множество мелких телесных повреждений. (Считаю,отделался легко.)

Вообще, часто вспоминаю те годы. Я и мои друзья имели массу знакомых и приятелей разного пошиба: блатных и приблатненных, хулиганов и малолетних домушников, угонщиков машин, малолетних наркоманов и просто порядочных, но вспыльчивых, гордых парней.

Нас подстерегало множество опасностей, и все окружающее, взрослые, сама наша система, кажется, толкали нас в пропасть. Но, к счастью, среди моих близких друзей мало кто пробовал наркотики, угонял машины, чистил квартиры, хулиганил на улицах. Какая-то невидимая сила, дружба, воспитание в семье, наконец, любовь друг к другу, уберегли большинство из нас от этого. Но и мы присутствовали, жили рядом с э т и м, не осуждали, скорее уважали э т о, нежели, чем "добропорядочных" комсомольцев, представителей закона, официальных "героев" того времени. Мы знали, чувствовали ложь, пошлость, мишуру и сопротивляясь этому, наломали немало дров. Боже мой, сколько раз мы видели кровь, сколько раз нас могли убить, и самое страшное, сколько раз мы могли стать убийцами... Нам повезло... Остальные из моего поколения.... может быть, процентов восемьдесят уже успели, справедливо или несправедливо, отсидеть... Процент двадцать навсегда связали свою судьбу с уголовным миром, кто-то умер или сгинет от наркотиков... А сколько ребят убито, перерезано, перестреляно... И только сейчас это увидели и заговорили об этом...А тогда... Каждый из нас мог о д о л ж и т ь пушку на час-другой, на день, на неделю, и никого это не волновало и не беспокоило...

После школы я как-то уgomонился, притих, устал, наверное...

Но... конечно, иногда находит... созвездие Льва, наверное, не дает покоя... Ну... да, взрываюсь... не часто, но... вновь просыпается во мне тот юный лоботряс... Даже самому на другой

день противно и стыдно... Кому-то пришлось и оплеуху... а за дело, и за пустяки... бывали и жаркие... Однажды два дня не мог разговаривать, так болели челюсти, а однажды, после правого хука противника, два дня в ушах звенело... Но на другой день мирились с не менее пострадавшим противником.

Еще, однажды... нет дважды сам покалечил себе правую руку, чуть не лишился ее... В ярости... упало оконное стекло... нет, сам его сломал... ну, всего несколько штук... Честное слово, больше не буду... а?!

Бабником меня никто не считает, хотя и есть за мной кое-какие грешки... Не могу похвастать большой популярностью у представителей слабого пола, но... среднюю прочно удерживаю.

Влюблялся три раза... неудачно. Все как-то не выходит... говорят трудно со мной, что я все усложняю, притом рассудок теряю, но гордость свою отстаиваю.

Спортом серьезно не занимался... Я заядлый болельщик всех существующих видов. Но больше, конечно, люблю футбол, баскетбол, регби, теннис, дзюдо... а заниматься ничем не занимался... Ну, два месяца походил на плавание (с грехом пополам научился), полгода - на баскетбол, и когда год назад решил сыграть в баскетбол, стало стыдно за неуклюжесть...

Ну что еще... да, начал писать стихи в девять лет... Писал и сразу сжигал, как шпионские донесения.

Совсем маленьким начал придумывать, воображать разные истории. Постепенно захотелось выразить, запечатлеть их. Однажды понял, что лучше всего это сделаю, став кинорежиссером. А после, соприкоснувшись с профессией, с миром кино, все больше утверждался в своих намерениях. Можно, конечно, и на бумаге что-то выразить, как я иногда это делаю, но... Только кино может... достичь той гармонии, которая... Впрочем, вы и без моих объяснений, сами прекрасно понимаете...

В 1986 году я набрался наглости и понес свои стихи в журнал "Цискари". Нарвался на ответственного секретаря, молодого писателя Авто Чхиквишвили. Он похвалил и... посоветовал: без него, или какого-нибудь опытного наставника больше стихов не сочинять. Абсурдно, но честно. Правда, он почему-то настаивал, чтобы я написал рассказ. Уверял, что у меня может получиться.

Ушел я оттуда злой на себя самого и решил больше туда не соваться, а авансы принял за акт вежливости. Но однажды Авто нагрянул на студию и спросил насчет рассказов. Мне стало неловко, не хотелось выглядеть дураком в его глазах и я начал оправдываться, что вообще-то хочу стать режиссером, а не писателем.

Однако через два дня я все же что-то состряпал и отнес в редакцию. К моему удивлению, меня сразу напечатали. С тех пор у меня появился стимул, и я кое-что иногда доверяю бумаге. Правда, ленюсь часто, и уже год не могу ничего написать... Как-будто что-то сломалось во мне в тот злополучный апрельский день...

Теперь насчет сценариев. То, что я представил на конкурс, считаю скорее упражнением, а то что очень хочется снять, не удастся пока перенести на бумагу. Настолько все, даже в мелочах, вижу и слышу, кадр за кадром, действие за действием, и музыку, и художественное оформление... и все это терзает, мучает, не дает покоя.

Еще... Крупного телосложения, рост 187см, вес 83-85кг; волосы темные, глаза карие, уши длинные (но не очень), нос картошкой висит (смотря как посмотреть, если любите картошку...), голова большая, массивная, пустая (смотря для кого). Особые приметы! уродливый шрам на указательном пальце правой руки; на локте правой руки. (Кашпировский пока не помог.) 4 родинки: на верхней части бедра, немножко ниже пупка и у правого уха.

Ну, по-моему все сказал, старался быть предельно искренним, прошу оценить это и очень, очень прошу, умоляю, принять меня на курсы. Обещаю исправиться во многом и не подвести.

С уважением Гия (Гиви) Поцхверия

P.S. Да, чуть не забыл: не рисую, не играю ни на каких инструментах (динозавр на ухо наступил). Фотографии учусь сейчас, после ознакомления с условиями приема. Люблю дружеское застолье, имею много друзей и очень их люблю и доверяю им. Политически грамотен, но не благонадежен. Не женат, внебрачных детей не имею (проверял). За границей не бывал (не хочется выглядеть нищим), но мечтаю побывать в Париже. "Порочные" связи имею, сочувствую демократам и жалею тех ста-

линистов, кто истинно верит в то, что говорит. (Я их называю "юные сталинцы", возраст значения не имеет.).

И напоследок, неделю назад после долгого бездействия, опять взялся писать; написал нечто вроде разбора фильма и эту бездарную краткую автобиографию. Ну ничего, главное начать.

ИСПОВЕДЬ

В жизни довольно часто случается, что человек не отвечает за свои поступки. Порой причиной служат психические расстройства, шизофрения. Порой же - наркомания, алкоголь, эффект, духовное опустошение. Хотя это не может снять его ответственности ни перед обществом, ни тем более перед собственной совестью.

Так вот, и мои действия, можно отнести к какой-либо из этих перечисленных причин.. Я знаю, юридически это не сможет послужить оправданием, но я вовсе не собираюсь этого делать. Просто, я должен хоть кому-то излить все, что такой ледяной глыбой навалилось на сердце, опустошая, умертвляя душу, беспрестанно ища выхода.

Детство у меня было обычным, не больно-то разнеженным, но и не тяжелым. Был любим и любил родителей, бабушку, дедушку, родственников, друзей. Были у меня детские радости и огорчения, о которых я тут же забывал и не затаивал в душе обиды и жажды мщения. Окружающий мир представлялся мне наивным и добрым.

Каждое лето я проводил в деревне, с нетерпением ожидая каникул. Я любил наш дом, двор, сад, шелестящую ниву, степенный, плодоносный виноградник. Любил разнообразные детские игры, плескание и заплывы в речке, а затем, устало расположившись где-нибудь в тени, поглощать плоды наших набегов на свои и чужие фруктовые сады и обсуждать различные деревенские и мировые "проблемы". Только признаюсь, когда набегу подвергался мой сад, я терял интерес как к добытым фруктам, так и ко всем обсуждаемым вопросам, впрочем, те же самые

чувства испытывали и другие "хозяева". Мы саранчой обсыпали то персиковые, то тутовые, то инжировые, то черешневые, то яблоневого, а особенно ореховые деревья и учиняли самый нату- ральный разбой. Каждый день взрослые возмущенно обещали надрать нам задницы, накрыв в саду на месте преступления. Ни- чего подобного они, разумеется, не предпринимали и делалось это все так, для профилактики. Чтобы мы не больно-то расходи- лись... Ну вот, я разговорился, а ведь тоска опять не дает мне покоя. Хорошее в этом мире никогда не повторяется, это бывает только раз и навсегда...

После окончания шестого класса, я опять приехал на ка- никулы. Я ужасно соскучился по бабушке, дедушке, соседям, родственникам, друзьям и спешил как можно скорее испытать все те маленькие радости, о которых уже рассказывал. Бурная радость и жажда жизни переполняли меня через край.

Сначала все шло как обычно, так, как я хотел и проводил каждое лето. Мы играли, плавали, отдыхали в тени. Даже помо- гали взрослым. Например, ходили пасти стадо, а вечерами, при- гнав коров, наслаждались парным молоком. Я любил с закину- той через плечо своей маленькой тяпкой выходить со взрослы- ми в поле или на виноградник. Да я был просто уверен, что если не моя помощь, они не управятся. По обязанностям я был и "водоносом". Брал маленький глиняный кувшинчик и вышаги- вал рядом с дедушкой к прозрачному, холодному роднику на окраине. Вот в таких "трудах" и заботах проходили дни того лета...

Пока один случай не представил мне многое в ином свете и, пожалуй, изменил мою дальнейшую жизнь...

Сколько я себя помнил, у нашего близкого соседа был охотничий пес редкой породы – черный, ирландский сеттер по кличке Шарик.

Чтобы вы как-то представили имеретинскую деревню, могу сказать, что она разбита на усадьбы, жители которых при- ходятся друг другу родственниками. И в самих усадьбах можно выделить несколько дворов, расположенных сравнительно близко друг к другу. В общем, каждый имеретинец хочет и со- седа иметь под самым боком и хоть какую-то часть земли под сад и огород. Так вот, дворы моего дедушки, хозяина Шарика, и

его брата были расположены рядом. Дружные мы были соседи. В труде ли, горе ли, радости - всегда были вместе. Что и говорить, были, конечно же, и мелкие распри. То чья-то свинья огород перерыла, то чья-то коза в винограднике полакомилась, то еще что-нибудь! Но все быстро забывалось и все опять были готовы прийти на помощь друг другу.

Хозяин очень любил своего Шарика. В армии он был кинологом и как только выкраивал свободное время, принимался натаскивать своего любимца. Учил его подчиняться различным приказаниям, охоте, приемам, применяемым в драке, прыжкам в высоту, кувырканиям и другим цирковым номерам. Шарик никогда зря не лалял, а на детей, так даже и в случае надобности, не рычал. В детстве, в пылу капризного азарта, я не раз пытался оседлать Шарика и, раздражаясь его «непонятливостью и тупостью», чувствительно пинал ногой, но несчастный пес только обиженно повизгивал, даже не помышляя огрызнуться или хотя бы оскалиться. Шарик, как и его хозяин, был сильно ко мне привязан и все время преданно меня сопровождал. Однажды он меня спас по-настоящему. Я шел на речку, как вдруг из-за ограды с громким лаем выскочила чья-то немецкая овчарка и стремительно понеслась на меня. Я оцепенел от ужаса, не в силах издать ни звука и ничего не соображая. Бежать не имело смысла. Что-то пронеслось над моей головой и я, вконец обезумев, ударился в рев. Когда я немного опомнился, то увидел, что вышедший на шум хозяин овчарки с трудом оттаскивал своего пса от разъяренного Шарика. Мой обидчик с разорванным окровавленным ухом и ободренным хвостом выглядел довольно жалко.

Этот случай сдружил нас еще больше. Я перестал его тиранировать. Целыми днями он слонялся вместе со мной. Была у него даже обязанность: когда мы забирались в чей-нибудь сад, он лаем предупреждал нас о приближении взрослых.

Но в то памятное лето он сильно изменился. Ходить уже ленился, двигаясь все меньше и почти не покидая двора. Не представлял он больше цирковых номеров и не ходил на охоту. Постарел Шарик, стал понурым. И если раньше, особенно после моего спасения, все наперебой восхищались его верностью, умом, нюхом, ловкостью, силой, то теперь и дома, и на улице я

все чаще слышал, что пес болен, что у него чесотка, что он разносит заразу, что надо его либо выгнать, либо пристрелить. Все начисто забыли о веселых цирковых представлениях, о преданности к детям, о моем спасении... Больше всех разорялся мой дед и брат хозяина. Я все видел и слышал, но ничего не воспринимал, я не мог поверить в то, что Шарика не будет. Я верил в человеческую доброту, в память, в благодарность, в дедушку... Мне казалось, что говорилось это просто так, «для профилактики», как и в случае с фруктовыми садами...

Наконец, после долгих споров его отвели к ветеринару. На мой вопрос ответили, что он в собачьей больнице и скоро вернется. Лишь только позднее я понял, что все уповали на то, что хозяин не вернет обратно Шарика или же врачи не выпустят его оттуда как разносчика инфекции. Через неделю я опять услышал знакомый лай, словно извещавший о своем возвращении. Шарик опять расположился на своем излюбленном месте, в тени орехового дерева. Смутное предчувствие утраты оставило меня и я, вылетев во двор, принялся неистово ласкать Шарика.

Спустя два дня заболели я, сын и племянник хозяина. У всех нас поднялась высокая температура, по телу пошла красная сыпь. В тот вечер случилось непоправимое. В полудреме мне послышались сварливые голоса и собачье повизгивание. В комнате никого не было. Бабушка стряпала ужин. Я добрался до окна и увидел соседей и дедушку окруживших моего друга. Каждый что-то доказывал. Хозяин Шарика махнул рукой и куда-то удалился. А его брат влетел в дом, вынес ружье и принялся закладывать патроны, не переставая сквернословить. Я не понял, что он собирается делать... Никто его не остановил... Напротив, все ему, почему-то, поддакивали... И дедушка... Мой дедушка, в доброте, мягкосердечности, милосердии которого я никогда не сомневался... Раздался выстрел. Шарик жутко захрипел... Не помню, сколько времени простоял я в этом оцепенении. Внезапно болезненная слабость куда-то испарилась и я стремительно вылетел во двор и бросился к Шарiku...

Нет, я не верил... Я должен был увидеть в нем хоть какие-то признаки жизни... Я весь дрожал от возбуждения... В горле пересохло... Взрослые бросились ко мне, пытаясь оттащить в сторону. Но им это никак не удавалось... Я ожесточенно выры-

вался из рук и бился в истерике. Наконец, меня оставили в покое... Я выпрямился, ища глаза взрослых, в надежде вычитать раскаяние... Но вместо этого я увидел просто стыд существ застигнутых врасплох на месте преступления... Только глаза хозяина Шарика смотрели недобро... В его взгляде сквозило отвращение к окружающим. У меня нет ни брата, ни сестры и я всегда завидовал тем, кого так счастливо одарил Бог. А в тот проклятый день... Стояли два брата... Два врага... Казалось бы убийце было оправдание - дети... Но ведь и второй был отцом двоих детей...

На следующий день нам привезли врача из райцентра. Оказалось, что мы отравились незрелыми, нематыми фруктами... А Шарика... Слышите?! Шарика пристрелили... Через три дня я выздоровел и настоял на том, чтобы вернуться в Тбилиси. С тех пор я был в деревне всего два раза. На похоронах бабушки и бабушки.

Эта история перевернула во мне все. Я впервые пережил смерть любимого, преданного существа. Смерть насильственную, да притом у меня на глазах... Впервые я постиг вероломное начало в человеке, бессердечие, жестокость, неблагодарность. Я изменился, ко всему стал недоверчив, потерял чувство прощения, веру в бескорыстную доброту. Во всех я видел потенциальных врагов, вероломных, беспощадных притворщиков и объявил войну всему человечеству, не исключая даже родителей...

Единственное, что у меня еще оставалось - друзья. Да и то потому, что мы вместе росли, жили одной жизнью и, как казалось, у нас одинаково болела душа... Но позднее я понял, что и в этом ошибался, у многих из нас пути разошлись и судьба раскидала нас в разные стороны...

...Я утратил детскую непосредственность, резвость и жизнелюбие. Стал замкнутым, подозрительным, трудно входил в контакт с незнакомыми... Зато надолго запоминал ссоры и обиды. Я беспощадно расправлялся со своими противниками, словно выплескивая на них всю злость за Шарика.

Родителям со мной приходилось несладко. Но потихоньку подкралась юность и я втянулся в жизненный круговорот,

появились новые интересы, проблемы, мечты: аттестат, институт, женитьба...

Есть у меня друг детства. С первого класса мы вместе. Несчастный, горбат с рождения, а сердцем добрый, незлобивый, покладистый. Однажды он в чем-то провинился и директор, преподававший нам математику, выставил его из класса, выходя, тот бросил нам прощальную улыбку. Директор внезапно слетел с места и разорался: "Урод, рахит несчастный... Убирайся вон, горбун!"

Мы были в десятом классе. Каждый трясся за свой аттестат. Директора все недолюбливали, но боялись сделать лишнее движение, чтобы чем-то ненароком себе не напортить. Тогда и я промолчал вместе со всеми, словно не услышав крика директора и ответа друга: "Сам урод. Взяточник, несчастный!..."

Учебный год только начался и он без труда перешел в другую школу, хотя нас он не забывал и как ни в чем не бывало, часто навещал. И до сих пор нас связывает тесная дружба...

Но я не смог простить себе своей позорной трусости и поклялся извести директора, выдумывая все новые способы измышательства. Я ни в чем не давал ему спуска: пререкался с ним в присутствии педагогов и ребят, всячески унижая его и сквернословя... Однажды, как будто между прочим, я предупредил его, что его машина заминирована. После уроков мы с моими оголтелыми друзьями спрятались в школьном дворе. Директор выволок из военного кабинета "миноискатель" и принялся проверять машину, даже не зная, что прибор реагирует на все металлы. Выбрав наиболее подходящий момент, мы подлетели к нему с фотоаппаратом и, не дав ему опомниться, щелкнули, подняв его на смех. Вид у него был, конечно, не позавидуешь, тем более, что он понял, что завтра вся школа заговорит о его позорном конфузе.

В тот же день мы на большом формате отпечатали снимок. На чертежном листе я нарисовал нечто вроде венка, а снизу приписал: "Нашему любимому "саперу" - от взрывателей". На следующее утро мы отодрали с парты пластикат, водворили на него чучело, сооруженное из спортивных штанов и школьного пиджака, вместо головы приспособили спущенный волейбольный мяч. На траурную процессию кого силой, кого "угговорами"

мы выстроили весь класс. Процессию возглавлял я со снимком "покойного" в руках, затем следовал один из моих дружков с "венком", а за ним несли "останки" любимого "учителя-сапера", вдобавок ко всему грянул похоронный марш... Директор чуть не слетел с катушек. Две недели он не приходил на работу из-за хватившего его сердечного удара.

И чего он только не предпринимал: звонил родителям, пытаясь через них хоть как-то повлиять на меня, даже прикрепил ко мне инспектора милиции. Но это распалило меня еще больше и я начал травить ему жизнь сильнее, чем когда-либо, но теперь проделывал все это без свидетелей, разве что в присутствии ребят. Ну, а они... Вдобавок, я ему пообещал, что если он не уберет от меня инспектора, то я накрою его в темном месте и... Он дошел до того, что сам поручился за меня в милиции, снял меня с учета. Убедил инспектора, чтобы тот больше не подходил ко мне, объясняя это тем, что я уже образумился, а милицейский надзор только раздражает меня. На следующий день при свидетелях я потрепал его по щеке, отметив, что он на пути к исправлению и преподнес ему в подарок снимок с "панихиды".

Вот так я травил ему жизнь. В день последнего школьного звонка, как и задумал, я объяснил ему все. Хотя, какой это имело смысл...

Клятву-то свою я сдержал, но зато очень многое потерял. Я потерял свою любовь. Дело в том, что моей первой и последней любовью была племянница директора... Но и с ней я был неумолим... Жесток... Мои насмешки, оскорбления, сквернословие не обошли и ее. Мои оскорбления она сносила молча, терпеливо. Теперь она уже замужем. Год назад я встретил ее с ребенком. Ее сына зовут моим именем... Ну во всяком случае, мне бы очень хотелось верить, что назвала она своего первенца в мою честь... Кроме нее я никого больше не любил, и ни с кем не завязывал серьезных отношений. Но это я понял слишком поздно, когда встретил ее уже с ребенком...

Поздно, поздно уже страдать, сожалеть обо всем... А мужество ей подошло... Да и какое это имеет значение...

Студенчество встряхнуло меня, как-то по-новому встрепнулась и запела душа. Я старался обходить конфликты, сглаживать их.

Завелись институтские друзья. К счастью, мои старые и новые друзья легко поняли друг друга. И мы все большую часть времени проводили вместе. Словом, жили одной жизнью, были вместе и в горе и радости.

Довольно часто мы устраивали сабонтуи, хотя пьяницами нас не назовешь, но три раза в неделю мы, как правило, оттягиваемся. Немного хорошего вина, верные друзья, душа распахивается и мир добрее...

А вот большие застолья, свадьбы, рестораны я ненавидел всегда и пьянею я там как-то иначе... Нет, я не пытаюсь оправдаться, просто хочу быть правильно понят...

Но даже эти веселые студенческие годы не смогли притушить моих душевных страданий.

Наркоманию я ненавидел всегда. И в связи с ней меня почему-то всегда терзали смутный страх и дурное предчувствие. В моем присутствии стараются даже не говорить на тему наркомании. У меня моментально портится настроение, я становлюсь агрессивным и подозрительным. Мне начинает казаться, что все, кто так смакует эту тему и сам не прочь провалиться в бездну беспробудного кайфа... Судьба разлучила меня со многими друзьями. Пока у меня нет ответа, разлучен я с некоторыми из них только физически или же, что еще страшнее, духовно.

Четверо моих друзей отдыхали в Ленинграде. Это уже потом я понял, почему они решили сбежали тайком от меня. В той поездке один из них скончался в "кайфе". Остальных же арестовали, парни бы смогли отвертеться от "правосудия", но любовь друг к другу не позволила им сделать это. Поняв, что самостоятельно не в силах ему помочь, они через администратора гостиницы вызвали "неотложку". В шоке они даже не сообразили выкинуть ампулы и шприцы, впрочем, может, и не захотели. На суд пойти я не смог, целый день проводя на его могиле. Я долго всматривался вбезжизненное лицо друга на холодном мертвом камне, ушедшего так рано и так нелепо. И ради чего нужно было умирать? Ничего толком не увидев, и не успев в этой жизни... Ради чего... И зачем эта зияющая пустота в душе моего поколения, пустота, которая ведет в никуда...

Было еще несколько эпизодов в студенческие годы, опустошивших душу и оставивших глубокий след в моей последующей жизни.

Один из моих друзей был влюблен в девушку из провинциального городка. Мы все были посвящены в эту любовь и всячески старались способствовать дальнейшему развитию их отношений, даже вместе с ним навещая его пассию. Казалось, все было решено. После летней сессии его родители планировали поехать в провинцию, чтобы сделать ей официальное предложение. Но ровно за два дня до этого она выскочила замуж... Вернее... На чьем-то дне рождения, эта девица так надралась, что залезла к кому-то в постель. Ну, а финал и так ясен, они срочно расписались на следующий же день.

Мой друг совсем обезумел и все рвался туда поехать. Его-то я отговорил не делать этой глупости, но зато себя часто ловил на том, что хочу туда поехать и отомстить. Однажды я пришел в себя уже на вокзале. Слава Богу, разум победил избежать конфликта, а если честно, не захотелось срываться по-старому... Хорошо, что сообразил. Хоть этого греха не взял на душу... Вам, наверное, смешно, но не дай Бог испытать кому-либо из вас подобного оскорбления.

Два года назад тайно женился брат моего друга. Предки его девушки были категорически против и я спрятал их у своих родственников в деревне. Скрывались они там целую неделю. Вы можете представить себе, что творилось в наше отсутствие?! "Родственнички" даже в милицию заявили. Похитил, мол, девушку силой. Не успели мы приехать, как они сразу нарисовались. Я сразу въехал, с какой семейкой мы имели дело. Это были туго набитые денежные мешки. Деньги были их мерилom ценностей. «Если ты посмеешь выйти замуж за этого голодранца, под забором подохнешь с голоду и, если даже пойдешь с сумой по миру, на нас не рассчитывай. Оставь его, мы готовы тебя простить, и жених твой все уже знает, но по-прежнему тебя любит. Пойдем домой, через месяц сыграем вам "королевскую" свадьбу и заживешь припеваючи.» Я без труда представил себе и "жениха", такого же "тугого денмешка", покупателя любви, красоты, счастья. Но громом среди ясного неба для нас стал уход девушки. Надо же, как моментально променялась она на

деньги. Предпочла какого-то жирного борова с деньгами своему возлюбленному.

За месяц до того злополучного события я отдыхал на море. В первый же день я познакомился с потрясающей девицей и мы вместе весело проводили время. Все шло так, как обычно бывает на отдыхе... Она была обалденная и многие с завистью на меня косились.

Однажды мы заскочили пообедать в шашлычную. Надеюсь, вы легко представили забегаловку такого типа, с роем мух над столами и несмотря на сравнительную чистоту, со специфическим запахом, характерным для подобных заведений. Вообще-то я не люблю подобные заведения, но в других местах было не лучше, к тому же тянулись километровые очереди, а ресторан не работал. Пожалуй, достоинством этого заведения было то, что здесь прилично готовили.

Был занят всего один стол, за которым сидели раскормленные дяди лет сорокапяти-пятидесяти. Официанты угодливо прислуживали клиентам и между собой восхищались их "мужеством", бесконечными кутежами и царской щедростью. Я ел и невольно слышал болтовню пирующих. Через некоторое время меня чуть не вывернуло наизнанку... Приезжал цирк с лилипутами. Один из них доказывал, что за пятьдесят рублей он "снял" лилипутку и... Дяденька грязно смаковал, как раздевал лилипутку, как взял ее «почти невесомую» на руки. И как она закатила глаза, когда... Но это бы еще ничего, если бы в пылу рассказа он не добавил, что «она была легче моей внучки». Один из собутыльников грузно повернулся в нашу сторону и увидев мою спутницу, явно обрадовался. Он встал, взял у буфетчика две бутылки шампанского и поставил на наш стол. Затем, ехидно извинившись, попросил разрешения вывести девочку. Разумеется, я отказал. Но она почему-то затряслась от страха. У меня от гнева снесло крышу и сжалось сердце от ее беспомощности...

«Я выполнял все ее прихоти, а она меня "кинула" и не пришла на следующий день. Я выдавший виды человек, и поверь, нельзя с такими хорошо обращаться, неужели из-за этой шлюхи ты меня обидишь. Да не отниму я ее у тебя, просто выведу ее на минутку, дам по морде и сейчас же возвращу обрат-

но». Дружки хором стали его поддерживать, мол, в отцы он тебе годится, не обижай хорошего человека...

Во мне все перевернулось. Я вспомнил смерть Шарика, директора, погибшего и осужденных друзей, замужество невесты моего друга, ту свинскую семейку, историю лилипутки... Кровь хлынула мне в голову и я, схватив обе бутылки, обрушил их ему на голову. Не знаю, то ли от того, что я занимался каратэ, то ли от неожиданности, но я довольно легко справился и с этой шайкой, и с буфетчиком, и с официантами.

Девушка вовремя опомнилась, вцепилась в меня и мы бегом направились к дому. Она быстренько упаковала наши сумки и мы уехали первым же автобусом. Прошло порядочно времени, прежде чем я пришел в себя, но все проанализировав, опять озверел и решил вернуться обратно и прибить того типа, если он не сдох. Девчонка запаниковала, разрыдалась, начала умолять меня, ласкать, забилась в истерике. Мы привлекли внимание окружающих, мне стало неловко и я был вынужден успокоиться.

В тот злополучный день мой друг повел меня на свадьбу своего двоюродного брата. Сначала все было окэй. Я пил, почти не пьянел и радовался чужому счастью. Все началось с того, когда шафер пригласил на танец невесту. Кто-то из невестиней родни упрекнул его, что он пожался на музыкантов. Бедный парень пристыженно принялся беспомощно рыться в карманах и стал таким жалким... Смутился и зять и украдкой сунул другу сторублевку...

Затем плясал чей-то ребенок. Тот тип тоже вошел в круг. Он держал сторублевые купюры, которые он пихал то малышу, а то комкал и бросал музыкантам.

Внезапно все во мне забурило. Я опять вспомнил Шарика, директора, ту замужнюю стерву, свинскую семейку, пузатых дядечек с их грязными историями... Все они слились в одно ненавистное лицо, я совершенно потерял над собой контроль, схватил попавший мне под руки нож и вонзил прямо в грудь ничего не подозревающему денежному танцору, его кровь фонтаном обдала меня...

Сначала был страх. К тому же, я все еще не осознавал случившееся. Банальная фраза, но мне все это казалось дурным

сном. Я не хотел верить... А потом... Впрочем, вы и так знаете, что я никогда не пытался смягчить свою вину, если конечно же мою сегодняшнюю исповедь не примете за оправдание. Позавчера, когда меня вели в ваш кабинет, я увидев вдову и детей своей жертвы, еще страшнее почувствовал весь ужас содеянного мною. Я содрогаюсь от того, что заронил в их детские неокрепшие души семя зла. И только одному Богу ведомо, когда оно прорастет и как вырвется наружу...

Я понял, что нельзя на зло отвечать злом, во всяком случае, надо постараться. Я этого не смог или не захотел... Не знаю... Во всяком случае, во всех рассказанных мною историях, я вольно или невольно сеял то, что так ненавидел и с чем боролся...

Мне нет никакого оправдания, я ничем не лучше убийцы Шарика. Прямо на глазах у детей ни за что убил их отца... Или же те дядечки... Положим, девочку-то я защитил, но ведь и мною в тот момент управлял лишь инстинкт самца... Ведь кроме плотской похоти нас с ней ничто не объединяло... Да я растоптал единственную любовь моей души, отравил ей жизнь, грязно оскорбив ее семью... А директор. До чего же я его довел. Сделал человека сердечником....

Моя исповедь напомнила мне чем-то новеллу Проспера Мериме «Кармен». Нет, не историей. Молодой сержант Хосе успел страстно полюбить. Пережил пылкие, сладкие и мучительные минуты с красавицей цыганкой Кармен. Он погиб из-за страстной потрясающей любви, пусть даже одной ночи... А я ничего этого не успел. И гильотина меня не ждет... Но у нас одно общее. Мы оба грешники. Большие грешники, хотя... На моей душе больше грехов... Знаете, в чем я улавливаю сходство с новеллой? Исповедь сержанта Хосе, как и мою, принимал не священник...

Я еще раз прошу, не считите это за оправдание. Поэтому и попросил я вас не писать протокола допроса. На суде я этого не повторю. Не собираюсь рассказывать всего этого и своему защитнику. А сейчас... Прикажите вывести меня, я хочу остаться один...

ВАЛЕРКА

В вагоне стояла невыносимая вонь, вонь, которую испытали на себе все, кто когда-либо путешествовал плацкартой: запахи пота, вина, водки, грязи, в общем, всего того, что неизменно сопровождает человека в пути. Ведь плацкарта, со своеобразным беспорядком, разнородными людьми, агрессивными и спокойными, добрыми и злыми - это микромодель мира.

Каха курил в тамбуре. Уставший, сбежал сюда от спертого воздуха и бестолковой суеты. Он почти никого вокруг не замечал, разве что машинально протягивал кому-то спички или сигареты и так же машинально отвечал - "Не за что..."

Кутаиси... Сколько всего связывало его с этим городом: воспоминания детства, друзья-товарищи, родственники... На этот раз город показался ему неприветливым, мрачным, пасмурным. И словно исчезла куда-то неповторимая, первозданная красота здешней природы.

Угрюмые, дождливые улицы, слякоть... Возможно, Кутаиси показался ему чужим потому, что сегодня его встретил другой, с многоэтажными, похожими домами, совершенно не знакомый ему город. Грязный автозавод, несметное количество одинаковых грузовых автомобилей... И люди, совсем другие люди, не доброжелательные и приветливые, как прежде, а монотонно-деловые, нервные.

Преддипломную практику он проходил на автозаводе. Приехал с опозданием, наплел руководителю что-то в свое оправдание. Тот, в свою очередь, выслушал его с многозначительным выражением и... "предупредил", что надо серьезней относиться к делу.

Ребята его успокоили; ничего страшного, главное достать чертежи для диплома... Заза напишет отчет и все у него сдуют... И добавили, что фактически они ничего не делают. С утра сходят на завод, пройдутся взад-вперед по цехам и все... Некоторые укатили в Тбилиси, разумеется, с разрешения руководителя.

Для Кахи это не было новостью. Он понимал, что в конструкторском бюро, к которому была прикреплена его группа, никому нет до них дела. Во-первых, назначен новый директор, а во-вторых, уже целый месяц телевидение вещало, что Кутаис-

ский автомобильный завод приступает к выпуску автомобилей новой марки. Так что, практиканты полностью были предоставлены самим себе... Каху это ничуть не волновало, тем более, что к своей будущей профессии он был абсолютно равнодушен. На вопрос же, почему он выбрал эту профессию, он не смог бы дать вразумительного ответа, скорей всего здесь решающую роль сыграла семья... И вот уже пятый год он мучительно тянет эту лямку. Разумеется, в группе учились по-разному, но тем не менее каждый так или иначе интересовался автоделом, часто говорили об автомобилях, связанных с ними проблемах... А Каха стоял слушал и как-будто завидовал. Вернее не завидовал, а сожалел, что его это мало волнует.

Чертежи он достал в тот же день. Никто и не удивился. Надо сказать, у него была одна отличительная черта: он мог сразу входить в напряженный рабочий ритм. С приближением сессии, из нерадивого, прогуливающего занятия лоботряса превращался в "покладистого", "усердного" студента, бегал в поисках конспектов и лабораторных. Ребята объясняли ему проект, лекции. В одну-две недели он успевал перечертить и переписать материал всего семестра, и никто не догадывался, что двигало им отвращение к делу, которым он занимался, и слабодушие. Отвращение вынуждало как можно скорей отделаться от "любимых" предметов. А слабодушие помогало избежать конфликтов с родителями. Да нет, он их не боялся, просто не хотелось им перечить и предпринимать решительный шаг.

Каха обегал много кабинетов, кого просил, у кого требовал, а кого просто обманывал, что он, мол, от такого-то за таким-то чертежом. К концу дня он был взвинчен до предела, как и всегда, когда чувствовал, что многие, и не только руководящие работники, подвержены "столона начальническим" замашкам. Такие люди, вообразив, что ты от них зависишь, начинают заноситься, смотреть свысока. Хотя, не исключено, что и помогут, но зато изрядно помучают, заставят выполнить какую-нибудь нелепую формальность.

Каха не мог понять, откуда у этих людей возникает такое упорное, тупое стремление к власти; одни таким образом повышают свое материальное благополучие, другие удовлетворяют

собственные амбиции, третьи же считают власть необходимым атрибутом собственного престижа...

Но для определенной категории людей, власть, даже самая мизерная, нужна для того, чтобы кого-то унижить, осмеять и тем самым подняться в собственных глазах, самоутвердиться. Это все амбиции, глупые, бестолковые, но от того более страшные... Ведь это скрытое зло, с которым практически невозможно бороться.

...Большинство из них, с детства представляет некую среднюю массу. Беспокойная жизнь лидера их не привлекает, но они хотят, хотя бы на мгновение, ощутить прелесть власти, чтобы затем повторять: "Да если я захочу..."

В глазах защипало, он снял очки. В тамбуре он был один... Кое-где на небе мерцали далекие звезды... Тишину нарушал монотонный стук колес...

...Отец уже год работал в Кутаиси. Еще в Тбилиси его нагрузили нужными анекдотами, историями и он "во всеоружии" приехал в незнакомый ему город. С самого же начала решил произвести впечатление авторитета, держался насколько мог высокомерно, почему-то сидел на первом уроке с приподнятыми бровями, стараясь напустить на себя излишнюю независимость. Уже на втором уроке его вызвали к доске и как только он открыл рот, услышал смехи. Украдкой оглядел себя, не прицепили ли чего-нибудь к одежде, вызвав еще большее оживление, но так ничего не обнаружив, продолжил рассказывать - и опять смех... Позднее понял - одноклассников смешило его тбилиское произношение.

С самого же начала он сблизился с тремя ребятами: Вахо, Шакро и Валеркой. Вахоша был отличником и вел себя на уроках примерно. Хорошист Шакро, изрядный циник, так и сыпал афоризмами и поговорками в беседах с учителями, Валерка, круглый двоечник, был занят в основном высаживанием стекол. Если Вахоша, по заведенному порядку, был всегда в опрятной школьной форме, Шакро являлся в школу в джинсах и цветной майке, а Валерка и вовсе нарисовывался в спортивных потрепанных штанишках и, как правило, на велосипеде... Вахоша был самым высоким в классе, Шакро тоже нельзя было назвать низким, зато Валерку можно было принять за карлика.

Их класс находился прямо над учительской и, наверно, как раз из-за этого славился различными инцидентами. У школьников было пять способов развлечения:

I. Буфет.

II. Двор.

III. "Выдворение агрессоров" - у Валерки был брат, на год старше(всего их было трое), он влетал в наш класс со своими друзьями и тут начиналось "сражение".

IV. Класс, разделившись на две группы, грузин и персов, завязывал "Крцанисскую битву".

V. Запиралась дверь, включался принесенный украдкой из дому магнитофон и начинался концерт. На возвышении стояла оснащенная линейками, веником и шваброй рок группа, а внизу неистовствовала толпа фанов.

На третьей неделе пребывания в школе Каха получил "боевое крещение", в драке с Кобой сломал нос. Так что завоевание имиджа авторитета стоило ему изуродованного носа и...

Каха не раскололся и не наядбедничал, Коба сам признал себя виновным перед "следственной комиссией" учителей. И на следующий день весь класс навестил "раненого льва". Пришел и Коба. Они помирились на глазах у всего класса. Итак, было отмечено "боевое крещение" и подчеркнуто, что у Кобы и Кахи были общие друзья. Все казалось бы уладилось и...

Существует категория людей, которая усердствует по поводу и без повода, чаще всего принося этим только вред...

На следующий день после примирения, Вахошу вызвали в кабинет директора и, по его же словам, спустили с него шкуру за подстрекательство к драке. Подозрения пали на Каху, хотя достаточно было простой логики для установления беспочвенности этого обвинения, впрочем, а на кого бы могли тогда подумать... Вообще-то эту мысль подкинул Вахоша, остальные вынуждены были подхватить, так как он пользовался авторитетом в классе.

Поначалу Каха ничего не знал, никто не давал ему этого почувствовать. Первым демонстративно "отвалил" Шакро, Каха даже не спросил почему, не хочет дружить и не надо, подумал он. Вторым - Валерка. Вот тут уже Каха растерялся. На перемене Валерка отвел его в сторонку и обо всем рассказал, добавив

при этом, что поссорился с ним для отвода глаз, хотя был уверен в невинности Кахи. Попросил он только об одном, чтобы Вахоша ни о чем не догадался, а он со временем разузнает, кто наобедничал. Да еще при этом извинился за свой столь демонстративный шаг.

«И если Каха не возражает...»

В конце концов, через месяц все наконец устаканилось, Валерка обнаружил "источник информации", и того хорошенько проучили...

К нему по очереди подошли Вахоша и Шакро со своими извинениями; если Вахоша простит и пожелает...

Единственный, кому он радовался все это время, кто помог перенести боль отчуждения был Валерка - король "великов" и гроза стекол. Если бы не Валерка...

...Кончились сигареты, он зашел в вагон, все спали. Запах стал еще невыносимее... Он продрог, набросил на себя куртку, взял сигареты и опять вернулся в тамбур.

...И курить он начал там. Однажды ребята предложили ему закурить, но он отказался, многозначительным, ехидным тоном намекнув, что курит только "Марльборо". Валеркин брат отбывал срок и Валерка, пользуясь этим, каждый день без труда стрелял у его щедрых дружков для привередливого курильщика дефицитный "Марльборо".

Ребята часто удирали с уроков. У них был привычный маршрут: известная "кебабная Викентия", кинотеатр "Коммуна" и парк. Следующий день, как правило, начинался в кабинете директора. Их выстраивали в шеренгу и целых три урока читали нотации. Но лучшего развлечения они не могли придумать. Однажды, после их очередного побега, директор привычно выстроил их в своем кабинете, отослал учителей и целый урок рылся в полках, второй - в шкафу, наконец, в начале третьего урока он вытащил какую-то толстую книгу, подсел к столу, достал очки и изрек: вот, что писал Макаренко о таких как вы ...

Как-то раз Валерка с Кахой опять смылись с уроков и, изменив привычному маршруту, направились к Театральной площади, где, как они слышали, открыли филиал знаменитых тбилисских "Вод Лагидзе". Около одного из магазинов сидела, пряча лицо, старая, вся в черном, исхудавшая попрошайка, ря-

дом лежали костыли. Она как-то неумело протягивала руку, явно стыдясь своего положения.

Валерка, увидев ее, остолбенел, лицо исказила гримаса, на глаза навернулись слезы... Каха никогда еще не видел и не представлял себе такого мрачного Валерку... Они не сговариваясь, молча подошли к старушке, старательно вывернули себе карманы и осторожно насыпали мелочь в протянутую ладонь.

Валерка рассказал, что у этой женщины были сын и внук. Сначала невестка выжила ее из дому, а потом семья сына, погнавшись за длинным рублем, переехала куда-то в Сибирь, оставив мать без присмотра. Она попала под машину и лишилась ноги... Каха даже не сообразил спросить, неужели у несчастной не оказалось больше никаких родственников, соседей, просто, доброжелателей...

...Всю ночь Каха избивал сына, внука, невестку старушки. Избивал беспощадно кулаками, палками, костылями... Отрезал им носы и уши... Рвал им волосы... Показывал их голыми по телевизору, водил так по улицам... Покупал старушке разные лакомства, нанимал машины, возил ее по заморским странам... Все видели доброту, мужество Кахи и восхищались его поступками...

На следующий день они начали собирать деньги. Отца у Валерки не было, старший брат был в тюрьме и семья жила в нужде, Каха же каждый день кланчил деньги для "коллективного похода в кино", "членских взносов", "занавесей для класса". Родители ему доверяли, зная, что он никогда не просил больше необходимого... Ему доверяли и он воспользовался, воспользовался впервые в жизни...

К этой сумме прибавлялись деньги, "скинутые" на кебабную, кино и карусели. Валерка нашел еще один источник дохода. Начал играть в карты, шахматы, нарды, домино, футбол, "минус пять"¹. Если до сих пор Валерка спорил, разве что на бутылку лимонада, то сейчас соглашался играть только на деньги, здорово удивив окружающих...

¹ Игра, в которой соперники бросают баскетбольный мяч в корзину. В случае точного попадания противник должен повторить идентичный бросок с того же расстояния.

Наступил условленный день. Деньги решили отнести сразу после уроков. У Кахи было тридцать рублей, у Валерки же... Шестьдесят... Откуда? Каким образом?..

Мальчишка из параллельного класса предложил Валерке сыграть сторублевый "минус пять", но получил отказ. На следующей перемене Каха отыскал того мальчишку... Игра по взаимному уговору должна была продолжиться до "минус тридцати", а вручение проигрыша сразу же - после уроков.

Каха никогда не играл на деньги и даже не предполагал такого. В случае поражения, он должен был взять деньги у Валерки и достать где-нибудь "червонец"... Поначалу он проигрывал. Он уже достиг минуса десяти, а противник сидел на нуле. Азарт захватил все его существо, напряглись до предела нервы, пот лил с него градом. В случае поражения... Нет. Победа, только победа. Его душило, терзало самолюбие. Не существовало больше одноногой, несчастной попрошайки, он играл... Играл на победу...

После уроков Каха с победоносным видом протянул Валерке деньги. Валерка отказался и пошел прочь с опущенной головой. Лицо Кахи залилось пунцовой краской; теперь он понял, для чего играл, для чего поставил под угрозу с таким трудом накопленные сбережения... Да ведь, он соперничал с Валеркой... А старуха... Он сгорал со стыда, слезы застилали глаза... Чем, чем он был лучше сына той попрошайки, чем...

Не по-мужски он поступил, не по-мужски!.. И тем более, что перед Валеркой решил "поднять марку, перед Валеркой, который в самые тяжелые минуты не оставил его одного...

И Каха возненавидел себя.

Игра... Но ведь и Валерка играл, но... Да, но ведь он играл для старушки... А он... Добро делается незаметно, без лишнего шума ... Так, как делает Валерка, а не для показухи... А он... В пылу азарта бедную старушку и не вспоминал...

Каха еле пришел в себя, собрал всю волю и направился к площади. У ближайшего поворота за углом его ждал Валерка, веселый, улыбающийся Валерка...

Они вместе подошли к старушке и стали пихать ей деньги, смущенно оглядываясь вокруг, словно боясь быть кем-то застигнутыми врасплох.

Старушка недоумевающе взглянула на них и вдруг заплакала. Затем вцепилась ребятам в руки и принялась иступленно их целовать. Сначала они растерялись, оторопели, но затем кое-как высвободившись из цепких рук несчастного благодарного существа, немного отодвинулись. Старушка дрожащими от волнения руками достала из-за пазухи какую-то измятую, замусоленную бумажку, развернула и протянула им. В ней лежали три старые, затасканные конфетки... И при этом она плакала, плакала жалобно, с причитанием...

После окончания учебного года отца Кахи опять перевели в Тбилиси. Большинство ребят были на отдыхе. Провожал его Валерка. В укромном месте они покурили "Приму", для устранения запаха пожевали лавровый лист, заели конфетой и попрощались. Валерка пообещал приехать через неделю, но... В Тбилиси он, возможно, бывал, только к Кахе никогда не заглядывал. А тот, когда проездом наезжал в Кутаиси, обязательно забегал к другу, укоряя, что тот не заходит, выслушивал его заверения, и... Каха знал, что причиной была его стеснительность. Даже в Кутаиси он ни разу не побывал у него дома, все время выискивая какие-то причины... И сегодня Каха зашел к нему, но он, оказывается, уехал по каким-то делам в Москву на месяц.

Возвратившись в Тбилиси, Каха там же на перроне злобно скомкал все чертежи и решительно бросил в мусорный бак...

ДВАЖДЫ...

В своей жизни я дважды поднял руку на женщину. Помоему, с женщиной, заслужившей такое, больше не нужно искать встреч... Разумеется, я говорю с позиции мужчины, который презирает физическое насилие над слабым полом да и насилие вообще.

За всю свою жизнь я дважды поднял руку на женщину... В первый раз... Что касается первого случая я и до сих пор не раскаиваюсь... Вернее, тогда я был прав!

Во второй раз... У каждого человека есть такие воспоминания, которые он предпочел бы забыть. Забыть потому, что не

дает покоя стыд... Во второй раз...Тогда я был в пылу азарта, вошел в роль, которую попутно сочинял и исполнял... Роль ревнивого влюбленного. Посмотрел бы тогда кто-либо мне в глаза и без труда заметил бы холодное равнодушие. Но мои действия свидетельствовали совсем о другом...

И наконец, сцена с пощечиной врезалась в память, напоминая финал трагедии, хорошо поставленного спектакля покорную мольбу женщины и "безмерно трагичный" отказ мужчины. Я часто задумываюсь, неужели этим актером был я, или...

...Нет, сегодня я хочу рассказать о первом случае. Возможно такое настроение возникает от одиночества и какой-то светлой безграничной печали. Вероятно, такое находит и от тоски по родным, близким, друзьям...

Казалось бы, в той истории нет ничего особенного, многое может показаться банальным, но в моей жизни она оставила неизгладимый след и каждый раз, когда я ее вспоминаю, мне кажется, что это было вчера, и я заново переживаю все что тогда случилось.

Я переходил в пятый класс. На лето мы сняли комнату в Цхнети. Родителям она показалась дороговатой, но тем не менее...

...Как мне рассказывают, я с самого рождения любил бодрствовать по ночам, а по утрам высыпаться. Представляю, каких нервов стоила моим родителям эта вредная (?) привычка. И сегодня каждый раз перед сном слышится одно и то же: "Погаси свет, спи..."

...Было, конечно, дороговато, но вряд ли подешевле можно было подыскать такую светлую и так хорошо расположенную комнату. Тогда меня мало волновала отдаленность кухни, проблема воды... Я ведь не стирал, не мыл посуду, не готовил обеда... В мои обязанности входило только нянчить брата. Все остальное я воспринимал как должное.

Итак, мы с братиком поселились в Цхнети. Я говорю мы с братиком потому, что родители представлялись мне тогда чем-то неотделимым от меня, необходимым, как "любимая игрушка". Только не подумайте, что я их не любил. Просто ребенок побаивается своих родителей, уважает их, любит, но никогда не задумывается над чувствами, доверяется во всем инстинктам. И

только уже с возрастом начинает все понимать и переживать.

Брат... Ну а брат, конечно же, был для меня совсем иным, первым, единственным существом, которое мне доверили, о котором я заботился, которое опекал и безгранично любил.

Приехав, мы сразу принялись изучать все вокруг. Первое, что я установил еще в пути, "наш дом" находился в Верхнем Цхнети. Прежде чем попасть к нам, нужно было пройти двор, который принадлежал брату нашего хозяина. Поначалу мне это здорово понравилось. Радовало то, что они любили друг друга так же, как мы с братцем. Вот только одно промелькнуло в мыслях: "Почему разделяет дворы узкая канава?.." Просто промелькнуло... Неловко стало и оттого, что мама предупредила: "Если кто тебя спросит, сколько мы платим, отвечай, что в день по рублю". Суть предостережения я понял позднее, когда нашего хозяина посетил "фининспектор".

Я, как обычно, отыскал уединенное местечко и принялся обозревать окрестность: фруктовые сады, стоянка машины, два дома, двое братьев, беседующих с моим отцом, стоящие напротив друг друга две женщины в пестрых фланелевых халатах, хлопчущая мама и...

I. Ну что ты стоишь как вкопанный, присмотри за ребенком!..

II. Перестань общипывать живую курицу, иди-ка, что я тебе покажу...

III. Мамочка, сегодня я приготовлю обед... Ааа... пустии, я больше не буду-уу. Пусти, я не хочу спать, а-а-а-и-и-и-и...

IV. Бессильно произнесенное мое имя со всхлипом "помоги".

Вечером я уже познакомился с племянниками "нашего домовладельца": старше меня на два года -Сосо. и на год -Нино. У наших хозяев детей не было. Как я узнал от пьяницы-соседа, "хозяин"- кобель в молодости подцепил что-то...

Я был рад знакомству с Сосо и Нино, мне казалось, что я обзавелся хорошими друзьями, но вскоре мне пришлось разочароваться. Сосо все время пытался обвести меня вокруг пальца. Так, например, он обменял свой негодный, спущенный мяч на мою настоящую подкову, причем он так бессовестно и не переводя духа перечислил мне все достоинства мяча и произвел на

меня такое энергичное физическое "давление", что я даже рта не успел раскрыть.

Второй причиной моей антипатии было его нескрываемое самолюбивое хамство и преклонение перед силой. Тогда я имел покладистый, спокойный характер. Меня надо было очень разозлить или же обидеть моего братишку, чтобы я поднял руку. Ну, а Сосо этим бессовестно пользовался, то обманывал меня, то насмехался, а то и вовсе меня не замечал. Нино была двойником своего брата - такой же самолюбивой и невоспитанной. При всем том у них была одинаковая "отвратительная" черта - они никогда не помогали мне нянчить братишку...

Кто-то может усомниться в том, что пятиклассник мог бы окрестить своих сверстников такими "эпитетами", но я и сегодня не сомневаюсь, что мы все тогда были вполне сформировавшимися людьми... А, может, я до сих пор не могу простить им и себе...

...Проходили дни. Я постепенно привыкал к окружающему, обзавелся новыми друзьями и знакомыми. Отец приезжал три-четыре раза в неделю, а иногда за продуктами, когда он уезжал в командировку, в Тбилиси ездила мама. И тогда я оставался единственным и полновластным "опекуном" своего брата. Я кормил его, раздевал, укладывал в постель и строго-настрого запрещал ему вставать. Убедившись, что он уснул, я бежал играть, но он оказывается, всего лишь прикидывался спящим, и стоило только выйти мне из дому, как он увязывался следом и, стыдливо потупив глаза говорил при всем честном народе: "Гия, скорей, пи-пи хочу".

В одну из таких поездок мама попала в автоаварию. В такси, в котором она сидела, врезались "Жигули". Маму в тяжелом состоянии отвезли в больницу. Когда мне это сказали: я даже не смог себе представить и воспринять случившееся... Шли дни, а мама не приезжала. Но у меня было такое чувство, что у нее грипп, и она не хочет с нами встречаться, чтобы не заразить... Мой братец по утрам и вечерам закатывал концерты, плакал, звал маму, но я и приехавшая из деревни бабушка быстро успокаивали его.

Всеми силами я пытался понять, что же такое произошло с мамой. "В тяжелом состоянии, бедняжка.." "Несчастливая ее мать,

горе какое... А она все держится, детей бережет... По ночам плачет...", "Осиротели ребятишки". Все это я слышал, но не мог себе представить...

В один из вечеров меня нарядили в выходной костюм, старательно пригладили волосы... Бабушка непрерывно причитала, и я вконец ошалел...

Когда меня ввели в палату, в поисках родного лица, я принялся разглядывать больных. Я искал маму... Мне непременно нужно было поскорее ее увидеть... Я дернулся к окну. В сплошь с головы до ног забинтованном свертке на больничной койке, я узнал родные глаза... Я даже не думал, что так хорошо знаю материнские глаза... А может, мне подсказал инстинкт?.. Мама не привстала, не приласкала... Она только слегка шевельнула ресницами... Я смотрел на постель и ничего не мог понять... Это была моя мама, добрая, красивая, нежная... Это была моя мама?.. Я боялся приблизиться к ней, дрожал и впервые ощутил жуткий страх утраты. Горячий жар охватил все тело, ноги подкашивались, и я с ужасом почувствовал, что не могу издать ни звука...

Кое-как я добрался до ее койки. Она смотрела, не отрывая от меня взора и... глаза... глаза... Такого беспокойного, ласкового и жадного взгляда я больше никогда ни у кого не видел...

Я проплакал всю ночь. Встал, вышел во двор, чтобы никого не разбудить и даже не ощущая прохлады цхнетской ночи, плакал, плакал... Вспоминал, мысленно ласкал ее и плакал... Не помню каким образом и очутился в постели и уснул, я ведь сказал, что прохлады не чувствовал, а может, все-таки почувствовал... а может...

На третий день я узнал, вернее, почувствовал, что мама выживет. Взрослые стали бодрее и энергичнее. Все постепенно входило в свое русло. Такая атмосфера в доме продержалась неделю, а потом у папы опять потускнели глаза. Бабушке он сказал: "Я сделал все, но... Она больше не встанет, будет прикована к постели..." Опять меня нарядили в выходной костюм, старательно пригладили волосы и повезли в Тбилиси.

...Как только мы вошли в палату, я сразу же устремил взгляд к койке. Я больше не боялся. Я знал, что она будет жить, будет жить... Мама сначала ласкала меня взглядом, потом с трудом протянула руку и положила на мою...

На следующий день мама присела в постели, потом встала, потом сделала шаг... Каждый вечер я с нетерпением ждал новостей... один, два, три, четыре, пять, шесть, семь считал я, и мечтал о новых шагах, о том дне, когда она откроет дверь и свободно войдет в эту комнату, приблизится к моей постели и приласкает, обнимет. Я постепенно оживлялся, по-прежнему стал замечать, что творилось вокруг... Словно из тумана выплыли друзья, знакомые. Опять я заметил Сосо, Нино, и опять меня стала задевать их заносчивость. Но теперь я смотрел на все иначе, переносил всё гораздо легче.

Однажды утром я сорвал яблоко во дворе Сосо и Нино. Нино увидела и выругала меня матом... обругала матом!.. Никто так не ругал меня... Никто и никогда!.. Никто и никогда! Да еще маму... Маму, которая чудом осталась жить и училась заново ходить... Не буду врать, я не помню тех чувств, которые охватили меня тогда. Я бросился за ней, спасаясь от меня, она влетела в свой дом, я ворвался следом. За столом чаевничали ее родители и Сосо. Я даже не обратил на них внимания. Она в испуге бросилась на диван и принялась размахивать руками. Я метнулся к Сосо, выхватил застывшую в его руках эмалированную кружку, подлетел к Нино и что было сил размахнулся, метя ей в голову. К счастью, кружка выскользнула у меня из рук. Я схватил лежащий там же веник, задрал ей платье и принялся неистово ее колотить... Никто меня не остановил, не издал ни единого звука... Я иступленно колотил ее, совершенно не заботясь, куда попаду. Вдобавок ко всему, вцепился ей в волосы и вырвал клочок...

Может, вы и не поверите, но я до сих пор содрогаюсь при воспоминании о моем нечеловеческом бешенстве... от беспомощного трепыхания Нино.

Никто мне ничего не сказал. Не знаю, может, ее родители все слышали... Может, она сама все рассказала и... А, может, попросту пожалели, не веря в выздоровление мамы...

Как потом я провел время в Цхнети, уже не помню. В памяти остался только день моего отъезда... Вернее, один фрагмент, когда, садясь в машину, я увидел Нино. Она стояла на пороге своего дома, на лице у нее проступали синяки.

...За всю свою жизнь я дважды поднял руку на женщину.

Вообще, я думаю...

Хочу добавить, что мама вспоминая ту аварию, каждый раз переживает за нас: "Как вспомню, так схожу с ума, как они без меня жили..."

....ЛЕВАН СЕГОДНЯ ПОТЕРЯЛ КОЛЬЦО ...

Леван потерял кольцо. Подаренное бабушкой старинное кольцо. Вернее, не подаренное, а бабушкино кольцо попавшее к нему несколько необычно.

По понедельникам лекции начинались рано. Его разбудил отец. Он с трудом продрал глаза, умылся, наполнил чайник, поставил на плиту, возвратился в свою комнату, оделся и опять вернулся в кухню.

Обнаружив на столе вчерашнюю газету, сел и принялся ее читать, В телепатию он никогда не верил, в Бога - тоже, но в тот день все словно управлялось какими-то сверхъестественными силами.

Он читал рассеяннo, почти ничего не соображая, и никак не мог сконцентрироваться. Почему-то вспомнилась бабушка по отцу, скончавшаяся шесть лет назад. Старинные фотографии запечатали ее молодость. Она была очень красивой, с аристократическими, величественными, чисто грузинскими чертами. Это и не удивительно, бабушка принадлежала старинному княжескому роду Чиковани и до революции носила титул княжны. Звали ее Мариам.

В детстве и юности она получила подобающее воспитание, ей привили манеры соответствующие титулу и образу жизни. Революция застала бабушку в "Пансионе для благородных девиц".

От Советской власти семья бежать и не собиралась, единственный брат Мариам Чиковани, старший сын в семье, был профессиональным революционером-большевиком. Позднее, одним из руководителей Аджарского ЧК. Бабушка часто вспоминала старшего брата и связанные с ним события. Годы не смогли охладить ее чувств.

По ее рассказам, он был очень красив и мужественен. От-

личный стрелок, фехтовальщик и всадник. Его исключили из седьмого класса гимназии и арестовали. Учебу он, конечно же, завершить не смог, но всегда занимался самообразованием и слыл блестяще образованным молодым человеком. Перед революцией он был в ссылке. "Нас тогда часто посещали какие-то незнакомые люди, и меня, как самую младшую в семье, настойчиво предупреждали, чтобы я нигде не упоминала о "гостях", - вспоминала бабушка.

За год до советизации он, больной чахоткой, тайно вернулся домой и так же тайно исчез за несколько месяцев до входа частей Красной Армии в Зугдиди.

В двадцать четвертом он покончил жизнь самоубийством. Перед трагедией побывал дома. Но тогда никто не обратил внимания, что он был задумчивее, угрюмее и ласковее с родными, чем когда-либо. Кольцо он подарил младшей сестренке перед отъездом. Большой материальной ценности оно не представляло. Это было обручальное кольцо из низкопробного золота. Он приехал с ним из Сибири, никогда не снимал с пальца и никому не рассказывал, где или кем оно было куплено или подарено.

Через неделю после его отъезда, пришла весть, что он застрелился. Буквально на следующий день после этой трагической вести, в Грузии произошли те известные события.

Прадед Левана отправился в Батуми за телом сына, в сопровождении какого-то родственника. Оказывается, узнав чьи останки покоились на арбе, к прадеду с почтением относились как большевики, так и восставшие. Печальный груз нигде не задерживали, напротив, всячески содействовали и помогали. Удивительно, что обе стороны выказывали такое одинаковое почтение к праху покойного. А может, им было не до того, чтобы... Впрочем знаменательна и дата, которую он выбрал для прощания с жизнью... Наверное, он много пережил, перечувствовал в те дни. Возможно, у него была какая-то информация о надвигающейся буре, не смог кого-то выдать, но и идею не смог предать или же не захотел больше участвовать в бессмысленном братоубийственном кровопролитии. Кто знает, а может что-то совсем иное, подтолкнуло его к небытию.

Леван постарался сконцентрировать внимание на газете, но тщетно. Опять перед ним предстала бабушка. Он принялся

сравнивать ее молодую, здоровую, беспечную, запечатленную на снимке, и старую, немощную, согнувшуюся под грузом забот, какой он ее и запомнил. Но ее морщинистые руки и лицо, несмотря на безжалостность времени, все равно не утратили своей привлекательности и величественности. Удивительно, но согнутая бабушка каким-то образом выпрямлялась во время беседы. Она смотрела прямо в глаза собеседнику с какой-то едва уловимой гордостью во взгляде, словно пытаясь еще раз подчеркнуть собственное достоинство и выразить свое "я". В детстве Леван как-то поинтересовался, почему бабушка принимает такое гордое выражение во время беседы. Ох и обиделась же она тогда. Ведь для нее это было настолько естественным состоянием, впитанным ею чуть ли не с молоком матери, что даже не подлежало объяснению. "Все должны уметь гордиться собой, главное, чтобы было чем гордиться", - ответила она в сердцах.

Приучала она к этому и внука, но тот, видевший перед собой лишь один подобный пример изысканных манер, "зло" пользовался этим и играл на этой ее "слабой" струне. Он часто сердил, дразнил, насмехался и изрядно портил ей настроение. Она же, как думал тогда Леван, обижалась «совсем как ребенок». Что выражалось величественным уходом и сопровождалось с презрением брошенной фразой: "Кинто!"¹

Она не любила торгашей. Но после гибели мужа на войне, ей пришлось устроиться продавщицей в хлебный магазин. Возможно, это и подорвало ее здоровье. Вспоминать эти времена она не любила. Но вряд ли потому, что гнушалась этой работой, ведь ей надо было поднимать на ноги сына. Покупателей она никогда не обсчитывала, не то чтобы обсчитать, но если бы ей даже оставили, она ни за что бы не взяла денег, считая это оскорблением.

Через некоторое время после очередной стычки, Леван входил в бабушкино "укрытие". Она, как ни в чем не бывало, начинала душить в объятиях любимого внука, что, конечно же, на остальных членов семьи не распространялось. Отец посмеивался: "И как только он умудрился так покорить мою мать!. В детстве я не засыпал допоздна и притворяясь спящим, нарочно

¹ **Кинто** - мелкий торговец в старом Тбилиси.

сбрасывал с себя одеяло, чтобы она подошла. Она тихо подходила, осторожно укрывала и только тогда могла приласкать. В эти редкие минуты я был самым счастливым ребенком на свете". Когда ее спрашивали почему она в такой строгости растит сына, отвечала: "Мужчину нельзя нежить ласками, от этого только вред". Но с внуком она забыла об этом жизненном правиле, с ним она стала покорной и "безропотной".

Почти вся мизерная пенсия бабушки была в распоряжении Левана. Ежедневно она выделяла ему по пятьдесят копеек. Никогда не отказывала, если он просил добавить, не выпытывая, для чего ему нужно. Почти всегда Леван сам говорил ей на что понадобились деньги, и до сих пор не может понять, как она его к этому приучила.

Однажды мама высказалась: "Пожалуйста, не развращайте его деньгами, ну, а если даете, то хоть поинтересуйтесь на что он их тратит!". "Нужно приучать, чтобы он сам говорил, а если не сказал, значит, не счел нужным!" - отрезала бабушка.

"Мужчине, даже ребенку, нужно доверять. А если он этим доверием дурно воспользуется, выходит, сами виноваты, не смогли научить на собственном примере, не смогли воспитать. А если каждый раз, протягивая ему деньги, выпытывать цель, испугается, что могут не дать, и даже позволит себе ложь. Вот тогда и испортится, полюбит деньги, станет их рабом.

Каждый день, по мере возможности, учитывая возраст, нужно давать, чтобы он не почувствовал себя в чем-то ущемленным. Они же все видят: кому-то дают больше, кому-то - меньше. Понимают, что не все живут одинаково, не у всех одинаковые возможности. А если увидит, что возможности имеются, но, опять-таки повторяю, с учетом возраста, не даешь, подумает, что скупись. Вот тогда полюбит он деньги. Сочтет, что главное в жизни - копить их. И станет жалким рабом банкнот и скрягой!.."

Бабушка прекратила монолог и улыбнулась, поняв, что вышло резковато.

"А вообще, ты права, - добавила она мягко. - Контролировать нужно обязательно. Не волнуйся, он сам говорит на что тратит.., Лишнего я не даю, да и откуда у меня.. Не сердись..."

Мысли Левана прервал отец. Он как ошпаренный высо-

чил из ванной, с наполовину выбритым лицом и принялся панически стаскивать кольцо с пальца: "В-возьми с-себе!" Леван оторопело уставился на него и пробормотал: "Почему?".

Ответ был какой-то неопределенный, неубедительный.

"На что оно мне сдалось. Ты молодой, ты носи..." - сказал отец и стремительно исчез. Леван сидел в полной растерянности, пытаясь объяснить происшедшее, подобное поведение отца. Надел кольцо на палец, встал, пошел в свою комнату, сбросил туфли и прямо в одежде растянулся на постели. Его зазнобило и он залез под одеяло.

В последний год жизни бабушка трижды болела воспалением легких. По стечению обстоятельств, дважды они были дома одни. В первый раз родители путешествовали где-то за границей, во второй раз были по каким-то делам в Москве. В принципе, это не имело какого-либо значения. Все равно, кроме Левана никто не мог за ней ухаживать, никого она не слушалась. Почувствовав небольшое облегчение, всегда тут же вскакивала с постели и устраивалась у окна. В последнее время, наверное от тоски, это было ее любимым занятием. Или же одевалась и прямо в одежде, ничем не укрываясь, ложилась на постель, из-за этого у них происходили постоянные ссоры. После больших "баталий" рассерженная бабушка с возгласами: "Кинто! Кинто!" вынуждена была подчиниться, и прием лекарств представлял огромную проблему, она страшно не любила эту процедуру. Вечно что-то придумывала: это - кислое, это - горькое, от этого - аллергия и т.д.

Но было у нее одно исключение. Бабушка очень уважала "цитрамон". Постоянно носила его в кармане и глотала, наверное, в день по десять штук, И все время напоминала домочадцам, чтобы не забыли купить.

Однажды у нее начались проблемы с пищеварением. Она, конечно же, никому об этом не сказала, но все сразу заметили ее страдания. Как всегда утром наказала сыну "цитрамон" и вечером отец принес в стеклянном пузырьке какие-то таблетки, смахивающие на "цитрамон". "Не было фабричного и пришлось изготовить в аптеке. Больше не дали", - извинялся он перед матерью. Сыну же признался: «Это слабительное, всего 10 таблеток, ничего страшного, за день она все выпьет и ей полегчает.»

На следующий вечер семья в очередной раз прослушала восторженный "гимн-дифирамб "цитрамону", еле сдерживая хохот.

Он так уверовал в выносливость бабушки, в ее бессмертие, что даже не испугался, когда она в третий раз слегла от воспаления легких. На сей раз родители были дома и поэтому не уделял ей уже столько времени. В один из тех дней к нему заглянули друзья, сыграли сначала в карты, а потом вдруг намылились в ресторан. Мама куда-то на минутку вышла, а то бы все могло закончиться ее истерикой. Одолжили деньги, договорились с кем-то по телефону. Перед уходом он заглянул к бабушке. Она выглядела сравнительно лучше, приласкала внука и заметив, что он куда-то собирается, взмолилась, чтобы не пил. Леван засмеялся, ответив, что как раз сегодня и собирается этим заняться и предупредил ее, что возможно "очень опоздает". Никакие уговоры не возымели на него действия и, он, крепко расцеловав ее, поскорее унес ноги.

Предположения оправдались, гулять решили до рассвета, у одного из друзей. Выйдя из ресторана, поймали две "тачки", в одну машину столько народа не помещалось. Проезжая мимо своего дома, он, словно что-то предчувствуя, решил на минутку заглянуть домой.

Торопливо взбежав на свой этаж, чтобы не будить бабушку, позвонил в дверь соседям, которые всегда были в курсе происходящего у него дома. Было уже поздно, около двенадцати, но он знал, что соседи так рано не засыпают. Дверь никто не открыл. Тогда, стараясь не звенеть ключами, бесшумно открыл дверь своей квартиры, внимательно прислушиваясь, на цыпочках прошел по прихожей и остолбенел. Соседи суетились вокруг бабушкиной постели. Родителей не оказалось дома, они тоже, ничего не подозревая, были где-то в гостях.

"Вместе смотрели телевизор, я вышла на каких-то пятнадцать минут, захожу и..." развела руками соседка, тяжело вздохнув и, не закончив фразы, Леван моментально протрезвел, кинулся к постели, издавая нечленораздельные звуки. Бабушка была еще теплой, глаза у нее были раскрыты, Левану померещился в них какой-то едва уловимый проблеск жизни и он принялся массировать ей грудь, выкрикнув, чтобы скорее позвали друга, ожидающего в такси. Кто-то пришел на помощь. Леван

вдувал бабушке воздух, сосед принялся массировать. Вскоре соседа сменил друг. Оба действовали на пределе, друг обливался потом, лицо Левана было забрызгано пеной из бабушкиного рта. Он даже не заметил этого, не побрезговал... Только страх, страх утраты подстегивал его.

Долго они так промучались, наверное, час-полтора. Остальные же тихо наблюдали, один из них не выдержав пробормотал: "Ни-чего не поможет, она мертва". Леван грязно выругался и велел ему убираться... Нет, он не верил... Всмотрелся опять в ее глаза. И в этом застывшем взоре родных глаз ему все равно чудились искорки жизни. Не могли эти глаза быть неживыми, не могла угаснуть в них гордость... При том... При выходе вдохнутого им же самим воздуха тело издавало какой-то хрипящий звук. "Посмотрите, она жива, жива!" - бесновался Леван.

"Неотложка" приехала, как всегда, "вовремя", через два часа после вызова. Только тогда Леван отошел от бабушки, полностью доверившись им. Его вывели. Вскоре врач, молодой мужчина лет тридцати, сообщил, что ее больше нет. Спустя некоторое время он заговорил с Леваном то ли о каких-то документах, то ли о вскрытии трупа. Но Леван ничего не слышал, стоял пораженный, ошеломленный, без единой слезинки, словно слезы, все это время ручьем заливающие лицо, вконец высохли. Врач легонько встряхнул Левана и принялся снова что-то говорить, что именно он не запомнил, но помнит, что страшно оскорбился. Вдруг у него снесло крышу и он вцепился обеими руками прямо в горло врачу, решив тут же его придушить. Все кинулись его оттащить, испугавшись, что несчастный врач не выдержит и распрощается с жизнью. Но внезапно Леван как-то обмяк, вырвался из придерживающих его рук и со слезами на глазах, еле волоча ноги, вернулся в комнату бабушки. Друг и соседка по площадке последовали за ним. Он попросил оставить его одного. Они что-то ему сказали, но он ничего не слышал.

Леван выпрямил бабушку в постели, поправил удобно подушку, укрыл ее одеялом. Он только сейчас заметил, что врач даже не закрыл ей глаза. Опять начал вглядываться, но увы, жизнь в ней и правда угасла. Только сейчас он осознал, поверил, что бабушки больше не было, бабушка скончалась и навеки их

покинула... Угас и исчез в вечности ее гордый, величественный взгляд... Он ласково поцеловал в лоб все еще не остывшую бабушку и вышел. Он смутно запомнил, когда пришли родители, как прошли остальные дни. Делал он все в те дни машинально.

Леван заснул. Спал без всяких сновидений. Три часа провалялся как бездыханный. Проснулся он словно от внезапного сильного толчка, открыл глаза, быстро пришел в себя. Вспомнил все утро: как встал, как пытался читать газету, странное поведение отца и опять вспомнилась бабушка.

Когда с ней случилось воспаление легких во второй раз, в один из поздних вечеров он сидел в лоджии и что-то писал. Думал, что бабушка спит, но она позвала его. Он откликнулся не сразу. Она выглядела бодро, было видно, что ни на минуту не смыкала глаз. "Возьми из моего ящика свечу, - попросила бабушка. - Сходи на кухню, принеси мне хлеб и спички". Леван быстро исполнил ее желание. Она попросила потушить свет, зажгла свечу, прикрепила ее к хлебу и заставила его держать. Леван хотел что-то ехидно заметить по этому поводу, но посмотрев на бабушку смешался. Такого покорного воле лица, без малейшего намека на гордыню он никогда у нее не замечал. Она всей душой отдалась во власть Господу, что-то горячо прося и вымаливая у Него. Он разобрал только первую фразу: "Господи, спаси и помилуй сына моего, семью его, его отпрыска внука моего..." Потом, самозабвенно шептала какую-то молитву, бормоча минут десять-пятнадцать, пока свеча почти полностью не истаяла. Некоторое время она бессильно пролежала, закрыв глаза, а потом, словно очнувшись, попросила оставить на столе хлеб и выйти. При этом она поцеловала внуку руку, не подпустив к себе для ответного поцелуя, чтобы ненароком не заразить.

Леван встал и начал искать в книжном шкафу откуда-то принесенную бабушкой, изданную за границей книгу "Новый Завет и Псалтирь". У них была большая богатая библиотека. К сожалению, из дедушкиных книг мало что осталось. Во время войны часть книг ушла на топливо, а часть была продана. Но отец Левана, видимо, по перешедшей к нему по наследству любовью к книгам, собрал богатейшую библиотеку, состоящую, в основном, из художественной, мемуарной и политической литературы. Каждая появившаяся в доме новая книга прочитыва-

лась, а потом словно растворялась в огромном количестве других.

Новый Завет он отыскал удивительно быстро и принялся бегло просматривать, кое-где задерживаясь.

Хвала Давиду, 144

"Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царю мой, и благословлять имя Твое во веки и веки".

"Велик Господь и достохвален, и величие Его неисследимо.. Род роду будет восхвалять дела Твои и возвещать о могуществе Твоем".

"Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине".

"Уста мои изрекут хвалу Господню, и да благословляет всякая плоть святое имя Его во веки и веки".

Аллилуия, Аггеа и Захарии, 145

"Буду восхвалять Господа, доколе жив, буду петь Богу моему, доколе есмь".

"Господь разрешает узников. Господь отверзает очи слепым, Господь возводит низверженных, Господь любит праведных. Господь хранит пришельцев, сира и вдову примет и путь грешных погубит".

Леван прилег, открыл книгу на первой же странице и начал читать.

С этого дня он поверил в Бога, даже не задумываясь, что могло так на него повлиять. Видимо, весь тот день был для него особенным, каким-то необычным.

Он почти всегда понимал, когда грешил перед своим и бабушкиным Господом, и все равно не переставал делать то, что было противно его религии, умудряясь забывать о вере. А когда вспоминал, тихо себя ненавидел и бормотал молитву:

"Помилуй меня, Боже, помилуй меня,

на Тебя уповаает душа моя..."

Кольцо он носил не снимая, но в конце концов ему осточертел повышенный интерес знакомых к его личной жизни, все, как сговорившись, спрашивали одно и то же: "Ты что, женился?" С пальца он его снял, но все равно не расставался: носил то в кармане, то в сумке. Однажды, попав в неприятную историю, начал зачем-то искать кольцо, но безуспешно. Оказывается, оставил его дома. С тех пор вообще старался никогда не расставаться со своим (в чем он был уверен) талисманом.

... А теперь, кольцо потерялось. Он не мог себе простить: "Не нужно было снимать его с руки. Да какая мне была разница, что думали другие, за женатого принимали или за холостяка".

Кольцо лежало в кармане его черной кожаной сумки. Когда он в тот роковой день пришел домой, рухнул на постель, не раздевшись, и так и проспал до утра. И хотя будильник был заведен на восемь утра, он с трудом оторвал голову от подушки. Кое-как встал, нехотя умылся, побрился, лениво позавтракал и вернулся в свою комнату. Надо было куда-то позвонить, раскрыл сумку, чтобы достать записную книжку. Коробка из-под сигарет была разорвана, сигареты рассыпались в сумке, вышел на балкон вытряхнуть табак, перевернул сумку и вдруг что-то звякнуло. Кольцо покатилося по балкону и скатилось вниз. Он как сумасшедший выскочил во двор, долго искал его, обшарив все чуть ли не по миллиметру, но безуспешно. Так ни с чем возвратился домой. Мама, почувствовав что-то неладное, пристала с расспросами. Сначала отмалчивался, но - в конце концов сказал и от этого ему стало еще хуже, расстроились нервы, к горлу подкатил предательский ком, и он с трудом сдерживался, чтобы не заплакать. "Может, скатилось на чей-нибудь балкон", - предположила мама. Теоретически этот вариант был возможен, но... Они жили на пятом этаже, никого из соседей не застали дома. Во всяком случае, у Левана затеплилась хоть какая-то надежда...

Он оделся и вышел из дому. В подъезде наткнулся на Ани, совсем забыв, что должен был с ней встретиться. Он тут же придумал какой-то повод, Ани поняла, что от нее вежливо отделились, возможно, и обиделась, но не произнесла ни слова. Сносила она от него немало подобных выходов. Если честно, то мало сейчас таких симпатичных девчонок, вернее, почти не оста-

лось, которые ничего не требуют взамен от любимого человека. Любят сами и этого им достаточно. А если это и не так (в глубине души все же на что-то надеются), то до самого конца цепляются за свои чувства и нередко способны даже на самопожертвование.

Для Ани Леван порядочный, добрый, ласковый, талантливый, но очень загадочный парень, со сложным, неуравновешенным характером. Загадочность часто вызывает интерес, распаляет чувства, Ани думает, что и Леван любит ее, но только как-то по-своему. Понимает и то, что такие люди не способны приносить "прочное счастье". Вечно суетятся, всегда что-то ищут, мучаются, мечаются. Порою они и сами не могут сказать, что их беспокоит, что ими движет и что тревожит душу. Небесталанные, интеллектуальные, с высоким коэффициентом внутренней энергии, они редко достигают в жизни вершин. Они рассыпаются, распыляются, растрачивают силы и постепенно замыкаются в себе. Большинство из них, очутившись на самом дне, обессилев от своих и чужих грехов, так и умирают неисправимыми мечтателями.

Если же хватает сил обуздать свои эмоции, становятся вялыми, равнодушными, комфортно устраиваются по жизни, но зато духовно и морально умирают.

Редко, кому удастся избежать этих двух путей, А если кому-то удастся это сделать, то значит, он достиг самых вершин мироустройства, ведет за собой человеческую мысль, намного опережая время.

И в первых двух случаях встречаются исключения. Человек погрязает на дне, но все равно не теряет способности сохранить в себе кристальную честность, духовную чистоту, творческие способности. После смерти, ухода в мир иной, или же в последний момент, когда уже не интересуют лавры, имя, уважение, материальное, физическое благополучие, родители, друзья, любовь, дети, - вот тогда и раскрываются для нас их талант, гениальность, мысли.

Гораздо реже, ловко устроившиеся в жизни, материально обеспеченные, но все же никогда не испытывшие настоящего счастья, морально как-будто мертвые, воскресают после какого-то жизненного стресса, и за счет старой внутренней энергии

достигают вершин совершенства. Но чаще, исключение составляют, в основном, служители искусства и ученые - фундаменталисты, Остальные же... Погибают, исчезают, не принося вселенной никакой пользы.

Леван долго бродил по городу. Бродил бесцельно. Опыренный чрезмерными переживаниями, шел, никого не замечая, никем не интересуясь. Постепенно он начал приходить в себя. Принялся разглядывать, разгадывать, изучать прохожих. Кто-то торопится, спешит, кто-то еле волочит ноги, По его мнению, никто нигде не может так красиво заниматься "ничего-неделанием" как в его родном, сладко до боли любимом Тбилиси. Как и везде во всем мире, все люди разные - и по настроению, и по одежде, и по интеллекту, и по образованию. Кто весел, кто мрачен, хмур, задумчив, несчастен или же "вечно" безумно счастлив. Но вряд ли, где-нибудь еще в мире встретится столько темпераментных, эмоциональных, иногда не больно высокого уровня, но все равно имеющих свое индивидуальное "я", людей. И если дать им свободу, настоящую свободу фантазии, мечты, слова, научить выслушивать друг друга, научить уважению иной мысли, пусть даже не всегда верной, сплотить их вокруг одной главной цели, они способны на плодотворное созидание. И не только во благо своей Родины, но и всего человечества, всей планеты...

Вдруг он невольно улыбнулся, какой-то амбал продавал пирожки. И правда, куда катимся. Вконец разленились. Он это и на собственном примере осознает. И это тогда, когда ушли в далекое прошлое времена силы, оружия. А сейчас вся сила в умении шевелить мозгами и работоспособности, и враг если одолеет, сможет взять нас только нашей ленью.

Ведь раньше, во времена бесконечных вражеских нашествий, несущих за собой беспредельное горе и жестокое разорение, нельзя было "приспособиться" к жизни без упорного труда, без единой цели. Наверное, застолья и тогда любили не меньше, но для этого оставалось слишком мало времени. Может, по природе своей грузины и тогда были ленивыми, вот только на лень времени не оставалось. Вспомнились слова из "Нового Завета": ели, пили, жен приводили, замуж выходили, пока Ной не вступил в ковчег. И потом случился потоп и сгубил всех. Кто-то его

окликнул. К нему направлялся его однокурсник Гоги, вконец с испитым лицом.

-Д-деньги есть?

-Нет!

-Ты тоже, видно, с похмелья... Слушай, где тебя вчера носило,я несколько раз звонил. Хороший вариант "наклонился". Важа поволок нас к "Мэрсику"... упились водкой... Пошли в институт, у моих ребят "бабки слуплю". Пивка попьем, если еще и на "хинкали" наскребем, так вообще "лафа" будет.

-Ты лучше на лек-ци-ях бы посидел маленько... А то опять вылетишь...

-Иди ты... Тебя только не хватало... Неохота! И "Слон" обещал прийти к нашему корпусу. Выпендривался вчера, что у него отличное домашнее вино есть...

Леван сослался на какие-то дела. Гоги понял, что от него отмахнулись, но не обиделся, за пятнадцать лет знакомства он привык к странным выходкам друга.

-Ладно, я тебе звякну или сам завтра выходи на связь. На сегодня я исчезаю с горизонта, -бросил он и побежал искать средства для "успокоения организма",

"Кольцо!" - молниеносно пронеслось в мыслях. Кольцо потерял. Представил, как тридцатилетний молодой, красивый, обреченный брат дарил сестренке последнюю память о себе. А сам... Надоели расспросы!.. В кармане носил, в сумку совал!!! Боже, хоть бы закатилось на чей-нибудь балкон, хоть бы мама нашла... Пошарил в карманах, достал "двушку" и принялся искать взглядом телефон-автомат. Он висел рядом, в метрах десяти. Позвонил домой, но к телефону никто не подходил. Слезы навернулись на глаза, он крепко стиснул зубы,чтобы не зарыдать здесь, посреди улицы. Вдруг ему захотелось выпить, расслабиться, забыть обо всем. Он пошел следом за Гоги, но тот уже исчез. Заметил знакомых девочек, подошел, торопливо поздоровался и попросил одолжить ему денег. К счастью, у одной из них случайно оказалось сто рублей, он взял все, поблагодарил и рванул к институту на поиски Гоги. Прошел порядочное расстояние, но вдруг передумал перехватывать Гоги. Захотелось посидеть и выпить одному, в том ресторане, где он был в день бабушкиной кончины.

Зал был пустым. Никого, кроме раскормленных официантов, не было видно. Он принялся взглядом искать то место, где они сидели в тот злополучный день. Давно его здесь не было, столы уже расставлены совсем по-другому.

Он сел в углу. Лениво подошел официант и принялся было перечислять "меню". Леван не дав ему даже раскрыть рта, пристально посмотрел ему в глаза и процедил:

-Жареную картошку, помидоры, огурцы, сыр и водку. 500 грамм!..

-Картошки...

-Ищите, где угодно!!! - повысил он голос и официант, не издав больше ни звука, быстрым шагом направился к кухне.

Подобная агрессивность Левана вышла на пользу. Заказ принесли, не заставляя долго ждать, и он опрокинул залпом несколько рюмок...

Опять вспомнилось кольцо. Может, мама найдет?! Конечно же, виноват, грешен. В Бога уверовал, а для очищения души ничего не сделал, ничего!.. Вдвое грешен, чем раньше, тогда не понимал, что творил.. Не понимал, а сейчас... Опять несколько рюмок осушил залпом.

Он даже не заметил, как заняли соседний стол. Это были юноши, восемнадцати-двадцати лет, вероятно, завсегдатаи. Трое официантов ураганом носились взад-вперед, заглядывая в глаза молокососам с холопской, заискивающей улыбкой. Стол им накрыли молниеносно. "Если и не завсегдатаи, то наверное, в ком-то из них узнали сыночка какой-нибудь "шишки" - вяло подумал Леван.

Наконец-то официанты оставили в покое соседний стол, заискивающе улыбаясь, предупредили: "Если что понадобится, позовите!" Ох, как ненавидит Леван подобное, Подонки, готовы ради денег стлаться под ноги кому угодно, позволить вытереть чужую грязь о собственное тело.

За соседним столом разгорелся ожесточенный спор. Они кого-то осуждали. "Аще воистину ибо правду глаголете, правая судите, сынове человечестии?.." - пронеслось в мыслях у пьяного Левана. Засмеялся: "Откуда я знаю о чем они говорят, причем тут это", В голове закружились сумбурные мысли. Он даже вспомнил соседскую любовницу. Хорошо бы подцепить ее где-

нибудь одну. Вдруг он одернул себя, и еле ворочая языком про-
бормотал: "Не ревнуй спеющему в пути своем человеку,творя-
щему законопреступление". Он расхохотался, как-то неестест-
венно дергая головой. Сознание совершенно помутилось. Он
осушил последнюю рюмку и отбросил от себя пустую бутылку.
Ему вдруг показалось, что парни слишком громко говорили и он
взревел: "Не видите,что думать мешаете человеку!" Ему что-то
ответили, он грязно выругался и привстал. К нему подлетели
официанты, но ребята быстренько их убрали, предупре-
див,чтобы не встревали не в свое дело. Кто-то из них подошел и
что-то спокойно ему сказал. Леван опять грязно выругался. Па-
рень разозлился, схватил его за шиворот и попытался вытащить
вон. Леван высвободился, громко расхохотался и последовал за
ним. По дороге изрек: "Бог мой, милость Его предварит мя, Бог
мой, явит мне вразех моих".

Вдруг он пришел в себя. Протрезвел от своих же слов. По-
нял, что они были произнесены совсем не к месту. Тем более,
для него, верующего, это грешно. "Извинюсь перед ними", -
осенило его во дворе. В чьей-то руке зловеще блеснул раскры-
тый нож. Леван не испугался, вернее, не успел. Мысли опять
переключились на потерянное кольцо: "Мама, наверное, при-
шла. И соседи уже дома. Господи, хоть бы нашла... хоть бы на-
шла..."

На улице ему указали на укомное место. Он вспомнил о
ноже, но опять переключился на кольцо: "Извинюсь, ничего
страшного... Интересно, нашла?! Потеря кольца, моего талисма-
на был знак свыше, предзнаменование Господне, чтобы я при-
шел в себя. А я... Вот и поделом мне... Интересно, нашла?! Бо-
же милостивый, помоги ей найти!.."

БОЛЬНОЙ

Все наши больницы, какими бы ухоженными они ни вы-
глядели, страдают общим недостатком - чрезмерно "аскетиче-
ским" однообразным оформлением. Стоит только попасть туда,
как даже совершенно здоровый человек начинает предаваться
горьким раздумьям, теряет прежний оптимизм и весь мир пред-

ставляется ему серым и безрадостным.

Михэил Дгебуадзе лежал в отдельной палате. По той причине, что, во-первых, был тяжелобольным сердечником, а во-вторых, был известным, заслуженным, "неудобным" журналистом. Эти обстоятельства и помогли попасть ему "престижную" больницу с «царскими» условиями. К тому же, заведующим кардиологического отделения был друг детства Варлам Никобадзе.

Первый раз в жизни понадобилось ему, сорокапятилетнему мужчине, помощь Варлама Валерьяновича (как обращались к нему сотрудники), или Валико (как звал его он сам). До сих пор было иначе. Оба помнят, как поднял голос в защиту молодого врача, еще совершенно никому не известный, начинающий журналист. Не забыли они и то, чего им это стоило. Противником был маститый ученый, известный академик с "большими" связями. Несмотря на бесспорное подтверждение факта, доказательство неверного диагноза "мэтра" и дальнейших разумных, правильных действий начинающего врача, он не смог восстановить друга на работе. Более того, и его вынудили уйти из газеты. Позднее Валико понадобилась для своей раскрутки небольшая реклама. И тут Миха, как звали его друзья, развернулся. Напечатал одновременно в нескольких газетах статью, посвященную новому методу Варлама Никобадзе. Михэил даже дальновидно подключил к дискуссии оппонентов, ничуть не сомневаясь в таланте и профессионализме своего друга. Он понимал, что трудно пойти против очевидных фактов. В начале полемики он как бы стушевался, дав тем самым воспрянуть духом их давнему знакомому "мэтру", который решив, что дела их плохи, решил сокрушить Варлама тяжелой артиллерией, опубликовав уничтожающую, злобную, без каких-либо весомых аргументов и, к тому же, бездарную статью. Этим-то и воспользовался Михэил. Он ознакомил с содержанием пасквиля самых известных авторитетов в этой области медицины. Тонко понимая, что большинство из них недолюбливало автора бездарной статьи и дилетанта от науки, добился от своих "новых друзей" встречного ответа со страниц центральной прессы и полного разгрома "мэтра". Таким образом, он убил одновременно двух зайцев. Во-первых, научная полемика и блестящая победа при-

несли Варламу известность в медицинских кругах. Во-вторых же, престиж оппонента заметно дал сбой и он навсегда исчез с горизонта его друга.

Много подобных дел проворачивал Михэил. Он пользовался славой скандального, талантливово журналиста. Читатели отдавали ему должное: врагу не пожелаешь попасться ему на перо, вмиг сметет с пути как пылинку.

Конечно же, он и не претендует на образ святого, но безвинных старается не притеснять. Иногда, в крайне редких случаях, несимпатичная ему личность может немного несправедливо стать его мишенью и тогда... Но к подобным методам он прибегает исключительно «ради большого дела», либо для оправдания позиции своих друзей.

Он не брезгует «подъехать» к какой-нибудь "нужной персоне" или должностному лицу, посвящая целые дифирамбы его "заслугам" в своих статьях. Правда, такое случается очень редко и слишком дорого стоит. Либо это должно быть дело национальных масштабов, либо же... Идет он на это исключительно ради крупной выгоды для своего окружения, и никто еще не смел его кинуть. Это о таких говорят: никакой должности не занимает, но вмешивается в политическую жизнь республики. Попробовал бы кто-нибудь не напечатать что-нибудь из его статей или восстановить его против себя... Слишком широкие у него связи в союзной прессе. Все известные журналисты и писатели - его друзья. Трудно противоборствовать человеку, не обращающего внимания ни на какие нападки. Терять ему нечего, должностей не занимает, званий высоких не имеет. А разного рода критика в его адрес, травля, брань, только повышают его авторитет, делая его противников еще более уязвимыми. Ведь в нужный момент он способен обрушить на противника такой удар, что тот никогда больше не сможет оправиться и превратится в "политическую мумию".

Утром его навестила семья. После инфаркта он первый раз встретился с родными. До сих пор Варлам строго-настрого запрещал подпускать к Михэилу кого бы то ни было. Больному был необходим абсолютный покой. Из реанимационной его сегодня перенесли в эту палату и Варламу пришлось уступить просьбам.

Жена показалась ему вконец надломленной. Она невесомо присела на его кровать и принялась рассказывать новости. Постепенно она оживилась, похорошела. Тяжко молодой еще женщине, такой верной и преданной оставаться одной. Сколько трудностей пришлось им вместе пережить. А сейчас она, видимо, гордилась мужем, собой, своей преданностью. Микхэл прекрасно понимал и ценил все это и поэтому в узком дружеском кругу он, к радости жены, всегда подчеркивал ее незаменимость в семье.

Если бы не болезнь мужа, то можно было бы сказать, что в ее жизни настала самая счастливая пора. Нужда осталась позади, семья окрепла, встала на ноги. Еще молодая, полная жизни, привлекательной наружности женщина, готовилась стать вскоре бабушкой. Младшая, любимая дочь Микхэла, в восемнадцать лет выскочившая замуж, ждала ребенка. И старший сын собирался вскоре обзавестись семьей. Радовалась супруга, радовалась его любимая Тэона, если бы не этот проклятый инфаркт...

Она совсем растерялась, словно чувствуя, как почва уходит из-под ног. Она и не думала о возможном ударе по материальному благополучию, как раз это семье не грозило. Специалист по иностранным языкам, она в совершенстве владела пятью и время от времени занималась переводами. Подрабатывала репетиторством, у нее всегда было 2-3 ученика. Нужды она не боялась, уже ее испытала, и если бы пришлось, смогла бы перенести и больше. Но она никак не могла себе представить ни дня без любимого человека...

Поговорила с мужем и тревога немного отпустила ее, опять затеплилась надежда. Погасшие от нервного напряжения и бессонницы глаза немного оживились. Валико рассказал, что пока не прошел кризис, она дневала и ночевала перед реанимацией, предложил отдохнуть ей хотя бы в своем кабинете, но встретил такой отпор, что... И только когда решили поместить его в обычную палату, она ненадолго отлучилась домой. "И там наверное не смогла найти себе места" - с щемящей нежностью подумал Микхэл и ласково погладил ее по руке. Сейчас, в эту минуту он как-то совсем иначе, острее что ли ощутил эту жизнь, всех своих близких и вообще людей. Любовь, вселенную, чело-

вечество. "Боже, Боже, какие все красивые и добрые! Как я их всех люблю!" - стучало в голове. Все остальное казалось ему пустым и суетным. "Почему не можем мы, люди, быть счастливыми? Что нам мешает, какие противоречия движут нами, какие проблемы... Мы сами создаем барьеры, спорим... И спорить мы не умеем... Не успокаиваемся, пока не уничтожим противника... Я и сам не исключение... Боже, сколько грехов на наших душах"...

Он взглянул на сына. Дочь уехала на отдых и ей ничего не сообщили, решив не расстраивать. "Как возмужал, вымахал, сын... Вот только слишком эмоционален. Эмоционален... Трудно придется ему в жизни. Ну ничего, свыкнется... Скоро уже поумнеет... И талантлив... Природа наградила его поэтическим даром. Правда очень доверчивые у него стихи, но зато хрупкие, нежные... Труд... Много труда ему еще придется вложить... Ничего страшного, вскоре он сам поймет что к чему. То, чего я не смог сделать, он должен... Я не смог предать семью, нужда заставила и вместо вынашиваемых в себе романов, повестей, рассказов я занимался публицистикой и журналистикой... В этом, разумеется, нет ничего плохого. Только нужно хотеть... А я желал совсем другого... Но не смог, появлялись тысячи различных дел... Я должен был сам проторить себе дорогу, сам встать на ноги. Для этого дела нужно жертвовать всем... Нужно работать, не думая ни о чем другом... Я еще в детстве лишился отца, а у него есть, я есть!..."

Сын принялся рассказывать новые анекдоты, чтобы развеселить отца. Михэил смеялся от души, но каждая волна смеха глухой болью отдавалось в сердце. Бабушка стала выталкивать внука из палаты. Парень "сопротивлялся", шутил, душил ее в объятиях и увертывался. В конце концов он подчинился ее желанию, расцеловал отца, пообещав нагреть с раннего утра и исчез. Мать с бабушкой заподозрив, что он собирается на радостях выпить, выскочили за ним в коридор, в один голос предупредая не делать этого и не сводить их с ума. В ответ услышали его веселый смех и "честное слово".

Вскоре ушла и жена. Остались Михэил с матерью. Она села рядом с сыном и легонько прижалась к нему.

"И все же, сколько в ней такта... Все это время держалась в

тени... Дала невестке успокоиться, насладиться общением с мужем. Нет, такие люди уже не рождаются... Как она состарилась. А ведь я раньше и представить себе не мог, что она когда-либо постареет... Моя болезнь окончательно ее сломила... А вообще старается держаться по-прежнему... Mamochka, моя красивая, любимая мамочка... Самая красивая и самая добрая...".

Нахлынули воспоминания. Однажды он сидел у окна и ждал родителей. Наконец, они появились, нагруженные тяжелыми сумками с рынка. Позже он узнал, что у них даже не осталось мелочи на транспорт.

Дед Михэила стал жертвой репрессий 30-х годов, как "националистический" элемент, и аргентинский, бразильский, английский и эфиопский "агент". Помнится, после войны у отца был один-единственный пиджак, а у матери - единственное платье, смастеренное ее же руками из привезенного отцом "трофейного" материала. Платье было очень красивым, но почему-то очень быстро сносилось и вылиняло от стирки. Многие им завидовали, и до сих пор удивительно, что семью с такой биографией, хотя бы из зависти, не записали в "гвинея-бисайские" агенты и не обвинили в меньшевизме или же покушении на Сталина, Молотова, Ворошилова.

Была дождливая, слякотная погода. Внезапно на огромной скорости промчалась "эмка" "НКВД" и обляпала с ног до головы грязью родителей Михэила. В машине сидел веселый офицер и какая-то девица, они даже не соизволили оглянуться. Михэил никогда не забудет, как окаменели родители. Отец оглядел себя, затем перевел взгляд на жену и увидев ее забрызганное грязью лицо, замычал от горечи и бессилия, побросал сумки, прислонился к стене и заплакал. Мать в испуге кинулась к нему и принялась ласково успокаивать, боясь, чтобы он не проронил в гневе "ничего такого". А потом, потом Михэил никогда не забудет, как мать, ползая на коленях, принялась собирать вывалившиеся в грязи картошку, зелень, огурцы. На коленях... Его достойная царственности мама... Нет, этого он не может забыть... Бессильное рыдание отца и маму на коленях... 16 апреля 1949 года навсегда врезалось ему в память.

Не забыл и того, как обманули его убитую горем семью трое пройдох...

В пятидесятом году, отца Михэила, архитектора по профессии, направили на работу в Магадан. Перебрался он туда с семьей. С первого же дня выхода на работу, человек надломился. Он все время твердил, что люди, которых считал своими учителями и корифеями науки, работают у него бригадирами или же рабочими.

На следующий день после зарплаты он выходил из дому "потолстевшим". Прятал под шинелью сигареты, сахар, чай. А вечером приходил еще более разбитый и уставший от напряжения, чтобы никто не увидел и не донес...

В сознании Михэила запечатлелся еще один эпизод тех лет. Он шел по улице Магадана и вдруг услышал знакомый грузинский, любимый его матерью мотив песни. Он огляделся, пытаясь отыскать среди прохожих родное лицо соотечественника. Не найдя, крикнул во весь голос: "Кто здесь грузин?". Мимо него автоматчики гнали арестантов. Грузин оказался среди них. Чуть с ума не сошел от радости, бедняга, рванулся к Михэилу, словно к родному сыну... Никогда он не забудет бессильный вскрик: "Я грузин! Слышишь, парень?! Я...". Его не подпустили. Автоматчик пнул его обутую в потрепанный пыльный сапог ногу и подтолкнул прикладом. Не подпустили и Михэила, бесцеремонно и грубо оттолкнув его...

-Ты кто, сынок, откуда?

-Из Тбилиси, дяденька...

-Как там дела, сынок...Что там происходит...

-Хорошо, все хорошо... Может хочешь что-нибудь кому-то передать...

-Нет!.. Никого у меня там не осталось... Все здесь... Иди, сынок, а то может... иди!

Михэил все равно не отставал от арестантской колонны. Он прошагал с ними километров пять. Автоматчики успокоились, почему-то больше не отгоняя его, но и не подпуская близко.

-Дяденька... почему...

-В плену был, сынок...

-Ты что, сдался?!

-Сдались... Не имело смысла... Попали в окружение, осталось нас всего пятеро...

-Пре...

-Нет, сынок, не предатель я!!! Даже пули у нас не осталось... И смысла не... Я никого не предавал, в своего не стрелял, полицаем не был... Сдыхал в концлагере... А на фронт пошел добровольцем...

-Тогда почему?!

-Таков закон...

-Плохой...

-Замолчи, сынок... Не говори этого... Иди отсюда... Иди, слышишь?! Иди же, говорю!!! - забился в истерике арестант. Автоматчики опять занервничали, толкнули арестанта прикладом и так отшвырнули Михэила, что он распластался на земле.

Отец не выдержал такого нервного напряжения, дали знать о себе старые, фронтовые раны и в пятьдесят третьем его не стало. Его нашли после работы в километре от дома. В медицинском заключении значилось, что смерть наступила от осколка снаряда, разрушившего сердечную стенку.

Отвезить прах на родину почему-то запретили, хотя отказали им, даже не получив подобной просьбы. Да и откуда были такие силы у Михэила с мамой. Там же его и похоронили, оплакали и убитые горем отправились на родину.

Удивительно, что они каким-то образом упустили из виду, изъять у них паспорт отца. В пути, при пересечении реки, они познакомились на пароходе с тремя соотечественниками. У одного из них не оказалось документов. Он сказал, что потерял их. Мама подумала, что он освобожден из тюрьмы. Таким людям документов не выдавали и им было запрещено пересекать реку.

На другом берегу стали проверять документы. Мама великодушно протянула тому типу паспорт покойного мужа. Прямо на глазах у Михэила незнакомец вклеил в паспорт свою фотографию, непонятным образом подделав печать.

У трапа столпилось много народу. Незнакомцы предложили свою помощь, подхватили самый тяжелый чемодан, в котором мама хранила деньги и прошли вперед, бесцеремонно расталкивая толпу. Михэил с мамой поотстали. Незнакомцы свободно прошли через контрольный пункт. Нагло улыбнулись все еще стоящим на пароходе спасителям, помахали рукой и скрылись из виду вместе с чемоданом...

Нет, никогда он этого им не простит... Не забудет... Он прекрасно их запомнил... Сколько лет прошло, а он их ищет. И... Как раз в тот день, когда ему стало плохо, он нашел-таки одного из них... Устроился буфетчиком, подлец... Прошло уже тридцать лет, он постарел, разжирел, но он все же узнал того подонка...

Михэил напомнил ему тот день, но мерзавец даже не попытался оправдаться. Думает, что так ему все безнаказанно пройдет... Нахапал денег и... разъезжает на "Мерседесе"... Да еще цинично ухмыльнулся: "Ну, а билеты на поезд как достали? Было у вас, небось, еще кое-что припрятано, папочка бы так вас не оставил".

Михэил еле сдержался, чтобы не прибить этого борова и не устроить погром в том буфете, понимая, что это будет самым безобидным наказанием. Он встал и молча вышел, уже зная как накажет его, как оплатит за все сполна. Нет, не совершит убийства, не погубит себя, всю свою семью, не подмочит своей репутации. «Я изведу его иначе... Ничего не прощу...» Его мама, его достойная царственности мама начала работать прачкой и уборщицей в каком-то чужом, незнакомом городе... Как он сможет простить... Как?! Всю кровь... Какой-то кретин, пьянчуга-милиционер привязался к маме... Никогда не забудет, как он угрожал Сибирью, если она не... Они чудом спаслись... Михэил испуганный этим, полураздетый, полуголодный, со слезами на глазах зашел, вернее пробрался к начальнику железнодорожного вокзала. Он многого еще тогда не понимал и честно рассказал начальнику обо всем: и о паспорте, и о чемодане, и о милиционере. Начальник дал ему билеты до самой Грузии, денег им не хватало, он доплатил из своего кармана и даже дал 300 рублей на расходы. И доброту этого человека он никогда не забудет. Через четыре года он поехал в тот городок, но того человека не было уже в живых, он тоже умер от старых фронтовых ран.

...О-ох, что он с ним сделает... Милиционер... К тому тупоголовому типу вообще не осталось ненависти... Ну что было спрашивать со спившегося, контуженного субъекта... Которого вконец свела с ума власть... Нет, во всем виновны те подонки...

Михэил пошел домой. Закрылся в кабинете. Хотел написать статью. Он должен был первым положить камень на могилу

того борова-буфетчика. И именно тогда ему стало плохо, он еле успел открыть дверь и позвав на помощь, потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то никак не мог вспомнить где и когда случился с ним инфаркт, каковы были причины. Решил, что переутомился.

И вот сейчас, когда мать приласкала его, память услужливо представила лицо буфетчика. Он тепло улыбнулся матери и ласково ее поцеловал.

Вошел Варлам, напоминая об отдыхе. "Тетю Мариам я заберу домой, посплю часа два и вернусь обратно. У меня тяжело-больной, так что и эту ночь придется проводить в клинике", - проговорил он и вызвал медсестру, предупредив ее, ни в коем случае не оставлять больного одного.

Михэил не находил себе места, хотел остаться наедине со своими мыслями. "Идите, и чего вы будете здесь скучать. Он вернется через два часа, вот и зайдите перед его приходом", - настаивал он. С трудом удалось избавиться от слишком исполнительственной медсестры. При ее уходе он постарался выглядеть бодрее, чтобы она не вздумала каждую минуту заглядывать в палату.

Мысли невольно возвращались к тому подонку. Он старался как-то взять себя в руки. Принялся разглядывать, изучать палату: "Белоснежные стены, белые подоконники, белая тумбочка, белая постель, белые двери. Как гнетет это однообразие... Будь моя воля, обязательно бы что-то придумал, чем-нибудь прибодрил бы больного. Цветы или... Можно и какой-нибудь веселый снимок или же картинку повесить... Одного цвета... Обязательно напишу об этом...

Вдруг он глухо застонал. Сердце сжали беспощадные, страшные тиски. Хотел нажать на "вызов", но не смог. "Влетит бедняжке из-за меня" - подумал он. С трудом приподнял правую руку и кое-как дотянулся до кнопки. Нажал, не в силах отвести ее. И только когда он потерял сознание рука бессильно упала.

Выписка из истории болезни Дгебуадзе Михэила Александровича.

Больной, Дгебуадзе М.А., 45 лет, на машине скорой помощи поступил в реанимационное отделение -ой больницы в 14.00 16-го, -месяца, -года. Диагноз: инфаркт миокарда, кардио-

гранный шок.

Во время поступления - состояние тяжелое. Контакт невозможен. Тело покрыто испариной, пульс не прослушивается, давление не измеряется.

Врачом скорой помощи введено наркотическое средство, проведена противошоковая терапия. После поступления в реанимационное отделение больной был переведен на монитор.

В 14.00. Началось интенсивное применение противошоковой терапии. Повторно введено наркотическое средство.

В 14.45. Больной на вопросы отвечает запоздало.

15.15. Состояние вновь тяжелое.

17.00. Выделил 150мл мочи.

18.00. Больной вышел из шокового состояния.

20.00. Больной спит. Состояние динамично.

Ночью больной спал спокойно. 03.33, Наблюдается тенденция к снижению давления. 03.50. Состояние улучшилось. До утра спал спокойно.

17-го, -месяца. Больному проводится назначенная интенсивная терапия. Состояние динамично. Болей не чувствует.

26-го -месяца. Больного перевели в отделение терапии.

1 числа +1 месяца - состояние больного заметно улучшилось.

1 числа +1 месяца вечером внезапно начались сильные боли в области грудной клетки. Больной впал в шоковое состояние и переведен в реанимационное отделение. Проводится интенсивная терапия.

2 числа II месяца в 12.30 сердце остановилось. Клиническая смерть. Проводится массаж в области грудной клетки.

13.10. Восстановилась работа сердца.

27-го +I месяца. Больной переведен в отделение терапии.

29-го +2 месяца. Больной выписан на дом.

БЕСЕДА СО СТАРЫМ ГЕНЕРАЛОМ

Одиночество, физическое или духовное, самое тяжелое состояние для человека. Но временами оно просто необходимо для того, чтобы разобраться в самом себе, вникнуть в свои чув-

ства. Хотя, оставаться наедине с собой способны далеко не все, и если ты не в состоянии постичь это чувство одиночества, можешь считать, что не смог постичь всего многообразия жизни, Вселенной.

Наверное, многим приходилось испытывать следующее: сидишь в беззаботной компании друзей и знакомых, но вдруг среди этого безудержного веселья тебя охватывает жуткое одиночество и ты с ужасом ощущаешь страшное духовное опустошение. И как бы ты не пытался разобраться в причине происходящего с тобой, все равно не найдешь объяснения, почему это случилось, казалось бы в самое неожиданное время. Вроде, минуту назад ты весело, беззаботно смеялся, шутил, пел и вдруг...

Приблизительно, в таком настроении был Каха, когда он выйдя из Дворца спорта, присел там же на скамью, в ожидании завершения матча и оставшихся в зале друзей.

Весь день прошел в предвкушении интересной игры, в приподнятом, взбудораженном ожиданием настроении. Во время игры он с неумным азартом поддерживал любимую команду, заразив своей бьющей через край энергией не только друзей, но и находящихся поблизости болельщиков. От возбуждения горело лицо, он обливался потом, орал до хрипоты, свистел, размахивал флагом, и вдруг... Сник, замолк и, окинул взглядом трибуны. Он вдруг увидел хаотичную, бесформенную, кипящую массу, охваченную одним-единственным желанием и стремлением - победить. Он невольно сравнил себя с ней и почему-то ко всему потерял интерес.

Некоторое время он следил за игрой. Просто так, без какого-либо интереса и в конце концов, не выдержав, оставил зал. Никто и не заметил его ухода, все были захвачены происходящим. Спроси его кто-нибудь о чем он размышлял, сидя на этой скамье, вразумительного ответа так бы и не услышал. Он и сам не мог объяснить свое состояние. Ему было еще пятнадцать лет и вряд ли смог бы понять, почему в ту минуту не захотел оставаться частичкой взбудораженной толпы и что задело его инстинкт индивидуальности.

К нему кто-то приблизился, он поднял голову и увидел седого, очень симпатичного, высокого, сухопарого мужчину лет шестидесяти в генеральской форме. На погонах плаща сверкали

две большие звезды. У незнакомца было задумчивое, печальное выражение лица, с тщательно скрываемыми переживаниями. Его манеры, а затем и беседа ничем не выдавали военного, хотя не секрет, что "солдафонские" замашки сопровождают большинство представителей этой профессии до конца жизни. Скорей всего, он напоминал академика, ученого, нежели военного.

- Что, игра плохая или наши безбожно проигрывают? - обратился генерал к Кахе и с интересом устремил на него взгляд очень умных, печальных, карих глаз. Вопрос был задан, очевидно, для того, чтобы завязать беседу. Генерал спокойно опустил-ся рядом с Кахой.

- Нет, здорово играют.

- Ну тогда почему же Вы вышли? Надоело...

- Не знаю... Почему-то не захватило...

- Надоело... Но, знаете, глядя на вас нетрудно догадаться, что вы все-таки бурно "болели".

Каха согласно кивнул и окинул себя взглядом. Вылезшая из брюк сорочка расстегнулась, да так, что двух пуговиц он вообще не обнаружил. К его великому стыду, даже ширинка была расстегнута. Неловко улыбаясь, он принялся приводить себя в порядок.

- Не подумайте, что я сделал вам замечание,- негромко проговорил генерал.

- Нет, что Вы... Извините, как вас звать?

- Генерал-лейтенант в отставке... - с легкой иронией произнес незнакомец. Позднее Каха почему-то забыл его имя и не пытался вспомнить.

- Каха...

У генерала оказалась удивительно неармейская, мягкая, холеная рука. Эти его, как уже говорилось, "несолдафонские манеры", привлекательная внешность вызвали у Кахи любопытство.

- И вам там надоело?

Генерал утвердительно кивнул.

- Вы, в отличие от меня, вели себя спокойно... - пошутил Каха.

- Там, где я, люди обычно ведут себя спокойно, без излишних криков и эмоций... И лица у всех серьезные... И смех у

них сдержанный, и присматриваются друг к другу стараясь угадать какую-либо скрытую реакцию... Нет, не интересно бывать с такими болельщиками...

- Раз вы не бываете с другими, значит, все же предпочитаете таких...

- Одиночество во всем виновато... - покачал головой генерал.- А там, для того, чтобы с кем-то перемолвиться, вовсе не обязательно быть знакомыми. Форма сама говорит за себя... Хотя...Какое это имеет значение...

Каха только сейчас обнаружил, как шла незнакомцу военная форма. Дело не только в хорошо сшитом костюме и совершенном телосложении, человек должен уметь красиво носить одежду. И все равно, трудно было поверить, что этот человек кадровый военный.

- В таком случае, можно было взять с собой кого-нибудь из подчиненных... – брякнул Каха, тут же сообразив, что повел себя бестактно.

Лицо генерала потемнело, хотя, похоже, он не обиделся.

- Но, понимаешь, это неинтересно. Никто из них не "болеет" за тбилисское "Динамо" и если кто-нибудь попытается мне этим польстить, я просто сочту его ничтожеством... Да и подчиненных у меня больше нет, уже две недели в отставке... Как только уволился из армии, в тот же день уехал из мест, где проходил службу. Знаешь, соскучился по родным местам, родному городу, своему народу... - прошептал он и, словно убеждая самого себя, повторил уже громко: "Да, по своему народу и родной земле!"

Каха от неожиданности смешался, растерялся.

- Вас вынудили уйти, или вы сами... – опять брякнул он и чуть не сгорел от стыда и собственной наглости.

Генерал, казалось, понял состояние Кахи, подбодрил его улыбкой и как-то очень естественно, по-отцовски тепло приласкал растерянного Каху!

Такую теплую, мужскую ласку он помнил только от бабушки.

- Вы служили в танковых, в десантных или в "пехоте"?

- Не угадали... Да и какое это имеет значение!

- Не обращайтесь ко мне, пожалуйста, на "Вы"... А то мне как-то неловко ...

- Договорились... Сколько тебе лет?

- Через три месяца исполнится пятнадцать.

- И чем собираешься заняться после школы?

- В институт буду поступать. Только не знаю пока в какой именно. Вообще, я люблю рисовать, но родители против. К тому же, в художественной академии и кафедры военной нет. А в армию...

- Не хочешь...

- Нет!

- Но почему? Исстари грузины были прославленными воинами. Кажется, древние византийцы говорили: Бог войны покровитель Грузии... А разве у нас не должно быть военных?.. Как и художников, композиторов, ученых. Во всяком случае, пока существует эта профессия она необходима нации...

- Да, мы были хорошими воинами, но... По-моему, хороший солдат и хороший воин понятия разные. По-моему, все наши неприятности как раньше, так и сейчас, скорее всего от того, что мы до сих пор не определились с этими понятиями...

- ...Возможно, ты и прав. Когда советские войска вошли в Чехословакию... Я познакомился с одним "очень плохим" солдатом-грузином. Его ждал трибунал. Но случилось так, что перед этим его выставили на пост. В силу разных причин, замены ему не прислали целую неделю... Пост был небезопасным... Временами постреливали... Думали... Когда наконец за ним пришли, то увидели, что он изголодавшийся, измучавшийся стоял, вернее, сидел там...

- Но ведь на посту сидеть запрещается?

- Разумеется... К старому проступку чуть не прибавили и этот...

- А потом?!

- Помогли...

- Кто?

- Я...

- Но ведь это могло вызвать кривотолки среди Ваших сослуживцев, что Вы покрываете грузин...

- Да при чем здесь грузин-негрузин? Здесь главное, не терять совесть! А то, откуда ты родом значения не имеет... Важно оставаться человеком...

- Я знаю.... Но ведь все-таки он был грузином и они могли подумать, что...

- Дураки встречаются везде...

- Да, но... А как Вы думаете, почему мы, которые находясь здесь, дома, иногда готовы перегрызть друг другу глотки, но вдалеке от дома, в чужой атмосфере становимся плечом к плечу и прощаем друг другу все... Недавно мы с ребятами были на экскурсии в Москве. Совершенно случайно встретили там нашего давнего противника, который и там нашел с кем драться. Представляете, если бы мы встретили его в такой ситуации в Тбилиси, как мы бы ему всыпали, встав на сторону его противников! Но в Москве пришлось за него заступаться.

- И что же, вы стали после этого друзьями?

- Нет, что Вы... Но на нашем месте и он бы так поступил... Мы по-прежнему враждуем... Для примирения нужно время...

Наступила неловкая тишина. Генерал замолчал. Вскоре они словно забыли о существовании друг друга, предавшись каждый своим мыслям.

Каха вспомнил друзей: "Видно, назначили добавочное время". Что они там делают? Наверное измотались, охрипли. Если наши выиграют, вылетят, как на крыльях, довольные и счастливые, устроят шумную возню, будут смеяться по каждому пустяку. В случае поражения, наоборот, нахохлятся и как воды в рот наберут, не издадут ни единого звука. Он представил их лица. Какие они у меня хорошие и добрые,- тепло подумал Каха. Он вообще не представлял своей жизни без них и всех очень любил. В мечтах воображал уже всех взрослыми, с определенным положением в обществе... Жить они все будут обязательно рядом, поженятся, народят детей и будут дружить семьями. После рабочего дня, уставшие, они будут собираться то у одного, то у другого, будут вместе ужинать, играть в карты, домино или слушать музыку в баре. У Кахи была мечта оборудовать дома настоящий бар, где они даже будут танцевать... А их дети, наверное, в недоумении, будут смотреть на своих танцующих пожилых, пузатых предков и откуда им знать... Там же где-нибудь

рядом построят спортивную площадку для баскетбола, футбола, тенниса...

А когда состарятся... Нет! Об этом нельзя и думать... Вот так красиво и будут жить все вместе, будут радовать родителей и докажут им, какие они хорошие и разумные. Наконец, больше никого не будут напрягать: "Чтобы не водился с этими лоботрясами!"

- Вот ты сказал, что мы в армии помогаем. Но, как ты думаешь, разве можно помочь плохому, а хорошего обидеть?

Каха смешался, вопрос застал его врасплох.

- ...Правильно, но это неписанный закон. Там "дедовщина". Большинство из грузин, не хочет с этим смириться. Но кто-то же должен тебя поддержать, вот и пытаешься найти опять-таки своего. Если встретят тебя грузинские "старики", то какими бы подонками они ни оказались, все равно будут тебе покровительствовать и ты неожиданно превращаешься как бы в "деда"... И ты должен принять такое покровительство, даже если это глубоко противно твоей натуре. Если же в "старом" "призыве" нет твоих соотечественников, то приходится самому искать защитников, а это чаще... В случае малочисленности своих земляков кавказцы "сбиваются" вместе, в случае же большого количества - грузины держатся отдельно, армяне - отдельно, ингуши - отдельно, и так далее. Но надо отдать им должное, они всячески избегают стычек друг с другом...

...Ты не чувствуешь страха, в какую беспощадную драку ты бы не попал и сколько бы человек тебя не мордовало, зная, что рядом с тобой дерутся те, которые не оставят тебя одного, и перестаешь обращать внимания на его "внутреннее содержание". И часто, даже если он перед кем-то сподличал все равно поможешь... Разумеется, с некоторыми сближаешься, с некоторыми - нет... Вообще-то, говорят, плохо, когда в части собирается много наших соотечественников...

- Почему?

- Все, конечно же, их боятся.. Не позволяют они другим помыкать своими, но... Зато чаще других "выясняют отношения" между собой...

Лицо генерала омрачилось. Он схватился рукой за левую грудь. Каха перепугался, подумав, что это он во всем виноват и спросил не вызвать ли "неотложку".

- Ничего страшного, вот валидол... Не переживай, ты тут ни при чем... Сердце у меня барахлит... Многое мне пришлось прочувствовать в последнее время. Изменился мир...

Оба замолчали. Генерал опять погладил Каху по голове и улыбнулся. Лекарство чуть-чуть помогло, и он облегченно вздохнул. Каха вновь собрался с духом.

- Вы хотите сказать, что раньше было не так и жили совершенно другие люди. А вам не кажется, что все так и было, только скрыто!.. Люди боялись говорить, высказываться... А в природе, в душе всегда имели... Страх ничто не спасет... Это тем хуже! И как только он пройдет, все друг друга... Наверное, вздыхаете по прежним сталинским временам, как хорошо было тогда!!! - возбужденно, с чувством превосходства, с молодым максимализмом выпалил Каха последние фразы.

- В твоей семье кого-нибудь репрессировали? – спокойно спросил генерал.

Каха, в который раз, понял, что вел себя неприлично, но встретив в ответ доброжелательную улыбку, успокоился.

- Нет. Я больше Всех любил дедушку, маминого отца... Но он, как и вы, вздыхал по старым временам...

- Кто тебе все это рассказал, ведь об этом еще очень мало пишут.

- Я увлекаюсь историей. Сравниваю факты из того, что печатается. Даже сквозь строки научился видеть, а еще радио... Слушаю "враждебные голоса" "гнилого" Запада.

- Умный ты парень... Все верно, я тоже сначала все видел... А потом ослеп, вернее, на все закрылись глаза... Это все от страха и фанатизма... И чем дальше, тем сильнее я цеплялся за это имя, особенно тогда, когда его начали склонять во времена Хрущева... Подумал «с мертвым легче всего и...» Время самый хороший лекарь, и чем больше я приходил в себя... Мои сомнения рассеялись окончательно. Постепенно я осмыслил всю тогдашнюю мерзость... Это Сталин посеял "Целину", "Малую Землю" и "Возрождение". И все же трудно мне отречься до конца от своей жизни, что и послужило причиной моей отстав-

ки... Несколько лет назад я вдруг понял, что и меня затянул этот омут, вернее, всю свою жизнь... Понял, что не в силах бороться со своим же "детисцем"... И внук у меня есть, и сын, но я привык жить один...

...В пятьдесят третьем от воспаления легких «там» скончалась жена. И я отсидел месяц. Теперь-то я понимаю, что "спасла" меня его смерть... Сына воспитала сестра. Ну как тебе объяснить... Он часто меня навещает, любит, наверное, и я его люблю... Но я никогда не мог приласкать его так, как вот сейчас тебя. Я ведь вижу, что он до сих пор скован со мной. Потому и не позвонил ему, хотя, наверняка, он тоже здесь... Слышишь? Фанатизм - самое большое зло в этом мире. Сокрушает все и... Одно уже хорошо, что хватило сил не умереть фанатиком... Хотя тяжело, очень тяжело отречься не только от него, но даже от "Целины"...

Генерал побледнел, нервно подергивая губами и сдерживая дрожащий голос. Каха оцепенел от неожиданности, побледнел и напрягся. От генерала не ускользнуло состояние Кахи, он взял себя в руки, ласково провел рукой по его голове, улыбнулся. И чтобы как-то сгладить неловкость, спросил: "Любишь школу?"

- Нет!.. Товарищей, школьную возню - да... Учителей... Мало кого из них уважаю.

- Почему? - улыбнулся генерал.

- Обращаются с нами как с солдатами. Форма одежды, так не делай, сиди смирно, так не думай, это белое, это черное... Противно, когда тебя ни во что не ставят, не верят, не уважают, хотят "подогнать" всех под одну мерку.

Генерал горько улыбнулся, захотев, видимо, что-то сказать, но передумал. - Ну а потом ведь соскучишься по школьным друзьям?

- Я их и без школы всегда смогу увидеть!

- Всех не встретишь!..

- Кого нет, значит так оно "нужно"... Я имею в виду товарищей. А друзья... Мы все равно не потеряем друг друга...

Внезапно двери Дворца спорта распахнулись и на улицу хлынуло людское море. Генерал и Каха привстали, радостно догадываясь по оживленной атмосфере и настроению толпы, что

их команда победила. Каху обступили друзья: «Куда тебя сдуло! Ты не представляешь, сколько потерял!» Они наперебой вспоминали эпизоды игры, демонстрировали свои охрипшие голоса. Здесь же выплеснули все эмоции и засобирались по домам.

Каха повернулся к генералу и протянул ему руку.

- До свидания. Я тут рядом живу. Обычно, с 8 часов тут прогуливаюсь. Приходи... Обязательно... Если найдешь свободное время... Мне было очень приятно... Достойный молодой человек. ... Приходи, поговорим...

- Огромное спасибо... Обязательно...

- Ну беги, беги. Ребята ждут...

На следующий день Каху потащили в кино, шел какой-то новый фильм. Затем, на чей-то день рождения. И вот так, незаметно, он вроде совсем забыл о старом генерале. И только спустя несколько лет, в метро он вдруг почему-то вспомнил его. Силился вспомнить его имя, но не смог. И лицо его смутно представил. В тот же день он пошел ко Дворцу спорта, целую неделю с семи до десяти часов он просиживал там, но того генерала так и не встретил. Подумал, что возможно генерал уже скончался из-за сердца. А через год он увидел в газете некролог на какого-то генерал-лейтенанта. Он вроде бы нашел сходство, но не был до конца уверен... И как только ему казалось, что это тот генерал, у него сжималось сердце. Он понял, что значил для него тот разговор с генералом... Понял, очень многое понял Каха и пожалел... Оказывается он многое потерял от того, что не продолжил знакомства. И больше он никогда не встречал человека, перед которым можно было так распахнуть сердце, вернее – думать вслух...

"КОРОЛЬ ЛИР"

Как всегда, задолго до начала спектакля, у парадного подъезда появился старый актер с тростью. Он приветливо поздоровался с билетершицами, гардеробщицами и направился к зрительному залу. Никто не удивился его раннему приходу, все уже давно к этому привыкли. Женщины на какое-то мгновение

умолкли, проводили его ироничной улыбкой и продолжили беседу.

Старик был одет в старомодный, тщательно вычищенный, хорошо ухоженный черный костюм, ослепительно-белая рубашка красиво сочеталась с черным в белую полоску галстуком. Безукоризненно выглядели черные, начищенные до блеска ботинки. Поверх жилета поблескивала золотистая цепочка карманных часов. Ступал он медленно, спокойно, опираясь на старинную черную трость. Словом, в нем можно было узнать тот тип старомодного городского интеллигента, который уже, увы, так редко встретишь, и встреча с которым всегда вызывает добродушную ироничную улыбку.

Старик открыл дверь в зал, оглядел и, немного замешкавшись, пересек его. Поднялся на сцену, зашел за кулисы, вынес старинное деревянное кресло, водрузил его посреди сцены, прислонил трость, сел и закрыл глаза.

Вот уже сорок лет старый актер как обычно приходил за час раньше до того, как театр начинал оживать: до прихода режиссера, актеров, рабочих сцены, осветителей, гримеров, костюмеров, словом, всех тех, кто занят в этот день. И сегодняшний день, как будто, ничем не отличался от всех прошлых предыдущих. Во всяком случае, его поведение оставалось прежним. Однако старый актер волновался и, казалось, не мог найти себе места. Сегодня он играл свою последнюю роль на большой сцене и прощался с театром, со зрителем ...

Он с трудом справился с охватившим его смятением и страхом. "Сколько раз приходил в свой театр, оставался наедине с собой, разговаривал, думал, слушал тишину, извечную тишину. Всмотривался в зал и наслаждался мраком. А ведь и у тишины есть свой голос, спокойный, неповторимый. Вот только нужно уметь слушать. И мрак не каждый способен воспринять. Для этого нужно обладать особым даром, талантом. Изобразить его дано не каждому художнику. В скольких картинах я видел черные тона, вырисовывающиеся во мраке предметы или людей, но только в очень редких случаях мне это нравилось. Сложно воспринять и изобразить тьму. Вначале ничего не видишь, как будто слепнешь, потом же, когда глаз привыкает, проникаешься необъяснимым чувством то ли радости, то ли печали и посте-

пенно различаешь контуры окружающих предметов. Наслаждаешься силуэтами, игрой света. Нужно уметь разглядеть во мраке тень. Когда видишь контур предмета, отчетливо различаешь всего одну его часть, остальное же скрыто от взора, кажется, чувствуешь, что в жизни важно не только то, что на виду, но и то, что невидимо, скрыто. Как-то по-особенному начинаешь осмысливать правду. Понимаешь, что у правды различные стороны, что не может быть в человеческих взаимоотношениях одной правды. Каждый по-своему прав, у каждого - своя правда. Вот только мы, люди, должны постараться разглядеть все ее стороны, и так как человек лишен той силы, которой обладает Всевышний, он должен направлять свои усилия на совершение конкретных поступков, вкладывая в них душу, сердце.

На этом пути, конечно, много и заблуждений, и ошибок. Нередко думаешь, что видишь правду, воспринимаешь ее, на самом же деле что-то все равно упускаешь. Нередко переживаешь боль обид и поражений, но разве добро делается для личных побед?! Разве не добро вносит в наши души покой, чистоту, нежность, любовь, все то, за чем мы пришли в этот мир.

Когда я нахожусь в этом темном зале, мне кажется, что я встречаюсь с бесконечностью вселенной. Все вокруг окутано таким же мраком, какой я представляю себе там ... Стоящие в рядах стулья постепенно гаснут, как свет мигающих на небе звезд, и меня охватывает такое чувство, словно во тьме невидимой моему глазу - далекие Галактики.

Скоро придут работники театра, зрители и все оживится, словно на моих глазах на какой-нибудь планете возникнет атмосфера и зародится жизнь, а когда начнется спектакль, и актеры войдя в роль, в каких-нибудь 2-3 часа представят целую жизнь, и наконец, когда раздастся шквал аплодисментов, новорожденная планета расцветет, распустится, и у всех стоящих в зале, на сцене, за кулисами распадется та часть души, которая называется добротой и светлым теплом.

Затем все постепенно успокоится и перейдет опять во мрак. Словно на планете прекратилась жизнь и угасло поддерживающее ее тепло светило, звезда ... А потом ... Все начинается сначала, все повторяется, развивается или же возвращается вспять, но все сначала, опять сначала ... Это очень похоже на

закон физики: в природе энергия не теряется, она переходит из одного состояния в другое. Или же на подобный ей закон жизни: в природе живые существа прекращают свое существование через определенный отрезок времени, но создают взамен новые жизни, подобные себе... Во всяком случае, так было во все времена существования человечества и...

Сколько раз я пытался остаться один в темном зале, после спектакля, но не выдерживал, меня охватывал страх, страх того, что все кончено и больше может не повториться. Мрак и тишина каким-то образом менялись, теряли свою привлекательность, предвкушение предстоящего оживления... Нет... Никогда не смогу я представить этой утраты, никогда, но... хотя бы для других... Для будущего...»

Он был уже довольно известным актером, лет сорока, когда однажды пришел в театр по каким-то делам за четыре часа до начала спектакля. Вернее, забежал, собираясь сразу уйти. Служебный вход оказался закрытым и пришлось войти с парадного. Вход в гримерную тоже был заперт. Он вошел в зал, намереваясь через кулисы попасть в свою комнату. Приблизясь к сцене, заметил, что в середине сидел самый старый актер труппы. Выражение его лица менялось какими-то трудно различимыми штрихами, то светлело, то печалилось, а то принимало какое-то безжизненное каменное выражение. Старец то прикрывал, то открывал глаза, оглядывался, наслаждаясь тишиной и мраком. Когда тот в очередной раз закрыл глаза, он попытался незаметно проскользнуть за кулисы, думая, что старец заснул, но был замечен, старый актер подозвал его к себе. С тех пор в нем что-то изменилось: более трезво стал смотреть на жизнь, более близко принимать все к сердцу.

"Тогда он преподавал мне настоящий урок, ведь сначала я подумал, что старик просто насмехается и им движет вполне понятная старческая зависть. Ведь у меня все еще было впереди и закат моей звезды был еще далеко. Но наш разговор все изменил. Я вдруг понял, почти все, что я делал до сих пор, было пронизано фальшью. Я часто разменивался, часто играл в посредственных пьесах, у посредственных режиссеров, вопреки своим принципам. Мной владела гордыня и успех кружил мне голову.

Я не могу утверждать, что все играл без эмоций и переживаний, но просто чувства были какими-то поверхностными, я не входил в роль полностью и как только заканчивалось представление и раздавались бурные аплодисменты, я забывал обо всем и обо всех, даже не сомневаясь, что эти аплодисменты предназначены мне одному и своим успехом спектакль обязан исключительно моей персоне...

В тот день мы должны были играть "Короля Лира". Я был занят в роли графа Кинта, старец играл Лира. Мы не раз играли вместе в этой бессмертной трагедии Шекспира, но в тот день между нами протянулась какая-то невидимая душевная нить. Господи, как великолепно, с каким душевным подъемом он играл! Когда не было моего выхода, я стоял за кулисами, перевоплощаясь, переживая, плача и смеясь вместе с ним. И я был Лиром...

После спектакля, пожалуй, впервые за долгие годы, я не принял на свой счет бурные овации после спектакля. Аплодисменты принадлежали Шекспиру и старому актеру. А я был горд тем, что был рядом с ними, и что как-то причастен... Старец прослезился на сцене. Я и раньше замечал за ним это, но не придавал этому значения... В тот день я воспринял их иначе. Это были слезы Шекспира...

После представления старец от души расцеловал меня и поблагодарил. Он прожил еще два года, но Лира больше не играл, я тоже захотел последовать его примеру и отказаться от игры в этом спектакле, но он отговорил меня, сказав, что для него спектакль был последним взлетом, а для меня всего лишь началом пути. Мне стало неловко, я понял, что все еще не освободился от гордыни и заносчивости и что еще придется потратить немало душевных сил и энергии, чтобы приобщиться к опыту старого актера. Два года мы вместе сидели в зале, вместе, по-своему, воспринимали окружающий мир, каждый по-своему, но вместе... Время от времени мы беседовали, спорили... И вот сегодня я должен занять его место, я должен стать Лиром. Мне давно предлагали сыграть, но внутренне я не был готов. Вообще, с тех пор я больше не разменивался. А теперь решил, сыграю и оставляю сцену, он этого сделать не смог, а я... И как бы я

сегодня ни сыграл, я уйду. Я не в состоянии дать людям и своему театру большего.

Старый актер встал и медленно, пошатываясь, направился к кулисам. Вскоре театр ожил, задышал, затем расцвел, распустился, наградил старого актера и Шекспира последними овациями... С этого дня они больше никогда не встретятся в зрительном зале и на сцене...

Зал дрожал от бурных аплодисментов. Старый актер стоял со слезами на глазах и ему слышался голос учителя... Закон физики... Закон жизни... Шекспир... Останутся... продолжится... Продолжится...

ЧЕЛОВЕК С ЗОНТОМ

МАСКА

Из ворот одной московской больницы вышел мужчина с холодным, равнодушным, невыразительным лицом. Была отвратительная погода, второй день кряду шел промозглый дождь, вернее не шел, а моросил. Мужчина держал большой черный зонт. Из-под черного элегантного плаща на теплой подкладке виднелся темно-серый костюм. Бросались в глаза его черные модные туфли.

Средние числа ноября, самая отвратительная пора для Москвы. Все вокруг плачет и хмурится. Тем более, если пойдет снег, первая ласточка зимы, который тут же тает, превращаясь в грязное месиво. Вдобавок ко всему, зарядят дожди и город начинает походить на глухую, заброшенную провинцию. И сколько бы его не чистили, конца не видно этой грязи, хотя, к сожалению, этим никто больно не убивается,

И деревья стоят как обкраденные. Дождевые капли словно вытягивают из них душу, принуждая проливать невидимые, горькие слезы. И вечнозеленые ели, хотя ничто не вечно, стоят как наказанные ученики, понутив свои гордые головы. Все же, глядя на них, в душе просыпается надежда. Скоро уж, скоро настанет зима и придет время, когда похорошеют, повеселеют убранные в ослепительно белоснежные наряды хвойные дере-

вья, будут горделиво оглядывать присыпанные солью запорошенные грязновато-белым снегом мрачные улицы.

Это все скоро будет, но сейчас середина ноября, безбожно моросит и по одной из оживленных московских улиц спокойным, размеренным, неторопливым шагом идет куда-то незнакомец с черным зонтом, элегантный, равнодушный, симпатичный мужчина с аристократическим, кавказским лицом. Его огромные, черные глаза, бесцельно скользя по прохожим, ничего не выражают. И ноги как-будто несут его также бесцельно вперед, хотя старательно обходят каждую лужу. Незнакомец проходит одну улицу за другой. Кажется, что он пришел из ниоткуда и стремится в никуда.

В этом городе он ровно никому не нужен. Все куда-то деловито торопятся, и если ненароком собьешься с этого быстрого темпа, с ритма могут и затоптать. Удивительно, что мужчина с зонтом ни с кем не сталкивался, не преграждал никому пути, шел, мастерски лавируя, поражая своим несколько степенным, феноменально-механическим движением. И его невыразительное, удивительно бесстрастное лицо выглядит как загадка для прохожих. Вернее для тех, кто хотя бы иногда отключается от этого стремительного темпа, начиная замечать окружающее, перестав фиксировать всех как сплошную массу.

Хотя и в его родном городе уже давно привыкли к "равнодушию" мужчины с зонтом. Многие уже не помнят его открытого, веселого, доверчивого выражения лица, порывистых, энергичных движений, звонкого, раскатистого смеха. Вот уже десять лет, как никто не слышал его смеха. Если только улыбка слегка тронет губы, но глаза, глаза всегда остаются безжизненными и загадочными.

Только несколько друзей знают, какое доброе сердце, трудная жизнь, тяжкое горе, острый ум, блестящий интеллект скрываются за этой равнодушной маской. Когда он спрятался за ней, как сжился с ней и с каким совершенством исполнял свою роль.

Но и те никогда не поймут какими нервами, энергией, силой воли, какой ценой досталось ему все это. Тем более, что он всегда остается неизменным, всегда и везде. И даже наедине с собой, даже во сне не дает себе права расслабляться. Потому что

его держит страх, страх не сломаться, не провалиться. В двадцать лет он пережил гибель родителей в автокатастрофе. Пытаясь спастись от душевного опустошения сильно запил. И не удивительно, он не мог постичь и не хотел понять своего нового положения. Хорошо, друзья оказались рядом, привели его в чувство, напомнив, что он принадлежит не только себе и, что нельзя забывать о младшем брате.

Несмотря на несчастье, он оставался таким же открытым и добрым. Институт, заботы о брате, друзья - молодость выдерживала все. И только время от времени вспоминая родителей, он давал выход своей безысходной тоске.

Родственники, друзья семьи поначалу их не забывали. Часто навещали, окружали вниманием, поддерживали материально и морально. Но со временем они стали появляться все реже. У всех были свои житейские проблемы... Позднее он понял, что пока были живы мать с отцом, их семья была каким-то невидимым, прочным связывающим витком в жизненной цепочке друзей. И они занимали в жизни каждого из них свое определенное место. А после смерти... Внимание - это всего лишь обязанность, или же какое-то выражение человеческих чувств. Главное же потерялось, функции больше не существовало.

Позднее, он сам должен был их навещать и "докладывать" о своих проблемах и трудностях. Даже о себе уже перестали думать, "дел по горло"-оправдывались они. При каждой встрече совали ему деньги, вероятно для компенсации тепла. Некоторые даже и это перестали делать, начисто забыв о многократной клятве в "дружбе до гробовой доски".

Вскоре он почувствовал себя неловко, а потом и оскорбился. Он не мог представить и объяснить подобной ситуации. По его убеждению, нельзя было предавать забвению братство, дружбу, любовь. А жизнь оказалась совсем иной, вероломной. Понял, что должен встать прочно на ноги, должен окрепнуть, восстановить свои жизненные функции.

Только один-единственный человек не покидал его в трудное время. Вечно занятый, принимавший дружеское участие в горе и радости многочисленных знакомых, и как его прозвали близкие "главный попечитель"- крестный. Как правило, он забегал на несколько минут, расспрашивал, что-то отмечал про

себя и исчезал. На протяжении стольких лет этот человек не менялся, оставаясь энергичным, участливым и доброжелательным. В следующий приход он тащил что-то из отмеченного им в прошлый раз или же приводил мастера для какой-нибудь починки. Обнаруживал следующие неполадки, опять что-то отмечал и исчезал.

Но вскоре и это надоело мужчине с зонтом, и здесь он почувствовал себя оскорбленным, хотя крестному не дал этого понять. Просто он встал рядом с ним как равноправный "партнер". Забежит к нему домой, повидает его ворчливую "супругу" довольную мужем, который так занят другими, что начисто забыл о собственном доме. Получит информацию и ... Правда, крестный и не замечает каких-либо изменений у себя вставленного стекла или "поклажи" с рынка.

Все меньше и меньше ворчит последние годы "супруга" крестного. И она стала побаиваться этого ледяного, бесстрастного лица. Еще немного и она, кажется, перейдет с ним на "вы". А крестный все равно не видит в крестнике перемен, обращаясь с ним по-прежнему, контролируя, уделяя внимание, как тому маленькому ребенку, которого когда-то окунул в купель.

Удивительно, что маска принесла ему в скором времени то, чего он так желал - уважения. Возможно, вперемешку со страхом, но... Все стало складываться лучшим образом. Мало кто из архитекторов, тем более таких молодых, сможет похвастаться воплощением в жизнь своих проектов, к числу таких счастливчиков относится и мужчина с зонтом. Некоторые свои проекты он даже смог осуществить за границей. Тем более, никто за него не цепляется, почему-то избегая набиваться в "соавторы". Он помнит до мелочей, когда решили представить его работы на первый международный конкурс. Руководитель мастерской, как всегда решил выделиться, настаивая о необходимости согласования с начальством и Союзом, но встретившись с бесстрастным, ледяным взглядом осекся и принялся доказывать свою доброжелательность.

Одной только маски, разумеется, было недостаточно, не действующий он против недругов их же методами и хватким, холодным умом. Руководитель мастерской вскоре получил такой удар от своих же "высокопоставленных" дружков, от которых

точно никогда не ждал ничего подобного. Да его не больно прельщало кресло руководителя, да и чувство мести в общем-то им не двигало. Зато это был урок другим, что он ничего не забывает, никому не прощает оскорбления, вероломства и никого не потерпит на своем пути. И все вдруг дружно вспомнили забытую историю о том, как бессовестно присвоил "заслуженный наставник" проект молодого ученика. Это тогда, когда молодой человек так нуждался в дружеской поддержке и участии, когда со дня гибели родителей прошло несколько месяцев.

Теперь, наверняка, никто не посмеет встать на его пути. А вот он может многих растоптать, уничтожить. Но он никогда не встанет ни на чьем пути, не станет вставлять палки в колеса. Он с удовольствием покровительствует талантливым людям, но стоит только кому-то из его подопечных преисполниться чувством собственной значимости, спесиво задрать нос, как он тут же оттолкнет от себя такого ученика, отрежет все пути и растопчет. Отсюда и пошла за ним слава бездушной, хладнокровной личности. И чего только о нем не говорят. Некоторые считают его даже "мафиози", особенно после той знаменитой истории с "Бохолой". Но сплетни о таких людях разносятся шепотом, что говорит о страхе и почтении. А мужчину с зонтом даже устраивает такая скандальная репутация и он не препятствует распространению подобных сплетен.

Маска отдалила его и от брата. Ушли в прошлое открытые, прямые отношения. Хотя сердце брата чувствовало в этих холодных глазах теплую, трепетную любовь к нему, несмотря на то, что никак не могло объяснить такой перемены, метаморфозы. Веселый, спокойный, уверенный с другими, он совершенно терялся, смущался перед мужчиной с зонтом и беспрекословно следовал по намеченному им пути.

То же самое произошло и с друзьями. Появилась дистанция незаметная постороннему глазу. Они старались его не обижать. Старались во всем ему подражать. Но ведь каждое подражание так или иначе неестественно. Хотя бы потому, что никто не желал подобной замкнутости, никому не хотелось надевать такую холодную, равнодушную, бесстрастную маску, никого не устраивало вести подобную напряженную, взвинченную, безрадостную жизнь.

Со временем они свыклись с новой ролью друга. Встречаясь, как будто не замечали его маски, исчезли и те первоначальные неловкость и скованность. Но и это было его заслугой. Он вовремя оценил ситуацию и чтобы не потерять дорогих ему с детства людей, старался не увеличивать дистанцию, уступал позицию лидера, держался в тени и издали наблюдал за тем, что сам уже утратил и чего ему так не хватало.

В беде, наоборот, он мобилизуется, подчиняет своей воле всех и до тех пор держит в руке нити, пока все не пройдет и не завершится должным образом. Или же действует один, успокоит всех, благодаря своему авторитету поставит их в "положение вне игры", ничего не объясняя, сам все завершит. И только потом представит результат.

Единственный, с кем он ничего не может поделать, это "Бохол". Безвкусно, неряшливо одетый, смешной, вечный неудачник, несмотря на большой талант, толстячок "Бохол". Вечно носящийся с фантастическими нереальными идеями, дважды женатый, дважды разведенный, дважды судимый за хулиганство, но все равно открытый, теплый и доверчивый, энергичный и неунывающий. И если бы не мужчина с зонтом, он, кто знает, ввязался бы еще в сотню различных историй. Многие удивляются такой их дружбе. Казалось бы, две совершенно противоположные личности. На самом же деле, ни один друг не смог сделать того, что "Бохол" - маска, изменение характера, манер не создали дистанции между ними, сохранили такие же искренние отношения, как и в далеком детстве. Один "Бохол" понимает, что это его напускная бесстрастность - единственное оружие против ядовитого безнравственного потока жизни. Только "Бохол" знает: мужчина с зонтом отдыхает рядом с ним, частично затягивает раны одиночества, только с ним не чувствует себя отшельником.

Казалось, он получил от жизни уже все, и блага и пакости. Если бы не этот неожиданный удар два года назад - болезнь брата. Как раз тогда, когда все образовалось: окончил институт, собрался жениться, устроился на перспективную работу, устроенную мужчиной с зонтом, еще два-три года и защитил бы диссертацию.

Поначалу болезнь брата не принял всерьез, считал это

временным осложнением. Кто бы мог подумать, что дело могло дойти до этого. Сегодня его любимому братику должны пересадить донорское сердце. Никто не знает, чем все закончится... Ком подкатил к горлу, захотелось взрывать во весь голос. Но маска пересилила все чувства и равнодушный, холодный мужчина продолжил свой путь.

Огляделся вокруг. "Какие недоверчивые, сердитые лица у этих людей", - подумал он. Около метро заметил нескольких соотечественников, цепляющихся к прохожим девицам. Он и раньше не раз видел подобную ситуацию. Да и его друзья и знакомые не брезгают такими знакомствами. Но сейчас эта картина показалась ему омерзительной. На миг он возненавидел всех, всех прохожих, и земляков, и остальных, всех больших и малых, весь мир. "По-чему!..Почему!..Почему!!!" - прозвенело в голове. Он моментально напряг нервную систему, рассудок, осознав, что никто не виноват в его беде, хотя подсознательно сердце все-таки ненавидело окружающих. Ему опять понадобилась огромная сила воли, чтобы ничего не выразить на лице, чтобы не дрогнул ни один мускул. Грудь чуть не разорвалась от подобного нечеловеческого напряжения. Давно не приходилось ему так напрягаться, чтобы скрыть свои чувства, вернее - никогда.

Его окликнул чей-то знакомый голос. Он спокойно обернулся и увидел близкую подругу своей бывшей возлюбленной, которая направлялась к нему с глуповато сияющим лицом. Он холодно улыбнулся и расцеловал ее. Принялся машинально расспрашивать обо всех общих знакомых. И как бы между прочим, в болтовне, она выдала: "Знаешь, Майя вышла замуж". Он равнодушно поинтересовался: "За кого же?". Майина подруга не смогла скрыть своего удивления и подумав: "И вправду, ледяная глыба!" Она попросила помочь ей с гостиницей, но в ответ получила отрицательный жест. Он холодно ей улыбнулся, прикоснулся к ее щеке ледяными губами, изображая "дружеский" поцелуй и продолжил путь.

"Майя вышла замуж. А что ей оставалось делать. Девять лет прошло... Как я ее любил... Через год после появления маски мы расстались... Она твердила одно и то же, что я ее разлюбил. Поверила больше моему выражению лица, изменившимся манерам, не вняла чистосердечным словам... Но интуиция, женская

интуиция... Наверное, не любила, потому и подвела ее... Причем здесь интуиция, любовь. Трудно быть рядом с таким человеком. Нельзя требовать от всех выносливости и героического самопожертвования... Я знал, на что иду, знал, что многое потеряю. Хотя столько... Я все еще люблю! Неужели нельзя было жить как все и... Да что я сейчас об этом, брат... Какая сейчас любовь, я совсем опустил. Моему братику сегодня пересадят чье-то сердце... Чье-то чужое, с чьего-то мертвого тела... Или выживет, или...

Он огляделся. И опять всех возненавидел. Возненавидел весь мир, всю вселенную. Поняв, что лицо начало перекашиваться, он собрал всю энергию, чтобы это предотвратить. От напряжения перехватило дыхание и прислонился к стене. Около десяти минут длилась борьба между сросшейся маской и чувствами. В конце концов сердце не выдержало и разорвалось. Зонтик выскользнул из рук, он с выражением отвращения на лице, медленно согнулся и рухнул...

И все же победили чувства, Сколько уже времени на этом лице ничего невозможно было прочесть. Огромная воля оказалась в этом человеке, боролся он до конца, но сердце предало, вернее не выдержало и... Глаза, его карие, бесстрастные глаза утратили свою холодность. Они словно бы выражали зафиксированные фотографом пламенные отблески отвращения и мести.

Через некоторое время подъехала милицейская машина. Из нее показался какой-то верзила-сержант, пнул ногой труп мужчины с зонтом, приняв его за пьяницу. Некоторое время блюститель порядка вглядывался в валяющееся перед ним тело, затем наклонился, чтобы нащупать пульс, метнулся к машине и что-то передал по рации. Через полчаса приехали "скорая помощь" и следователь. Сделали снимок, опросили прохожих, следователь чертыхнулся в адрес мужчины с зонтом из-за отсутствия у того документов: "Все ясно! Отправляйте в морг!" - распорядился он.

"БОХОЛА"

Из райотдела одной из московских милиций вышел заплаканный, безвкусно неряшливо одетый "Бохола" и спешным ша-

гом направился к остановке такси. Первый раз в жизни он полез без очереди, вызвав ропот недовольства окружающих. Но приглядевшись к его лицу, очередь неожиданно оторопела. Он с трудом выдавил название гостиницы. Таксист удивленно разглядывал в зеркало упитанного, неряшливого пассажира, смахивающего слезы, и размазывающего сопли рукавами пиджака. Он даже сочувственно поинтересовался, не может ли чем-нибудь ему помочь, но ответа так и не дождался.

Швейцар и дежурная по этажу проводили его удивленными взглядами. Уже два месяца жил он в этой гостинице и всегда выглядел сияющим и неунывающим.

Рыдал "Бохола" никого не стыдясь, не обращая ни на кого внимания. Что ему сказать, как сказать... Оптимист по природе, он не сомневался, что Леван выздоровеет, привыкнет к чужому сердцу... и спросит о брате... Что он ему ответит...

"Бохола" достал из чемодана несколько бутылок коньяка, предназначенных для презентов врачам и расставил на столе. Сегодня он должен напиться по-свински... Непременно... Не может он трезвым взглядом смотреть на этот мир, на происходящее.... Открыл бутылку и, не переводя дыхания, влил в себя с горлышка все до последней капли.

Он знал характер Дато и ничуть бы не удивился его исчезновению, несмотря на болезнь Левана. Но на этот раз сердце словно подсказало ему беду, он на следующий же день заявил в милицию. Поначалу его хотели выставить, но коньяк сделал свое дело. И вот через два дня его привели в морг. "Что я здесь потерял", - оскорбился было "Бохола" и все же зашел. Дато... Почерневший, заляпанный грязью, жалкий труп... "Только бы не сойти с ума", подумал он и приложился долгим глотком к бутылке...

Им было, приблизительно, по одиннадцати лет, когда они познакомились и подружились. Учились они в параллельных классах, чего-то не поделили между собой и здорово поколотили друг друга. На следующий день помирились, и в дальнейшем каких-либо серьезных конфликтов между ними не возникало.

Он помнит двух Дато: детского, непосредственного и в маске. "Бохола" и не сомневался, что это была маска.

Каким веселым было детство. Дато и "Бохола" были "ве-

ликими изобретателями". Никогда не забудут учителя, какой переполох вызвали в спортзале смастеренные ими из теннисных мячиков "дымовушки" и как были вызваны пожарные машины. Родители тогда здорово рассердились и целый месяц запрещали им выходить во двор. "Или... О-о, сколько "или" помнил "Бохр-ла". Спустя два года после гибели родителей Дато и Левана, когда они только-только защитили диплом, его "посадили" за драку в ресторане. Кто-то обматерил его первую жену. Он отсидел год. Второй срок пришлось отсидеть за то, что избил на работе своего "подчиненного".

У него доброе, отзывчивое сердце. Он никем не пренебрегает, любит кутить и выпивает со всеми. Однажды, после работы решили собраться и выпить, Они были уже навеселе, когда один их "рабочий" - депутат из тех, что больше "работают" на каких-то собраниях и заседаниях, а дорогу к работе помнят довольно смутно, сказал об уважаемых "Бохолой" людях: "Заслужили они свою пулю, вот и получили. Прав был Сталин". "Я бы с удовольствием описал их могилы, если бы знал где они находятся". И "Бохола" не стерпев, пробил ему лысину бутылкой.

После отбывания второго срока, Дато предстал перед ним уже совершенно другим человеком. Сначала "Бохола" думал, что друг просто не в духе, а потом все понял и старался хоть как-то облегчить его одиночество.

Он еще больше напортачил бы в жизни, не будь Дато, который появлялся как раз в тот момент, когда "Бохола" "из уважения" к каким-то полужнакомым людям собирался намылиться в какую-нибудь забегаловку. Незнакомые с Дато, собутыльники «Бохолы» развязно приглашали его выпить, но встретившись с ледяным, бесстрастным взглядом моментально смирели.

За эти десять лет "Бохола" сменил десять мест работы. Нигде ему не везло. Умный, знающий, дельный, трудолюбивый человек всегда оставался в тени. Решил стать "цеховиком", но и тут ничего не вышло. В первый раз его чуть не посадили, от тюрьмы спас авторитет Дато, во второй раз его кто-то "кинул" и он влез в долги. Сначала «Бохола» даже не понял, что его надули. Но Дато вычислил обман. "Бохола" оторопел от такой наглости своих компаньонов, пришел в неопишемую ярость и решил им жестоко отплатить, но...

На следующий день "Бохола" с Дато пришли в дом к главному компаньону. Дато предупредив "Бохолу", чтобы он не вздумал раскрывать рта, спокойно потребовал денег. "Бохола" знал, что его "обидчик" известный "мафиози" и мало верил в благополучный исход дела.

И правда, в назначенный срок кто-то позвонил, грязно выругался и пообещал отправить обоих на "тот свет", если они не заткнутся.

Дато воспринял звонок совершенно спокойно, пообещав "Бохоле" что завтра же деньги будут у него.

На следующий день "главный компаньон" и тип, который выпендривался по телефону, покорно принесли сумму вдвое больше превышающую убытки. Но "Бохола" чужого никогда не присваивал. Только пару раз съездил им по физиономии, взял то, что ему полагалось и дал им пинка под зад. Позже он узнал, что Дато без него еще раз "навестил" "мафиози", подвесил за ноги на собственную люстру и приложил к виску приобретенный где-то по случаю пистолет: "Только попробуй завтра самостоятельно не приползти к "Бохола" вместе со своим недоношенным "поддельником", я из тебя дух вышибу. За твою смерть уже заплачено, так что постарайся как-нибудь, чтобы он тебя простил!" После этого случая, о Дато поползли самые невероятные слухи. Но сплетничали "втихую", опасаясь, чтобы он об этом не узнал.

В третий раз произошло почти то же самое. Только с той разницей, что хватило лишь одного звонка Дато и деньги ему принесли в тот же день. С тех пор друзья "отстранили" "Бохола" от "бизнеса". Вот уже три года, как он работает в конструкторском бюро. Благодаря уму и Дато, никто им не помыкает, никто не смеет присваивать себе его изобретений, премий. А деньги ему нужны, иначе как содержать двух разведенных с ним жен с детьми, да еще старых родителей.

С болезнью Левана "Бохола" перебрался жить к Дато. Каждое утро братья выпускали его вычищенного - выглаженного, "с иголки", а вечером он опять возвращался растрепанный, неряшливый и покорно выслушивал недовольные нотации. Ох... Несчастный "Бохола", несчастный... Конец сладкой жизни! Остались одни лишь воспоминания...

Он опорожнил уже третью бутылку и горько зарыдал. Се-

годня он может плакать сколько угодно.... Завтра прилетают друзья. Он позвонил им прямо из отделения милиции. Заберут прах Дато. "Бохола" же останется, он не сможет проводить друга в последний путь. Истерические рыдания сотрясали все его тело, он с трудом открыл четвертую бутылку, отхлебнул из нее и бесчувственно повалился на пол, что-то бормоча, смеясь, рыдая и опять бормоча... Снилось ему детство, скончавшийся друг, проведенные с ним дни и... панихида, панихида Дато...

Проснулся он рано. Все тело горело как в огне, он полез под душ, не ощутив ожидаемого облегчения. Вдобавок, от выпитого "Боржоми" закружилась голова и он был вынужден прилечь, вскоре ему немного полегчало. Он принялся размышлять, что же сказать Левану, если к нему сегодня вернется сознание: «Скажу, командировали в Америку для представления какого-то проекта, а так как опасность твоему здоровью больше не грозила, он согласился... А потом?.. Потом еще что-нибудь придумаю».

По привычке, небрежно одетый направился к двери, но при выходе замешкался, возвратился и оделся так, как любил Дато. Взглянул на часы, и решив, что пока еще рано, вызвал к нужному часу такси. Надо было поехать в аэропорт и встретить друзей.

Посмотрелся в зеркало и только сейчас осознал, какая тяжесть придавила его. Он сделает все, чтобы Левану было хорошо... И не только Левану!.. Правда, у него не получится как у Дато, но... Он пригляделся к себе и испугался. Из зеркала смотрел на него равнодушный, холодный "Бохола". А он-то думал, что Дато из гордости прикрылся маской, на самом же деле, другого выхода не было. "Бохола" невольно сделал выбор, пошел по пути друга, занял его место и должен был, по возможности, выполнять его функции. И помогло ему во всем разобраться это зеркало, которое показало ему будущее. Одна лишь разница между ними. Дато сначала подумал, осознал, а после выбрал, "Бохола" же невольно, не понимая происходящих в себе перемен, уподобился своему другу, перенял его манеры, действия, но лишь всмотревшись в зеркало, все окончательно осознал и проанализировал. Кроме того, ему придется еще трудней. У него ведь не будет своего "Бохола"...

КАК ГРУЗИН КУПИЛ ГРОБ В МОСКВЕ

Мой сосед Василий Иванович скончался. Хороший был мужик, царство ему небесное. Бывало, напьется и все про красивых девушек распевает.

Ну что поделаешь, все мы там будем.

Василий Иванович был на этом белом свете один, как перст. Деньги на свои похороны, бедолага накопил и совет квартирных депутатов взявший на себя организационные вопросы, поручил мне купить гроб.

Подозреваю, что столь ответственную миссию возложили на меня в целях экономии, заранее не сомневаясь, что денег на эту пок-упку я не возьму.

- Михако Калистратович, Вам гроб придется доставать, - обратился ко мне председатель СКД Савелий Иннокентьевич.

Я, конечно же, не возражал и денег не взял, решив потратить на это дело свои отложенные отпускные. Он сделал вид, что очень удивился и пытаюсь скрыть свою радость, сочувственно произнес:

- Это же надо, как сильно Вы любили нашего дорогого Василия Ивановича!

Я промолчал, ну не напомнил же бы ему, что он, до последнего дня, «дорогого» Василия Ивановича только пьяницей и называл.

Если честно, я было подумал, что Савелий Иннокентьевич захотел присвоить схороненные на гроб копейки Василия Ивановича, но со стыдом признаюсь, что зря возвел напраслину на честного человека. Деньги покойника он сэкономил, но не на личные, а на общественные нужды. Мастер на все руки, он подремонтировал прохудившиеся ступени нашего подъезда.

Словом, пошел я за гробом. Прихожу в мастерскую похоронного бюро, а там очередь, аж до конца параллельной улицы протянулась. При чем очередь состояла из людей всех возрастных групп, как говорится и стара, и млада. Как мне показалось, стояли поближе к мастерской стояли старики, хотя и в их рядах можно было заметить затесавшуюся кое-где молодежь.

Время поджимало и я без очереди решил переговорить с мастером. Поглаживая себя по нагрудному карману, я заговорщически подмигнул мастеру:

-Мне гроб.

Мастер не успел и рта раскрыть, как тут такое началось, что словами и не перескажешь!

-Товарищ, куда полез-то без очереди?! – взвизгнула какая-то старуха в коляске, стуча тростью по бетонному полу.

-Негодяй! Подонок! Разгильдяй! – понеслось со всех сторон.- Гнать его надо в шею!

- Товарищи, да за что это вы так переполошились?! Не за колбасой же я пришел без очереди! Гроб срочно позарез нужен, похороны через два часа!

-Ишь, какой приткий! Это ж надо, даже час своей смерти знает! Придуток, откуда ты знаешь, что через два часа преста-вишься?! – уличила меня старуха с колбасой и бутылкой водки «Экстра».

- Действительно, откуда?! – задался вопросом молодой человек, стоявший в самом хвосте очереди.

- Да не меня, а моего соседа хоронят.

- Чтооо?! Соседа?!– дружно выдохнула очередь. – А где он раньше был, не мог занять очередь, как все нормальные трудовые люди?

В общем, промыли несчастному Василию Ивановичу все косточки, сровняли его с землей. И тут нашелся среди них один умник, которого вдруг осенило:

- А откуда нам знать, что гроб именно соседу нужен?. Пусть сам придет и подтвердит.

Очередь единодушно поддержала это гениальное предложение.

- Но, товарищи, он же мертвый!

- Да какая разница мертвый или живой?! Раз мертвый, значит, и без очереди можно переть?! Вот я пенсионерка стою и жду!

- Но, к сожалению, он уже не пенсионер, а мертвец...

- Ну что с того, что мертвец, раньше надо было об этом думать! – закричала молодая женщина с конца очереди.

- Мы здесь, понимаешь ли, столько времени в очереди томимся, а он видите ли, взял и даже не заняв очереди, умер.

- Ну не успел он занять очереди! Не собирался человек умирать! – чуть не взвыл я от их бессердечности.

Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы меня не выручил гробовщик. Втащив меня в какую-то подсобку, выдохнул на меня перегаром: «На бутылку дашь?!» «Дам! А как же иначе?!»

- Ну давай, шевелись!

Я торопливо достал деньги из нагрудного кармана.

- Сначала справку о смерти дай, дурик, а потом деньги!

Я предоставил и требуемую справку.

- А где подпись?

- Что?

- Подпись, говорю, где?

- Чья подпись?

- Ну не моя же! Покойного!

- Но как бы он подписался, если умер!

- Так откуда мне знать, что он взаправду умер! А может ты барыга и загнать этот гроб хочешь? Был у нас тут один такой! Все! Вяжи базар и двигай за подписью, нет, лучше за заявлением. Пусть напишет заявление и обслужим по самой высокой категории.

- Какое заявление?! Он же умер! – взвыл я нечеловеческим голосом.

- Ну ладно, если лень писать заявление, черт с ним! Подпись пусть подмахнет!

Со мной началась настоящая истерика. Я бился в припадке и кричал как заведенный:

- Он же ум-ер, у-у-умер, умер-р-р! Как он напишет заявление, поставит свою подпись или сам встанет в очередь за гробом! Он у-м-е-е-р!!!

На мои бесноватые вопли сбежались коллеги моего гробовщика, выяснив причину моего состояния у своего товарища по цеху, они укоризненно махали головой и пытались меня образумить:

- Без справочки-то, нехорошо, товарищ...

- А еще так солидно выглядит...

- Принесите его заявление о смерти и все дела!

- Тут же не только в деньгах дело! Нам гуманность нашей профессии дороже!

Я как подкошенный рухнул на колени, встал на четвереньки и залаял с пеной у рта:

- Он умер, умер, умер тра-та-та-та у-умер!..

Гробовщики, не долго думая, набросились на меня, связали и принялись измерять. От всех этих процедур я находился в полубессознательном состоянии, однако улавливал все, о чем они говорили:

- А все про какого-то соседа нам впаривал!

- Мол позарез надо, через два часа хоронят...

- Постеснялся для себя попросить, признаться, что сам вот-вот коньки отбросит...

- Да что с него взять, грузин. Небось, уже год, как понял, что умирает, а очередь не занял, поленился. Оттягивался, надышаться перед смертью задумал, небось...

- Надо же до чего могла довести такая безалаберность! Повезло же мужику и не приди он к нам, то вообще бы без гроба остался! – воскликнул старший по цеху и ловко вытащил из моего нагрудного кармана лопатник.

Вызвали карету скорой помощи, поместили меня в гроб, гроб поставили на носилки и отправили...

По дороге медперсонал скорой принялся обсуждать мою проблему, склоняясь к тому, что лучше гроб продать, а меня в мединститут на опыты студентам. От всего этого я и правда чуть не дал дуба и окончательно потерял сознание. Слава Богу, шофер попался сознательный и оказывается, отговорил медиков так негуманно со мной поступать... Пришел в себя и вижу свою ненаглядную жену и близкого друга Кайхосро.

Оказывается, он приехал специально по случаю моих предстоящих похорон, чтобы не ударить лицом в грязь и достойно меня похоронить. Я ничего не соображал и ничегошеньки не мог припомнить. Хорошо, что жена рассказала.

Оказывается, близкие целый месяц со дня на день ждали моей смерти, я целый месяц провалился в беспамятстве...

Василия Ивановича похоронили и все жильцы не могли на меня нарадоваться и засыпали мою семью благодарностями...

Гроб, который подогнали под меня, достался ему... Ничего, что гроб оказался тесноват и пришлось покойному слегка подогнуть колени. Но и этому нашлось оправдание, мол, покойный очень любил так лежать...

А конец у всего этого, так вообще получился потрясающий! Проснулся я, весь взмокший, от громкой пьяной песни про красивых девушек и облегченно перевел дух, поняв, что мне всего-навсего приснился дурной сон.

И приснится же такое! Кто сейчас в Москве так хоронит! Поместят твой прах в маленький металлический ящик, и все...

Я осторожно повернул голову на мощный храп чуть ли не под самым моим ухом и увидел лежащего рядом со мной моего друга Кайхосро. Видать, здорово мы вчера отпраздновали мой день рождения, раз на одну постель штабелем упали. Я постепенно начал восстанавливать в памяти все эпизоды нашей вчерашней пьянки-гулянки. Сначала пили как кони, потом резвились, по городу катались и раздавали тормозящих нас инспекторам евро. Благо, у Кайхосро этих евро хоть пруд пруди. Он у меня директор. Да и дядя у него из тех, кого зовут олигархами...

Э-эх! Пить надо было меньше... Голова-то как раскалывается...

НОСТАЛЬГИЯ

(Сценарий)

Москва. Поздняя весна. Около восьми часов утра. Высокий молодой Человек лет восемнадцати-двадцати, симпатичной кавказской внешности подметает один из старых городских дворов. Сначала в кадре мелькает только метла, на фоне которой появляется название фильма "Ностальгия". Затем медленно появляется и наш герой. Постепенно разглядываем его экипировку и внешность. Одет он в желтый, спецжилет дворника, потертые джинсовые брюки и куртку, из-под ворота которой выглядывает горлышко вязаного теплого свитера.

Камера медленно отрывается от героя и мы получаем возможность разглядеть весь двор.

Домоуправление. Парень открывает дверь в помещение. Кладет в шкаф метлу и совок. Берет сумку и выходит.

Звучит музыка. Наш герой прогуливается по Старому Арбату, где выставлены на продажу картины. Время от времени он в знак приветствия поднимает руку и улыбается. Иногда останавливается, чтобы перекинуться словом с кем-нибудь из знакомых. Разглядывает картины. Его глазами и мы видим пестроту пешеходов Арбата, различные характеры, типажи.

Парень останавливается и с огромным интересом рассматривает одно из полотен, на котором нежными, какими-то невесомыми прозрачными красками изображен восход солнца. Музыка прерывается. Слышится уличный гул.

Внезапно камера быстро разворачивается. В кадре появляется какой-то пьяница, который валяется на земле и распевает во все горло.

Во время движения камеры, внезапно уличный гул переходит в какой-то режущий монотонный, скрипящий звук, издаваемый скрипками и виолончелями.

После того, как кадр остановится на пьянице, раздается оглушающий звук оркестрового барабана (удар очень энергичный). Затем парень поворачивает голову, камера опять резко разворачивается и в кадре появляется экстравагантно, но безвкусно одетая девица с гитарой. При движении камеры опять то же шум и опять ритмические удары на барабане.

Звучит музыка. Старая тема. Парень опять на Арбате, снова приветствия, рукопожатия, люди, типажи, обстановка.

Музыка прерывается. Шум улицы. Парень смотрит на копию известной картины Пикассо "Дон-Кихот" и Санчо-Панса".

Вдруг! Камера опять резко разворачивается. Опять монотонные, режущие слух звуки и удары по барабану. В кадре появляются панки, они о чем-то беседуют, смеются. Их вид весьма неэстетичен, криклив.

Опять резкий разворот камеры, те же звуки, удары по барабану и профиль какого-то толстого, довольного жизнью молодого типа. Он омерзительно ковыряется пальцем в носу. Свободной рукой шелкает семечки и тошнотворно сплевывает шелуху. При этом торгуется с художником о портрете Высоцкого.

В конце концов безнадежно взмахивает рукой, поворачивается лицом к нам и цинично смеется.

Вновь начинается старая тема музыки, вновь Арбат, люди, приветствия идущего парня.

Музыка прерывается. Гул улицы. На полотне изображена Богородица с Младенцем.

Опять разворот камеры, опять описанный шум, удары по барабану. Какая-то молодая женщина нервно, беспомощно роется в карманах, пересчитывает мелочь, видимо, у нее нет нужной суммы. Рядом с ней стоит малыш и нетерпеливо дергает за подол. Продавец мороженого безучастно наблюдает за этой сценой. Зевают, отодвигают женщину в сторону, чтобы обслужить подошедшего покупателя.

Опять резкий разворот камеры, шум, удары по барабану и бездомная собака, жалко лежащая у стены дома, какой-то малыш подходит к ней и принимается ласкать ее. Вдруг в кадре показывается толстяк лет пятидесяти-пятидесятипяти пинает собаку ногой и насильно утаскивает малыша. Дворняга проворно покидает то место, и понуро останавливается поодаль.

Какой-то плохо одетый художник подходит к ней, наклоняется и принимается ласкать. Наш герой улыбается.

Опять музыка, парень опять прогуливается по Арбату. Останавливается неподалеку от Культурного центра Грузии. Музыка прерывается. Шум улицы. Парень спешно снимает спецодежду, складывает ее в сумку, открывает дверь и входит в здание.

Хачапурная. Старые тбилисские напевы вырывающиеся из магнитофона смешиваются с окружающим миром. Парень сидит за столом и с довольным лицом аппетитно уплетает хачапури. Начинается песня "Тбилиси" (Р.Лагидзе). Парень отрывается от еды, потягивается, усмехается и закрывает глаза.

В кадре появляется статуя «Мать Грузии». Улицы Тбилиси. Вдруг в песню врываются голоса брани. Какая-то женщина и уборщица ожесточенно ругаются. Парень встает и поспешно оставляет зал.

Общежитие, парень открывает дверь и входит в комнату. Кладет сумку, отодвигает штору, вытаскивает из шкафа мольберт, раскрывает, раскладывается для работы, садится на стул и

принимается рисовать. На полотне изображение «Мать Грузии». Слышится грустная грузинская народная песня: "Лети черная ласточка". Крупным планом показано увлеченное работой лицо парня. Песня постепенно прерывается и переходит в веселые, юмористические, грузинские напевы.

Прошлое героя. Черно-белое изображение. Скоростная съемка, большая светлая комната, накрытый стол, парень стоит во главе стола. Рядом с ним стоит пожилой мужчина с бокалом в руке, о чем-то высокопарно говоря и активно жестикулируя, протягивает руку к стене. На стене висит большая фотография. На ней запечатлен в комической позе какой-то мужчина с длинными усами у мольберта. Кисть в руке у мужчины больше напоминает боевую саблю, нежели рабочий инструмент художника.

Парень и вся сидящая за столом компания оживленно кивает. Затем мужчины говорят по очереди тосты и с пафосом указывают на фотографию. Парень вежливо улыбается и покорно кивает головой, пожилой пьет вино. Довольный, он с важным видом расцеловывает парня.

Вокзал. Вся сидящая за столом компания провожает парня на поезд. На вагоне надпись: Тбилиси-Москва. Парень прощается со всеми, вежливо выслушивает наставления провожающих. В конце концов он поднимается в вагон и поезд трогается.

Москва. Парень поднимается по лестницам какого-то учреждения. У входа читаем: Академия художеств СССР.

Парень выходит из здания. Останавливается, на лице запечатлена улыбка. Внезапно, титром, во всю длину его роста вспыхивает голубая цифра "пять" и так же внезапно исчезает.

Парень опять входит в то же здание, опять выходит и опять "пять". Так повторяется четырежды.

Похоронная музыка. В пятый раз он выходит грустный. Кадр замедляется, останавливается. Лицо его выражает беспредельное горе. Титром, во всю длину его роста вспыхивает красная "двойка". Парень, понурив голову, бредет по аллее, едва передвигая ноги.

Ресторан. Опять скоростные кадры. Веселая, бодрая музыка. Парень беспечно швыряется деньгами, раздает их музыкан-

там, каким-то девочкам, официантам. Танцует, пьет, ласкает одну из девиц.

Вокзал. Раздается похоронная музыка. Лицо парня озабочено. Он роется в карманах, пересчитывает мелочь. Перед ним предстает картина проводов и фотография на стене в его доме. Понуриив голову, он покидает вокзал.

Опять звучит грустная народная песня "Лети черная ласточка". Парень увлеченно рисует.

Открывается дверь и входит усатый молодой человек славянской внешности, облаченный в спецодежду дворника. Здоровается за руку с нашим героем. Сняв спецодежду, вешает в шкаф, вытаскивает мольберт, раскладывает краски, садится на стул и принимается рисовать. Вместе с грузинской народной песней звучит украинская народная песня. Усач увлеченно рисует. На полотне изображен портрет Тараса Шевченко. Постепенно грузинская народная песня затихает, звучит только украинская. Вскоре гаснет и она, уступая место веселой украинской мелодии. Из прошлого молодого усача. Черно-белое изображение. Скоростная съемка. Молодой человек сидит во главе стола рядом с пузатым, с длиннющими закрученными усами мужчиной. Мужчина указывает на стену, на которой красуется огромная фотография. На ней изображен облаченный в украинскую национальную одежду мужчина около мольберта. Кисть он держит как топор.

Железнодорожный вокзал. Проводы. Усатый молодой человек попадает из объятий в объятия. В конце концов, и второй наш герой поднимается в вагон, поезд трогается и он машет рукой провожающим.

Наш герой входит в уже знакомое нам здание (Художественная академия). Выходит радостный. Вспыхивает голубая "пятерка". Так повторяется еще дважды. Четвертый выход. Похоронная музыка. Замедленные кадры. Понурий, грустный усач. Вспыхивает красным "двойка".

Ресторан. Веселая музыка. Усач швыряется деньгами, пихая их чуть ли не каждому.

Железнодорожный вокзал. Похоронная музыка. Скорбный усач уныло пересчитывает мелочь. Но перед ним предстанет эпизод его проводов и он поспешно покидает вокзал.

Возвращаемся в комнату. Одновременно звучат и грузинская и украинская мелодии. Наши герои увлеченно рисуют.

Открывается дверь. Входит молодой человек азиатской внешности в спецодежде дворника, здоровается с присутствующими, снимает одежду, вытаскивает мольберт, устраивается поудобнее и принимается за рисование. На полотне изображен древний, среднеазиатский город с дворцами и мечетями. Парень увлеченно рисует.

К грузинской и украинской песням прибавляется и среднеазиатская мелодия. Постепенно остается только восточная, но и она вскоре затихает.

Из прошлого третьего героя. Большая, светлая комната с огромными окнами. Веселая восточная музыка. Скоростные кадры. Черно-белое изображение. Посреди комнаты, на ковре сидят "уважаемые аксакалы" и наш третий герой, пьют чай. Один из аксакалов что-то говорит молодому человеку. Показывает на стену, где висит большая фотография. На ней запечатлен облаченный в национальный костюм мужчина у мольберта. В руках, словно копье, он держит кисть. Молодой человек покачивает головой в знак согласия, но старец все равно продолжает его наставлять, все сидящие на ковре тоже покачивают головой.

Москва. Здание академии. Наш третий герой входит в здание. Выходит радостный. Вспыхивает голубая "пятерка". На второй раз повторяется то же самое. На третий раз похоронный марш, замедленные кадры и красная "двойка". Грустный парень уныло бредет по аллее.

Ресторан. За столом у него десять женщин и он тратится на них. Веселая музыка, скоростные кадры.

Вокзал. Похоронный марш. Парень пересчитывает мелочь, представит сцену проводов и под звуки траурной музыки оставляет вокзал.

Возвращаемся в комнату. Одновременно звучат 3 мелодии. Наши герои увлеченно рисуют.

Открывается дверь. В комнату входит сухопарый мужчина средних лет. Мелодии тотчас обрываются. В руках мужчины какая-то большая книга под заглавием "Сибирь". Все четверо принимаются ее рассматривать. Звучит романтическая, спокойная музыка.

Мужчина что-то с воодушевлением объясняет парням. Все трое с интересом слушают и кивают.

Лирическая музыка прерывается. Трое молодых, людей возвращаются к своему рабочему месту. Мужчина средних лет приляжет, перелистает книгу и снова примется ее с интересом рассматривать. Вдруг начинается сначала грузинская, затем восточная, украинская и к ним прибавляется русская народная песня.

Постепенно остается только сибирская мелодия. Мужчина поглощен книгой. Из прошлого четвертого героя. Черно-белое изображение. Скоростная съемка. Веселая русская песня. По бескрайней заснеженной степной дороге едет грузовая машина. Какая-то молодая женщина стоит на обочине дороги. Машина останавливается. Из нее спрыгивает наш герой, о чем-то говорит с женщиной. Подсаживает ее в кабину, садится за руль и отъезжает. В салоне женщина достает из-за пазухи плакат и показывает водителю. На нем изображены парень с девушкой с надписью: "Все на БАМ!"

Наш герой смеется и кивает головой.

Наша знакомая женщина проводит в школе урок. Четвертый герой лихо вкатывается во двор школы и принимается сигналить. Дети бросаются к окну. Учительница улыбается.

Старая русская изба. Накрытый стол, во главе которого сидят наши герои в свадебном наряде. Каждый что-то выкрикивает. Молодожены целуются. Это повторяется несколько раз.

Та же изба. Молодая жена ругается с мужем, бьет посуду, причитает, в конце концов падает на колени, цепляется за ноги мужа и о чем-то умоляет.

Маленький железнодорожный вокзал. Муж с женой куда-то уезжают. Их провожают односельчане. У него на глазах слезы, но жена довольна. Поднимают вещи в тамбур, прощаются, поезд трогается. Наши герои поспешно поднимаются в вагон.

Москва. Стандартная двухкомнатная квартира. Открывается дверь. Входит наш четвертый герой подвыпивший и с книгами в руках. Жена вызывающе смотрит на него. Муж пытается поцеловать ее, но она не подпускает. Он вынимает из кармана деньги, протягивает супруге. Она пересчитывает, недовольно качает головой и начинает ругаться. Показывает на книги, вы-

ражая недовольство, что на них потрачены деньги. Бросается к книгам и принимается их рвать. В процессе этого мы видим, что все книги посвящены Сибири. Герой бессильно наблюдает за этой сценой. В конце концов он не выдерживает и влепив жене сильную пощечину, хватает шапку и выскакивает вон из квартиры. С окна во двор летит его чемодан.

Стемнело. Опять комната. Все четверо уплетают яичницу, пьют чай. При этом, перебивая друг друга оживленно беседуют. Заметно, что все четверо безудержно хвастают.

Среднеазиат встает и включает телевизор. Передают музыку и когда появляется изображение, возникает надпись: "Время".

Диктор здороваётся со зрителями и читает лживую, первую информацию о трагических событиях 9 апреля в Тбилиси. Все поражены. Грузин внезапно вскакивает со стула и опять бессильно падает на него, на глазах у него слезы, вид невменяемый.

Диктор зачитывает другую информацию. Украинiec сердито выключает телевизор.

Звучит «Ave Maria» Русский, украинец, среднеазиат стоят перед упавшим на колени грузином и успокаивают. Лицо грузина крупным планом, беспредельное горе.

Песня продолжается. Комбинированные съемки, бледным - плачущее, скорбное лицо грузина, и кадры, запечатлевшие случившуюся трагедию. Разгон демонстрации, морг и т.д.

«Ave Maria» постепенно затихает. Художники рисуют. На полотнах грузина и украинца изображена Богоматерь с Младенцем, на полотне среднеазиата изображен коленопреклоненный, молящийся молла, русский лежит, уставясь в книгу под заголовком "Старинные русские иконы".

В комнате звучат одновременно русские, грузинские, украинские, восточные народные грустные мелодии.

Молодежь увлеченно рисует. Мужчина засыпает. Грузин встает, укрывает его одеялом, наклоняется к нему. Русская песня внезапно обрывается. Грузин выпрямляется, подносит палец к губам. Украинец и среднеазиат понимающе кивают.

Только сейчас мы разглядим, что рядом с каждым из них лежит магнитофон. Они выключают свои магнитофоны. Грузин возвращается на место и тоже выключает.

Раннее утро. Мужчина спит. Открывает глаза. Присаживается, в комнате никого нет, он принимается поспешно натягивать сапог. Вдруг замечает на стене плакат: "С днем рождения, Ваня!". Под плакатом лежит огромный торт. Мужчина улыбается, натягивает второй сапог, подходит к торту, пальцем тыкает в него, пробует крем и выходит из комнаты.

Издали виднеются трое дворников, которые бок о бок подметают улицу. Сибиряк догоняет и присоединяется к ним. Все улыбаются. Камера медленно наезжает на метлы. Комбинированные съемки. Метущие веники и кадры, изображающие акты насилия в различных точках планеты. Затем речи выступления Родионова и Сталина, Гитлера и Пиночета сменяют друг друга. Опять кадры тбилисской трагедии.

Кадр членится на четыре. Среднеазиат, русский, украинец и грузин молятся каждый на своем языке.

Опять улицы, метлы. Камера медленно отдаляется от наших героев, постепенно они становятся миниатюрными. Глобус поворачивается. Слышится шорох подметания. На этом фоне пишутся титры.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	3
Отец о сыне	5
Человек в очках	11
Недописанный дневник	11
Без абзаца	29
ВОСХОЖДЕНИЕ ИЛИ ДУМАЛ, ЧТО СТОЯЛ (роман)	31

Рассказы

Почему я хочу стать режиссером	250
Автобиография	261
Исповедь	267
Валерка	279
Дважды	286
Леван сегодня потерял кольцо	292
Больной	306
Беседа со старым генералом	316
Король Лир	325
Человек с зонтом	330
Как грузин купил гроб в Москве	342
Ностальгия	346

Издательство “УНИВЕРСАЛ”

Тбилиси, 0179, пр. И.Чавчавадзе №19, ☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge